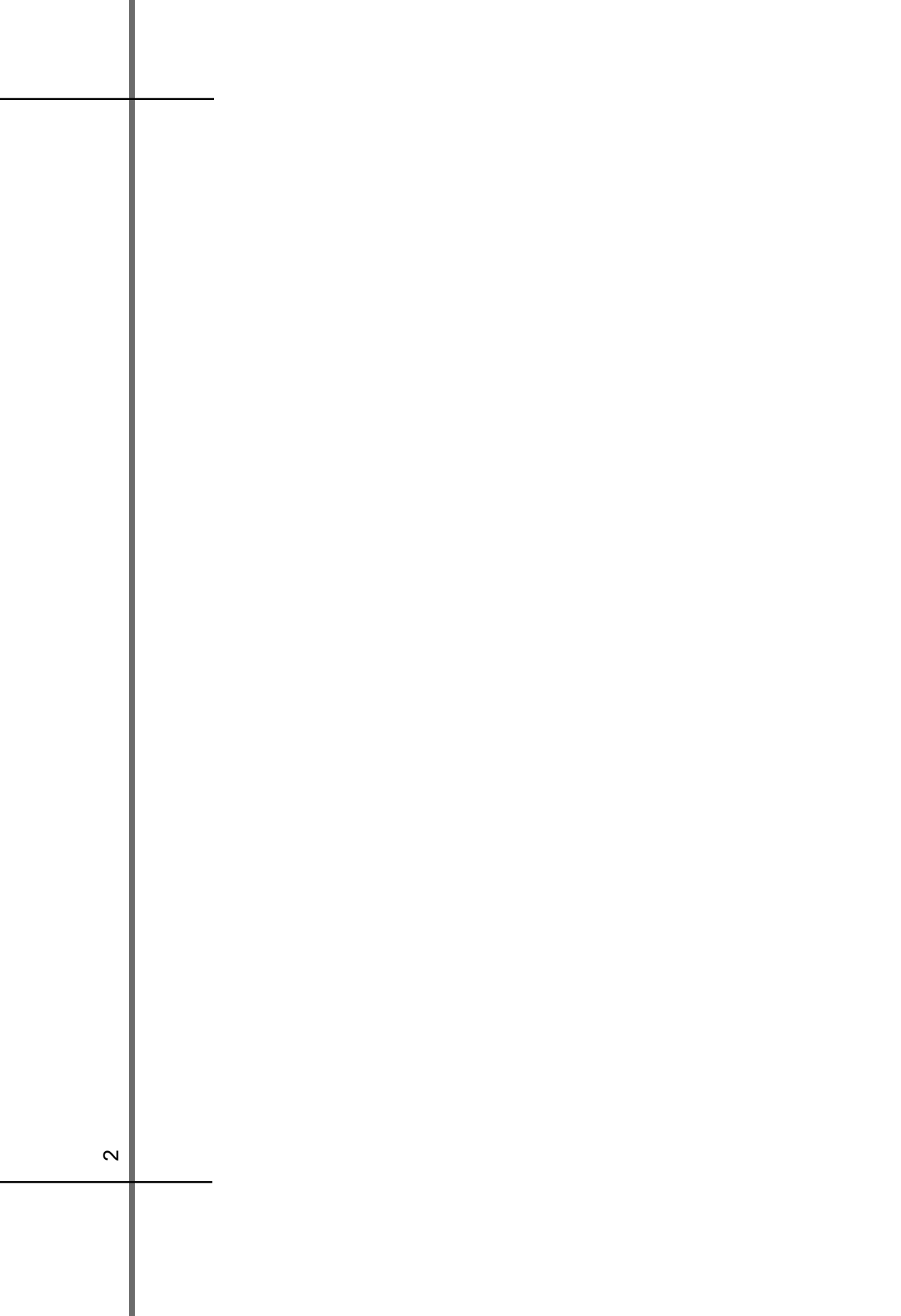

СБОРНИК СТАТЕЙ И ОЧЕРКОВ
ЯПОНСКОЙ ГРУППЫ
1968 г. выпуска

(ОСИПЛ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ,
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

Авторы:

АЛПАТОВ В.М.
ГУРЕВИЧ Т.М.
КОРЧАГИНА Т.И.
НЕЧАЕВА Л.Т.
СТРУГОВА Е.В.

Мы встретились 50 лет назад, в 1963 году, когда поступили на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В нашей японской группе сначала было 16 человек, но только 6 из них дошли до окончания университета: Алпатов Владимир Михайлович, Анохина Елена Владимировна, Гуревич Татьяна Михайловна, Корчагина Татьяна Ивановна, Нечаева Людмила Тимофеевна, Стругова Елена Викторовна. Другие студенты были либо отчислены, либо перевелись на другие специальности из-за трудностей, связанных не с японским языком, а главным образом, из-за проблем с математикой, которая преподавалась в большом объёме очень строгим преподавателем.

Всех нас объединяла любовь к изучению иностранных языков и, хотя до поступления в университет мы не знали о том, что будет существовать японская группа, с большим энтузиазмом принялись за изучение японского языка. Нашим преподавателем на первом курсе был Кирилл Евгеньевич Черевко, затем нас учили преподаватели ИВЯ (ИСАА) МГУ: Владимир Сергеевич Гривнин, Леон Абрамович Стрижак, Владимир Александрович Янушевский, Лев Александрович Лобачёв, Николай Георгиевич Паюсов, Анатолий Георгиевич Рябкин. Многие из нас посещали лекции по японской литературе Ирины Львовны Иоффе и лекции Ивана Васильевича Головнина по японскому языкознанию, которые они читали для студентов ИВЯ.

В отличие от современных студентов, которым доступны самые разные учебники, стажировки в Японии, Интернет и другие возможности эпохи информационных технологий, мы готовы были ехать через всю Москву, чтобы посмотреть идущий где-то на окраине японский фильм, старались попасть на любое мероприятие, где можно было услышать японскую речь. В наше время не было ксерокса, и пока не был издан учебник под редакцией И.В. Головнина, мы от руки переписывали уроки из учебника Н.Г. Иваненко, Я. Катаяма, А.Г. Рябкина, на протяжении всего обучения

в основном читали японскую коммунистическую прессу — газету «Акахата», «Нихон-но коэ», единственно доступные в те годы. Это, кстати, помогло нам хорошо овладеть иероглификой.

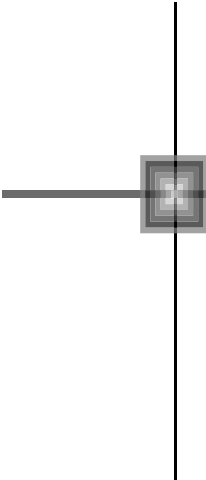
По окончании университета наши судьбы сложились по-разному, об этом написал каждый из нас, но все мы всю жизнь были вместе и остаёмся связанными с японским языком и с Японией, которым не изменили. И ещё одно: все мы стали преподавателями и пропагандистами японского языка и японской культуры и стремимся все свои знания передать идущим следом за нами.

Все годы после окончания университета мы продолжаем общаться, поддерживая друг друга, нас по-прежнему объединяет любовь к японскому языку и Японии. Во время одной из встреч в 2012 году мы вдруг поняли, что знакомы уже 50 лет! У нас родилась идея выпустить эту небольшую книгу в память о нашей многолетней дружбе, коротко рассказать в ней о наших судьбах, познакомить читателей с какой-то частью исследований, которым мы посвятили свою жизнь.

К сожалению, в сборнике в силу разных обстоятельств не смогла участвовать Анохина Елена Владимировна, она работает старшим преподавателем японского языка в МГЛУ, является автором ряда статей по японскому языку и «Справочника по грамматике японского языка».

Нам хотелось бы, чтобы наша книга была полезна всем, кто интересуется японским языком и изучает его.

Авторы

АЛПАТОВ

Владимир Михайлович

доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
директор Института языкознания РАН

Я, Владимир Михайлович Алпатов, родился 17 апреля 1945 г. в Москве, где живу всю жизнь, в том числе с 1952 г., с первого класса школы в одной и той же квартире на 2 Песчаной улице. Мои родители Михаил Антонович Алпатов (1903—1980) и Зинаида Владимировна Удальцова (1918—1987) были историками. В 1963 г. я поступил на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ и окончил его в 1968 г. (этой поре моей жизни посвящены публикуемые здесь воспоминания).

Последующие сорок четыре года моей жизни (1968—2012) связаны с академическим Институтом востоковедения, где я первые три года учился в аспирантуре, а потом сорок один год состоял в штате (сейчас числюсь на полставки). Прошёл почти все карьерные ступени: м.н.с. в 1971—1983, с.н.с. в 1983—1986, вед. н.с. в 1986—1987, зав. сектором в 1987—1989, зав. Отделом языков в 1989—1994, зам. директора в 1994—2012. Там же я защитил кандидатскую (1971) и докторскую (1983) диссертации по филологическим наукам. Тема кандидатской диссертации «Грамматическая система форм вежливости в современном японском языке» (руководитель И.Ф. Вардуль), тема докторской диссертации «Проблема морфемы и слова в современном японском языке». В институте выполнял разные общественные обязанности: в 1972—1974 гг. был первым председателем Совета молодых учёных института, в 1974—1976 гг. секретарём комитета комсомола, а в 1991 г. оказался последним в истории института секретарём парткома. Несколько раз я был в командировках в Японии: работал в 1973—1974 г. на советской космической выставке, а в 1979 и в 1984—1985 гг. в Государственном институте родного языка в Токио. В том же 1973 г. я впервые попал на Международный конгресс востоковедов в Париже, потом неоднократно ездил за рубеж на конгрессы и конференции, число которых с 90-х гг. заметно возросло.

С первой половины 70-х гг. я совмещал (с перерывами) научную работу с педагогической: в 1975—1997 я семь раз читал курсы лекций по японскому языку во Владивостоке, в 2003 г. читал лекции в Алма-Ате. В Москве я в разные годы по совместительству преподавал в Военном институте, в МГПИИЯ им. М. Тореца, в последние годы в Московском институте иностранных языков (это не то же самое, что предыдущий институт). Но более всего я связан здесь всё с тем же отделением филологического факультета МГУ, где учился (теперь оно называется Отделением теоретической и прикладной лингвистики), и с организованным в начале 1990-х гг. Институтом лингвистики РГГУ. В МГУ я эпизодически читал спецкурсы с начала 1970-х по конец 1980-х гг., а с 1993 г. непрерывно работаю на полставки, читая курс «История лингвистических учений», в РГГУ с 1994 г. я читаю анало-

гичный курс и регулярно (но не каждый год) веду теоретические курсы для студентов-японистов. Неоднократно руководил аспирантами в Институте востоковедения и МГУ, много оппонировал, в том числе двоим из моей студенческой группы (Т.М. Гуревич и Л.Т. Нечаевой). В ИСАА бываю лишь как оппонент и как многолетний председатель государственной комиссии на выпускных экзаменах и защитах дипломов. В 2000 г. я получил звание профессора, а в 2008 г. был избран членом-корреспондентом РАН.

В июне 2012 г. мне пришлось впервые за свою жизнь сменить место работы и перейти на должность директора в Институт языкознания РАН, в котором я ранее не работал, но часто бывал и имел постоянные контакты. О том, что из этого получится, пока говорить рано. Надеюсь, что административные обязанности не очень помешают моей научной работе.

С 1970 по 2012 гг. мной опубликовано более 370 научных работ, в том числе двадцать книг (включая написанные в соавторстве). Начинал я, что было естественно для выпускника ОСИПЛ, с занятий японской грамматикой (в основном морфологией). Этой теме были посвящены обе мои диссертации и две первые книги. Книга по кандидатской диссертации «Категории вежливости в современном японском языке» впервые вышла в 1973 г., в 2006 и 2009 гг. была переиздана. Вторая моя монография «Структура грамматических единиц в современном японском языке» опубликована в 1979 году. С конца 1970-х гг. в Институте востоковедения под руководством И.Ф. Вардуля развернулась работа по написанию коллективной грамматики японского языка, из задуманного осуществлён был только первый том, для которого я написал раздел о морфонологии (вышел лишь в 2000 г.). Однако с 1978 г. я готовил отдельные разделы для второго, морфологического тома грамматики, работа над ними у меня заняла три десятилетия (с перерывами). В 2006 г. возникла идея написания коллективом во главе с моей ученицей В.И. Подлесской новой «Теоретической грамматики японского языка», для неё я переработал ранее написанные разделы грамматики и дописал недостающее. Двухтомная грамматика совместно с В.И. Подлесской и её учеником П.М. Аркадьевым издана в 2008 г., её первый том, посвящённый морфологии, в большей части принадлежит мне. Грамматика оказалась слишком сложной для употребления в преподавании, но лингвисты — типологи, не знающие японский язык, пользуются для своих целей её материалом. С 80-х гг., занявшись другими темами, я меньше стал публиковаться по японской грамматике. Однако, помимо «Теоретической грамматики», отмечу очерк японского языка в коллективном труде «Языки мира» (1997) и японские разделы в ряде коллективных типологических исследований

в Ленинграде — Санкт-Петербурге: «Типология императива», «Типология императива», «Типология условных конструкций» (с В.И. Подлесской), «Типология уступительных конструкций» (с Т.В. Андроновой), часть этих книг переведена на английский язык.

Постепенно от морфем и словоформ японского языка я начал двигаться сразу в несколько сторон. Одним из направлений стало изучение тех же грамматических явлений на материале разных языков с выходом на общелингвистический уровень. В 1980-е гг. я опубликовал несколько статей по проблемам слова, а в 1990 г. под моей редакцией вышла коллективная монография «Части речи: теория и типология», в которую вошли три моих раздела. В 1984 г. я написал и книгу «Слово и части речи», однако она так и осталась неопубликованной, в последние два года я делаю новую попытку завершить работу с учётом изменений, которые произошли в лингвистике.

Толчком к моим занятиям проблемами слова и частей речи послужило изучение японской лингвистической традиции, которому в мои аспирантские годы способствовал Ю.В. Рождественский; ему я за это благодарен, хотя в истории кафедры структурной и прикладной лингвистики он сыграл плохую роль. Почему японцы выделяют слова не так, как это делаем мы? Эта проблема, с одной стороны, толкала к изучению общей проблемы слова, с другой стороны, к исследованию самой японской традиции. Я подготовил хрестоматию «Языкознание в Японии» (1983), где выступил как автор вступительной статьи, комментариев и один из переводчиков (в целом, однако, переводческой работой я в своей жизни занимался мало). С другой стороны, я начал исследовать то, как японский язык изучали в нашей стране; отдельные главы книги я писал ещё в 70-е гг., а целиком монография «Изучение японского языка в России и СССР» вышла в 1988 г.; в 1992 г. она опубликована и в японском переводе. Это единственная моя книга, переведённая на другой язык, хотя отдельные мои статьи выходили, помимо японского языка, и на английском, французском, польском, турецком, португальском и даже на языке непали.

Сопоставление европейской и японской традиций привело меня и к сравнительному изучению лингвистических традиций вообще. В Отделе языков Института востоковедения я организовал в 1988 г. конференцию, где делал доклад на эту тему, впоследствии доклад вошёл в моё учебное пособие по истории лингвистики. С 1993 г. я начал читать курс истории лингвистических учений в МГУ, а со следующего года и в РГГУ, продолжая традиции заложенные одним из моих учителей В.А. Звегинцевым. На основе читаемых там лекций я подготовил учебное пособие «История лингвистических учений», впервые изданное в 1998 г. и к 2005 г. выдержавшее четыре издания.

Историей лингвистики я с тех пор всерьёз увлёкся (может быть, влияет на меня пример моего отца, большую часть научной жизни занимавшегося историей исторической науки). Помимо общего списка научных публикаций я веду и отдельный список работ по истории лингвистики, и там уже 245 названий. Кроме исследований по общей истории науки о языке, я занимаюсь и отдельными учёными, чему у меня посвящено несколько книг и немалое число статей, где я в той или иной степени занимался и историей идей, и историей людей.

Здесь на меня, безусловно, повлияла общественная обстановка в стране. Первые мои историографические работы («Изучение японского языка в России и СССР», оставшаяся неизданной глава о языкознании 20—30-х гг. в предполагавшейся «Истории советского востоковедения») были чисто академическими. Но годы «перестройки», когда, с одной стороны, открылись возможности писать о том, что раньше обходили, с другой стороны, многие публикации об этом оказывались невалифицированными и предвзятыми, обратили меня к неизученным страницам советской науки о языке (иногда не только о языке). Осенью 1987 г. востоковед П.М. Шашитко предложил мне написать о влиянии дискуссии по языкознанию 1950 г. на советское востоковедение. Я сразу увлёкся этой темой, и быстро оказалось, что для её раскрытия рамки статьи слишком тесны, получилась книга «История одного мифа. Марр и марризм», изданная в 1991 г. (в 2004 г. вышло второе издание). Тогда эта тема была востребована, книга и предшествовавшие ей доклады и статьи вызвали интерес; это одна из немногих моих работ с довольно высоким индексом цитирования. Я думал, что после издания книги можно уже будет не заниматься Н.Я. Марром, но и позднее мне приходилось и приходится писать о нём, в том числе в ответ на недоброкачественные публикации по данной теме. Изучение дискуссии 1950 г. привело меня в конце 2000-х гг. и к книге «Сталин и языкознание» (пока не опубликована).

Начало 90-х гг., когда спорные проблемы истории советской науки начали широко, но не всегда квалифицированно обсуждаться, дало мне темы ещё для ряда работ. Меня заинтересовала биография Н.Н. Поппе, видного советского монголиста, перебежавшего в 1942 г. к немцам; его имя уже нельзя было замалчивать, но возникла опасность реабилитации не только его научных трудов (они значительны), но и его личности, об этом я написал книгу «Николай-Николас Поппе». А в 1994 г. меня поймал в аудитории МГУ Н.А. Паньков, исследователь жизни и деятельности ставшего тогда чрезвычайно популярным М.М. Бахтина, и предложил мне прокомментировать найденные им материалы о В.Н. Волошинове, авторе известной книги «Марксизм и философия языка», которую многие считают принадлежащей Бах-

тину. Я заинтересовался и книгой Волошинова, которую у нас опять-таки многие трактуют предвзято, и проблемой её авторства, а поскольку М.М. Бахтин и сам писал о языке, то и его лингвистическими работами. Всё это вылилось в серию статей, растянувшуюся на десятилетие, итогом стала книга «Волошинов, Бахтин и лингвистика», изданная в 2005. Мои занятия данной тематикой (и шире, советскими лингвистами — марксистами 20-х гг.), пожалуй, единственные из моих сфер деятельности, которые вызвали интерес на Западе, здесь у меня больше всего публикаций на иностранных языках.

Ещё одним ответвлением моей работы в этой области стало изучение репрессий среди советских учёных (лингвистов, но не только их). Сюда, как и в случае М.М. Бахтина, я попал довольно случайно: ныне покойный бывший сотрудник Института языкознания Ф.Д. Ашнин, выйдя на пенсию, занялся архивными изысканиями в этой области (как бывшего пограничника его допускали в архивы спецслужб). Но ему в силу возраста и состояния здоровья было трудно писать, и он в помощь привлёк меня. Мы работали с ним с 1991 по 2000 гг., он изучал архивы, я писал тексты публикаций. Получились ряд статей и две книги: «Дело славистов: 30-е годы» (1994) и «Репрессированная тюркология» (2003, с участием Д.М. Насилова).

Накопленный материал по разным отечественным учёным, в основном советского периода, мне захотелось использовать для книг, рассчитанных не только на лингвистов, но и на более широкий круг читателей. Первым опытом стала небольшая книга «Москва лингвистическая» (2001), содержащая ряд биографических очерков, затем получилась книга «Языковеды. Востоковеды. Историки», включающая в себе более двадцати биографий учёных указанных специальностей. Ряд очерков содержит и мемуарный элемент, некоторые из них (воспоминания о наших профессорах в МГУ) использованы и здесь. Также я написал и о своих родителях. Книга вышла в 2012 г. и на сегодняшний день является последней из моих монографий.

Наряду с историей науки другим ведущим направлением моей деятельности последних десятилетий является социолингвистика. Впервые я ей всерьёз занялся, начиная с моей самой длительной командировки в Японию в 1984—1985 гг. Официальной её целью был сбор материала для японской грамматики. Его я собирал, но с самого начала стал накапливать материал и по другой теме. Ролью языка в жизни японского общества у нас после Н.И. Конрада уже много лет никто всерьёз не занимался, а там было много интересного и требовавшего осмысления. Материала набралось на книгу «Япония: язык и общество», которую я быстро написал по возвращении в Москву, вышла она на двадцать лет раньше «Теоретической граммати-

ки»: в 1988 г. (в 2003 г. появилось второе издание). Это была первая моя публикация, удостоившаяся печатной рецензии, а мой учитель В.С. Гривнин после её выхода сказал мне, что я наконец-то написал что-то интересное не только для лингвистов, но и для нормальных людей. Японской социолингвистикой я продолжал заниматься и дальше, накапливая материал во время новых, теперь уже слишком кратких поездок в Японию. После полуторамесячной поездки в 2007 г. его уже оказалось достаточно для новой книги «Япония: язык и культура», изданной в 2008 г.

Опять-таки общественная обстановка в стране повлияла и на мои социолингвистические исследования. Если языковой ситуацией в Японии и в советское время можно было заниматься объективно (во второе издание «Языка и общества» я не внёс существенных изменений), то социолингвисты, занимавшиеся СССР, сильно приукрашивали действительность, а в первые годы после 1991 г. растерялись. Вакуум также стал заполняться некачественными публикациями о «языковом геноциде». Я решил восполнить пробел и написать книгу «150 языков и политика». Для её написания мне очень помогла неожиданно полученная мною в 1996 г. двухмесячная командировка в Нидерланды (самая длительная моя поездка не в Японию), где я прочёл западную литературу о языковых процессах в СССР; в ней много было предвзятого, но много и объективного. Книга вышла в 1997 г., охватив период с 1917 г. до её публикации; дополненное её издание появилось в 2000 г.

Конечно, чем-то заняться не удалось. Как я пишу в воспоминаниях, мимо меня прошли экспедиции кафедры структурной и прикладной лингвистики; так я и не освоил методы полевой лингвистики, много дающие участникам экспедиций и для понимания сущности языка. В конце 1970-х я одно время увлёкся самым редким языком Японии — айнским, но заняться им как следует не удалось. С айнскими, владеющими своим языком, мне не пришлось познакомиться. Правда, на основе чужих описаний я написал одну статью об этом языке и его очерк в «Языках мира» (издан в 1997 г., но написан на полтора десятка лет раньше). В «Языках мира» я опубликовал и очерк старояпонского языка (бунго), но и этим языком я так всерьёз и не занялся. Ещё одна моя неосуществлённая мечта — учебник введения в языкознание, который хотел написать в начале 1990-х гг., но, видимо, уже никогда не напишу.

Последняя тема моих публикаций, о которой хочется сказать, — задачи для лингвистической олимпиады, которой я занимаюсь с 1965 г., то есть со студенческих лет, о ней я пишу и в воспоминаниях. Я, особенно в 1960—1970-е гг., сочинил немало задач, предлагавшихся на олимпиадах разных лет; я стал одним из авторов и составителей

книги «Лингвистические задачи» (1983), и позже некоторые мои задачи публиковались в сборниках задач и в журнале «Наука и жизнь». В последние годы, к сожалению, я как-то утерял способность сочинять задачи.

Есть у меня и отдельные публикации по политологии и социологии, из-за которых в один сборник «Кто есть кто?» в конце 90-х гг. меня даже включили как «политолога», но это всё же более публицистика, чем наука. Работа в Институте востоковедения иногда меня заставляла что-то писать по Японии, выходя за рамки лингвистики, в том числе по вопросам российского взгляда на эту страну в разные эпохи.

Так что вся моя жизнь — работа и публикации. Остальная жизнь бедна событиями. С 1976 г. состою в браке с Екатериной Александровной Стеценко, детей у нас нет. Моя жена тридцать пять лет работает в академическом Институте мировой литературы, тоже доктор филологических наук. Ещё могу сказать, что в жизни мне довольно много удалось путешествовать, и во время командировок и в качестве туриста, одному и с женой, в своей стране и за границей. Видел я довольно много, пережил многие исторические события, а самому в них участвовать пришлось очень мало, жизнь в основном прошла за письменным столом.

О студенческих годах

Мы поступили на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1963 г. и окончили его в 1968 г.

Вряд ли большинство из нас что-либо всерьёз знали об этом отделении, тогда только недавно открывшемся. Тогда ещё не было олимпиад для школьников по языковедению и математике (первая из них прошла, когда мы были на втором курсе, о чём я ещё буду говорить). Что-то писали в газетах и журналах, какие-то разговоры ходили среди московских школьников. Но многие решили поступать достаточно случайно, а других, как и меня, привело на отделение распространённое в ту пору увлечение «точными» науками, к числу которых тогда могла причисляться и лингвистика. Многим хотелось стать «физиками» в широком смысле, а не «лириками», известные стихи об этом Б. Слуцкого, появившиеся за четыре года до окончания мной школы, чётко отражали тогдашние настроения.

Мои родители были историками, занимались наукой, я с детства привык к их среде и, скорее бессознательно, ощущал своё будущее именно в научной сфере. Однако среда эта была гуманитарной, многие гуманитарные науки, особенно, конечно, историю, я хорошо знал с детства (лингвистику как раз я знал хуже, чем многое другое, и никогда специально ей не увлекался). Родители, конечно, хотели, чтобы я стал историком, мать водила меня в два последних моих школьных года в Дом учёных на лекции Б.А. Рыбакова и Б.Б. Пиотровского, чтобы я увлёкся. Но мне казалось, что история будет для меня слишком лёгким занятием, а тогда повсюду пропагандировалось «счастье трудных дорог». Казалось, что такое счастье можно найти на переднем крае науки, разумеется, «точной».

Тогда экзамены в московские вузы были разведены по времени: в самые престижные учебные заведения вроде естественных факультетов МГУ их сдавали в июле, а в большинство других в августе. В июле я совершил неудачную попытку поступить на физический

факультет МГУ, теперь надо было думать, куда поступать в августе. Инженерные и чисто гуманитарные вузы меня не привлекали, и тут я прочёл в «Справочнике МГУ» об отделении структурной и прикладной лингвистики, где, помимо сочинения и устных экзаменов по русскому и иностранным языкам, надо было сдавать математику (другие отделения филологического факультета вместо математики экзаменовали по истории). На гуманитарных факультетах математика присутствовала лишь по двум специальностям: у лингвистов и экономистов. После некоторых колебаний между ними я предпочёл идти на лингвистику. Моей матери, имевшей много знакомых в академическом Институте славяноведения, где уже несколько лет существовал сектор структурной лингвистики, посоветовали поговорить с заведовавшим этим сектором В.В. Ивановым, ныне академиком. Мы вдвоём к нему пошли, он всячески рекомендовал это отделение, и выбор был сделан.

Для поступления в любой вуз тогда надо было преодолевать дополнительные сложности, которых не было ни до того, ни после того. В те годы во главе страны стоял Н.С. Хрущёв, позднее обвинённый в «волюнтаризме», заключавшемся в любви к разного рода преобразованиям и нововведениям. Хрущёв боролся с наследием сталинской эпохи, не зная ему каких-либо альтернатив, кроме традиций ещё более раннего времени, первых лет после революции, на которых сам сформировался. А тогда шла, в современной терминологии, «смена элит»: место прежних привилегированных слоёв занимали, как тогда говорили, «выдвиженцы» из рабочих и крестьян. Они как-то приобретали новые познания, но сохраняли «пролетарский» взгляд на мир и были чужды интеллигентской «раздвоенности» и «рефлексии». У Хрущёва от того времени осталось презрение к «белоручкам», не «выварившимся в рабочем котле», и он попытался возратить прошлое. Но для 20-х гг., что бы сейчас ни говорили, ставка на «выдвиженцев» была всё-таки естественным процессом, однако к 60-м гг. времена безвозвратно изменились. Давно образовалась советская интеллигенция, куда вошли и сохранившиеся интеллигенты старой формации, и часть «выдвиженцев» вроде моего отца, а пополнявшее её новое поколение уже просто в силу своего социального положения и фактора времени не могло проникнуться психологией рабочих начала века. Но Хрущёв, любитель экспериментов на людях, начал преобразования.

В начале 60-х годов пошла «политехнизация» образования, как раз коснувшаяся и нас. В школе нам добавили лишний год за счёт овладения рабочими специальностями и производственной практики на заводах (из моих одноклассников лишь одна не стала посту-

пать в вуз и стала работать по полученной специальности). А в вузах появились два нововведения, из которых, правда, нас коснулось лишь одно. Нормой была объявлена ситуация, при которой юноша или девушка после средней школы как минимум два года работал (работала), желательно на производстве, приобретал (приобретала) профессию, желательно связанную с физическим трудом, «школу жизни» и «закалку», а потом уже — вуз (мужская часть реально при таком раскладе попадала туда уже и после армии). Поступать в вуз сразу после школы разрешалось, но эти «незакалённые» должны были на двух первых курсах где-то работать и вечером учиться. Это было тяжело. Уже ближе к окончанию университета на другое отделение факультета на наш курс попала студентка, отставшая из-за психического заболевания; говорили, что она заболела, не выдержав такой двойной нагрузки. К счастью, некоторые специальности, включая структурную и прикладную лингвистику, с самого начала были освобождены от этой повинности, а в год нашего поступления ректор И.Г. Петровский добился полного освобождения всего университета (хотя Хрущёв ещё был у власти).

Но в полной мере нас коснулось другое нововведение: 80% мест отводилось тем, кто имел два года производственного стажа. На отделение в тот год принимали 25 человек, следовательно, без стажа должны были принять всего пятерых. И ещё новость уже 1963 года: при зачислении стали учитывать оценки аттестата зрелости по профилирующим предметам (тем, по которым сдавали экзамены) и среднюю оценку аттестата, последнее означало, что при подсчёте баллов вводились и десятые доли, что усложняло процедуру. После свержения Хрущёва (во время которого мы были на втором курсе) его нововведения быстро отменили, в том числе вернулись к десятилетнему обучению, но многие успели пострадать. Сейчас, критикуя ЕГЭ (я тоже отношусь к нему отрицательно), часто считают, что в прошлом система поступления в вузы была всегда стабильной. Но бывало и не так.

Из всех экзаменов, разумеется, главным и труднейшим казался экзамен по математике, который должен был идти первым. Некоторые из моих соучеников кончали математические или языковые школы, я же кончал самую обычную школу №683 прямо в моём дворе; школа дала некоторое число знаменитостей от Александра Маслякова до Ирины Хакамады, но на грани 60-х и 70-х гг. была расформирована. Но для меня было важно то, что там была хорошая и очень требовательная к ученикам учительница математики Тамара Георгиевна Саввина; попав к Ю.А. Шихановичу, о котором я расскажу дальше, я почувствовал в его манере преподавания не-

что знакомое. Две недели я зубрил математику, и вдруг за четыре дня до экзамена объявили, что порядок меняется, и первым экзаменом будет сочинение. Пришлось всё менять на ходу. За сочинение по Шолохову я получил «хорошо»; через несколько лет, будучи старостой курса, я смог посмотреть своё сочинение, оказалось, что в нём не было ни одной грамматической ошибки, но в нескольких местах были подчёркнуты нарушения стиля, и экзаменатору не понравилось раскрытие темы. К устному экзамену меня готовила моя тётя, преподававшая русскую литературу на факультете журналистики МГУ. Женщине-экзаменатору мой ответ понравился, но один раз я вдруг назвал форму винительного падежа формой родительного, она сказала: «Ошибаетесь. Посидите и подумайте» и куда-то отошла. Подумав, я ответил правильно и получил «отлично». Экзамен по английскому языку я сдал легко, и оставалась математика. Я очень волновался, но экзамен прошёл легче, чем я думал. Потом, когда нас начал учить Ю.А. Шиханович, он на первом занятии задавал каждому вопрос о том, за каким столом он сдавал математику. Оказалось, что я попал (разумеется, случайно) к самой либеральной из экзаменаторов, оценки которой Шиханович в наименьшей степени считал показательными.

У меня было 19 баллов из 20 плюс приличный, хотя и не идеальный аттестат (я не был медалистом). Шансы казались хорошими, и я, не отдыхавший всё лето, поехал на последние дни перед учебным годом с матерью в Поленово. Вдруг 27 августа отец прислал телеграмму о том, что меня не зачислили. Мать немедленно отправилась в Москву, оставив меня на природе. Выяснилось, что меня обсчитали на 0,8 балла. Я до сих пор не знаю и уже никогда не узнаю, случайно или намеренно это произошло. Мать, не опекавшая меня по мелочам, но умевшая действовать в сложных ситуациях, приняла меры. На филологическом факультете она почти никого не знала, но, кроме академического института, по совместительству работала на историческом факультете. Она пошла к своему декану, который связался со своим коллегой на филфаке, и через два дня она сообщила мне по телефону: «Ты студент». Одновременно обсчитали и ещё двух поступавших без стажа. В результате вместо пяти человек приняли восемь, среди тех, кто имел стаж, тоже приняли несколько больше, чем официально требовалось, явно в расчёте на отсеб, что подтвердилось.

Разумеется, среди поступивших «стажников» были и те, кто после восьмого класса переходили в вечернюю школу и устраивались на какую-нибудь (не физическую) работу (такая стратегия ещё и сэкономила год: в вечерней школе учились десять лет, а не

одиннадцать). Но среди них были и люди, заметно, на пять-восемь лет нас старше (на русском отделении факультета был даже один фронтовик). Им в дальнейшем пришлось тяжелее всего, особенно из-за математики, ушли почти все. В двух группах (английской и японской) в первые два месяца было, включая кандидатов в студенты (была и такая категория), 32 человека, из них в 1968 г. окончили МГУ тринадцать (ещё двое отстали на год). Из тех, кто был старше, лишь Алла Салий в параллельной английской группе дошла до окончания. И ещё Альберт Куприн как-то сумел до первой сессии перевестись на другое отделение факультета без математики (потом мы с ним несколько десятилетий проработали в Институте востоковедения, где он защитил диссертацию о системе образования в Алжире). А среди восьмерых поступавших прямо из школы до финиша дошли семь, в японской группе под конец таких осталось четверо, больше половины состава. Лишь Лена Варламова, круглая отличница из Мурманска, не сдав в середине первого семестра коллоквиум Шихановичу, так расстроилась, что сама ушла и на следующий год заново сдала экзамены на романо-германское отделение, где тоже была отличницей.

Филологический факультет к тому времени давно уже был преимущественно женским. Я это знал и до поступления, но сначала мне казалось, что вновь организованное отделение, находящееся на «переднем крае», должно в большей степени быть мужским. Но и тут, как выяснилось, преобладали девушки, а из мужской части двух групп единственным студентом, прошедшим пять лет без отставания и дошедшим до финиша, оказался я один. В английской группе сначала юношей было четверо, но из них лишь поэт факультетского масштаба Марк Давыдов получил диплом, и то на год позже нас. Правда, на два последних года добавился с предыдущего курса отставший по болезни Коля Перцов. А в нашей группе на первом курсе эпизодически появлялись ещё двое, но ненадолго.

Одним был Дмитрий Ухов, сын умершего молодым за год до этого преподавателя факультета. Его всем было жалко, и его, недобравшего балл на вступительных экзаменах, допустили к занятиям в качестве кандидата в студенты. Как быстро выяснилось, он отличался большим легкомыслием. Главным его занятием на лекциях был трёп. Он умел вдохновенно врать и рассказывал всякие фантастические истории, якобы с ним происходившие. Помню, как он рассказывал о явно вымышленной буйной вечеринке с участием детей известных родителей, в том числе дочери Бродиса, автора известных тогда всем школьникам таблиц логарифмов. Потом, почувствовав, что его рассказу чего-то не хватает, добавил: «А все они

были голые». Ещё он рассказывал, что читал Кафку в подлиннике (этого писателя тогда впервые стали переводить, и он был в моде). Я на это ему сказал: «Кафка писал по-немецки, а ты знаешь только английский», он ответил: «Рассказ «Превращение» он написал по-английски». Первую сессию он, естественно, не сдал, его опять пожалели и перевели на заочное русское отделение. Потом я его постоянно видел в коридорах и во дворе университета, он курил и с кем-нибудь трепался. Снова я его встретил в 1975 г., он похвалился, что, наконец, получил диплом музыковеда (учился он, таким образом, двенадцать лет). А в конце 80-х — начале 90-х «музыковед Дмитрий Ухов» постоянно вёл передачи на радио, потом куда-то исчез. Где-то ближе к зиме неожиданно появился ещё студент мужского пола, перешедший с мехмата Виктор Тэн (кореец). Он в отличие от Ухова был немногословен и на вид серьёзен, но и он не одолел сессии, его отчислили, и приказ об этом читали на общекурсовой лекции. Потом я ничего о Тэне не слышал лет сорок, но уже в 2000-е годы он вдруг зашёл ко мне в Институте востоковедения и представился как доктор наук и зав. кафедрой всеобщей истории в университете города Сургута. С тех пор мы иногда общаемся, за эти годы он из Сургута перебрался в Москву. Так что мне пришлось поддерживать мужскую честь в основном одному. Моя группа не всегда принимала во внимание мое существование, часто, обращаясь ко всем, мои коллеги говорили: «Девочки!». Но я не обижался.

Но возвращаясь в 1963 год. Начались занятия, тогда факультет ещё был (до 1970 г.) в центре Москвы на проспекте Маркса (ныне Моховая). И здесь надо рассказать о том, что в то время представляло собой отделение структурной и прикладной лингвистики, где мы были уже четвёртым набором.

Многие науки в СССР тогда круто менялись, в том числе и лингвистика. Если в начале 50-х гг. в передовой статье самого первого номера журнала «Вопросы языкознания» писали, что в науке Запада господствуют «оскудение и маразм», то в середине 50-х гг. (даже не после доклада Хрущёва против «культы личности», как это сейчас любят изображать, а ещё раньше) началось быстрое освоение западного опыта. Появилось тогда молодое поколение лингвистов вроде вышеупомянутого В.В. Иванова, которое прямо относилось к структурной лингвистике, а она с 20-х гг. господствовала в Европе и Америке. Впрочем, многие импортные идеи, получившие тогда у нас распространение, оказывались не столь уж необычными: развитие науки и у нас во многом шло в том же направлении, хотя термин «структурализм» долго не был в ходу. Зато

совершенно новым оказалось включение в науку о языке математических методов, и в западной лингвистике распространившееся ненамного раньше, чем у нас. При вышеуказанном состоянии умов так называемая математическая лингвистика быстро стала популярной. Выдвигалась молодёжь, которую поддерживали и некоторые люди постарше, на филфаке МГУ это был Владимир Андреевич Звегинцев (1910—1988), в 50-е годы заведовавший кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания. Аргументом в пользу внедрения новых методов изучения языка было их «народнохозяйственное значение»: в СССР, как и в ряде других стран, как раз тогда началось активное развитие вычислительной техники, и скоро стало ясно, что проблема автоматической обработки информации — не чисто техническая: она требует участия и лингвистов. В том числе как раз тогда была выдвинута и сразу получила широкую известность идея машинного перевода, осуществление которой казалось очень быстрым делом. Под важную народнохозяйственную проблему в СССР легко можно было и получить деньги, и создать вузовскую специализацию.

В.А. Звегинцев привлёк на свою сторону видных учёных-естественников, установил контакт с механико-математическим факультетом МГУ, и, несмотря на противодействие части профессуры филфака, в 1960 г. был произведён первый набор на отделение, которое первоначально называлось отделением теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ). С самого начала подчёркивалось, что отделение готовит не только теоретиков, но и прикладников, которые на основе освоения строгих методик и математики смогут решать практические задачи, не решавшиеся традиционными филологическими методами. Но название скоро было изменено: запротестовали другие кафедры факультета, поскольку получалось, что там не занимаются теорией. Поэтому появилось название: Отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ), мы поступали уже на него, и оно сохранялось до 90-х годов, когда было заменено на первоначальное. Годом позже, чем отделение, организовалась одноимённая кафедра, которую возглавил Звегинцев (до 1982 г.); эта кафедра сразу заняла обособленное положение на факультете, где многие преподаватели придерживались иных взглядов на природу языка.

Отмечу, что одновременно или чуть позже аналогичные отделения, чаще называвшиеся отделениями математической лингвистики, были созданы (иногда на филфаках, иногда на факультетах математики или кибернетики) и в ряде других городов: Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Новосибирске и др., а в Москве отделение было и

в Институте иностранных языков, получившем имя М. Тореза как раз в наши студенческие годы. К сожалению, большинство из них не дожило до наших дней. Мы общались друг с другом, помню две всесоюзные студенческие конференции в Москве (ещё одна была в Тбилиси, но я туда не ездил). На одной из конференций представители каждого из университетов рассказывали, что они изучают по программе, и обнаружилось, что программы у всех существенно разные. Такие отделения, очевидно, с оглядкой на Москву создавались и в соцстранах (по крайней мере, в части из них). Столкнулся я с этим фактом лишь недавно, в 2007 году. Я был в качестве туриста в Болгарии, где сопровождающей с болгарской стороны была сотрудница турфирмы Дима (Димитрица). Мы как-то разговаривали, и оказалось, что она — моя ровесница и выпускница отделения математической лингвистики Софийского университета, естественно, давно забросившая науку. Про более успешных выпускников того отделения ничего не знаю.

Никакой сложившейся методики подготовки лингвистов тогда ещё не существовало. Не было образцов, в том числе и зарубежных. Надо сказать, что 60-е годы были в СССР временем, может быть, максимальной самодостаточности в науке, находившейся тогда у нас на подъёме. В XIX в. наивысшим достижением в России могло считаться повторение в Петербурге или Москве эксперимента, ранее осуществлённого в Берлине или Гёттингене; сейчас под флагом глобализации пытаются копировать любые западные образцы. Но тогда чаще всего советские учёные, независимо от их политических взглядов, считали, что мы во всём можем создавать традиции сами, ни на кого не оглядываясь. Показательно название, которое мы узнали на втором курсе: «Первая традиционная олимпиада по языковедению и математике». Её организаторы рассчитывали на создание традиции и не ошиблись: в 2013 г. проводится сорок третья олимпиада (сейчас именуемая лингвистической), аналогов которой за рубежом не было. То же происходило и с лингвистическим образованием в целом, создававшимся в разных вузах по-разному (далее я буду говорить только про ОСИПЛ).

С самого начала ясны были два параметра: на отделении должна преподаваться математика, на отделении не должна преподаваться литература, занимавшая большое место в образовании на других отделениях факультета. Кстати, подобные идеи высказывал ещё в 1901 г. замечательный учёный И.А. Бодуэн де Куртенэ, который предсказывал, что в XX в. лингвистическое образование отделится от филологического, но включит в себя математику и социологию (последней в наше время в программе не было, что отча-

сти компенсировалось общественными дисциплинами, но сейчас в программе ОТИПЛ социология уже есть). Также было ясно, что надо сохранить традиционно сильную сторону филфака: преподавание в большом объёме иностранных языков. Были и предметы, общие для факультета и которых нельзя было избежать: общественные дисциплины, военная подготовка (переводчики), физкультура (два первых курса дважды в неделю приходилось ездить на неё на Ленинские горы, что отнимало много времени и сил, особенно для неспортивных студентов вроде меня). Но надо было решить, как изучать то, что составляло специфику отделения: лингвистику и прикладные дисциплины, а для математики не было очевидно, в каком объёме её следует преподавать.

Здесь не на что было опереться, и приходилось действовать методом проб и ошибок; к тому же ещё не сложился преподавательский состав, поначалу формировавшийся случайно. В течение первых нескольких лет (пожалуй, до шестого набора включительно) фактически шли эксперименты на людях, о чём я дальше буду говорить подробнее. Тут неожиданно для себя я употребил тот же эпитет, что в отношении политики Н.С. Хрущёва в области образования. Но при разных исходных посылах сходство есть. Потом постепенно ситуация улучшилась, после проб и ошибок к 1966—1967 гг. получился некоторый оптимум (об этом я ещё скажу). Но среди наших сокурсников, как и среди тех, кто учился до нас и сразу после нас, многие профессиональные судьбы не сложились. А в нашей группе они могли бы не сложиться ещё у нескольких из нас, если бы не неожиданный подарок от Звегинцева: японский язык.

В первые годы на отделении были лишь группы основных западных языков, на нашем курсе, кроме японской группы, была параллельная английская. Языки преподавали сотрудники языковых кафедр факультета. Преподаватели попадались разные, японской группе очень не повезло с преподавательницей английского языка, который был у нас в программе вторым. Язык она знала, но была занята маленьким ребёнком, часто пропускала занятия, а когда приходила, откровенно показывала, что если все мы азы языка уже знаем, то она не понимает, чему нас учить. Для япониста английский язык необходим, но все мы учили его в школе и/или у частных преподавателей, а не на факультете. Но в параллельной группе «англичане» были сильные, особенно преподававшая на старших курсах Л.Н. Натан, работавшая на факультете до недавнего времени. Наш же набор оказался первым с восточным языком.

Япония, ещё недавно бедная страна, в 60-е годы уже демонстрировала «экономическое чудо» и привлекала всеобщее внимание.

В.А. Звегинцев посчитал, что раз эта страна активно развивается в экономике и технике, то автоматическая обработка информации на японском языке, а в перспективе и машинный перевод с этого языка могут быть актуальны. Может быть, он думал и о том, что разработка структурных методов на материале языка, не входящего в «европейский стандарт», может быть полезна для лингвистики, но публично об этом в наше время не говорилось. Сразу отмечу, что в действительности всё оказалось не так: в нашей группе никто не стал прикладником. После нас японские группы создавались ещё три или четыре раза: в 1970, 1977 годах и один или два раза в 80-е годы (в последнее время японский язык иногда преподаётся как второй). Судьбы не всех их выпускников я знаю, но в прикладной лингвистике никто из них известности не получил, зато оттуда вышли известные лингвисты: С.А. Старостин, В.И. Подлесская, О.А. Мудрак. А систему японско-русского машинного перевода создали не наши выпускники, а Зоя Михайловна Шаляпина, учившаяся на курсе моложе нас на аналогичном отделении в Институте имени Тореза. Я знаком с ней со студенческих лет, тогда она осваивала теорию языка и прикладную лингвистику (там и там потом добилась успехов), но никак не была связана с японским языком, которым увлеклась позже, выучив на курсах иностранных языков. Одна из причин такого несовпадения была в том, что, как я ещё буду говорить, прикладные предметы оказались у нас самой слабой частью преподавания, а в Институте иностранных языков им учили, пожалуй, лучше.

До университета я почти ничего не знал про японский язык, а Япония меня привлекала не больше других азиатских стран. Мне в голову не приходило, что он может оказаться у меня в программе. И лишь придя на факультет за два дня до начала занятий, я обнаружил в расписании этот предмет, о котором никто меня не предупреждал. Как шло распределение по группам, я не знаю. Говорили, что японскую группу предполагалось собрать из всех, кто не учил в школе английский язык (английская группа целиком состояла из студентов, уже его знавших). Но таких оказалось много меньше половины, и японскую группу расширили, в том числе за счёт тех, кого зачислили в студенты в последний момент, как меня. Японский с самого начала был первым языком со значительным количеством часов.

На факультете японский язык не преподавался, для этого имелся Институт восточных языков при МГУ (позже Институт стран Азии и Африки). Кафедра обратилась туда. Для кафедры японской филологии ИВЯ, которую незадолго перед нашим поступлением на многие годы возглавил И.В. Головнин, первоначально занятия

на филфаке казались чем-то дополнительным и излишним (вряд ли тогда там могли предполагать, что из этой группы выйдут будущие преподаватели кафедры). Поэтому к филологам отправили не штатного преподавателя, а Кирилла Евгеньевича Черевко, тогда кончавшего аспирантуру и готовившегося к защите диссертации. Впоследствии Черевко станет первым у нас японистом, защитившим две докторские диссертации по историческим и филологическим наукам. Но тогда он был очень неопытен, его отношения с нами не сложились, и после первого курса он у нас уже не преподавал. Со второго курса нас взял и вёл вплоть до выпуска Владимир Сергеевич Гривнин, которому все мы очень благодарны. Время от времени у нас вели те или иные курсы и другие преподаватели со стороны ИСАА: Л.А. Стрижак, Л.А. Лобачёв, Н.Г. Паюсов. И ещё был военный перевод. Его вёл флагманский переводчик Амурской флотилии в годы войны, к тому времени спившийся, но другого япониста на военной кафедре МУ не было.

Заведующий нашей кафедрой В.А. Звегинцев мало вникал в то, как преподаётся у нас язык, однако следил за тем, чтобы представители другого факультета не читали ничего, кроме практических курсов. В.С. Гривнин однажды предложил ему включить в программу читавшиеся в ИВЯ теоретические курсы японского языка, но Звегинцев отклонил это, разрешив Гривнину лишь прочесть спецкурс по японской культуре, много нам давший. Конечно, между тем, что нам подавалось в лингвистических курсах, и теоретическими основами курсов ИСАА существовал большой разрыв, который я сразу ощутил. Мы учились ещё по учебнику Н.Г. Иваненко, Я. Катаяма и А.Г. Рябкина (учебник под редакцией И.В. Головнина в годы нашего студенчества только готовился). Он был основан на уже старомодных для того времени идеях Н.И. Конрада и его жены Н.И. Фельдман (обоих мы в студенческие годы издали видели, но не могли с ними познакомиться; с Фельдман, правда, я имел дело в дни, когда хоронили Конрада, но это было уже в аспирантуре). Впрочем, однажды я обнаружил первое связующее звено: так случилось, что в один и тот же день П.С. Кузнецов, о котором я буду дальше говорить, в курсе введения в языкознание и К.Е. Черевко на языковом занятии упомянули одно и то же имя ранее мне не известного Е.Д. Поливанова. Но Поливанова давно не было в живых, а как сейчас? Впервые с лингвистической работой, касающейся японского языка, я столкнулся уже на втором курсе, когда вышла книга И.Ф. Вардуля «Очерки потенциального синтаксиса японского языка». Имя автора мне ничего не говорило, но я сразу же понял, что в Москве есть человек, занимающийся японским языком

как лингвист, и мне надо бы у него поучиться. И, действительно, я стал через несколько лет его учеником, но не в МГУ, а в аспирантуре Института востоковедения АН СССР: тогда Вардуль уже нигде не преподавал (позже он мне говорил, что преподавать язык не любит).

Но чтобы дойти до аспирантуры, надо было одолеть полный курс преподававшегося в течение девяти семестров «венценосного», по выражению заместителя декана М.Н. Зозули, предмета отделения — математики. В первые годы, в том числе и для нас, этот курс был очень большим. За основу брался курс механико-математического факультета, кое-что (например, геометрия) сокращалось, зато курс математической логики был полнее, чем соответствующий курс для студентов-математиков, не специализирующихся по данному предмету. Кафедра логики и взяла над нами шефство. Главным здесь был Владимир Андреевич Успенский, тогда совсем молодой (родился в 1930 г.), но уже известный математик, успевший защитить докторскую диссертацию. Его роль на отделении в начальные его годы была очень велика. Он не только составлял программы по математике, но во многом определял и всю программу на отделении. У нас он (в отличие от других курсов) ничего не читал, но постоянно к нам приходил, вёл беседы, вместе с Ю.А. Шихановичем принимал экзамены. Он также сыграл большую роль в организации первых олимпиад. За нами, как и за другими курсами, он постоянно следил вплоть до его разрыва с кафедрой, который произошёл за год до окончания нами университета. У меня с Успенским установились хорошие отношения, и мы общаемся до сих пор.

Были у нас и другие преподаватели. Математический анализ вёл Ю.Б. Кудрявцев, вероятно, хороший математик, но не преподаватель по своему складу, к тому же логик по специализации, не слишком хорошо знавший предмет, который взялся преподавать (иногда он половину лекции доказывал теорему, потом обнаруживал, что доказывает неверно, и начинал сначала). Экзамены ему я кое-как сдал, но неприязнь к математическому анализу осталась на всю жизнь. Спустя много лет, в 1984 г. я встретил Кудрявцева в ВАКе, где я получал диплом доктора наук, а он в тот же день диплом профессора. Теорию вероятностей читал А.Д. Вентцель, часто бывавший на кафедре (женат он был на Саше Раскиной из первого набора на отделение), он, как и Успенский, много занимался олимпиадами (впоследствии Вентцель с семьёй переехал в Новый Орлеан). Но и от его курса у меня в голове почти ничего не осталось.

Главной же фигурой (не только в математике) на кафедре тогда был Юрий Александрович Шиханович (1933—2011); студентка предшествовавшего нашему курсу Тоня Лычагина говорила, что это «наша суть». Одни студенты его боготворили, другие люто ненавидели, и никого он не оставлял равнодушным. Карьера исследователя у него не сложилась, он так и не защитил диссертацию собственно по математике, но в годы, когда он читал у нас, он стал кандидатом педагогических наук по методике её преподавания (я был на защите). Тогда он всего себя отдал преподаванию с той же страстностью, с которой он впоследствии отдаст себя прославившей его диссидентской деятельности (в наши студенческие годы она только начиналась).

Объяснял свои курсы (мы слушали у него введение в математику, алгебру и три семестра логики) Шиханович очень чётко и понятно, по крайней мере, так всегда казалось мне (как я писал выше, к сходной манере я привык ещё благодаря школьной учительнице). Но требовательность была запредельной, превышавшей привычные нормы того времени. За посещаемостью тогда, конечно, следили больше, чем сейчас, к тому же студенты ещё обычно не работали в учебное время, что ныне стало привычным. Но только Шиханович отдавал всего себя контролю над посещением его лекций. Однажды я это испытал на себе. Всего раз за пять лет я пропустил его лекцию, присутствуя на жюри одной из первых олимпиад. После этого на следующую лекцию Юрий Александрович меня не пустил. Я пошёл к декану А.Г. Соколову, тот даже мне посочувствовал, но сказал, что не хочет быть формалистом и официальной бумаги о моём допуске писать не будет. Я рассказал это Шихановичу, в ответ он сказал: «А я имею основания быть формалистом», и неделю не допускал меня до своих занятий. А когда в связи с всесоюзной студенческой конференцией на неделю официально отменили занятия ОСИПЛ, только он один из преподавателей велел всё равно ходить на его лекции.

Но страшнее всего были его зачёты и экзамены. Тогда почти в каждом семестре по математике (только по ней) каждый курс надо было фактически сдавать дважды, сначала в виде зачёта, потом в виде экзамена. На первом курсе ещё в ходе семестра было два коллоквиума, фактически тоже зачёта, только не по всей программе, а по пройденному до того; один из них подкосил бедную Лену Варламову. Зачёты и экзамены длились целый день: если кто-то решил задачу, ему давалась следующая, а Шиханович подсаживался к очередному студенту, и так несколько раз. Если же задачу решать не удавалось, то через какое-то время студент должен был

заново её рассказывать. И важно было не только решить все задачи, но уметь рассказать решение логически строго. Чуть что, и Юрий Александрович произносил страшную фразу: «Я Вас не понимаю». Её он любил говорить и в других ситуациях, например, во время чьих-нибудь научных докладов; рассказывали, что один математик, которого Шиханович допёк таким заявлением, сказал: «Дальше я буду говорить только для тех, кто меня понимает». Безусловно, он хотел отучить студентов от гуманитарных привычек и заставить их думать строго математически, в этом был смысл, но не такими же варварскими методами надо было этого добиваться!

В результате многие сдавали зачёт по 5—7 раз, потом столько же раз экзамен, многие не смогли сдать какой-либо из курсов вообще и отчислялись. Сам Шиханович времени абсолютно не жалел, проводил каждый день с утра до позднего вечера либо на филфаке, либо на мехмате (иногда мы сдавали и там на Ленинских горах), бывало, что он не успевал выяснить отношения со студентами до закрытия факультета и вёл их на круглосуточно открытый Центральный телеграф.

Первоначально я считал методику Шихановича естественной и правильной, в том числе потому, что других не знал. Но постепенно становилось ясно, что принимать экзамены так, как делал он, было нельзя. Конечно, это помогало отсеивать совсем слабых, на первом курсе среди «стажников» были явно случайные люди. Но и у далеко не слабых студентов многократные сдачи одного курса вели к крапивнице, спазмам сердечных сосудов и пр.

Шиханович был, как сейчас модно говорить, харизматической личностью, и многие его искренне любили, в том числе были такие и в нашей группе. Но к четвёртому курсу возникла чётко выраженная оппозиция к нему. Слабейшая часть обеих групп тогда уже была отсеяна, и в оппозиции задавали тон многие из потенциально самых сильных студентов, точнее, студенток. В том числе получилось так, что в неё вошло большинство их тех, кто поступал на ОСИПЛ прямо из школы. Они заслуженно привыкли быть в числе первых, но Шиханович им выше троек обычно не ставил, и то их получали после больших хлопот и волнений.

Взрыв произошёл в восьмом семестре (июнь 1967 г.). Экзамен по исчислениям, как и предшествовавший ему зачёт, был невероятно труден, и отчаявшиеся студентки из обеих групп пошли просить у ректора разрешения ограничиться зачётом, прихватив и меня. У меня личного конфликта с Шихановичем не было (мне как-то удавалось всегда сдавать ему в отличие от Вентцеля и Кудрявцева в первый день), но девушек было жалко.

Мы зашли в кабинет И.Г. Петровского на проспекте Маркса (у него в двух зданиях МГУ было по кабинету), и оказалось, что там, кроме него, академик А.Н. Колмогоров (мы его сразу узнали по портретам). Мы выпалили нашу просьбу, говорить в основном пришлось мне. Петровский неопределённо сказал, что разберётся, а Колмогоров, активно участвовавший в разговоре, помнится, отреагировал на фамилию Шихановича: «А, это тот, который написал целую книжку про то, что можно изложить на одной странице». Речь шла об изданной перед этим его учебной книге «Введение в современную математику», излагавшей то, что он читал нам в первом семестре. От разговора осталось впечатление: Петровский (его я видел ещё раз через год, когда он мне вручал красный диплом) — человек серьёзный, но Колмогоров на порядок ярче и значительней (может быть, это совпадает с известной формулировкой «талант и гений»). Больше я никогда Колмогорова не видел. Поход имел такой результат: в ту сессию что-то менять уже было поздно, но в следующую, последнюю для нас сессию Петровский повелел считать экзамен по последнему курсу Шихановича — теории автоматов факультативным (я всё-таки его сдавал). А по исчислениям я сдавал экзамен через три дня после похода к ректору. Шиханович, надо отдать ему должное, не делал различий между студентами в зависимости от отношения к нему и, прогнав меня по всему курсу целый день, в июньских сумерках поставил «отлично».

К сожалению, иной была реакция студентов. Единственный раз за пять лет наша группа раскололась. Сторонники Шихановича особенно резко реагировали на меня как на предателя. Одна девушка из нашей группы сказала мне по телефону (помню дословно): «Володя, не звони мне больше, я не хочу с тобой разговаривать». Но время лечит, и с осени отношения понемногу восстановились.

А в преподавании математики как раз в это время на отделении стали происходить изменения. Произошёл конфликт двух Владимиров Андреевичей. Надо было утверждать новые учебные планы. В.А. Успенский предложил ещё расширить преподавание математики, а В.А. Звегинцев, наоборот, решил несколько сократить «венценосный» предмет, отдав часы лингвистическим дисциплинам. Об этой борьбе Успенский подробно написал несколько лет назад в своей книге «Труды по нематематике», но надо учитывать позиции обеих сторон, а Звегинцев умер, не оставив воспоминаний. Конфликт окончился победой Звегинцева, после чего Успенский надолго прервал отношения с кафедрой, а мехмат расторг договор с факультетом, забрав большую часть преподавателей, но оставив филфаку Шихановича (на мехмате его не очень любили и рады были избавиться).

В последний наш год Юрий Александрович вёл все математические курсы на отделении, но это продолжалось недолго. Он считал себя теперь единственным представителем «настоящей» науки на кафедре и конфликтовал со Звегинцевым. В зимнюю сессию, вскоре после нового года студентка параллельной группы Алла Змиевская (тогда уже Скворцова) и я разговаривали со Звегинцевым, и он сказал (думаю, что Алла это может подтвердить): «Скоро мы с Шихановичем распрощаемся». Но к весне вмешался неожиданный фактор: Шиханович подписал коллективное письмо в защиту математика-диссидента А.С. Есенина-Вольпина (с этого началось его собственное диссидентство). Тогда у нас наступил последний семестр, когда лекций уже не полагалось, поскольку время отводилось на написание диплома. Но Шиханович продолжал читать что-то, уже факультативно, желающим, в том числе и мне. Помню, как на одно из занятий он принёс и поставил перед собой статуэтку Дон Кихота. Против Шихановича были руководство и профессура филфака, не любившие отделение, а мехмату надо было разбираться со своими преподавателями, подписавшими письмо, и легче всего было отдать на съедение уже «чужого» «подписанта». Звегинцев, недавно желавший распрощаться с Шихановичем, теперь ради чести кафедры должен был его защищать, в его защиту выступил и я, не по идейным причинам (что я подчёркивал), а скорее из той же жалости, которая заставила меня за год до этого выступить против него. Разумеется, силы были неравны, и Шихановича уволили. Для преподавания математики нашли совсем новых людей, которых мне уже не довелось узнать.

Дальнейшая судьба Шихановича широко известна. Он начал активно заниматься диссидентством, дружил с А.Д. Сахаровым, дважды побывал в заключении (суды над ним совпали с моими самыми длительными поездками в Японию, и я читал про них в японских газетах). В новую эпоху карьеры он не сделал. В начале 90-х он состоял при своём друге С.А. Ковалёве в аппарате комитета Верховного Совета по правам человека, а потом вернулся в преподавание математики лингвистам, только не в МГУ, а в новом вузе — РГГУ, где сформировался целый факультет, аналогичный ОСИПЛ, и там работал до конца жизни. К старости он стал вести себя заметно тише.

О новых учебных планах ОСИПЛ я скажу дальше, когда дойду до преподавания у нас лингвистических дисциплин. Здесь хочу поговорить о том, что нам дала математика. Тут, вероятно, в нашей группе будут разные мнения. Что касается меня, то я, как и все выпускники нашей группы, никогда не применял её на практике

(хотя кое-что из курсов Шихановича помню до сих пор). И всё-таки я не жалею о потраченном на неё времени (разве что на курсы Кудрявцева и Вентцеля). Я отверг, в конце концов, экзаменационные подходы Шихановича, сторонником диссидентов никогда не был, но за то, что он учил нас ясно мыслить, я ему благодарен. Уже в Институте востоковедения я столкнулся с тем, что многие люди, даже с учёными степенями, встают в тупик, когда их просят ответить на вопрос, требующий одного из двух ответов: *Да* или *Нет*. Они не могут обойтись одним словом, начинают долго говорить и повторять одно и то же. Тут я сразу вспоминал Шихановича, отучившего нас от этой сбивчивости.

Однажды в 1995 г., когда я уже был заместителем директора Института востоковедения, меня пригласили в качестве третейского судьи на обсуждение спорной докторской диссертации не по моей теме, далёкой от лингвистики. Диссертант пришёл в сопровождении своей жены, по профессии психиатра. Вердикт был положительным, и психиатр в благодарность начала давать характеристики присутствующим, которых не знала. Мне она сказала: «У Вас не совсем гуманитарное образование». Так что нечто от математики на ОСИПЛ у меня осталось, и я оцениваю это положительно.

Однако для многих моих сокурсников с Шихановичем стали ассоциироваться не только математическая логика, но и всё преподаваемое на отделении. Он, конечно, не был его «сутью», но противовеса ему не было, кроме разве что лучших преподавателей языков (для нас это был В.С. Гривнин). Из нас всё-таки готовить должны были лингвистов, а с преподаванием лингвистики были сложности, которые бывали и объективными, и субъективными.

Но прежде несколько слов о занимавших значительную часть нашего времени общественных дисциплинах. О них могут быть разные мнения, но я в целом о них вспоминаю хорошо. В первом же семестре стоял курс политэкономии капитализма, то есть разбора «Капитала». Это была высокая наука, которой нас учил Г.М. Гуткин, знавший труд Маркса очень хорошо. Большое уважение вызывал преподаватель истории партии Н.М. Рахманов, потерявший зрение на войне; он отличался и великолепной памятью на факты, и полемическим даром: спорить с ним на равных было трудно. Философские курсы вёл О.В. Лармин, не вызывавший такого уважения, но, во всяком случае, эрудированный и умевший говорить; когда я уже в наши дни стал заниматься советской марксистской лингвистикой 20—30-х гг., то оказалось, что многое из этих курсов во мне осталось. Исключением были политэкономия социализма (по ней я получил одну из немногих четвёрок в дипломе) и на-

учный коммунизм. Их преподаватели менялись, и любой вариант оказывался неудачным. Теперь я понимаю, что сами эти предметы были искусственными, чего всё-таки нельзя сказать ни про марксистскую философию, ни про «Капитал», а история КПСС, конечно, не особая наука, но иное название для российской истории XX века, пусть препарированной под особым углом зрения.

Среди преподавателей-лингвистов первыми, с кем мы сразу же столкнулись, были два уже немолодых профессора Пётр Саввич Кузнецов и Тимофей Петрович Ломтев. Кузнецов читал курс введения в языкознание, позже он прочёл нам курсы фонологии и диахронного (исторического) изучения русского языка, курс Ломтева назывался «Современный русский язык». Обоим я посвятил главы в книге «Языковеды, востоковеды, историки», изданной в 2012 г., где одновременно пишу и об их сочинениях, и о том, что я видел в студенческие годы. Здесь кратко пересказываю то, что там написано.

Нам до поступления казалось, что преподаватели принципиально нового отделения должны быть молодыми, весёлыми и энергичными (каким и был, например, В.А. Успенский). Но Кузнецову было 64 года, а на вид он казался ещё старше. Ломтев был на семь лет моложе, но был плешив и внешностью больше напоминал завмага или председателя колхоза, чем профессора. Это не совпадало с нашими представлениями. Оба были уже давно профессорами факультета, но в отличие от большинства их коллег относились к отделению хорошо, как и к новым методам в целом. Кузнецов вообще перешёл с кафедры русского языка на новую кафедру, а Ломтев остался на кафедре русского языка. Но людьми они были совершенно разными во всех отношениях, хотя когда-то вместе начинали в 1931—1933 гг. в группировке «Языкофронт», которая одновременно боролась с «буржуазным индоевропеизмом» и со школой академика Н.Я. Марра, причём тогда лидером был Ломтев.

Но к 1963 г. Пётр Саввич, безусловно, превосходил как учёный своего старого знакомого. Он был знаменитым фонологом, диалектологом, историком языка, автором научных книг и учебников, одним из главных представителей Московской фонологической школы. Фактически он с 30-х гг. занимался структурным анализом языка, главным образом русского (хотя до конца 50-х гг. такие как он не называли себя структуралистами); поэтому ему легко было прийти в 60-е гг. к открытому структурализму.

Кузнецов поражал нас исключительной эрудицией. Он приводил факты самых разных языков от саамского до суахили, и в фонологии каждого из них был, как дома. Он показывал, как надо говорить на вдохе (именно в связи с этим он впервые рассказал

нам о Е.Д. Поливанове, который зафиксировал говорение на вдохе у швейцарских ряженых). По фонологии и по истории русского языка он, казалось, знает всё. Но он мог рассказать что-то интересное и об истории, о литературе и даже о математике (что нас тогда, когда все мы ещё почитали математику, особенно привлекало). Известно было, что он дружит с А.Н. Колмогоровым (как я позже узнал, с раннего детства).

Если вслушаться в то, что рассказывал Пётр Саввич, то можно было узнать много нового. Немолодой и уже не очень здоровый профессор был переполнен идеями и знаниями, которые хотелось передать дальше (когда при одном из экспериментов Н.С. Хрущёва учёным запретили совместительство, то Кузнецов ушёл из Академии наук и остался в МГУ, где ему было интереснее). Но слушать его было трудно. При уже многолетнем к тому времени преподавательском опыте хорошим лектором он так и не стал: по несколько раз повторял одну и ту же фразу или мысль, уходил в сторону, задерживался на частностях (которые сами по себе бывали интересны), в результате мы обычно за семестр проходили менее половины курса, а остальные темы приходилось прорабатывать самостоятельно. В отличие от Шихановича он не следил за посещаемостью своих лекций, и к концу семестра обычно на них обычно бывало менее половины студентов. Каюсь, и я их иногда пропускал, особенно в тот семестр, когда заседания курсового комсомольского бюро, где я состоял, совпали с фонологией. Писал он, кстати, много чётче, чем говорил. И всё же в мою голову фонологические идеи Московской школы вошли прочно и сохраняются там даже сейчас, когда наука ушла далеко вперёд.

Ещё Кузнецов был живой историей советского языкознания, рассказывая о многих событиях, участником или свидетелем которых он был. От него мы узнали имена Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова, В.Н. Сидорова и других. Сам он с 20-х гг. активно участвовал в нашей лингвистической жизни, в схватках и дискуссиях. Обо всём этом он рассказал в своей «Автобиографии», которую он писал как раз в годы, когда с нами занимался; впоследствии я подготовил её сокращённое издание, вышедшее в 2003 году. Непрактичный, мягкий и рассеянный в бытовой сфере (любил говорить, что дома гвозди забивает жена), чуждавшийся политики, он всегда был принципиален и боевит в важных для него научных вопросах. На лекциях он давал учёным, о которых рассказывал, не только научные, но и этические оценки. Студентов, особенно студенток, он жалел, двоек не ставил, даже если ответ того заслуживал, но и пятёрку получить у него было нелегко.

При нас Кузнецов всегда выглядел болезненным. Помню, как за год до окончания нами МГУ он на защите дипломов предшествовавшего курса вдруг сказал: «Вот возьмите меня, я стою уже одной ногой в могиле, но по-прежнему интересуюсь всем новым в науке». Умер Пётр Саввич от рака незадолго до нашей защиты дипломов, в марте 1968 г.

П.С. Кузнецова мы не всегда внимательно слушали, но, безусловно, уважали. Иначе было с Т.П. Ломтевым (1906—1972). Сам он был из «выдвиженцев» и при любви к теории до конца жизни не мог преодолеть пробелов в культуре, сохранившихся с крестьянского детства. Нас поразило, что профессор русского языка пишет с ошибками. Как часто бывает в подобных случаях, студентки стали записывать «перлы» профессора, который, например, мог написать красивым почерком на доске *дерзкий* по аналогии с *французский* или сказать: «Давайте сделаем этот квадрат подлиннее».

В то же время профессор увлекался семиотикой и математической логикой, упоминал А. Чёрча и Р. Карнапа, любил красивые слова *денотат* и *исчисление* и даже П.С. Кузнецова упрекал в излишней традиционности. И в том, что он говорил, как я сейчас понимаю, могло быть серьёзное содержание. Однажды я это почувствовал несколько лет назад. Среди его рассуждений за ним записывали такое: «Просто выстрел на улице ничего не означает. А вот выстрел стартера значим, потому что противопоставлен его отсутствию». Так Ломтев объяснял двоичность знака. Первая фраза выглядела абсурдной, и я как-то рассказал об этом абсурде преподавательнице РГГУ, писавшей в это время учебник семиотики. И она привела этот пример совершенно всерьёз, выразив в примечании мне благодарность за него. Лингвистка, никогда не выдавшая Тимофея Петровича, извлекла из его смешных на вид слов научно ценное содержание.

Но для нас на содержание высказываемого накладывались внешность и голос профессора, и отделить форму от содержания было трудно. Контакта не получилось. Было непонятно, почему такой человек может работать на ОСИПЛ. Помню, как студенты самого старшего на тот момент четвёртого курса устроили с нами встречу, желая помочь советами, вела встречу Саша Раскина (жена А.Д. Вентцеля). Речь шла о разных преподавателях, и видно было, как обе стороны избегали фамилии Ломтева. Потом Лена Самсонова (Анохина) не выдержала и задала вопрос прямо в лоб. Старшекурсники постарались перевести разговор на другую тему: говорить плохо о профессоре было неудобно, а хорошего сказать было нечего.

Позже я понял, зачем Ломтев был нужен кафедре. С одной стороны, кафедра, находившаяся во враждебном окружении, искала

там союзников. А Ломтев, незадолго до нашего поступления бывший секретарём партбюро факультета, более всех факультетских профессоров благоволил к «новой» лингвистике. С другой стороны, Ломтеву было неуютно на кафедре русского языка (с которой его впоследствии выжили), не принимавшей его новаций, и хотелось рассказать понимающим студентам о том, что его переполняло. Но, конечно, симбиоз, продолжавшийся два или три года, не мог быть прочным, и на втором курсе современный русский язык дочитывала уже А.И. Кузнецова.

Ещё раз я встретился с Ломтевым незадолго до его смерти: он был главным редактором журнала «Филологические науки», куда я решил принести публикацию по диссертации. Он меня помнил и статью напечатал.

Говоря о первом курсе, нельзя не упомянуть общий для всех отделений курс латыни, который читала М.Н. Славятинская. Если у К.Е. Черевко неопытность в преподавании была очевидна, то тут казалось, что перед нами уже опытный педагог, а она была совсем молода, и мы были первыми её студентами. Читала она исключительно интересно. А уже на третьем курсе она предложила читать нам факультативно греческий язык, которого не было в программе. Сейчас такой бескорыстный подарок трудно и представить, а тогда это казалось естественным. С Мариной Николаевной, как и с В.А. Успенским, я не потерял контактов до сих пор.

Со второго курса нас взяла под свою опеку бывшая аспирантка Звегинцева Ариадна Ивановна Кузнецова, пропустившая большую часть предыдущего года из-за рождения дочери. Слава богу, она работает на кафедре по сей день и даже не особенно за полвека внешне изменилась. У нас она читала два больших курса «Структурные методы изучения языка» и «Современный русский язык» (продолжение курса Ломтева). Надо сказать, что курсы при, казалось бы, разном содержании были похожи друг на друга. Состояли они главным образом из рефератов разных работ американских дескриптивистов и наших лингвистов структурного лагеря. Человеческий контакт с ней у нас был, видно было, что она много читала и очень старалась, но слушать по много раз про анализ дистрибуции фонем и морфем в никому не известных индейских языках США было скучновато. Как-то Надя Вайсфельд (Браккер) из параллельной группы спросила Ариадну Ивановну: «Сегодня опять будете рассказывать про язык нутка?». И тени прошлого присутствовали. На одном из первых занятий Кузнецова говорила об идеях очень тогда знаменитого датского лингвиста Луи Ельмслева, живого классика (вскоре, ещё в наши студенческие годы, он умер).

И после занятия Таня Тихомирова (будущая Гуревич) воскликнула: «Так это же Ломтев!». Сходство с Ломтевым не способствовало интересу к новым для того времени идеям в лингвистике.

На третьем курсе мы познакомились с Себастианом Константиновичем Шаумяном (1914—2007), тогда легендарной личностью. Первым в СССР, чуть ли не в сталинское время, он провозгласил себя структуралистом, критиковал «традиционную науку», невзирая на лица, но был членом партии и не забывал про марксизм, когда это было нужно. Работал он в Институте русского языка, где заведовал сектором структурной лингвистики, и в штатный состав кафедры не входил. Говорили, что он внешне похож то ли на пашу, то ли на духанщика. У нас он прочёл три курса, включая «Семиотику», но все они сводились к изложению его «аппликативной модели». Описание модели он издал как раз перед знакомством с нами и обязал нас купить его книгу. Модель была сложная, с большим числом заковыристых терминов вроде *эписемион* и *ад-нектор*. Кое-как мы в ней разбирались три семестра, а Люся Нечаева даже увлеклась и написала у Шаумяна диплом. Он был рад тому, что, наконец, модель получила применение к неиндоевропейскому языку — японскому. Шаумян был известен за границей, и статью Нечаевой по диплому перевели на французский язык (первая публикация нашей группы за рубежом). Потом она, однако, занялась другим. А Шаумяна я ещё не раз видел на конференциях и учёных советах, пока в 1974 г. он вдруг не подал заявление на выезд. От него этого ждали меньше всего. Шаумян переехал в США, где прожил ещё более тридцати лет, продолжая развивать аппликативную модель; уже глубоким стариком он в 90-е и даже в 2000-е годы приезжал в Москву, и я его видел.

До четвёртого курса мы не имели дела с заведующим кафедрой. К тому времени уже сложилась традиция: Звегинцев не только не читает на младших курсах, но и не общается с младшекурсниками. Правда, к этому добавилось то, что когда мы были на первом курсе, Владимир Андреевич перенёс первый инфаркт и долго отсутствовал. Поэтому даже в лицо я его узнал не скоро. На четвёртом курсе и в первом семестре пятого курса мы прослушали у него два предмета: историю языкознания и теорию языкознания. Из этих курсов я первый сразу запомнил очень хорошо (не догадываясь, что с 1993 г. этот курс на ОСИПЛ/ОТИПЛ перейдёт ко мне), а второй прошёл мимо памяти. Сейчас ничего не могу восстановить, кроме отдельных случайных фраз. И дело было не только в сидевшем во мне с детства интересе к истории, как бы я его в юности ни преодолевал. Звегинцев много занимался и теорией, но по-настоящему

силён он был именно в истории (не только в изучении прошлого науки, но и в оценках научной современности).

Звегинцев был суховат, подчёркнуто официален в обращении, ко всем обращался (как и Шиханович) только по имени-отчеству или же с обращением «товарищ Х», что тогда в университетской среде стало исчезать. Некоторые его аспирантки не могли и до сих пор не могут ему простить того, что он не видел в них женщин. Звегинцев не любил длинных разговоров и формул вежливости, говоря: «Всё это вздор» (слово *вздор* он употреблял часто). Он всячески старался показать, что для него не существует различий между студентами, и избегал с ними общения за пределами чисто деловой сферы.

На занятиях по истории языкознания он заставлял нас досконально изучать изданную им очень содержательную хрестоматию по истории языкознания с фрагментами сочинений многих лингвистов XIX и XX веков. Все мы читали домашнее задание, а потом Звегинцев мог каждого из нас по его выбору заставить рассказать тот или иной текст. В заключение он подводил итог. В голову это укладывалось хорошо (по крайней мере, в мою). Когда я начал вести этот курс на ОТИПЛ, я ориентировался на традиции, заложенные Владимиром Андреевичем. Но времена меняются. Мы выполняли домашнее задание, и профессор мог спросить каждого, это я поначалу пытался сохранять и в преподавании, но оказалось, что в наше время заставить каждого студента всё читать стало невозможно. Теперь я и сам прошу студентов распределиться, кто будет что читать и рассказывать. И мои резюме часто занимают больше времени, чем рассказы студентов.

Повлиял на меня Звегинцев и в оценках тех или иных лингвистов и направлений. А главное, он приучил меня к историческому подходу в оценках лингвистов, отучивал от догматизма, учил, что у каждого серьёзного учёного можно найти нечто ценное, но истина неисчерпаема и до совершенства дойти невозможно. И в мои студенческие годы, и позже многие мои знакомые лингвисты фанатично увлекались какими-нибудь яркими личностями и их идеями, считали, что наконец-то найден путь к истине. Но Звегинцев привил, по крайней мере, мне, здоровый релятивизм. Я его причисляю к моим главным учителям, пусть я не так уж много с ним общался и тогда, и потом.

Были и некоторые другие курсы по лингвистике, некоторые из них читали уже молодые выпускники отделения. Борис Городецкий из первого выпуска, тогда аспирант, читал спецкурс по типологии. Другая аспирантка из первого выпуска, Ольга Крутико-

ва (Кривнова) на нашем пятом курсе вела уже большой предмет «Математические методы в лингвистике». Она — очень серьёзный фонетист (перед этим я иногда ей ассистировал в опытах, которые она ставила, когда писала диплом, и я видел, насколько она грамотна в экспериментальных науках в отличие от меня), недавно на кафедре прошёл её юбилей, и я ещё раз убедился, как её уважают. Но тогда ещё имела мало преподавательского опыта (позднее за почти полвека работы на кафедре она подготовила и продолжает готовить много учеников). На одном или двух занятиях её подменяла Аня Поливанова (дальняя родственница Е.Д. Поливанова), наша сверстница (мы с ней родились в одном месяце), но учившаяся курсом раньше, а теперь уже ставшая аспиранткой. И сразу скучноватый курс заблестел и засверкал. Аня (простите, давно уже Анна Константиновна) — прирождённый преподаватель. Как учёный она сделала меньше, чем исключительно работоспособная О.Ф. Кривнова, но она воспитала не одно поколение лингвистов в МГУ, позже в РГГУ, работала и до сих пор работает и в школе, где разрабатывает новые методики (и это при четверых детях). Но тогда она только-только начинала, мы слышали её лишь эпизодически, развернулась её деятельность уже после нас. Ещё был странный курс «Семантическая структура слова», читавшийся сотрудницей кафедры З.М. Мурыгиной. Слушая её, мне иногда казалось, что я сплю и во сне слушаю лекцию по лингвистике: встречаются знакомые термины, но всё столь же бессвязно, как во сне. Ещё запомнилась через каждые две минуты повторяемая её фраза: «Вот в этом-то всё и дело!».

Но ещё были факультативные курсы, которые могли дать очень много, но на которые не всегда хватало времени. Попадал я на них эпизодически, зато познакомился с двумя знаменитыми, тогда молодыми лингвистами А.А. Зализняком и А.Б. Долгопольским. Зализняк работал (как и сейчас) в академическом Институте славяноведения, а на факультете лишь вёл факультативно санскрит и семитские языки. Как раз в это время он защитил диссертацию, за которую ему сразу присвоили степень доктора (тогда, как и сейчас, это было редкостью). Я старался ходить хотя бы на санскрит, каждое занятие было исключительно интересно, но всерьёз заниматься санскритом времени не хватило. В последний студенческий год, когда Зализняк уже начал вести на факультете большие курсы, я тоже старался на них ходить, но опять регулярно это делать не получалось. Глядя на Андрея Анатольевича, я всегда при всём его демократизме его немного побаивался: чувствовал, что со слишком большой величиной имею дело. Но в 1982 г., готовясь к защите

докторской диссертации, я всё-таки рискнул обратиться к нему, и он стал моим оппонентом.

Арон Борисович Долгопольский, работавший в Институте языкознания, не только вёл факультативы по компаративистике, но и выступал несколько раз на научном студенческом обществе факультета с лекциями о современном состоянии проблемы языкового родства. Эти лекции особенно хорошо отложились в моей памяти. Многое почти дословно помню до сих пор. В это время Долгопольский вместе с В.М. Илличем-Свитычем начал впервые не только в нашей, но и в мировой науке изучение древнейших родственных связей языков, более дальних, чем, например, индоевропейская общность. Иллич-Свитыч тоже с 1965 г. начал вести на филфаке факультативный курс, но так получилось, что я лишь слышал о нём, но ни разу его не посетил, а летом 1966 г. Иллич-Свитыч в 32 года погиб, попав под грузовик, и я его не успел даже узнать в лицо. На занятия Долгопольского также не хватало времени, но когда я поступил в аспирантуру, он предлагал мне заняться под его руководством сравнением японского языка с диалектами Рюкю. Я некоторое время колебался, но всё же не решился уйти в это всё-таки совсем новое для меня дело. Позже этим займётся и получит выдающиеся результаты С.А. Старостин, но в наши студенческие годы он был ещё школьником, уже показывавшим высокие результаты на наших олимпиадах (в 1970 г. Таня Корчагина станет его первым преподавателем японского языка). А с Долгопольским я в 1973 г. полторы недели общался на вечерних военных занятиях в МГИМО, но спустя три года он уехал, не в США, как многие, а действительно в Израиль, где умер совсем недавно, летом 2012 г.

Но общепризнанным неофициальным лидером молодой советской лингвистики тогда считался И.А. Мельчук, в отличие от А.А. Зализняка и А.Б. Долгопольского никогда не появлявшийся на факультете, где со многими он тогда уже переругался. Но какая-то часть студентов находила путь к нему, в нашей группе это удалось Лене Салямонович (Струговой). Я лишь издали его видел, естественно, за пределами факультета, иногда слышал его выступления, но никогда не решался познакомиться с ним поближе. Лишь один раз на втором курсе я с ним разговаривал при не совсем обычных обстоятельствах. Курсовое комсомольское бюро решило провести диспут «Филфак и XX век», кто-то посоветовал пригласить Мельчука, которого я тогда лично ещё не знал. Вместе с одной студенткой русского отделения мы, недолго думая, пошли в Институт языкознания, он нас встретил во дворе на Волхонке, памятном мне с раннего детства (там в Институте истории до 1960 г. рабо-

тали мои родители), разговаривал очень непринуждённо, рассказал анекдот про М.Н. Зозулю и пообещал прийти, предупредив, что у нас могут быть неприятности. Не знаю, что было бы, но вопрос решился сам собой: партбюро идею диспута не поддержало, и он не состоялся. В те же годы восходила и звезда Ю.Д. Апресяна, я читал с большим интересом его выходявшие книги, однако с ним самым познакомился уже после окончания МГУ.

За год до нашего окончания программы, как я уже говорил, изменились: математику урезали, А.А. Зализняк стал читать большие курсы, включая «Введение в лингвистику». В это же время А.Е. Кибрик и А.И. Кузнецова начали на кафедре экспедиционную деятельность, которая вскоре стала там одним из главных направлений. Но мы, к сожалению, туда опоздали, наша студенческая жизнь уже кончалась. Мы оказались последним курсом, из которого никто не ездил в экспедиции. Потом я всегда испытывал комплексы перед теми, кто учился после нас. Из них почти все, кто как-либо зарекомендовал себя в лингвистике, имели экспедиционный опыт и умели изучать язык в полевых условиях. А я так и остался «книжным червём».

Ещё одним курсом, который трудно причислить куда-то, была психология, которую читал известный учёный, профессор Николай Иванович Жинкин (1895—1979). Он не работал на кафедре, но много лет был связан с МГУ, а филфак любил: помню, как в конце 70-х гг., он, уже очень старый и больной, продолжал состоять там в диссертационном совете, и диссертанты должны были его привозить на заседания, их посещения для него были по-прежнему важны. Нашим девушкам он напоминал К.И. Чуковского, лекции читал несколько в сказовой манере, показывал, как говорят обезьяны. Он был нам симпатичен, мы чувствовали, что имели дело с крупной личностью (его труды получили международную известность, и их изучают до сих пор: мне недавно пришлось оппонировать в РГГУ по диплому, посвящённому его наследию). Но курс Николая Ивановича мало был связан со всеми остальными, и полученные от него знания нам как-то некуда оказалось пристроить.

Наконец, самой тяжёлой частью обучения (не в смысле сложности экзаменов) были прикладные курсы. Читали нам программирование, вычислительные машины, акустические методы и что-то ещё. Помню очень милую Л.Д. Панову, дочь крупного специалиста по вычислительной технике, Ю. (отчество забыл) Барабошкина, сотрудника лаборатории Чудновского. Бороду Чудновского помню, а сами курсы провалились куда-то из сознания. Кроме всего прочего, читали их люди, далёкие от преподавания.

Главным прикладником на кафедре в первые её годы считался Юрий Михайлович Отряшенков, он был и заместителем Звегинцева. Я на первом курсе ещё был полон энтузиазма в отношении машинной лингвистики и пошёл к Отряшенкову, он меня принял и дал мне одну экспериментальную тему по фонетике, потом другую. Ему надо было укорениться на кафедре, и он искал «своих» студентов, из которых задержалась в машинных (фонетических) делах одна Ольга Кривнова (тогда ещё Крутикова) благодаря своему упорству и умению работать самостоятельно. Я же, хотя и промучался с Отряшенковым три курса, но чем дальше, тем больше чувствовал, что делаю не то. И вина в том, как я позже понял, лежала на обеих сторонах. У меня интерес к машинам был лишь модным поветрием, а по заложенным с детства привычкам я был всё же гуманитарием. Вообще отмечу, что очень многие студенты ОСИПЛ разных лет, в юности желая уйти подальше от профессии родителей, потом приходили к ней. Самый яркий случай — учившийся на три курса моложе нас сын сценариста Павел Лунгин, который окончил отделение, но потом тоже подался в сценаристы, а затем и в кинорежиссёры. И вышеупомянутая Саша Раскина, дочь писателей, очень яркая девушка, не прославилась в лингвистике, зато прекрасно сделала русский вариант популярной американской книги о языке, многое удачно дописав или переделав. А у меня был и есть ещё один недостаток: я плохо умею работать руками (за что меня уже 36 лет пилит жена). Но, как я стал понимать, и Отряшенков не разбирался в вопросах, над которыми заставлял меня думать. Позже мне рассказали, что Отряшенков, претендовавший на роль акустика и фонетиста, был на самом деле инженером-электронщиком, далёким от всего, чем занимались кафедра и лаборатория при ней. Но, открыто презирая гуманитариев, он думал, что они всё равно не разберутся. Но разобрались, вскоре после моего разрыва с ним он исчез с кафедры, его место заняла переехавшая из Казани в эти же наши студенческие годы Л.В. Златоустова, очень серьёзный фонетист (и именно лингвист, а не инженер). При ней экспериментальные исследования на кафедре развернулись по-настоящему, она руководила ими много лет до смерти в 2011 году. Может быть, при ней я смог бы что-то сделать, но Отряшенков отвратил меня от машин и от фонетики. Расстались мы с ним в конце третьего курса со скандалом, он поставил мне «отлично» за курсовую, но когда он дал мне ещё одну явно не лингвистическую работу на летние каникулы, а я стал возражать, то он мне сказал, что учёного из меня никогда не выйдет. Я расстроился, но мать разъяснила мне, что не надо слушать каждого,

с кем я столкнулся. С тех пор я Отряшенкова не видел; сейчас, как мне рассказывали, он уже умер.

Надо было искать что-то другое, и я пошёл к Александру Евгеньевичу Кибрику (1939—2012). Я запомнил его с первого курса. Его называли заместителем Звегинцева, хотя, он, конечно, не занимал тогда эту должность, так как ему было только 24 года (выглядел он старше своих лет). Но уже в те годы он стал одной из ведущих кафедральных фигур, «небожитель» Звегинцев поручал ему всю текучку. У нас он прочёл только один чисто прикладной курс, причём секретный: описание темы по обработке информации, которую он вёл на кафедре по заданию военных (по этой теме до того, на втором курсе мы проходили и летнюю практику). Тематика курса не была интересной, но благодаря личности читавшего он проходил живее остальных аналогичных (сходная ситуация позже была с Поливановой). Курсовые же работы у него писали по разным темам. Мне он сначала предложил тему, не пахнущую Отряшенковым, без ручной работы, но тоже экспериментальную: что-то психолингвистическое. Я с трудом её выполнил. Он поставил «пятёрку», но сказал слова, которые помню до сих пор и недавно пересказал на его поминках: «Для эксперимента Вы не созданы. Возьмите какую-нибудь теоретическую тему, лучше такую, где высказывались разные точки зрения, сопоставьте их, разберите и предложите своё». Позже я понял, что он отлично разбирался в людях. К экспериментам я больше и близко не подходил. Тему диплома о типологии порядка слов я предложил сам, Кибрик её одобрил, и впервые у меня всё получилось успешно, на основе диплома я опубликовал две статьи. Наверное, я мог бы её продолжить, но в Институте востоковедения надо было выбрать чисто японистическую тему, а потом о типологии порядка слов (в 60-е гг. тема ещё не слишком разработанная) стали писать очень многие, и свободного места там уже не было.

С Александром Евгеньевичем, всю жизнь проработавшим на кафедре, я много контактировал и позже. Увы, главным делом его жизни стали экспедиции, а я, как и вся наша группа, туда не попал. Но у меня с ним было много и других точек соприкосновения, особенно в последние двадцать лет, когда он заведовал кафедрой, именно при нём я стал на ней систематически преподавать. Кафедра при нём развивалась очень успешно, и его уход 31 октября 2012 г. — невосполнимая потеря.

Из-за сложностей с написанием курсовых я за все студенческие годы не выступил ни на одной научной конференции. Но я постоянно бывал и иногда делал доклады (скорее реферативного харак-

тера) на заседаниях научного студенческого общества (НСО), где выступали и «взрослые» вроде А.А. Зализняка и А.Б. Долгопольского, а также В.В. Шеворошкина, расшифровавшего карийский язык и сделавшего два доклада об этом. Тогда Шеворошкин был очень популярен (расшифровал язык, как Шампольон), но потом его слава как-то пошла на спад. Потом он тоже эмигрировал, и я в 1994 г. его встретил в США в Мичиганском университете в Энн-Арборе, где к тому времени упразднили лингвистику (а нам Ариадна Ивановна рассказывала о Энн-Арборской школе), Шеворошкина же оставили читать магистрантам-советологам старославянский язык для их общего развития. Чувствовал он там себя, как мне показалось, неуютно. Как член НСО, я со второго курса имел возможность пользоваться научным залом библиотеки МГУ.

А студенческих конференций, как я уже отмечал, при мне было две. Не делая докладов, я участвовал в их организации, во второй раз в 1967 г. отвечая за экскурсию во Владимир и Суздаль, ездил для этого в Первый автобусный парк на Краснопресненской набережной (потом на его месте построили Белый дом). Во Владимире и Суздале я был впервые, помню, как в церкви в Кидекше грузинские студентки поднялись на хоры и пели что-то очень мелодичное. Их спросили, как называется песня, они сказали: «Наша любимая партия». А одна из докладчиц из Риги выступала по-английски, тогда для внутрисоюзных конференций это казалось нонсенсом. Студентка объяснила, что английский язык она знает лучше, чем русский. С коллегами из других городов (по крайней мере, у меня) тогда контактов не сложилось (иначе было позже, когда я участвовал в конференциях молодых востоковедов), зато установились контакты с лингвистическим отделением Института имени Тореца, в том числе с уже упоминавшейся Зоей Шаляпиной.

Много мне дала и упоминавшаяся олимпиада, инициатором которой был учившийся двумя курсами старше нас Алик (Альфред) Журинский (1938—1991). Это была легендарная личность на факультете: он один не боялся Шихановича и мог ему противостоять. Ему первому пришла в голову идея давать школьникам задачи, иллюстрирующие те или иные лингвистические явления. Для решения задач на материале самых разных, но заведомо не известных школьникам языков надо проявить логику и умение мыслить. В число задач входила (и входит до сих пор) также задача № 0, в которой требовалось перевести определённый текст на любой известный школьнику язык; так проверялось и знание школьных языков, и полиглотизм. Как и в других случаях, не ориентировались на западные образцы, которых тогда не было; наоборот, по

образцу нашей олимпиады потом начали устраивать нечто подобное и в других странах.

Первая олимпиада прошла в феврале-марте 1965 г. и целиком состояла из задач, придуманных Журинским. Её подготовку держали от студентов в секрете, и нам сообщили о ней за полторы недели до первого тура, когда студенты должны были помогать в оргделах, в том числе разносить афиши по школам. На мою долю выпал знаменитый Колмогоровский, как его называли, математический интернат в Кунцеве. Ехал туда с афишей при ощущении того, что еду в храм науки. В некоторые школы, включая ту, где сам учился, я тогда и несколько лет после этого заходил и агитировал. На самом туре мы должны были дежурить в аудиториях, раздавать условия задач, следить за порядком и собирать решения. Начиная со второй олимпиады составление задач стало коллективным делом, и я постепенно включился в деятельность задачной комиссии. Уже на старших курсах мне было также поручено закупать по московским книжным магазинам книги для премирования победителей.

Олимпиады выявляли ярких людей, благодаря им стало возможно поступать на отделение не наобум, как мы, а целеустремлённо. Многие ныне известные лингвисты прошли сначала через олимпиады, а потом через ОСИПЛ. Я уже упомянул Серёжу Старостина, который, кроме всего прочего, был потомственным полиглотом. Был и другой вундеркинд-полиглот Саша Лерман; помню, как он написал нулевую задачу на старофранцузском языке, и я долго искал по факультету тех, кто мог бы её проверить. Замечу, что проверить текст по-старофранцузски оказалось всё же легче, чем аналогичный текст по-татарски, хотя две татарки учились на романо-германском отделении моего курса: выяснилось, что хотя они дома говорили на родном языке, но никогда на нём не читали и не писали и не знали орфографии. Старостин и Лерман тогда дружили и вместе ходили на «взрослые» семинары, но потом судьбы их сложились по-разному. Старостин после ОСИПЛ быстро достиг огромных успехов в науке (не только в японистике, но в изучении множества языков) и жил в Москве. Лерман же не стал поступать на отделение, увлёкся музыкой, выступал в ВИА, а в двадцать с чем-то лет отбыл в США, где занялся-таки лингвистикой, но здесь не прославился так, как Старостин. А в итоге оба не дожили до шестидесяти. Замечу, что в календаре знаменательных дат в Гугле годовщину смерти скончавшегося год назад Лермана упомянули, поскольку он был солистом музыкальных групп, а Старостин такой чести не удостоился, хотя и был учёным мирового значения

и членом-корреспондентом РАН. Рано ушёл из-за мозговой опухоли и Журинский, работавший много лет в секторе африканистики Института языкознания.

Со студенческих лет помню и других победителей и призёров первых олимпиад, пусть не полиглотов, но отличавшихся способностями. Из них победитель третьей олимпиады Миша Алексеев — сейчас мой заместитель в Институте языкознания, а с призёром первой олимпиады Олей Столбовой я работал до недавнего времени в Институте востоковедения; оба давно доктора наук. Но были и печальные судьбы: победитель первой олимпиады Володя Терентьев, исключительно талантливый школьник, так и не вышел из состояния вундеркинда, в науке не преуспел и даже пытался покончить с собой; его спасли, но он нестарым умер от рака. А многие олимпиадники потом нашли в жизни иные пути, как тот же П. Лунгин; встречал я участников олимпиад и в Институте востоковедения среди историков и экономистов. В организации олимпиад, прежде всего, их задачной части, я продолжал участвовать и тогда, когда не был связан с МГУ; занимаюсь олимпиадами даже сейчас.

С поисками будущих студентов была связана и моя деятельность на старших курсах, когда я работал в приёмной комиссии и беседовал с поступающими на отделение. Некоторые из них потом поступили, кое-кого я вижу и сейчас. И даже не будучи связан с отделением после его окончания, я иногда по старой памяти и в аспирантские годы заходил в приёмную комиссию и беседовал с абитуриентами.

Кафедра в те годы занимала целый отсек (семь или восемь комнат) в том здании, где тогда находился экономический факультет, а с 1970 г. факультет журналистики; раньше в отсеке была университетская поликлиника. Большую часть занимала лаборатория, царство Отряшенкова, позже Златоустовой; были также кабинет Звегинцева и две комнаты для занятий. Сам филологический факультет располагался на другой стороне улицы Герцена (теперь Большая Никитская), там проходило и большинство лекций и семинаров. В 1970 г. его территория перешла к ИВЯ (затем ИСАА), занимавшему при нас лишь другое крыло того здания. Как-то, проходя с нами по истории лингвистики тему «Младограмматики» (направление немецкой лингвистики конца XIX в.), В.А. Звегинцев показал пальцем в окно на другое здание и сказал: «А вот там это направление до сих пор господствует». Конфликт кафедры и остального факультета как бы переходил и в территориальную разобщённость.

Этот конфликт при нас уже был в разгаре и продолжался много лет. Звегинцев и часть его людей считали остальной факультет находящимся на уровне науки XIX века, а многие из другой части факультета видели в ОСИПЛ «потрясение основ» и «следование модным течениям» (Ломтев был исключением, поэтому Звегинцев допустил его к нам). Были тут и идейные причины, некоторые противники кафедры подводили под конфликт «идеологическую базу». Я (и, как мне кажется, большинство из нас) их тогда всерьёз не ощущал, пока уже перед самым нашим окончанием не произошла история с Шихановичем (дело Синявского и Даниэля, из-за которого несколько раньше бурлил факультет, к ОСИПЛ не относилось). Зато было очевидно научное противостояние, а кроме того, даже мы чувствовали во многих случаях личные причины (в наши дни любят всё сводить к противостоянию «тоталитаризма» и «демократии» с однозначными оценками, забывая, что ещё были живые люди со своими амбициями и чувствами). Тогда я, конечно, был патриотом своего отделения и своей кафедры; не могу не вспомнить слова полковника на военных сборах уже в мои аспирантские годы: «Каждый из вас должен быть патриотом своего рода войск». А сейчас понимаю, что в таких случаях не бывает ни во всём правых, ни во всём виноватых.

Например, на кафедре (безусловно, по инициативе самого Звегинцева) был прямо «антикульт» академика В.В. Виноградова. Академик в те годы продолжал заведовать кафедрой русского языка, но был уже болен и не часто бывал на факультете (умер он в мой второй аспирантский год), я видел его только издали. Я слышал о нём ещё до поступления в МГУ, он был очень знаменит и именит, но на кафедре все его ругали. Помню, как З.М. Мурыгина с торжеством рассказывала, как новая секретарша декана А.Г. Соколова, не зная Виноградова в лицо, крикнула, когда в приёмную вошёл академик: «Алексей Георгиевич, к Вам какой-то пенсионер». Пусть Виноградов мог считаться в те годы консерватором в науке, но научный уровень его и Мурыгиной был несопоставим. Впрочем, Виноградов не оставался в долгу. Почти единственное моё личное о нём воспоминание: на моих глазах он подвёл к М.Н. Зозуле какого-то молодого человека и сказал: «Вот, Михаил Никитич, наш новый аспирант из Венгрии, к счастью, не по структурным методам».

И лишь за несколько месяцев до смерти Звегинцев рассказал мне, с чего начался их конфликт. Задолго до нашего поступления в МГУ Виноградов, вообще склонный к коллекционированию, попросил Владимира Андреевича, знакомого с известным искус-

ствоведом А.М. Эфросом (к 1963 г. давно умершим), привести его посмотреть собрание картин. И Эфрос при Звегинцеве обнаружил в коллекции академика «фальшаки». Этого Виноградов, по мнению Звегинцева, никогда не простил свидетелю его унижения, поэтому выгнал его из Института языкознания и пытался выгнать из университета. И заведующие кафедрами с тех пор не выносили друг друга, а это передавалось и их подчинённым. Сейчас я понимаю, что оба они были, при всей сложности характеров, большими учёными, но компромисса так и не нашли.

Обособленность кафедры, усиливавшаяся территориальным обособлением и специфическими занятиями части её сотрудников, прежде всего лаборатории, распространялась и на часть студентов. Многие из них (больше, пожалуй, не на нашем, а на других курсах) считали себя студентами не столько факультета, сколько отделения. Для некоторых постоянным местопребыванием была кафедра, где, если не было занятий, они сидели на столах или подоконниках и курили. Помню слова нашего однокурсника Игоря Ривкина об Ане Поливановой: «На кафедре каждая паркетинка её знает». Я тоже сначала поступал не на филфак, а именно на ОСИПЛ, но по мере втягивания в факультетскую жизнь домом для меня стал весь факультет, а дружил я со студентами самых разных отделений и моего, и соседних курсов, пусть науки, которыми мы интересовались, были разные. Бывали у нас и общие занятия: не только физкультура и военное дело, но и, например, занятия французским языком в качестве третьего. В нашей группе были и лингвисты и романо-германцы, там я подружился с Катей Гениевой (ныне директор Библиотеки иностранной литературы); в отличие от английского языка нам попался хороший преподаватель Т.Н. Громова, с тех пор я могу по-французски, по крайней мере, читать. Но главным, что меня сближало с остальным факультетом, была общественная работа. Я ещё со школьных времён привык думать, что без неё жить нельзя (теперь новые поколения всё уже представляют по-другому). Была ещё причина: я трудно схожусь с людьми, а общественные дела давали возможность находить поводы для общения, которое потом со многими из наших студентов распространилось и на другие сферы жизни.

Общественная работа бывала и на кафедральном уровне: те же олимпиады, НСО. Но большая её часть шла на уровне факультета, иногда и всего университета. Правда, я мало вёл её на первом курсе, когда, перейдя от школьной к университетской жизни, испытывал трудности вживания. Но со второго курса я постоянно чем-то занимался, дважды был в курсовом комсомольском бюро, один

раз в факультетском бюро, а в последний мой студенческий год оказался старостой курса, выдвинула меня новый инспектор курса Г.Г. Виноград. Сыграло роль в назначении и то, что я благодаря общественной деятельности в той или иной степени знал на курсе каждого (что для студента ОСИПЛ было редкостью). В комнате факультетского комсомольского бюро я провёл, пожалуй, не меньше времени, чем на кафедре. Для меня, в отличие от некоторых других студентов (особенно в более поздние годы), не было различия между деятельностью по олимпиадам и НСО, с одной стороны, и комсомольской работой, с другой: всё было частью некоторого важного для меня целого. В 2011 году я оказался на конференции в главном здании МГУ, где не был много лет, там перед заседанием надо было в соседней комнате оставить пальто, и я вдруг понял, что нахожусь в бывшем помещении комитета комсомола МГУ, где когда-то не раз бывал. Сразу нахлынули воспоминания.

Тогда студенты активно вмешивались во «взрослые» дела вплоть до учебных планов и программ. На втором курсе я попал в бюро (бурное отчётно-выборное собрание шло через неделю после внезапного снятия Хрущёва, студенты отнеслись к событию по-разному, но оно всех подтолкнуло к общественному подъёму), где получил учебный сектор. Мы во главе с секретарём Юрием Беляевым сразу же занялись ни более, ни менее как составлением предложений по изменению учебных программ. Написали предложения о том, что желательно ввести, а что исключить, и понесли это в деканат. Декан даже собрал ради нас заведующих кафедрами. Это несколько напоминало 20-е годы, когда, как рассказывал (в том числе в воспоминаниях) мой отец, все программы вузов и техникумов проходили через студенческий совет. Но в 1964 г. времена были другие, и наши предложения (как я сейчас понимаю, довольно наивные), разумеется, ушли в песок. Но недовольство тем, что нам читают (больше не на ОСИПЛ, а на других отделениях), зрело, и вскоре мы затеяли уже мной упоминавшийся диспут «Филфак и XX век», из-за которого я познакомился с И.А. Мельчуком. Но диспут не разрешили, а наше бюро вызвали «на ковёр» в комитет комсомола МГУ. Излагать нашу точку зрения, как и позже в случае жалобы на Шихановича, в основном пришлось мне. Секретарь комитета Саша Шабанов отнёсся к нам милостиво, всё обошлось без взысканий, Беляева даже не сняли, только некоторые из членов бюро после этого разочаровались в общественной работе. В 90-е гг. мне пришлось встретиться (и опять в рамках общественной деятельности) и с Шабановым, и с Беляевым: первый одно время возглавлял Московскую организацию КПРФ, а второй мелькал среди национал-патриотов.

Потом мы то устраивали КВН с Институтом иностранных языков, где я тоже играл (проиграли), то ходили в деканат защищать представленных к отчислению студентов, этим я занимался и как староста курса. Тогда я усвоил немного циничную истину: если помогаешь всем, то тебя не послушают, а если среди, скажем, троих выбираешь для защиты одного, то можно добиться успеха. Но самым грандиозным мероприятием стала организация первого факультетского стройотряда в Пущине летом 1966 года. Стройотряды в МГУ были уже давно, но филфак как в основном женский факультет в этом не участвовал (бывала лишь «картошка», но как-то получилось, что наш курс на неё не съездил ни разу). Теперь решили создать и эту традицию, которая потом продолжалась несколько лет. Избрали командира отряда из студентов, прошедших армию, а комиссаром стала моя хорошая знакомая с русского отделения Лариса Бахурина. Это была очень интересная девушка с лингвистическими в то время интересами, но бросавшаяся в крайности: от семантики предлогов она потом ушла в социологию чтения, а после комсомольской деятельности кинулась в диссидентство (много мы с ней спорили в Москве и даже в Варшаве), потом в религиозность. Жизнь её в итоге сложилась не очень счастливо. Меня назначили ответственным за учёт состава отряда. ОСИПЛ нашего курса, кажется, был представлен только мной, а тогдашний первый курс отделения захотел почти полностью отправиться на стройку. И вот их судьбы: упомянутая О.В. Столбова, уже тогда очень серьёзная девушка, стала видным лингвистом-африканистом, другая студентка, отличавшаяся большой бойкостью, в наши дни стала секретарём МГК КПРФ по идеологии, один из студентов из лингвистики ушёл сначала в пушкинисты, потом в равнины, а А.Н. Барулин создал второе в Москве лингвистическое учебное заведение — Институт лингвистики РГГУ. В Пущине научный центр тогда только строился, мы работали на установке бордюра на дорогах и на бетонировании подвала (помню, как будущий раввин, поскользнувшись, ногами обрушил целую стенку). У меня были всегдашние трудности с работой руками, но было весело. Я там приобрёл знакомых, с которыми общаюсь по сей день.

После Пущина в сентябре началось персональное дело студента романо-германского отделения Юры Рылова, который не поехал туда, представив фиктивную справку. Было ещё одно бурное собрание, описанное тогда в газете «Московский университет». Учился Юра хорошо, но вёл себя не совсем удачно и не пользовался симпатиями. Настроение собрания было довольно единодушным против Рылова, я тоже выступал против. Проголосовали: исклю-

чить. Однако комитет комсомола МГУ, как перед этим не стал карать нас, так не стал и добивать Рылова: исключение заменили выговором. Рылов успешно кончил МГУ, и я несколько лет назад встретил его в Воронежском университете, где он заведует кафедрой в ранге профессора.

Другие из моей группы относились к общественным делам по-разному, но когда после четвёртого курса студентов-общественников решили премировать во время каникул поездкой в соцстраны, то из шестерых (к тому времени) отметили троих: Люсю Нечаеву, Лену Салямонович и меня. Девушек включили в группу, отправлявшуюся в ГДР, а я попал в Польшу, где три недели почти без денег (они были, но не было возможности их получить) бегали по Варшаве, Кракову, Вроцлаву и Познани в составе 25 человек. Организовано всё было плохо и со стороны начальницы группы, преподавательницы факультета, и со стороны поляков, и вот тут действительно нам приходилось заниматься самоуправлением. За два дня до отъезда, наконец, на нас свалилась некоторая сумма, и нашу женскую часть (22 из 25) остановить уже было нельзя, все побежали в универмаги. А я просто не знал, на что тратить деньги. В составе группы были люди, потом получившие известность: Е.Ю. Гениева, теперешний главный редактор журнала «Иностранная литература» А.С. Ливергант, зав. славянской кафедрой филфака Н.Е. Ананьева и др. У других жизнь сложилась не так удачно, но тогда все были молодые и весёлые. Это была моя первая заграница, всё было интересно, хотя, конечно, нашей группе хотелось побывать в Японии. Но студенты тогда туда не ездили, и мы смогли поехать в свою страну уже позже (я впервые в 1973 г.). Потом в ответ в Москву приехали польские студенты, с ними надо было тоже работать, но большинство из ездивших за границу оказались вне досягаемости, а я вместе с двумя студентками — полонистками отдувался за остальных, катая их по Москве-реке и второй раз за один год попав во Владимир и Суздаль. Помню, как польские девицы были разочарованы тем, что в церкви Покрова на Нерли внутри нет росписи. Я объяснял, что древние фрески не сохранились, в ответ было сказано: «Так можно же заново расписать!». Казалось, что у нас единый соцлагерь, но постоянно приходилось наткаться на взаимонепонимание.

Так шла студенческая жизнь, потом завиднелся её конец. Встал вопрос о дальнейшей судьбе. Мне по всем привычкам и жизненным установкам хотелось заниматься научной работой, тем более что неприятности с Отряшенковым давно были в прошлом, а с дипломом у Кибрика всё шло нормально. Вероятно, я мог бы попасть

в аспирантуру кафедры, но не хотелось отказываться от японского языка. Преподавать язык не хотелось тоже. Моя мать, как всегда, дала мудрый совет: идти нужно в аспирантуру академического Института востоковедения. Я уже знал, что там работает И.Ф. Вардуль, который интересовал меня со второго курса. Мать знала в институте многих, включая директора Б.Г. Гафурова, и в декабре 1967 г. я был вызван для беседы к заместителю директора и заведующему Отделом языков В.М. Солнцеву, уже после Нового года я пошёл к нему ещё раз и тогда познакомился с Вардулем. Неожиданно я узнал, что туда же собирается идти и Лена Саламонович, которую порекомендовал Вардулю его старый друг В.С. Гривнин. Я очень боялся перейти ей дорогу, поскольку мамы связи были сильнее, но Солнцев и Вардуль пообещали, что можно будет взять обоих, это потом и осуществилось. Позже с их (особенно Вардуля) помощью удавалось устроить в Институт востоковедения ещё ряд выпускников отделения.

Я занимался не только своим трудоустройством, но и трудоустройством других как староста курса и председатель студенческой комиссии по распределению. Лингвисты в основном нашли себе работу сами, хотя надо было отбиваться от плановых заявок из разных «почтовых ящиков», предлагавших неинтересную работу по информационному поиску. Труднее было, например, русскому отделению: до того его выпускников, включая москвичей, направляли в провинциальные школы, куда никто не хотел ехать; на нашем курсе, однако, Министерство просвещения от выпускников МГУ отказалось, и большинству давали свободный диплом. Я сидел целыми днями на предварительном распределении, потом на окончательном распределении; от принудительных направлений все, кажется, в итоге отбились, хотя не всегда сразу.

Тем временем раскручивалось дело Шихановича, в котором тоже пришлось участвовать. На мне оно не сказалось, исключая один неприятный разговор со Звегинцевым. Кафедра давала мне общую рекомендацию в аспирантуру, но не рекомендацию в аспирантуру кафедры, поскольку уже было известно, что я иду в Институт востоковедения. Кафедра выдвинула уже упоминавшегося Колю Перцова. Но деканат, всегда довольно злой на кафедру, вдруг не принял эту кандидатуру, начался очередной виток склоки. И тут неожиданно меня вызвал М.Н. Зозуля и предложил как кандидату на диплом с отличием и общественнику поступать в аспирантуру на кафедре. Это была какая-то игра деканата: хотели одновременно насолить кафедре и показать отсутствие дурных намерений. Я этого совершенно не ожидал и позвонил Звегинцеву посоветоваться.

Никогда ни до того, ни после того он не был со мной так резок. Очень жёстко он велел не мешать Перцову и ни на что не соглашаться. Мне было неловко, но приказ, естественно, я выполнил, тем более что он соответствовал моим намерениям. Но бедного Колю в аспирантуру так и не взяли. Он не пропал, сейчас он тоже доктор наук, однако места в аспирантуру кафедры в тот год лишилась, кажется, единственный раз за много лет.

Дни защит дипломов и государственных экзаменов я тоже с утра до вечера проводил на факультете, выполняя поручения инспектора курса. Диплом я защитил без проблем (на защиту приходил И.Ф. Вардуть). А вот единственный государственный экзамен по научному коммунизму чуть не лишил меня красного диплома: мой ответ не понравился молодому экзаменатору (в том числе мы разошлись с ним в оценке тогда, в июне 1968 г. ещё начинавшихся событий в Чехословакии). Спасла меня Г.Г. Виноград, которая кинулась меня спасать и спасла. Так что хотя бы один раз моё участие в общественной работе мне действительно помогло.

1 и 2 июля 1968 г. мы получили дипломы специалистов по структурной и прикладной лингвистике с вкладышами, удостоверявшими прохождение курса японского языка. Осенью мы с Леной сдали экзамены в Институте востоковедения, и началась моя жизнь в этом институте, продолжавшаяся сорок четыре года.

О современной лингвистике

(лекция, прочитанная в Институте иностранных языков

25 марта 2010 г.)

Данную лекцию не следует рассматривать как обзор современных лингвистических публикаций. Я не буду давать библиографические ссылки, не буду пересказывать содержание тех или иных работ, в докладе прозвучит не так много фамилий лингвистов. Моя цель — охарактеризовать некоторые, на мой взгляд, наиболее важные особенности современного этапа развития науки о языке, выделить приоритетные области исследований и подходы к ним, а также сопоставить современный этап с предшествующими. Для этого мне будет нужно выделить некоторые общие закономерности развития лингвистики как науки.

В отличие от ряда других наук, скажем, истории, в лингвистике (или, что то же самое, языкознании) в течение веков особенно не менялись представления и о самом предмете, и о задачах и целях. Если мы сравним грамматику Дионисия Фракийца (II в. до н.э.) и современный школьный учебник русского языка, то обнаружим в этих двух текстах много общего. Сходно понимание языка — как некоторой системы правил, извлекаемой из множества уже существующих, а не придуманных автором текстов. Сходно выделение основных изучаемых областей языка — фонетика, морфология, синтаксис (они и изучаются в том же самом перечисленном порядке). Сходны многие основные понятия и термины (русские термины часто представляют собой кальки с древних языков): звук, гласный звук, согласный звук, слово, предложение, часть речи, глагол, наречие, местоимение, падеж, лицо, наклонение, залог и т.д. Правда, синтаксическая терминология современного учебника появилась не в античности, а позже, но тоже давно: в XIII-XVI вв. И та же задача: научить правильно писать и говорить.

Конечно, задачи современной лингвистики гораздо шире и многообразнее. Многие специалисты выделяют три подхода к изучению языка: описательный (дескриптивный), объяснительный и нормативный (прескриптивный). Первый подход фиксирует те или иные языковые явления, второй объясняет причины этих явле-

ний, а третий дает предписания и рекомендации по их употреблению. Точнее, как теперь уже ясно, нормативный подход — лишь часть прикладного подхода. Когда-то прикладные задачи сводились к обучению правильному языку (родному или чужому) и созданию и поддержанию языковой нормы. Теперь с развитием культуры и науки их становится всё больше; скажем, в середине XX в. появилась задача общения человека и машины, которая не может решаться без участия лингвистов. Но появление новых задач не отменяет старые. Практические задачи не раз стимулировали развитие тех или иных идей и методов в «чистой» науке: так было в СССР в 20—30-е гг., когда создавали алфавиты для многих языков, позже так было с исследованиями по машинному переводу. Это происходит и сейчас, но я из-за недостатка времени далее сосредоточусь на теоретических проблемах науки о языке, хотя, как известно, хорошая теория прямо или косвенно должна иметь выход в практику. Исторически прикладной (нормативный) подход был первичным, но «чистая» наука о языке также существует достаточно давно: с «философских грамматик» схоластов XIII–XIV вв.

Помимо деления лингвистики на описательную, объяснительную и прикладную, можно провести еще одно важное деление, относящееся и к описательной, и к объяснительной науке. Сильно огрубляя ситуацию, можно сказать, что наука о языке может изучать три связанных между собой, но всё же разных вопроса: «Как устроен язык?», «Как изменяется язык?» и «Как функционирует язык?». Первый вопрос является основой для двух других, поэтому исторически изучения языка всегда начинается с него. Всем известные со школьных времен парадигмы склонения и спряжения, строившиеся еще в Древней Греции, — пример изучения устройства языка в отвлечении и от его развития, и от его функционирования.

Любая история науки — не однолинейный процесс постоянного движения вверх. Широко известный метафорический образ развития по спирали хорошо подходит к лингвистике. В разные эпохи на первый план выходили то одни, то другие проблемы.

Исконно и в Европе, и в других культурных ареалах, где появлялись собственные лингвистические традиции (Индия, Китай, Япония, мусульманский мир), изучали язык как неизменное явление, а если изменения замечались, то рассматривались как «порча». Всё внимание уделялось устройству языка. Но в XVIII в. в науку о языке вошла идея историзма, и весь XIX в. научная лингвистика считалась исторической наукой. Изучение современных языков, разумеется, не прекращаясь, считалось скорее практической, чем

научной задачей, недостойной университетских профессоров. Но с начала XX в., особенно после появления в 1916 г. «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, изучение языков в их современном состоянии стало рассматриваться как основная задача лингвистики, а исторические штудии ушли на второй план. Структурная лингвистика, господствовавшая в теоретической науке о языке в течение почти полувека, опять сосредоточилась на изучении структуры, то есть устройства языка. Однако в последние десятилетия впервые в центре внимания оказалась самая сложная проблема функционирования языка в самых различных ее аспектах. К этому вопросу я дальше вернусь. Что же касается изучения языковой истории, то ею, разумеется, не перестали заниматься, и как раз в наше время историческое и особенно сравнительно-историческое языкознание, значительно расширив материал исследований, добилось очень значительных результатов. Об этом год назад здесь рассказывала член-корреспондент РАН А.В. Дыбо (что дает мне возможность подробно на данном вопросе не останавливаться). Но в теоретическом отношении данная область науки почти весь XX век находилась в стороне от основных лингвистических дискуссий, а наибольшие результаты здесь получили ученые, базирующиеся на принципах, выработанных еще наукой XIX в.

Развитие по спирали можно видеть и в том, какой стороне языковой системы уделяется преимущественное внимание. В европейской традиции центральной частью лингвистического описания истонно была морфология, что до сих пор сохранилось в учебниках и большинстве практических грамматик. Изучение звуковой стороны языка играло в Европе очень малую роль до начала XIX в., но затем вышло на первый план, сначала, в XIX в., в аспекте исторической фонетики, затем, в 20—40-е гг. XX в., в аспекте фонологии. Теперь же оно ушло на периферию науки о языке. Морфология и в сравнительно-историческом языкознании, и в структурной лингвистике была менее развита, чем фонетика (фонология), но более развита, чем синтаксис, традиционно находившийся на втором плане. Но после «Синтаксических структур» Н. Хомского (1957), где синтаксис был объявлен центральной областью лингвистики, наука о языке, особенно американская, сосредоточилась именно на его изучении. А семантика (изучение языковых значений) всегда была самой неразвитой областью лингвистики, зато в последние 20—30 лет стала активно развиваться, о чём я далее буду говорить.

Развитие по спирали проявляется и в соотношении исследований (в том числе теоретических) на материале одного языка и исследований, сопоставляющих языки, в том числе типологических,

разграничивающих общие свойства языка и особенные свойства отдельных языков и языковых классов. Типология сложилась в начале XIX в. и была популярна более полувека, потом почти сошла на нет, зато с 20—30-х гг. XX в. возродилась на новой основе, но подлинный расцвет переживает лишь сейчас.

Тематика лингвистики неуклонно расширяется, и ни одна лингвистическая проблема не исчезает, хотя может надолго уйти в тень. Даже те направления, которые казались тупиковыми и даже объявлялись «ненаучными», могут потом возродиться, как это происходит в наше время с изучением проблемы происхождения языка. Однако нельзя считать, что возрождение интереса к какой-то проблеме означает простое возвращение к тому, что было когда-то. Всегда возвращение происходит на новом уровне, с учетом сделанного за прошедший период, в том числе в других лингвистических дисциплинах, а то и за пределами лингвистики.

И ещё один аспект: в лингвистике можно видеть как периоды сближения с другими науками, разработки пограничных проблем, так и периоды ее обособления от других наук, выработки собственно лингвистических методов. В античности первоначально она была частью философии, но в III-II вв. до н.э. в Александрии сложилась грамматика как отдельная дисциплина. Обособление еще четче выразилось в первой половине XIX в., когда сформировался первый строгий лингвистический метод — сравнительно-исторический. Затем, когда к концу XIX в. обнаружился кризис исторического языкознания, стали активно сближать лингвистику с историей, психологией, физиологией, социологией и даже с географией. Но после появления книги Ф. де Соссюра начался длительный период нового, еще более радикального обособления лингвистики от всех наук (исключая лишь математику). Считалось, что лингвистика должна основываться исключительно на собственно лингвистических методах. Однако Н. Хомский в 60-е гг. XX в. объявил лингвистику частью психологии познания. И в последнее время лингвистика всё более сближается с самыми разными, преимущественно гуманитарными науками; развиваются пограничные дисциплины (социолингвистика, психолингвистика, поэтика и др.). Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» стали всё более неопределенными.

Всё сказанное поможет нам разобраться в том, что происходило и происходит в науке о языке в последние десятилетия. Начало современного периода в ней чаще всего связывают с уже мной упоминавшейся книгой Ноама Хомского «Синтаксические структуры», изданной в 1957 г. До того (а в ряде стран, включая СССР, и до конца 60-х гг.) господствовали различные направления лингвисти-

ческого структурализма. При всех частных расхождениях между ними все они исходили из высказывания Ф. де Соссюра: «Язык не деятельность говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим» [1]. То есть они были сосредоточены на поисках ответов на вопрос: «Как устроен язык?». В его решении они сделали много, но границы лингвистики оказывались сужеными.

Основополагающим было и другое высказывание Ф. де Соссюра: «Языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом: общество принимает язык таким, какой он есть» [2]. То есть язык можно и нужно изучать в отрыве от говорящего на нём человека, а всё функционирование языка — речь — можно отодвинуть на второй план или «на потом». Некоторые структуралисты, как Х. Ульдалль, вообще призывали устранить из лингвистики человека [3].

Иная точка зрения высказывалась еще в первой половине XIX в. крупнейшим мыслителем В. фон Гумбольдтом: «Язык есть не продукт деятельности..., а деятельность.... В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности» [4]. Подобные идеи высказывались и в период господства структурализма, в том числе в нашей стране (В.Н. Волошинов), но применить их к конкретному анализу языков не удавалось, тогда как структурные методы находили такое применение, впрочем, в основном лишь в области фонологии и отчасти морфологии. Впервые соединить строгость метода с включением в лингвистику «человеческого фактора» попытался лишь Н. Хомский. Отметил он также и преимущественное стремление структурализма, особенно американского, ограничиться описательным подходом, без постановки объяснительных задач.

Н. Хомский стал основателем и непререкаемым лидером одного из двух основных направлений современной лингвистики — генеративизма, который возглавляется им по сей день в течение более чем полувека. Особенно развит генеративизм в США, его господство в американских университетах эмигранты из нашей страны иногда сравнивали с господством марксизма-ленинизма в СССР. Количество американских лингвистов, работающих в его рамках, очень велико. Распространен он и в других странах, хотя в нашей стране последовательных его сторонников мало.

Хомский, поставив задачу построения объяснительной теории языка, ввел важные понятия компетенции и употребления: компетенция — знание языка говорящим-слушающим, а употребление — использование языка в конкретных ситуациях. Однако компетенция — не просто «инвентарь единиц», а «системы порождающих

процессов». Хомский претендует на то, что его правила фиксируют и моделируют творческую деятельность человека, на их основе можно понять, как человек усваивает язык.

В книге «Язык и мышление» (1968) Н. Хомский писал: «Возникает необходимость обратиться к некоторому совершенно новому принципу.... Этот новый принцип имеет «творческий аспект», который яснее всего наблюдается в том, что может быть названо «творческим аспектом использования языка», т.е. специфически человеческая способность выражать новые мысли и понимать совершенно новые выражения мысли на основе «установленного языка», языка, который является продуктом культуры» [5]. Идея творческого аспекта языка была взята им у В. фон Гумбольдта. С В. фон Гумбольдтом Н. Хомский связывает и идею о том, что «в основе любого человеческого языка мы найдем систему, которая универсальна, которая просто выражает уникальные интеллектуальные свойства человека» [6]. Такая система в основе едина для всех языков, поэтому все построения Н. Хомского основаны на материале английского языка; его противники нередко указывают, что в них нередко специфические свойства этого языка возводятся в ранг универсальных.

Моделирование данной системы, по мнению Н. Хомского, может объяснить, каким образом происходит овладение языком у ребенка. Языковая компетенция при этом считается «врожденной умственной структурой», передаваемой генетически, у ребенка лишь происходит выбор того или иного ее варианта, «конкретной грамматики». Идея врожденности языковых структур вызвала активные дискуссии и обычно не разделяется лингвистами, не принадлежащими к генеративизму. Согласно Н. Хомскому, фундаментальные свойства языка заданы генетически и не зависят от способов и условий его использования.

Центром системы языка Н. Хомский считает синтаксис; все порождающие грамматики являются, в первую очередь, синтаксическими. Фонетика, с одной стороны, и семантика, с другой, являются лишь вспомогательными блоками, дополняющими основной синтаксический компонент, а морфология не выделяется особо и растворяется в синтаксисе. И именно в изучение синтаксиса генеративная (порождающая) лингвистика вносит наибольший вклад, далеко продвинув эту ранее отстававшую область науки о языке. Желающих познакомиться с этими достижениями отсылаю к учебнику Я.Г. Тестельца «Введение в общий синтаксис», изданному в 2001 г. Генеративная же семантика, как отмечают противники генеративизма, довольно бедна содержанием, а типология находится вне основных устремлений генеративистов.

Впрочем, критики генеративизма отмечают и имеющуюся в нём непоследовательность. Хотя Н. Хомский поставил задачу изучать язык вместе с говорящим на нём человеком и выявить «психическую реальность, лежащую в основе языкового поведения», он и его последователи сосредоточились на описании абстрактной структуры лингвистической компетенции, то есть на формальных процедурах, опять-таки строя гипотезы об устройстве языка, а не о его функционировании.

Если генеративизм более или менее един, то другое ведущее направление современной лингвистики, функционализм, никакого единства не составляет. Существует много направлений и школ в разных странах, в том числе и в России, где функционализм, безусловно, преобладает. Общее между ними, как указано в упоминавшемся учебнике Я.Г. Тестельца, заключается в исходном предположении: «строение языка определяется его использованием». «Язык — средство мышления; следовательно, языковые структуры должны быть «приспособлены» к решению мыслительных задач — восприятия, переработки, хранения и поиска информации. Язык — средство коммуникации; значит, устройство языка должно максимально облегчать общение коммуникантов и быть оптимальным с точки зрения параметров этого процесса» [7]. Тем самым лингвист должен обращаться к функционированию языка, а его строение изучается с учетом его функционирования.

Постулаты лингвистического функционализма, пожалуй, наиболее четко выразил известный отечественный ученый, член-корреспондент РАН А.Е. Кибрик. Они, в частности, таковы: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле»; «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики», «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем», «Исходными объектами лингвистического описания следует считать значения», «Устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» [8]. Эти постулаты направлены, с одной стороны, против структурной лингвистики, не интересующейся тем, как устроен язык «на самом деле», и сильно сужающей объект лингвистики, с другой стороны, против генеративной лингвистики, считающей строение языка независимым от его использования и подчиняющей семантику синтаксису.

Следование подобным принципам дало возможность активно развивать такие области лингвистики как семантика и типология. Последняя из них — лингвистическая область, соприкасающаяся,

с одной стороны, с общей теорией языка, с другой стороны, — с изучением конкретных языков. Она исходит из принципа, согласно которому существуют общие свойства всех языков мира, а при всём разнообразии явлений реальных языков пределы этого разнообразия ограничены, поскольку едина человеческая природа, едины физиологические возможности человека (строение голосового аппарата и пр.), а, главное, язык нужен каждому человеку для одних и тех целей.

В частности, современная грамматическая типология, в которой значительное место занимают отечественные исследователи, особенно Ленинградская (Петербургская) школа, изучает, в соответствии с одним из вышеприведенных постулатов, систему соответствий между смыслами и внешними формами выражения этих смыслов, их формальными показателями. За прошедшие десятилетия были подготовлены коллективные труды, посвященные типологии каузативных (побудительных), пассивных, императивных, условных, уступительных и др. конструкций на материале достаточно большого числа языков. Реализуется принцип движения от значения к форме, не только к грамматическому, но и лексическому выражению.

Современные типологические исследования возвращаются к идеям, высказывавшимися еще братьями А. и Ф. Шлегелями и В. фон Гумбольдтом, ставившими вопрос о построении объяснительной типологии. Современная типология стремится ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования или несуществования тех или иных явлений. Почему, например, в языках с преобладанием суффиксов показатель числа стоит перед показателем падежа, а не наоборот? Современная лингвистика объясняет это тем, что значение числа более тесно семантически связано со значением корня, чем значение падежа, поэтому его показатель находится ближе к корню.

Развивается и непосредственное исследование функционирования языка. Вот два активно развивающихся направления лингвистики последних десятилетий — теория речевых актов и прагматика (надо сказать, что четких граней между ними не существует). Под прагматикой обычно понимают отношение знаков к людям, которые пользуются знаковыми системами, то есть роль знаков в реальных процессах общения. Речевой акт рассматривается как взаимодействие говорящего и адресата, обладающих определенными социальными ролями. Участники речевого акта обладают фондом общих речевых навыков (речевой компетенцией), знаний и представлений о мире. Во время речевого акта происходят соотнесение

высказывания с действительностью, придание ему целенаправленности, воздействие на адресата. В рамках теории речевых актов активно изучаются, в частности, так называемые перформативы, то есть ситуации, когда слово одновременно является делом: клятва, объявление войны или мира, вынесение приговора, открытие или закрытие собрания и т.д. Изучаются также вопросы, связанные с условиями истинности и ложности высказывания, и др.

И семантика впервые стала полноценным объектом лингвистических исследований лишь вместе с изучением прагматики и/или теории речевых актов. До того семантика была ограничена, как правило, лишь семантикой отдельных грамматических категорий и семантикой отдельных слов. При этом хуже всего дело обстояло как раз с самыми употребительными и, казалось бы, простыми словами вроде наречий или частиц. Еще хуже дело обстояло с семантикой предложения, не поддававшейся строгому анализу.

Ситуация изменилась лишь в 60—70-е гг. Теперь значение высказывания стало считаться неотделимым от прагматической ситуации, а значение многих слов определяется через указание на коммуникативные цели речевого акта, нередко оно рассматривается как орудие, посредством которого мы совершаем действие. И изучение семантики занимает приоритетное положение в функциональной лингвистике. В нашей науке надо отметить такие имена как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева.

С семантикой тесно связано изучение так называемых языковых картин мира. Оно восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который писал: «Человек... живет с предметами так, как их преподносит ему язык.... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [9]. Но систематическое изучение этих «кругов» на материале различных языков началось лишь в последние десятилетия XX в. При этом, разумеется, рассматривают не научную картину мира, принципиально выразимую на любом языке, а «бытовые», «наивные» картины мира, в разной степени специфичные для разных языков. В научной картине мира Земля вращается вокруг Солнца, но в «наивных» картинах, например, для русского языка Солнце *восходит*, *заходит*, *движется по небу*, то есть отвергнутая наукой геоцентрическая картина мира продолжает сохраняться. Отмечается, что именно для русской языковой картины мира специфичны такие понятия (концепты), как *удаль*, *воля* (в противоположность *свободе*); *правда* и *истина* в русском языке — не точные синонимы, но их различие не может быть однозначно представлено в западноевропейских языках.

Очень многие примеры, приводимые в тех или иных работах, бывают убедительными. Для значительного числа языков накоплен богатейший материал, который невозможно игнорировать. Однако ряд лингвистов и сейчас высказывает скептицизм в отношении изучения языковых картин мира. Нередко примеры оказываются неубедительными, особенно когда лингвист обращается к неродному языку. К тому же трудно бывает разграничить, когда выделяемые языковые картины мира отражают живое сознание носителей данного языка, а когда — «окаменелые» представления прошлого. Пока что всё упирается в одно: исследования языковых картин мира пока что не выработали адекватного метода. Фактов много, но нет строгих критериев их отбора и установления их иерархии.

И всё-таки идеи В. фон Гумбольдта о познании мира через призму языка очень существенны, что, в частности, подтверждают сложности в освоении чужого языка. Каждый человек, учивший язык далекой культуры, скажем, восточный, знает, что значительные на первых порах трудности в освоении фонетики, графики и формальной грамматики затем отступают на задний план, а самыми существенными начинают становиться трудности в семантике и в освоении чужой картины мира. Текст на уровне лексики и грамматики более или менее понятен, но что хотел сказать автор, остается не ясным. И, безусловно, данные исследования показывают важнейшую роль языка как части культуры того или иного народа. Многие культурологи игнорируют язык, рассматривая его лишь как средство познания той или иной культуры. Но, как подчеркивали такие крупнейшие ученые, как В. фон Гумбольдт, Э. Сепир и Н.С. Трубецкой, язык — не внешняя форма, а важнейший компонент человеческой культуры. Просто ввиду особой сложности объекта такого рода исследования, хотя ведутся уже давно, пока находятся в самом начале пути.

Наконец, надо упомянуть и еще одну активно разрабатываемую область изучения функционирования языка — социолингвистику, хотя обычно она развивается вне школ, связанных с функционализмом. Любое человеческое общество неоднородно: оно состоит из мужчин и женщин, взрослых и детей, разных возрастных групп; имеются те или иные социальные различия, в том числе различия высших, средних и низших слоев общества; играют роль также территориальные и профессиональные различия; наконец, на одних и тех же территориях могут жить люди разных национальностей. Всё это как-то отражается в сфере языка. Соприкасаются, контактируют и влияют друг на друга разные языки. Одни люди знают только свой материнский язык, другие вынуждены владеть двумя или тремя языками. Но и в пределах одного языка существуют те или иные раз-

личия: сосуществуют и взаимодействуют литературный язык (в свою очередь подразделяющийся на функциональные стили), территориальные и социальные диалекты, жаргоны, сленги и т.д. Со структурной точки зрения нет принципиальных различий между диалектом и литературным языком, но для социолингвистики это языковые образования, по-разному функционирующие, обладающие разным составом носителей, разной престижностью и т.д. Один американский автор писал, что языки равны только перед богом и лингвистом, но перед социолингвистом (как и перед «обычным» носителем языка) они не равны. Наконец, следует учитывать и роль языка как мощного средства социального воздействия. Всё перечисленное входит в сферу ведения социолингвистики, активное развитие которой началось лишь во второй половине XX в.

Последнее, о чём следует сказать, — обращение ко всему тому, что происходит «на самом деле», связано и с активизацией исследований реальных процессов порождения и восприятия речи. Такие исследования ведутся давно, но до недавнего времени в основном психологами и физиологами, и лишь сейчас они по-настоящему привлекли внимание лингвистов.

Разные стороны этих процессов по объективным причинам изучены неравномерно. Лучше всего ввиду большей доступности изучено функционирование голосового аппарата, экспериментальная фонетика существует со второй половины XIX в. и накопила много данных. Механизмы слухового восприятия изучены хуже, и «черным ящиком» очень долго оставалась главная составляющая — мозг. Однако интересный материал давали изучение афазий (А.Р. Лурия и его школа), а также детской речи. Но теперь исследования речевых механизмов мозга уже активно разворачиваются, в том числе в нашей стране. Особенно надо отметить петербургский коллектив во главе с Т.В. Черниговской. Им уже накоплен немалый материал. Из множества проблем отмечу лишь одну. Эти исследования подтверждают и показывают фундаментальность традиционных понятий, в том числе понятия слова, имеющих объективное содержание, связанное с мозгом.

В коротком докладе я, разумеется, мог остановиться лишь на ограниченном круге проблем. Моей целью было в самых общих чертах охарактеризовать некоторые проблемы современной лингвистики и заинтересовать ими слушателей.

И в заключение еще один постулат А.Е. Кибрика: «Сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто» [10]. Но добиться должной простоты лингвисту очень нелегко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977, с. 52
2. Там же, с. 104.
3. *Ульдалль Х.* Основы глоссематики // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960, с.406.
4. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с. 70.
5. *Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972, с. 17.
6. Там же, с. 94.
7. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001, с. 483—484.
8. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992, с. 19, 20, 21, 24, 25.
9. *Гумбольдт В. фон.* Ук. соч., с. 80.
10. *Кибрик А.Е.* Ук. соч., с.25.

Японская лексикография (составление словарей), как и японская лингвистика вообще, известна у нас очень мало. За пределами «внутрицеховых» публикаций японистов можно отметить, пожалуй, лишь статью покойной Л.П. Калакуцкой [Калакуцкая 1991], которая рассмотрела русский словник изданного в Японии русско-японского словаря [Kenkyusha 1988] и обратила внимание на некоторые особенности японской лексикографии, в частности, на включение в базовый словник собственных имен. Однако она не имела возможности рассмотреть словарь в целом, к тому же в момент написания статьи ее волновала проблема идеологически обусловленных различий между советскими и зарубежными словарями, и эти различия у Л.П. Калакуцкой не всегда отграничены от различий национальных словарных традиций. Недавно на русском языке издана книга по проблемам лексикографии видного японского ученого Кунихиро Тэцуя [Кунихиро 2009]; будем надеяться на то, что теперь эта часть японской лингвистики будет у нас известна лучше.

Между тем японская лексикография существует уже больше тысячи лет (первые словари появились в IX в.) и очень развита. Традиция составления словарей пришла в Японию из Китая, первоначально толковались не столько слова, сколько иероглифы. Но еще в период закрытой Японии (начало XVII — середина XIX вв.) сформировалась оригинальная традиция составления толковых словарей. Уже в XVIII в. в Котосуга Танигава составил словарь «Вакункан», состоявший из 93 томов. Европеизация Японии во второй половине XIX в. оказала влияние на японскую лексикографию, но не уничтожила ее специфику, часто восходящую еще к позднему средневековью.

В наши дни количество словарей японского языка разного объема, в том числе толковых, очень велико. Т. Кунихиро приводит список из тринадцати больших и средних словарей, изданных в 1985—1995 гг., материал которых он рассматривает; дополнительно привлекаются и несколько других словарей [Кунихиро 2009: 16—17].

Среди этих словарей есть и переиздания (в том числе и словарей, первые варианты которых появились в 30—50-е гг.), но каждый из них при переиздании дополнялся и исправлялся. Список впечатляет: не только за последние десять лет, но и за всю историю российской лексикографии вряд ли наберется тринадцать различных толковых словарей русского языка.

История японской лексикографии с начала европеизации до нашей эпохи подробно описана в двухтомном труде [Kurashima 1997]. Здесь рассказывается о том, как происходил синтез национальных традиций и европейского влияния, как создавались крупнейшие японские толковые словари. В XX в. первым большим словарем стал «Dai nihon kokugo jiten» («Большой словарь национального японского языка»), изданный в 1917 г. и включавший 220 тысяч словарных единиц, затем словарь переиздавался почти ежегодно. Его создавал в одиночку Мацуи Кандзи под редакцией именитого ученого Уэда Кадзутоси. Затем главным лексикографом Японии стал крупнейший ученый Симмура Идзуру (1876—1967). Первым словарем, им целиком составленным, стал “*Jien*” (буквально ‘Сад слов’), впервые изданный в 1928 г. (160 тысяч единиц), признанный образцовым. Затем Симмура издал еще несколько словарей, итогом его деятельности стало дополненное издание 1955 г. “*Koojien*” (‘Расширенный сад слов’), включившее 200 тысяч единиц. Этот словарь переиздается до сих пор, дополняясь коллективом лексикографов. Самым крупным из всех стал словарь [Nihon 1973—1976] в двадцати томах; он делался 15 лет коллективом из 2.000 человек и включает 449.614 слов [Kurashima 1997, 2: 19, 98].

В последние десятилетия столь большие по объему словари не составлялись, но издается много средних и малых толковых словарей, а также двуязычные и специализированные словари. Отметим лишь некоторые типы словарей. Необозримо количество словарей заимствований из западных языков, первый из которых вышел еще в 1915 г. [Stanlaw 2004: 310], один из последних по времени словарей [Gendaijin 2006] содержит 42.000 словарных единиц. Много словарей синонимов, антонимов, пословиц и поговорок; есть и словарь метафор [Hangai 2002]. В 2003 г. впервые вышел словарь просторечия и разговорных выражений (slang and colloquialisms) [Nihon zokugo 2003]. Под редакцией Масаёси Хиросэ издан на английском языке специальный толковый словарь слов и выражений, близких по значению и часто смешиваемых друг с другом [Kodansha’s 2001], в него входит 302 словарные статьи и 708 слов с подробными толкованиями. Отметим и словарь «мужского и женского японского языка» Сасаки Мидзуэ [Sasaki 2000—2003]. Много и двуязычных

словарей, среди которых, разумеется, больше всего англо-японских и японо-английских, но немало и других, в том числе русско-японских и японско-русских, среди которых можно выделить [Kenkyusha 1988; Kodansha 1981—1992].

Однако количество словарей еще не гарантирует качества. И в книге Т. Кунихиро много говорится о недостатках, имеющих в во многих из японских словарей: порочных кругах в толковании, неточном различении близких, но не тождественных по значению и/или употреблению слов, отсутствии данных об ограничениях на словесную сочетаемость. О разное в толкованиях разных словарей специально пишет и Н. Курасима [Kurashima 1997: 2, 61—62]. Многие проблемы, затрагиваемые у Т. Кунихиро, оказываются близки к тому, что у нас рассматривается в классических исследованиях Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука и др.: трактовка параметрической лексики, разграничение полисемии и омонимии, структура словарной статьи и пр. Эти проблемы актуальны для словарей любого языка, и книга содержит немало интересных примеров.

Но нас сейчас будут интересовать, прежде всего, национальные особенности японской лексикографической традиции, способные иногда ставить в тупик российского или западного наблюдателя. Отметим из них четыре: включение в словари лексики прошлых эпох, диалектизмов, собственных имен и словосочетаний.

Почти в любом японском словаре (толковом или двуязычном) бросается в глаза то или иное количество лексики, не употребляющейся в современном языке. Даже в сравнительно небольшом словаре [Reikai 1972] находим слова *haberi* ‘быть’ (вежливо), *tamau* ‘давать, пожаловать’ (вежливо), *iwaku* ‘говорить’, *notamau* ‘говорить’, *makari* ‘быть’ и др. А в большом японско-английском словаре [Masuda 1974] таких слов еще больше. Здесь имеется особая помета А (archaic), которой снабжаются слова, вышедшие из употребления не позднее первой половины XIX в. (слова, исчезнувшие позднее, имеют помету О — obsolete). А в больших словарях («Dai nihon kokugo jiten», «Koojien», 20-томный словарь) проявляется стремление к охвату лексики за всю письменную историю японского языка с VIII в. до наших дней. В словаре «Koojien» в отличие от упомянутого выше японо-английского словаря, где пометы — влияние западной лексикографии, вообще нет помет, и архаическая лексика строго не отграничена от современной. Впрочем, в толкование может включаться временная граница. Например, про слово *sensootan* ‘мастер чайной церемонии’ указано, что оно употреблялось в начале эпохи Эдо, то есть в XVII в. [Koojien 1985: 1373]. В японской лексикографии преимущество может отдаваться языку давне-

го времени. В словаре «Jien», как и в его расширенном варианте «Коојіен», даже при словах, имеющих и в современном языке, примеры обычно даются из старых памятников.

Н. Курасима отмечает, что включение старой лексики, начиная от древнейших памятников, всегда было свойственно японским словарям с начала европеизации до последнего времени [Kurashima 1997, 1: 222, 247, 262]. В нашей же стране не только не реализована, но, кажется, и не ставилась задача охватить в одном словаре всю лексику от «Русской правды» до современности. Для русского языка принято считать «современным» язык от пушкинской эпохи до наших дней. А древнерусский язык до начала XVIII в. — нечто принципиально иное. В Национальный корпус русского языка тексты на нём также не включены.

Обычно (в том числе в России) «современным» считается язык с того момента, когда окончательно сформировалась его литературная норма в современном ее виде. Для русского языка это обычно пушкинская эпоха, для японского языка такой эпохой является эпоха Мэйдзи (1868—1912), литературная норма с тех пор сохраняла преемственность. Эта грань может быть значима и для японской лексикографии: см. различие помет *archaic* и *obsolete*. Но если слова, соответствующие *obsolete*, включаются в словари современного языка и в других странах, то слова, соответствующие *archaic*, — нет.

Причин различия, видимо, две. Одна из них связана с особым соотношением между современным литературным и старописьменным языком (бунго) в Японии. Современный литературный язык здесь существует с эпохи Мэйдзи, а ранее соответствующую роль играл бунго, типологически сопоставимый с церковнославянским языком в России или латынью в Западной Европе. Но если последние языки уже давно вышли из активного употребления (исключая лишь религиозную сферу), то бунго сосуществовал с современным литературным языком до 40-х гг. XX в. и даже сейчас не совсем забыт. Бунго в Японии (в отличие от церковнославянского языка в России) учат в школе, и есть жанры, где его лексика, пусть дозировано, употребляется. Например, в популярном жанре самурайского фильма самураи говорят, разумеется, на современном литературном языке, но с постоянными вкраплениями старых слов, особенно с этикетным значением (в традиционной терминологии, форм вежливости). И бунго остается источником пополнения лексики и даже грамматики современного литературного языка [Алпатов 1977], что особенно важно.

И еще особенность, отличающая бунго от церковнославянского языка или латыни: последние языки были общими для целых культурных ареалов, а бунго, сформировавшийся на основе нормали-

зации и консервации японского языка IX–XII вв. и не употреблявшийся вне Японии, всегда был «своим» языком, а с XIX в. стал восприниматься как часть национального языка. И бунго любого времени не отделялся от языка памятников IX–XII вв. (иногда также и VIII в.), который всегда считался образцовым. До XIX в. для японских грамматистов существовал единый язык, который мог быть лишь лучше или хуже. Когда сложился новый литературный язык, «хороший» (нормализованный) японский язык стали рассматривать в двух вариантах: бунго и кого (буквально «письменный язык» и «разговорный язык»). Еще в 1941 г. видный лингвист Токиэда Мотоки полагал, что для носителя языка современный литературный язык и бунго различаются не как современный и древний язык, а по степени престижности: бунго выше [Токиэда 1983: 93].

Еще в первой половине XX в., когда бунго был живым языком (в деловой сфере всё писали на бунго), любое слово древних памятников могло хотя бы потенциально появиться во вновь создаваемом на бунго тексте, а затем перейти в современный литературный язык, книжная лексика которого формировалась на основе бунго. Поэтому включение в словарь архаизмов могло иметь и практическое значение. Хотя сейчас новые тексты на бунго почти не создаются, исключая лишь традиционные жанры поэзии, но лексикографическая практика не меняется (конечно, число архаической лексики зависит от объема словаря). Например, в двух изданиях большого японско-английского словаря [Katsumata 1954; Masuda 1974] состав словника изменился, в том числе и за счет исключения потерявшей актуальность лексики, но лексика с пометой А почти целиком сохранилась.

Другая причина, связанная с первой, состоит в меньшей культурной дистанции между древними памятниками и современностью в Японии по сравнению с Россией и многими другими странами. Видный японский социолингвист Судзуки Такао пишет, что для англичан «Беовульф» (VIII–IX вв.) — не вполне национальный памятник, так как английский язык после норманнского завоевания сильно изменился, тогда как близкое к нему по времени (VIII в.) «Манъёсю» для любого японца — свой памятник [Suzuki 2006: 150]. Для сознания жителей страны, где более 1500 лет один и тот же народ живет на одной и той же территории, защищенной морем, и говорит на одном и том же языке [Suzuki 2006: 19–20], авторы «Манъёсю» — классики «своей литературы». Это собрание стихов разных поэтов для современных японцев сопоставимо в русской системе координат не столько со «Словом о полку Игореве» (памятник, появившийся на четыре века позже «Манъёсю»), сколь-

ко с произведениями Пушкина, хотя, разумеется, язык «Манъё-сю» отличается от современного японского намного больше, чем язык Пушкина от современного русского. Тем не менее, в Японии господствует традиция читать древнюю литературу в оригинале с комментариями, а не в переводе.

Как пишет Курасима Нагамаса, в концепции большого словаря [Nihon 1973—1976] (как и многих других словарей) ключевое слово — «культура» [Kurashima 1997: 2: 19]. В словари стремятся включить любые слова, важные для японской культуры, включая и те, что в современном языке не употребляются (отвлекаемся, конечно, от ограничений, связанных с объемом словарей). Но времена меняются. Сейчас всё больше говорят о создании словарей современного языка без помещения в них старой лексики [Kurashima 1997, 2: 180—181].

Непривычно для нас и свойственное ряду словарей, особенно словарей большого объема, включение в довольно большом объеме диалектной лексики. Она включалась в словари еще до европеизации [Kurashima 1997: 1, 127]. Включал в свои словари диалектизмы и И. Симмура [Kurashima 1997: 1, 227]. 20-томный словарь особо богат диалектной лексикой [Kurashima 1997: 2, 120]. Разумеется, среди словарей бывали и строго нормативные, где такая лексика избегалась, но всегда была распространена идея словаря — сокровищницы национальной культуры. У нас жанр словаря, включающего диалектизмы, в отличие от словаря, охватывающего все эпохи, существовал (словарь Даля), но потом эта идея была отвергнута лексикографами. Не говорим о том, что и диалектных словарей в собственном смысле в Японии много больше, чем у нас.

Еще одна особенность японской лексикографии — включение в словари собственных имен разных классов. Например, в словаре «Кооџиен» на стр.1373 издания 1985 г. за словарной статьей *sensootan* ‘мастер чайной церемонии’ идет статья: *sensoo to heiwa* с латинской транскрипцией исходной лексической единицы: *Voina i Mir* и толкованием: роман Льва Толстого, описывающий жизнь русского народа на фоне Отечественной войны. В стране, где был написан роман, сколь популярен бы он ни был, его название никогда не включалось в качестве заглавной статьи ни в обычные энциклопедии, ни тем более в толковые словари.

В большинство японских толковых и двуязычных словарей включаются и собственные имена, что в целом не свойственно европейской традиции. Особенно последовательно это делается с начала XX в. [Kurashima 1997: 1, 226] для географических названий. И в японско-английском словаре [Masuda 1974], и в словаре [Kojoijen 1985], и в среднем по объему словаре [Sanseidoo 1992]

представлены названия большинства государств мира. Включаются в словари также названия организаций, органов печати и пр. Реже в них включаются имена и фамилии, но в крупных словарях помещены и они. В том же словаре [Кооѳѳен 1985] можно найти самые обычные личные имена вроде мужского имени *Taroo* (1520), имена общеизвестных исторических лиц вроде сѳгунов рода Токугава (1720) (дана словарная статья *Tokugawa*, в которую включены имена всех этих правителей с краткой биографией). Включены в словарь и Л.Н., А.К. и А.Н. Толстые (*Torusutoi*) (1764). То есть, представлена и энциклопедическая, с нашей точки зрения, информация.

Последовательно включаются иностранные имена и фамилии (разумеется, без перевода и лишь с транскрипцией и пометой «имя» или «фамилия») в иностранно-японские словари издательства Сансѳйдо. Например, в русско-японском словаре [Konsaisu 1962] на стр.398—399 приводятся *Лель*, *Лена*, *Ленка*, *Лентовский*, *Ленушка*, *Леонид*, *Леонтий*, *Леонтьев*, *Лепорелло* (!), *Лермонтов*, *Лесков*, *Лесников* (а также имена собственные иных категорий: *Лейпциг*, *Лена*, *Ленинград*). При этом словарные статьи *Лермонтов*, *Лесков* и др. (в отличие от статей в словаре «Кооѳѳен») — статьи о фамилиях, а не об их носителях; поэтому, как и в наших словарях, здесь отсутствует *Ленин* при наличии слов *ленинец* и *ленинский*, поскольку это псевдоним. Впрочем, *Лепорелло* истолкован как слуга Дон Жуана. Даже в словарях, где под западным влиянием есть особый список географических названий, как [Reikai 1972], может встретиться, например, словарная статья *Nihon* ‘Япония’ с толкованием «название нашей страны» (стр.884). У нас, как и на Западе, традиции, как известно, иные.

В японской науке с трудом приживалось само понятие имени собственного. Например, М. Киѳда писал в 1937 г. о различии собственных и нарицательных (а также собирательных, абстрактных и пр.) имен: «В европейских языках такому делению имен существительных предпосланы определенные правила, например, правила употребления артикля, правописания с большой буквы и т.п., — отсюда и необходимость различения каждого из этих типов. Что же касается японского языка, то он таких правил не имеет и потому нет необходимости в грамматической классификации по обозначаемому предмету» [Киѳда 1958: 85—86]. Не удивительно, что это проявляется и в словарях.

Впрочем, японская лексикографическая традиция сейчас уже не едина. Можно видеть три подхода. Самый традиционный, представленный во всех изданиях словаря «Кооѳѳен» или в 20-томном словаре, не только не отделяет имена собственные от остальных

слов, но и совмещает свойства толкового и энциклопедического словаря. Культурная ориентация таких словарей способствует включению в них энциклопедической информации. Иной подход в русско-японском словаре [Konsaisu 1962]: здесь, наоборот, нет энциклопедичности, но учитываются трудности при переводе: не всякий японец, слушая русскую речь, сразу поймет, что *Лермонтов* — фамилия. Третий подход отражает европейское влияние, пример — [Reikai 1972], но слова базовой лексики вроде названия собственного государства могут включаться в основной корпус словаря и здесь. И часты непоследовательности. Например, в словаре заимствований [Gendaijin 2006] нет *Чечни*, есть лишь *Чеченский конфликт* (322), зато наряду с *Чернобыльской катастрофой* есть *Чернобыль*, толкуемый как связанный с катастрофой город (323)

Можно ли считать здесь европейские лексикографические традиции обоснованными? Представляется, что нередко как раз они искажают представления о системе языка. Например, в [Словарь 1948—1965, 3: 1259] имеется слово *елизаветинский*, которое толкуется: «относящийся, принадлежащий ко времени царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761)». В одной словарной статье фактически толкуются и производящее, и производное слово, но производящее слово не выделено в словарную статью. Ср. во французском словаре [Robert 1985, 4: 887]: *parisien* ‘парижский’ толкуется как «производное от Paris — столица Франции». Ни в одном русском толковом словаре нет, например, слова *Япония*, хотя всегда в них бывают *японцы*, *японка* и *японский*, а иногда и *японистика* и *японовед* [Ушаков 1935—1940, IV: 1463; Ожегов 1952: 847; Словарь 1948—1965, 17: 2185; Ожегов — Шведова 1997: 918]. Отметим, что *японцы* всегда фигурируют во множественном числе, а *японка* в единственном. В толковании этих слов присутствует производящее слово *Япония*, которое в отличие от слова *Елизавета* не принято толковать даже в статьях о производных словах. Отсутствие исходного слова может приводить к ошибкам в толковании, как это произошло в словаре Ушакова и в первых изданиях словаря Ожегова, где *японский* трактуется исключительно как прилагательное к слову *японцы*. Очевидно, однако, что в большинстве случаев *японский* относится к слову *Япония* (в словарях [Словарь 1948—1965; Ожегов — Шведова 1997] ошибка исправлена).

«Нормальный» носитель русского языка может ощущать неадекватность традиции. В 50-е гг. возникла стихийная дискуссия в «Литературной газете» из-за словарной статьи *юпитер* в словаре Ожегова. В этом словаре слово представлено одним значением «мощный осветительный прибор» (стр.844). То же в [Словарь

1957—1961] и во всех последующих изданиях словаря Ожегова и Ожегова — Шведовой [Ожегов — Шведова 1997: 915]. Лексикографы в ответ на критику со стороны поэта Б.Н. Тимофеева отвечали так, как им было положено: собственным именам не место в толковом словаре, а *юпитер* как нарицательное имя имеет лишь одно значение. В словаре [Ушаков 1935—1940, IV: 1447] это значение также единственное, но дана этимология слова, в которой говорится и о «верховном боге в римской мифологии», и о «самой большой планете солнечной системы». Ситуация, сходная с *Елизаветой* в другом словаре. Но в [Словарь 1948—1965, 17: 1995—1996] слово *Юпитер* толкуется интуитивно более приемлемо, но вразрез с лексикографической традицией: первым значением идет божество, вторым — планета и лишь третьим — осветительный прибор.

Были лингвисты, которые иначе смотрели на помещение собственных имен в словарь. В нашей стране это был Л.В. Щерба, последовательно включавший собственные имена в составленный под его редакцией «Русско-французский словарь». А для словаря русского языка он написал фрагмент на букву *и* явно ради словарной статьи *Иван*, а также *Иванов* и *Иванушка*. Ср. включение словарной статьи *Taroo* в словарь «Кооџієн»: это японское имя не менее богато фразеологией. Л.В. Щерба ничего не знал о японских лексикографических традициях, но его подход оказался близким. Представляется, что включение имен собственных в словарь заслуживает внимания.

Наконец, отметим и особенности в подаче фразеологизмов. Приводившийся выше пример с романом «Война и мир» странен для нас не только потому, что это — имя собственное, но и потому, что это — словосочетание. Для японского языка эквивалент названия романа «*Sensoo to heiwa*» — также словосочетание по грамматическим критериям (орфографический критерий неприменим, так как пробела в обычном японском тексте не бывает). Однако в словаре это словосочетание стоит между двумя несомненными словами и подано как целая единица. И так постоянно в данном словаре. Например, вслед за словом *sode* ‘рукав’ (стр.1417) идет страница текста с иными словами вроде *sodegaki* ‘низкая ограда’, *sodeguchi* ‘отверстие рукава’, *sodetatami* ‘складывание (кимоно) рукавом к рукаву’. Затем на стр.1418 идет 25 фразеологизмов с первым компонентом *sode*, за которым следует атрибутивный послелог *no* и какое-нибудь другое слово: *sode no shita* ‘взятка’ (буквально «под рукавом»), *sode no kami* ‘женский носовой платок’ (буквально «бумага рукава»).

Это свойство отмечено еще в словарях 70-х гг. XIX в. [Kurashita 1997, 1: 130], а, например, в словаре «Кооџієн» оно представ-

лено в полной мере. Впрочем, сейчас оно встречается не во всех словарях.

Однако так подаются не все фразеологизмы: глагольные фразеологизмы подаются, как и в европейских словарях, внутри словарной статьи после толкования. Скажем, внутри вышеупомянутой словарной статьи *sode* 'рукав' даны и фразеологизмы типа «*sode* + *o* (показатель прямого дополнения) + глагол» вроде *sode o hiku* 'приставать к женщине' (буквально «тянуть рукав»). Отдельными статьями даются лишь номинативные единицы: именные словосочетания (атрибутивные или сочинительные) или сложные номинативные единицы любой структуры, например, названия художественных произведений: *Wagahai wa neko de aru* 'Я — кот (есть)' (в русском переводе «Ваш покорный слуга — кот») — название повести Нацумэ Сосэки. В «Большом японско-русском словаре», в котором учтены первые издания словаря «Кооҗиен», все эти фразеологизмы, как принято в русских словарях, даны единообразно: внутри словарной статьи *sode*.

Данное свойство присутствует и в специализированных словарях. Вот, например, особый, непривычный для нас класс японских словарей: словари слов, расположенных по году первой фиксации в языке. Так, в приложении к словарю газетной кампании «Асахи» [Asahi 1973: 1008—1031] перечисляются слова (включая собственные имена) и словосочетания, впервые появившиеся в 1945—1972 годы. Например, в списке слов, появившихся в 1954 г. [Asahi 1973: 1016], на равных правах фигурируют *toranjisutaa* 'транзистор', *gojira* 'Годзилла' (персонаж кино), *shi no hai* 'пепел смерти, радиоактивный пепел', *senryoku naki guntai* 'войска без военной силы' (правительственная формулировка в отношении «сил самообороны»). Опять-таки это либо имена, либо именные словосочетания, либо сложные номинативные единицы.

Такой подход может быть удобен, особенно в отношении составных названий вроде «Война и мир», «Я — кот», которые представляют собой единую номинацию независимо от состава и количества словоформ. Характерен особый знак препинания — кавычки, выделяющий такое название в целом; этот знак препинания прижился в том же значении и в Японии, где так и не получили распространения пробел или прописные буквы. Последовательности с атрибутивным *no* могут быть в японском языке и лексикализовавшимися сложными словами, а жесткую грань между сложными словами и словосочетаниями не всегда легко провести.

Рассмотрение фразеологизмов наряду со словами может быть оправдано и в теоретическом отношении. Словарь отражает лек-

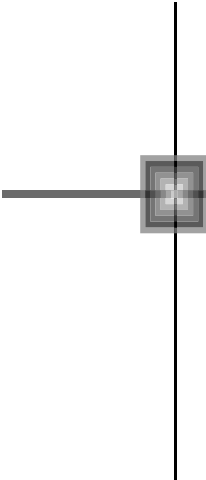
сическую систему языка, а единицы ее — не только слова, что не всегда осознается в лексикографической практике. Как писал С.Е. Яхонтов, «словарное слово — единица, которая по характеру своего значения должна отдельно учитываться в словаре.... Словарное слово вовсе не обязательно совпадает с графическим. Например, русск. *летучая мышь* — единое словарное слово, потому что оно объясняется или переводится в словарях целиком, а не по частям; в этом смысле оно ничем не отличается от англ. *bat*, имеющего то же самое значение. В словаре С.И. Ожегова имеются слова *усталь* и *удерж*, но объяснения им не дается, объясняются только словосочетания *без устали*, *без удержу*. Именно эти сочетания являются словарными словами: *усталь* и *удерж* — это графические слова, но не словарные слова» [Яхонтов 1963: 166]. К японскому языку понятие графического слова неприменимо. Поэтому там могут более последовательно выделяться словарные статьи, тогда как в европейской традиции может оказаться практически более удобным приравнять лексическое слово к графическому.

Таким образом, некоторые особенности японской словарной традиции имеют под собой основания и заслуживают внимания. И в той или иной степени они отражают свойства японской культуры. По данной проблематике см. также наши публикации [Алпатов 1987; 2007; 2008: 178—190].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов 1977 — *Алпатов В.М.* Элементы, заимствованные из старописьменного языка, в системе современного японского языка // Вопросы японской филологии. М., МГУ, 1977.
2. Алпатов 1987 — *Алпатов В.М.* О специфике японских словарей // Язык и культура. Новое в японской филологии. М., МГУ, 1987.
3. Алпатов 2007 — *Алпатов В.М.* Об особенностях японской лексикографии // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов, выпуск 18. М., 2007.
4. Алпатов 2008 — *Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. М., Языки славянской культуры, 2008.
5. Калакуцкая 1991 — *Калакуцкая Л.П.* Размышления о русской лексикографии // Вопросы языкознания, 1991, №1.
6. Киэда 1958 — *Киэда М.* Грамматика японского языка, т.1. М., Издательство восточной литературы, 1958.
7. Кунихиро 2009 — *Кунихиро Т.* Идеальный толковый словарь. М., ЛИБРОКОМ, 2009.
8. Ожегов 1952 — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Издание 2-е. М., Государственное издательство словарей, 1952.
9. Ожегов, Шведова 1997 — *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. Издание 27-е. М., 1997.

10. Словарь 1948—1965 — Словарь современного русского литературного языка. Т.1—17. М.-Л., Государственное издательство словарей, 1948—1965.
10. Словарь 1957—1961 — Словарь русского языка. Т.1—4. М., Государственное издательство словарей, 1957—1961.
11. Токиэда 1983 — *Токиэда Мотоки*. Основы японского языкознания // Языкознание в Японии. М., Радуга, 1983.
12. Ушаков 1935—1940 — Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. Т. I-IV. М., 1935—1940.
13. Яхонтов 1963 — *Яхонтов С.Е.* О значении термина «слово» // Морфологическая структура слова в языках разных типов. Л., Наука, 1963.
14. Asahi 1973 — *Asahi gendai yooogo jiten*. Tokyo, Asahi, 1973.
15. Gendaijin 2006 — *Gendaijin no katakanago oobunruakugo jiten*. Tokyo, Shuueisha, 2006.
16. Hangai 2002 — *Hangai Yasutaka*. Hiyu no nihongo. Tokyo, Shiromizusha, 2002.
17. Katsumata 1954 — *Kenkyusha's Japanese-English Dictionary*. Ed. by M. Katsumata. Tokyo, 1954.
18. Kenkyuusha 1988 — *Kenkyuusha* новый русско-японский словарь. Tokyo, Kenkyuusha, 1988.
19. Kodansha 1981—1992 — *Kodansha waroo jiten*. Satoo Takeshi (Ed.). Tokyo, Kodansha, 1981 (1-е издание), 1992 (переработанное издание).
20. Kodansha's 2001 — *Kodansha's Effective Japanese Usage Dictionary. A Concise Explanation of Frequently Confused Words and Phrases*. Ed. by Hiroshi Masayoshi, Kakuko Shoji. Tokyo, Kodansha, 2001.
21. Konsaisu 1962 — *Konsaisu rowa jiten*. Igeta Sadatoshi (ed.). Tokyo, Sanseido, 1962.
22. Koojien — *Koojien*, издание 3-е. Tokyo, Iwanami-shoten, 1976.
23. Kurashima 1997 — *Kurashima Nagamasa*. "Kokugo" to "kokujiten" no jidai. Sono rekishi. V. 1—2. Tokyo, Shoogakkan, 1997.
24. Masuda 1974 — *Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary*. Ed. by K. Masuda. Tokyo, Kenkyusha, 1974.
25. Nihon 1973—1976 — *Nihon kokugo daijiten*, v.1—20. Tokyo, 1973—1976.
26. Nihon zokugo 2003 — *Nihon zokugo daijiten* (Dictionary of Japanese Slang and Colloquialisms). Yonekawa Akihiko (ed.). Tokyo, Tookyoodoo, 2003.
27. Reikai 1972 — *Reikai shin kokugo jiten*. Hayashi Shiroo (ed.). Tokyo, 1972.
28. Robert 1985 — *Robert P.* Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. V.1—9. Paris, 1985.
29. Sanseidoo 1992 — *Sanseidoo kokugo jiten*. Kindaichi Haruhiko (ed.). Tokyo, Sanseidoo, 1992.
30. Sasaki 2000—2003 — *Sasaki Mizue*. Otoko to onna no nihongo jiten. V.1—2. Tokyo, Tookyoodoo, 2000—2003.
31. Stanlaw 2004 — *Stanlaw J.* Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong University Press, 2004.
32. Suzuki 2006 — *Suzuki Takao*. Kotoba no chikara. Tokyo, Bungei-shunshuu. 2006.

ГУРЕВИЧ

Татьяна Михайловна

доктор культурологии,
кандидат филологических наук,
профессор кафедры японского, корейского,
индонезийского и монгольского языков,
МГИМО(У) МИД РФ

Ценнейшим подарком судьбы я считаю то, что в 1963 году при поступлении на отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ меня зачислили в японскую группу. Следующим подарком судьбы была в 1970 году полугодовая работа на выставке ЕХРО—70 в Осака. Затем я оказалась в Японии только в конце 1988 года. Восемнадцать безвыездных лет пошли на пользу в плане обогащения знаниями о Японии и её культуре: помимо чтения множества книг, что было основным источником информации, работы переводчиком с деятелями японской культуры, в основном, на международных кинофестивалях в Москве и Ташкенте, а также во время гастролей в СССР театра Кабуки, было постоянное участие в работе школы икебана Согэцу, помощь тогда ещё полуподпольным группам каратэ в осуществлении их стремления вникнуть в сущность восточных единоборств, кажущегося теперь таким романтическим. За всеми этими занятиями стояло естественное желание лучше понять японцев, японскую культуру, японский язык, который я начала преподавать в 1971 году.

В 1975 году защитила написанную под руководством видного отечественного китаеведа М.К. Румянцева кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о просодических явлениях в японском языке». Это было экспериментальное исследование ударения и интонации, которыми отечественные японоведы со времен Е.Д. Поливанова всерьёз не занимались. Новые исследования в этом направлении стали появляться в России только уже в начале нынешнего, XXI века в связи с развитием компьютерных технологий, которые весьма облегчили процесс обработки данных.

Научная командировка по линии Японского Фонда с октября 2001 по июль 2002 года в Тодай — один из ведущих университетов Японии — позволила мне определиться с идеями докторской диссертации «Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира», которая была защищена в 2006 году.

Диссертация явилась естественным результатом 40-летней работы с японским языком, общения с японцами и преподаванием японского языка студентам, среди которых были не только русские и представители многих народов, входивших когда-то в состав СССР, но и монголы, корейцы, китайцы, немцы, венгры, румыны — всех трудно, да, пожалуй, и нет смысла перечислять. В контексте данной статьи хотелось бы отметить лишь тот факт, что общим у них у всех (в том числе и у студентов из восточных стран) было одно, а именно: отношение к японцам и японскому языку как к чему-то непонятному и сложному, каким-то образом дистанцированному от всего, что является для них знакомым и привычным.

Цель моего докторского диссертационного исследования может быть представлена в двух ракурсах: стратегическом — это формирование подхода к изучению японской культуры через язык и выявление специфики культурологического подхода к исследованию языковых явлений, и тактическом — выявление слабых мест универсализации европейской модели культуры, предупреждение опасности экстраполяции понятий, представляющихся универсальными в одной культуре, на другую культуру, с одной стороны, и излишней «экзотизации» японской культуры — с другой.

Содержание и смысл моих статей, выступлений на различных научных и методических встречах и конференциях в России, ближнем и дальнем зарубежье сводится к распространению идеи о неразрывной связи языка с культурой и национальной психологией народа-носителя языка, к популяризации ориентированной на культуру методики обучения японскому языку и переводу. Можно выделить несколько направлений, интересующих меня в научном и методическом плане. Помимо проблем, напрямую связанных с обучением японскому языку и соответствующему речевому поведению, я занималась вопросами, касающимися лексики и фразеологии японского языка, которые рассматриваю через призму когнитивной лингвистики и национальной языковой картины мира, а также различными аспектами перевода с японского языка.

Я горжусь не только тем, что училась у корифеев отечественной лингвистики и японоведения, но и тем, что уже десятки японистов, наших учеников, работают с японским языком как на дипломатическом поприще, так и в науке, журналистике, бизнесе в самых разных странах. Моей особой заботой в настоящее время является продвижение в МГИМО(У) научных разработок в области культурологии. Думаю, что восточное направление этих исследований будет весьма перспективным и успешным.

Возможно, в том, что судьба связала меня с японским языком, есть какая-то (кармическая?) предопределенность. В 1963 году я волей случая оказалась в японской группе отделения структурной и прикладной лингвистики, а в 2001 году нечаянно узнала, что приемник Святителя Николая Японского (Касаткина) — Митрополит Японский Сергей (Тихомиров), скончавшийся в Токио в 1945 году незадолго до моего рождения, похоже, был родственником моего деда по отцовской линии.

1 Культурологическая парадигма преподавания японского языка¹

Есть мысли, присущие лишь одному языку.

Станислав Ежи Лец

Уже давно расхожим трюизмом стало утверждение, что культура — это то, что делает и думает нация, а язык — это то, как она это делает. Действительно, именно в языке находят свое отражение все моменты, характерные для той или иной конкретной цивилизации, отличающейся от других своим особым типом культуры и своеобразной картиной мира, оригинальной ценностной субординацией и корреляцией различных областей культуры. В языке не только проявляется своеобразие мышления народа, но в достаточной степени именно язык обуславливает стереотипы мышления и поведения человека, воспитывает в нем определенное мировоззрение.

Говоря о взаимодействии языка и культуры, можно заметить, что язык является:

- проводником культуры, поскольку посредством языка передается информация о культуре;
- продуктом культуры, т.к. язык постоянно адаптируется для адекватного передачи этой информации;
- создателем культуры, в связи с тем, что в процессе коммуникации формируются представления и взгляды в человеческом обществе.

Осваивая иностранный, чужой, язык, человек входит в пространство другой культуры, учится смотреть на мир глазами человека, принадлежащего этой культуре. Другими словами он овладевает другой языковой организацией мира, расширяются горизонты его восприятия действительности, позволяя как бы «со стороны» взглянуть и на ту культуру, в рамках которой человек находился до этого времени. В этом смысле тот, кто осваивает иностранный язык, получает тем больше, его восприятие мира изменяется тем кардинальнее, чем больше культура и стоящая за ней цивилизация

¹ Авторская редакция статьи, опубликованной в Вестнике МГИМО-Университет №2(23), 2012

отличается от той, в которой он воспитывался. Вероятно, именно такая «ломка» родных культурно-цивилизационных рамок, необходимая для расширения горизонта восприятия мира, а отнюдь не лексико-грамматические сложности восточных или африканских языков, и являются главной причиной трудности освоения этих языков людьми, принадлежащими к европейской цивилизации.

На опыте мы постоянно сталкиваемся с тем, что отнюдь не каждый в состоянии успешно пройти через такую ломку. Потому и стали такими привычными утверждения о невозможности адекватного освоения неевропейских языков и вытекающими из этого сентенциями о непознаваемости, загадочности или лицемерии представителей народов Востока.

Существует и диаметрально противоположная точка зрения, базирующаяся, впрочем, как раз на этом самом неумении выйти за рамки привычных представлений, сложившихся в условиях монокультурного общества. Применительно, например, к овладению иностранным языком, иногда заявляют, что все утверждения о специфике восточных языков — «от лукавого», необходимо только должным образом овладеть грамматикой языка, выучить достаточный объем лексики, и будет готов специалист для работы с данным языком. Впрочем, с конца прошлого века эта точка зрения практически уже не имеет своих сторонников, и целью обучения иностранным языкам является не просто освоение учащимися определенного лексико-грамматического материала, а подготовка людей к межкультурному общению, воспитание специалистов, способных обеспечить успешный диалог культур.

В практике преподавания языков утвердилась мысль о том, что при обучении иностранному языку необходимо учитывать национальные культурно-психологические особенности и носителей изучаемого языка, и тех, кто его изучает. В свое время многие лингвисты и методисты с энтузиазмом присоединились к мнению А. Вежбицкой, написавшей в конце прошлого века, что «пришло время для согласованных усилий по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества» [1, 322]. На первый взгляд кажется, что следование этому совету действительно может помочь взаимопониманию между представителями разных цивилизаций. Но насколько велик список таких понятий и представлений? Можно ли утверждать, что существует единая иерархия ценностей для европейских культур, характерной чертой которых является «познающее» отношение к миру, при котором человек, познавая мир, противопоставляет себя ему, и для восточных культур с присущей им погруженностью и «растворен-

ностью» в мире человека, не вычлняющего себя из окружающего космоса.

Несомненно, для лучшего понимания представителей другой культуры помимо знакомства с набором «понятий, лежащих в основе психологического единства» необходимо хорошо знать и о том, что окружающий мир по-разному воспринимается людьми, принадлежащими разным культурам. Надо четко осознавать, что в понятия, переводимые на родной язык хорошо знакомыми, привычными словами, в чужом языке может вкладываться непривычное значение.

Представляется, что именно стандартизированные усилия по выявлению общего для всех набора понятий и привели к созданию «методических очерков-схем», которые, возможно, и удобны для знакомства с языком с целью поддержания возможности существования в иноязычной бытовой сфере и бизнесе, но оставляют непреодолимый барьер, разделяющий «своих» и «чужих».

Складывается мнение, что для воспитания человека, готового к межкультурному, а говоря о народах Востока, к межкультурному общению по мере «вхождения в изучаемый язык», надо вводить студента в новое культурное пространство и цивилизацию, озвученную на этом языке. Обучая японскому языку и речевой деятельности на этом языке, мы прежде всего должны познакомить учащихся с **новой** для них системой мировосприятия, **новому** взгляду на знакомые им понятия, а уж затем говорить о способах нормативного общения в японском обществе, прививать **новые**, как говорят методисты, «вторичные», лингво-психологические навыки, за внешними проявлениями которых стоит хорошее знание национально-культурной специфики. Иностраный язык представляется тем более сложным, чем больше нового (помимо лексики и грамматики!) приходится осваивать тому, кто взялся за его изучение. Например, при изучении японского языка наиболее сложным является учет того момента, что в рамках японской культуры, сформировавшейся в условиях почти трехсотлетней изоляции от внешних влияний, зачастую основной смысл высказывания передается не столько за счет вербализации, сколько благодаря ранее полученному знанию, учету стиля общения и контекстуальных подсказок. Определяющее значение контекста для понимания японцев постоянно является камнем преткновения при общении с ними представителей других культур.

Как известно, времени, отведенного на занятия иностранным языком, не хватает даже для того, чтобы хотя бы вскользь познакомиться учащихся с наиболее интересными произведениями литерату-

ры и искусства¹, тем более, что студенты помимо освоения самого языка, инструмента их будущей работы, должны ещё овладеть и многими новыми компетенциями. Более быстрому и естественному вхождению в мир изучаемого языка должен способствовать курс «Мир изучаемого языка», который, по крайней мере, применительно к восточным языкам, следует назвать курсом лингвокультурологии. Целью такого курса может быть не столько презентация внешних проявлений культурной жизни стран современного Востока, сколько ознакомление студентов с системой ценностей, имеющей место в стране изучаемого языка, с учетом того, что возможны различные принципы иерархизации ценностей, поскольку именно система ценностей является определяющим моментом при формировании как национальной культуры, так и различных субкультур. Содержанием курса должно стать языковое отражение картины мира, свойственное культуре этой страны.

Определяя цивилизацию как «некую общность людей, объединенную не только единством, точнее похожестью образа жизни, культуры, но и общностью духовных миров, общностью своего миропредставления и структурой шкалы фундаментальных ценностей» [2,30], выдающийся современный математик и мыслитель Н.Н. Моисеев считает, что основными составляющими цивилизации являются культура и технологические основы жизни. Он полагает, что при всем многообразии и несоизмеримости свойств различных цивилизаций существует вполне определенная общая шкала весьма консервативного и сохраняющегося в народе в течение тысячелетий соотношения личностных и общественных начал, другими словами, индивидуализма и коллективизма, с помощью которой можно сопоставить разные цивилизации.

Что же касается японской культуры, то одной из самых характерных её черт является коллективизм. Национальные особен-

¹ С давних пор справедливо полагают, что одним из лучших путей к пониманию психологии другого народа является знакомство с его литературой. Сейчас методисты отошли от переоценки значения «высокой» культуры в содержании учебников по иностранному языку, но маятник качнулся в другую сторону: вместо отрывков из художественных текстов, написанных на хорошем литературном языке, учебники изобилуют текстами и диалогами, представляющими современную жизнь и её проблемы, написанными «языком улицы» с обилием сленга, молодежных речевых форм и выражений. Можно заметить, что во многих подобных унифицированных для разных языков учебных пособиях совершенно нивелируется национально-культурная составляющая, и в действительности мы получаем «методический очерк-схему», знакомящий лишь с той стороной речевой деятельности на языке, которая охватывает некую «глобализированную» область её функционирования.

ности японцев определяются государственными, общественными и семейными ценностями, и эти традиционные ценности с течением времени, даже в эпоху глобализации менее других подвергаются каким бы то ни было изменениям. Можно утверждать, что в случае Японии, мы имеем дело с цивилизацией, таящей в себе многие уроки и возможности для развития продуктивного диалога с другими цивилизациями, поскольку культура этой страны зиждется на гармоническом соотношении человека и всего окружающего его мира, микрокосма и макрокосма [3]. Японцы более, чем европейцы склонны рассматривать человека как природное явление. Об этом свидетельствует, например, и тот факт, что их синтоистские божества отнюдь не всегда антропоморфны — божеством может являться просто какое-то дерево или какой-либо камень.

Благодаря уникальному культурно-историческому опыту этой страны важнейшей особенностью социального поведения японцев является выработанное веками стремление к поиску общеприемлемого решения возникающих проблем. Стремление к единению определяет и то, что при наличии множества диалектов японского языка и специфики культуры различных слоев населения в разных районах страны, можно с уверенностью говорить о культурном и языковом единстве Японии. Общеизвестно, что стиль речевого поведения японцев, несмотря на то, что жизнь современного поколения несет на себе печать нового быта и новых условий общения, продолжает во многом соотноситься с правилами конфуцианской этики и морали. Это уже само по себе способствует гармонизации отношений, пусть даже только внешне. Не следует забывать о том, что в настоящее время и Китай занят выработкой новой идеологии, пытаясь вдохнуть современное содержание в проверенную веками конфуцианскую систему ценностей. Идеи авторитета власти и важности взаимопонимания без конфронтации на всех уровнях, трудолюбия, уважения к институту семьи и опыту предыдущих поколений явно приоритетны в сравнении с тем, что предлагают, а то и насильственно насаждают западные идеологи. Можно предположить, что после завершения процесса формирования «Большого Китая» вполне оформится и «новая восточная идеология», имеющая древние корни.

Вопрос о взаимопонимании не нов, уже несколько веков Запад и Восток идут навстречу друг другу, но, справедливости ради, надо отметить, что Восток более успешно продвигается по этому пути и лучше изучил западную цивилизацию и освоил западную культуру, чем Запад — восточную.

Как известно, в XVI—XVII в. интерес к странам Востока¹ передового отряда колонизаторов определялся лишь возможностями миссионерской деятельности и грабежа. Япония же благодаря режиму самоизоляции возобновила контакты с Европой тогда, когда там уже была подготовлена хорошая почва для восприятия восточного искусства, когда появились люди, как интеллектуалы, так и просто потребители, способные заинтересоваться японской культурой и не только произведениями искусства, но и предметами ширпотреба этой страны.

Были знакомы с ориентализмом и европейские философы, давая ему порой прямо противоположные оценки. Так, например, Вольтер полагал, что Китай — страна мудрости и справедливости, и проявлял серьезный интерес к сочинениям Конфуция. Подобное восприятие не могло не отразиться и в стремлении европейцев увидеть глубокий философский смысл в японской поэзии, военных искусствах, аранжировке цветов.

Таким образом, в Европе, уже освоившей ориентализм в мифологеме стиля шинуазри, интерес к Востоку был готов к тому, чтобы превратиться из увлечения экзотикой в научное изучение японской культуры и языка. «Открытие» Японии в середине XIX века дало возможность познакомиться с подлинным восточным искусством, на произведениях которого не было отпечатков рук колонизаторов.

Со своей стороны, японцы, чуткие к чужому мнению и переживавшие в то время очень непростой период становления новой национальной самоидентичности и поиска самобытных элементов японской культуры, быстро отреагировали на восхищение европейцев произведениями японского искусства. Не случайно в 80-х годах XIX века получила распространение идея *国粹保存* — *сохранения национальной сущности*, давшая впоследствии импульс не только для националистического движения в области японского искусства, но и для *日本人論* нихондзин рон — японской «теории о японцах».

Воспитанные в традиции восприятия и дальнейшего совершенствования идей, полученных извне, японцы в дальнейшем сумели воспитать в сознании не только своих соотечественников мысль об исключительности и высочайшей художественной значимости японской культуры и искусства, особенной сложности японского языка и непостижимости *日本人の考え方* — *образа мыслей японцев*.

Мода на всё восточное приходит, уходит и опять приходит, но мы не так уж далеко отошли от Гегеля и его восприятия восточной

¹ Следует отметить, что понятие «Восток» в середине XIX века обычно не локализовалось, и под ним подразумевался не только дальневосточный регион, но также Индия и арабские страны.

философии, который о высказываниях Конфуция написал: «Для его славы было бы лучше, если бы они не были переведены» [цит. по 4, 4]. Для истинного понимания наших восточных соседей нам следует не только попытаться проникнуть в сущностные пласты восточной цивилизации, но и познакомиться со взглядом на нашу культуру представителей Востока. Необходимо, например, знать, что при контактах с европейцами японцев (как и представителей некоторых других восточных стран) часто раздражает активно-наступательный стиль ведения разговора, нарочито подчеркнутое интонирование фразы, стремление все досконально выяснить и «расставить все точки». Классик японской литературы нового времени Танидзаки Дзюньитиро пишет: «Когда сталкиваешься с европейцами лицом к лицу, даже только громкость их голоса подавляет физически... Европейцы совершенно не постигают внутренних, скрытых движений, которые помогают понимать друг друга без слов... Если вдуматься, западный человек слишком уж вмешивается в чужие дела» [5, 271—272].

В курсе лингвокультурологии предметом рассмотрения должна стать не только языковая картина мира другой культуры, но также восприятие и оценка родной культуры, наших реалий носителями изучаемого языка.

Как, например, понимается идея Бога, религиозной веры в европейском понимании этого слова в стране, где одни и те же родители своих новорожденных детей несут в синтоистский храм, церемонию бракосочетания молодые проводят и по синтоистскому обряду, и (та же пара!) в католическом соборе, хоронят же всех по буддийскому обряду? Востоковеды должны знать, что важным фактором, который лежит в основе того, что японцам трудно органически войти в пространство христианского мироощущения, является концепция единого Творца, занимающая доминирующее место в христианской культуре. «Последователи христианства и иудаизма озабочены проблемой Бога, объективно существующего, или Бога вне нас, а большинство восточных народов, наоборот, стремится заглянуть внутрь, в самих себя, чтобы найти там высшее «я», в котором пребывает реальность. <...> высшее «я» — это Бог, а Бог — это высшее «я» [6, 361] .

Может ли соответствовать европейским эквивалентам выражение *всеобщее равенство* в обществе, изначально построенном исходя из принципов приоритета протекции, возраста и выслуги лет?

В сформировавшейся на сплаве синтоистских и буддийских корней японской культуре многие составляющие из «набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества», имеют значение, весьма отличающееся от европейских аналогов.

Например, японская культура является культурой не греха, а стыда. Привычное христианской культуре понятие греха отсутствует в национальной японской языковой картине мира, оно пришло в эту страну вместе с христианством, причем, как и многие другие понятия этого учения весьма трансформировалось в условиях Японии. Японцам никогда не были свойственны мучения совести: ведь цель оправдывает средство, и если никто не видел, и социум не осуждает, то можно делать то, что принесет практическую пользу и выгоду. Не отсюда ли берет свои корни расхожее на Западе утверждение о восточном коварстве?

Японским обществом фактически признается существование отличных друг от друга норм поведения в группе и вне ее, другими словами — морали по отношению к своим и морали по отношению к чужим. Мораль у японцев основана не на личной совести, поскольку не предполагается само существование свободы и личного выбора человека как нравственных ценностей. Их мораль построена на чувстве стыда и корпоративного долга. Как пишет автор многочисленных социально-политических исследований Т. Сакаия у японцев и «справедливость носит относительный характер» [9, 151]. Универсальная и присутствующая в коллективном сознании любого этноса оппозиция «свой—чужой» находит яркое отражение в японском языке, определяя не только восприятие всего, что окружает человека, но и его поведение в социуме.

Для японца природа не существует как внешний мир, противостоящий человеку. Мир проявляется как функция психического состояния, которая присутствует в опыте и воспринимается через опыт. В христианской традиции, например, принято противопоставлять тело и душу, полагая, что тело греховно и низменно, подвержено плотским страстям, а дух или душа понимается как нечто светлое и возвышенное, несущее в себе искру божественного начала. В японской национальной традиции никогда не было противопоставления души и тела, но было единство — 心身, буквально, то есть согласно иероглифам, «душа-тело». Человек, его телесная и духовная составляющие, неразделимы, и подтверждением этого является определенная «раздробленность» термина, обозначающего душу живого человека. Языковые данные говорят о том, что духовные, душевные, моральные качества и силы человека у японцев не концентрируются в каком-то определенном месте, а рассредоточены по различным органам и частям тела. Таким образом, человек являет собой то, каковыми являются его сердце, печень, живот и кишки, понимаемые не просто как анатомический орган, а как вместилище, а порой и синоним тех или иных душевных и моральных качеств [7].

Добро и зло воспринимаются в японской традиции как формы реализации природы и интерпретируются японцами исключительно как относительные, действительные для конкретного человека в конкретный момент при конкретных обстоятельствах.

Господствовавшее в 50-60х годах прошлого столетия представление о японцах как о злобных и жестоких фанатиках, любующихся цветами, в значительной степени было сформировано вышедшей в 1946 году работой Р. Бенедикт [8], написанной по заданию ведомства военной информации США с целью изучения непредсказуемого противника — японцев. Дело в том, что кровопролитных боях Второй Мировой Войны американские войска столкнулись с солдатами противника, которые очень отличались от воинов, известных до тех пор. Японцы совершенно не обращали внимания на людские потери, были исключительно жестоки не только к врагу, но и к своим собственным солдатам. Гибель воина пропагандировалась как проявление высшей добродетели в военных условиях. Специфика японского подхода к разработке военных операций сбивала с толку американских стратегов.

Что же касается образа японцев, то постепенно крайне негативное представление о них преобразовалось¹ в умиление перед удивительно «чуткими последователями дзэн и прочих духовных практик, занимающимися чайной церемонией и аранжировкой цветов», выпестованное к середине 70-х годов прошлого века очень тщательно проработанной японскими специалистами теорией о самих себе — 日本人論 — «нихондзинрон». Эта теория вкупе с книгой Р. Бенедикт стала основой мифа об уникальности японцев, под обаяние которого попали и некоторые серьезные ученые. Оба подхода несвободны от недостатков, но с ними следует ознакомиться для того, чтобы успешно работать с японцами.

Обращение к работе Р. Бенедикт и к теории «нихондзинрон» показывает, что невозможно быть объективным, ни тогда, когда, характеризуя те или иные культуры, исходят из критериев, свойственных другой, в данном случае — европейской, культуры, ни тогда, когда критерии берутся из той же культуры, которая анализируется. Похоже, что в этом случае мы имеем дело с антиномией межкультурной коммуникации, аналогичной антиномии переводческой.

Исследование языкового материала на занятиях по лингвокультурологии позволит с одной стороны обойтись без использования критериев европейской культуры и, с другой, без саморефлексии

¹ Впрочем, в Китае и некоторых других странах АТР не забывают о зверствах японской военщины.

японской культуры, явления которой мы будем рассматривать. Сопоставляя материалы японского и, например, русского языков, мы можем выделить то, что характерно для каждой из рассматриваемых культур. В частности, анализ концептов «жизнь», «время», «совесть» и многих других в японской языковой картине мира позволит говорить о своеобразном отношении японцев к рассматриваемым явлениям, совершенно отличном от того, что свойственно не только русским, но и другим европейцам. Ведь именно японское отношение к пониманию смерти, выглядевшее для представителей западной цивилизации как «пренебрежение смертью», повергло в свое время в недоумение американских стратегов.

Много интересных выводов, которые помогут при беседе понять японского партнера и спрогнозировать его реакцию на то или иное предложение, позволит сделать осведомленность в том, что и как понимают и что ассоциируется у тех людей, на языке которых ты говоришь, со словами *время, работа, хорошо, плохо, счастье, беда* и со многими другими столь же якобы «понятными всем» словами. Знания об этом и должны получить студенты на занятиях по лингвокультурологии.

Говоря о культурологическом подходе к преподаванию языка, хотелось бы отметить его необходимость в практике преподавания перевода. Корректный и гибкий подход к неизбежной трансформации переводимых текстов невозможен без тщательного культурологического анализа особенностей менталитета его носителей, идеологической специфики, семантических и аксиологических лакун исходного языка. Чем дальше отстоят друг от друга культуры народов исходного и переводящего языков, тем с большими трудностями сталкивается переводчик, который помимо необходимой языковой компетенции должен обладать большим объемом культурологических знаний.

В рамках этой статьи я попыталась представить некоторые специфические моменты, которые учитываются при разработке курса «Мир изучаемого языка», который, как мы полагаем, надо обязательно внести в сетку обязательных занятий на всех факультетах, где ведется обучение японскому языку. Для того, чтобы подготовить специалистов, способных работать в условиях XXI века по григорианскому календарю, 15 века по мусульманскому, 47 века по китайскому, 58 века по еврейскому, 12, 20, 21 и 58 векам, в которых живет население Индии, третьем и далее десятилетиям эпохи Хэйсэй японского календаря, необходимо дать им знания о ценностных установках народов тех стран, языки которых они изучают.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
2. *Моисеев Н.Н.* Заслон средневековью. — М., 2003.
3. *Григорьева Т.П.* Дао и Логос. — М., 1992.
4. *Лисевич И.С.* Литературная мысль Китая. — М., 1979.
5. *Танидзаки Д.* Понемногу о многом. сб. «Мать Сигэмото». М., 1984.
6. *Судзуки Д., Сэкида К.* Дзэн-буддизм. — Бишкек, 1993.
7. *Гуревич Т.М.* Человек в японском лингвокультурном пространстве. — М.: МГИМО(У), 2005.
8. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: Модели японской культуры. — СПб., 2004. (Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. — Boston, 1947 — первое изд. на англ. яз.)
9. *Сакаия Т.* Что такое Япония? — М., 1992.

2 Некоторые культурно-специфические особенности лексико-грамматического строя японского языка¹

Наречие — такой же факт культуры, как Казанский собор, совершенный вид глагола — такой же факт культуры, как матрешка.

Е.И.Пассов

Общеизвестно, что у каждого народа существует специфическая логика образного осмысления окружающего мира, в которой отражается менталитет народа. Представители разных лингвокультурных общностей по-разному видят, воспринимают и оценивают действительность, что прослеживается в языковой картине мира.

Национальная обусловленность лексики того или иного языка, фиксирующей в значениях слов результаты познания действительности, осознана давно. В языковой картине мира выделяется обширный пласт слов, словосочетаний и фразеологизмов, имеющих эмоциональную, оценочную или стилистическую коннотации, которые обусловлены национально-культурным контекстом. Мирозидение отражается в языке, а язык накладывает отпечаток на особенности формирования менталитета человека.

Специфика мировосприятия и характерные черты национального менталитета находят свое отражение не только в лексике и фразеологии, но и в грамматическом строе языка. Согласно теории лингвистического детерминизма, грамматическая система языка, в свою очередь, напрямую формирует мысль, являясь программой мыслительной деятельности. Гипотеза лингвистической относительности предполагает, что мышление и восприятие человека зависят от того, на каком языке он говорит.

Таким образом, язык формирует самобытную среду существования культуры, а реализация и сохранение культуры без языка невозможны. Любой аспект языка — семантический, лексико-фра-

¹ Статья представляет собой редакцию доклада, опубликованного в «Issues of Japanology» Вопросы японоведения № 2 Материалы научной конференции, посвящённой 110-летию основания кафедры японоведения Санкт-Петербургского университета/ — СПб, 2008. С. 135—147.

зоологический, синтаксический, морфологический, может стать источником информации о национальном характере и менталитете.

Японский язык, передавая созерцательный характер японской культуры, изобилует выражениями и ключевыми словами фаталистического содержания. Подтверждением служат такие слова активного словаря как, например, 道 — Путь, 成り行き — естественный ход развития событий; 運、運命、運勢、宿命 — каждое из этих четырёх слов имеет перевод «судьба, рок». О пассивном восприятии мира говорят и многие пословицы и поговорки: японцы часто говорят 運は天にあり — «судьба (написана) на небесах», 仕方がない — «ничего не поделаешь», 袖振り合いも他世の縁 — «все предопределено судьбой», 果報は寝て待て или 運は寝て待て — «спи и дождешься того, что тебе суждено». Последние две поговорки — аналогичны русской «счастье придет и на печи найдёт». Приведенные слова и фразеологизмы, как и многие другие, отражают осознание носителями языка иррациональности и непредсказуемости человеческого бытия, ощущение зависимости человека от внешних неодолимых сил.

О конкретности, предметности мышления японцев, об их стремлении упорядочить все путем пересчета свидетельствует обилие в японском языке слов, во внутренней форме которых используется обозначение чисел¹, упоминание которых не мотивировано. Практически все подобные слова и фразеологизмы являются заимствованиями из китайского языка или составлены из иероглифов самими японцами. Многие имеют отношение к буддизму. Там, где в русском языке используются более абстрактные понятия, японцы часто прибегают к численному обозначению количества, например, 四季 — времена года, букв. «четыре сезона», 千里眼 — ясновидение, букв. «видеть на тысячу ри», 七面鳥 — индюк, букв. «птица с семью лицами», 千三屋 — «враль, лгунишка», букв. «(тот, у кого) три из тысячи». В случае, когда по-русски говорят «сколько людей — столько мнений», а точнее, о разнообразии человеческих пристрастий и симпатий, японец скажет (人の好みは)十人十色, букв. «(человеческие симпатии) десять человек — десять цветов».

О красавице, которую можно было бы назвать «мисс вселенная», японцы говорят 三国一の花嫁, букв. «невеста на три страны». Такое количество стран Сибата Такэси [3,54] объясняет неосведом-

¹ Подробнее см. Гуревич Т.М. Японские нумерологические стереотипы как переводческая проблема // наука о переводе сегодня: ПЕРЕВОД и СМЫСЛ материалы международной научной конференции, — М., МГУ, 2009.

ленностью японцев, весь мир для которых в своё время сводился к Японии, Китаю и Индии.

Конкретность мышления японцев реализуется в обязательности точного указания предмета, о свойствах которого делается заключение: по-японски нельзя просто сказать «яблоки невкусные», необходимо уточнить «эти (твои, зеленые и т.п.) яблоки невкусные».

О конкретности мышления говорит, на наш взгляд, и большее внимание японцев к процессу действия, нежели к его результату. Об этом свидетельствует, например, обязательное использование, по меньшей мере, семи глаголов, называющих процесс надевания одежды в зависимости от того, на какое место тела или как (т.е. «натягивается», «обматывается», «цепляется») надевается тот или иной предмет туалета. Результат любого действия, если это нужно, обозначается специальными «результативными» глагольными формами, при этом, если нужно, может быть отмечена либо результативная направленность действия, либо необратимость результата.

Приведенные выше примеры уже на уровне лексики языка подтверждают правомерность определения японской культуры как культуры с высоким значением индекса избегания неопределённости.

В работах японских и зарубежных специалистов по японскому языку перечисляются более десятка факторов, позволяющих назвать это язык одним из наиболее трудных для изучения его иностранцами. Помимо иероглифики, к трудностям японского языка относят и контактоподдерживающие слова, и ситуативные речения, и сложные глагольные формы, и отсутствие категории числа, и возведенную в ранг хорошего владения языком нечеткость и туманность высказываний.

Впрочем, пожалуй, все сходятся во мнении, что самым сложным моментом для понимания является необходимость знания общего контекста сообщения, «того, что не обозначено словами».

Общепризнанно, что японская культура является высококонтекстной. Естественно, что это находит свое отражение и в языке. Разобраться со значением множества омофонов, омографов, омонимов, понять слова, объединяющие некий ряд вещей, явлений или событий без вхождения в контекст просто невозможно. Например, только человек, осведомленный в вопросах японской культуры может понять, что словом 四友 — букв. «четыре друга» называют кисточку для письма, тушь, бумагу и кусок камня для растирания туши — предметы необходимые для письма. Слово 六大 — букв. «шесть больших» — это или шесть самых престижных университетов (Токийский государственный, Васэда, Кэйо, Мэйд-

зи, Хосэй и Риккё), или (в том же иероглифическом написании 六大!) шесть основ бытия в буддизме (земля, вода, огонь, ветер, пространство, познание). Слово гокан: 五感 — в этом иероглифическом написании «пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание», в другом — 五官 — «пять органов чувств: глаза, уши, нос, язык и кожа». Помимо этих двух в словаре японцев ещё минимум шесть слов, с таким же звучанием — 五款、互換、語幹、語感、五卷、五間 записываются другими иероглифами и, следовательно, имеют другие значения.

Надо особо подчеркнуть, что именно следствием большого значения контекста является то, в тексте на японском языке важным является не только и не столько то, что и как говорится, но и то почему (коммуникативное намерение) именно так говорится в данной конкретной ситуации, другими словами, текст не сводим к средствам и способам его исполнения. Следовательно, за единицу обучения приходится принимать именно некий текст, а не то или иное грамматическое или лексико-фразеологическое явление.

Одним из моментов, позволяющих считать японский язык особо сложным, часто называют фиксированное положение сказуемого в конце предложения.¹ Есть такая японская детская игра N君 (и ли ちゃん) にこれを上げ... — «(называется имя) это ...(пауза) дам /не дам». Изюминка игры заключается в том, что основная информация «дам — не дам» заключается в самых последних звуках ру или най, последующих за глагольной основой 上げ... после небольшой паузы. Когда ведущий берет в руки какую-то вещь и говорит эту фразу, называя имя одного из игроков, ребенок должен вовремя отреагировать и протянуть или не протянуть руки к вещи. Можно сказать, что в каком-то смысле говорящие по-японски всё время играют в эту игру.

Положение сказуемого в конце предложения приучает к восприятию информации в контексте, к последовательному, с более или менее уточняемыми параметрами, подведению слушателя к главной информации, сообщаемой сказуемым. Интересно, что форма, в какой будет стоять этот заключительный глагол, может в последний момент изменить смысл всей фразы, чем очень часто и пользуется говорящий, следя во время речи за реакцией собеседника.

В данном случае мы говорим о контексте и как о языковом окружении единицы языка, и как о явлении социальном, о внетекстовом контексте, который включает в себя такие параметры, как

¹ Возможность инверсии сказуемого в устной речи используется в случае, когда необходимо как-то выделить сам факт действия: 言ったよ、昨日、おれ — «ходил, вчера я».

время /момент/ создания (в случае игры — произнесения) текста, взаимоотношения между социальными ролями общающихся и т.д.

Национальный стереотип мышления у человека, живущего в той или иной языковой среде, формируется не только под влиянием модели поведения окружающих, но и под влиянием усваиваемого языка. Японскому языку в высшей степени свойственна «речевая тактичность» — тенденция к тщательному продумыванию и выбору средств языкового выражения и обозначения не только высказываемой мысли, но также своего возрастного, гендерного и социального статуса.

Рассмотрим ещё несколько грамматических моментов, учитывая, что с одной стороны, они формируют языковую личность в процессе ее становления, с другой — являются проявлением национального менталитета.

В современном японском языке [2, 10] представлено четыре местоимения для первого лица единственного числа (*ватакуси*, *вата-си*, *боку*, *орэ*) и три для второго лица единственного числа (*аната*, *кими*, *омаэ*).

В русском языке, как известно, одно слово — я — для 1-го лица единственного числа и два местоимения для 2-го лица единственного числа — ты и Вы. Местоимение вы, всегда используемое для 2 лица множественного числа, может относиться и к одному человеку, но тогда оно пишется с большой буквы — подчёркивая вежливое и почтительное отношение к партнёру по коммуникации. Частое употребление местоимения 1-го лица единственного числа как с точки зрения русскоговорящих, так и с точки зрения японцев выглядит по меньшей мере нескромно.

Как и в русском, так и в японском языке на выбор личного местоимения, подходящего в той или иной конкретной ситуации, влияют социальный статус, возраст, уровень образования, пол и всевозможные обстоятельства общения.

Присутствующее или подразумевающееся личное местоимение в роли подлежащего как в русском, так и в японском языке всегда согласуется по степени вежливости с глаголом, выступающим в роли сказуемого. В японском языке уже в среднем регистре вежливости обязательным является употребление специальных глаголов для обозначения действий первого или второго /третьего лица. Это сопоставимо с тем, что по-русски, например, говоря о своём действии, нельзя употреблять глагол *кушать*, выражающий согласно словарю, «вежливость и ласковое внимание». Необходимо отметить, что сейчас как в русском, так и в японском языке есть тенденция перехода к более упрощённому, усреднённому стилю

речи, многие слова, употреблявшиеся в вежливой речи, вытесняются нейтральными, а то и стилистически заниженными, особенно, в речи молодёжи.

Если обратиться к теории культурных измерений Г. Хофштеде [4], то японскую культуру с полным правом можно считать культурой с высокой дистанцией власти, которая воспринимается в этой стране как незыблемая данность, имеющая мощную фундаментальную основу. В языке это находит отражение в весьма детализированной и сложной системе обозначения степеней социальной вежливости и лично-вежливых отношений. Высокая дистанция власти просматривается, например, в четкой дифференциации категории 内vs外 «свой vs чужой», на основании которой строится система местоимений, образованных от корней あ、そ、こ.

Общинный, коллективистский характер японского менталитета в языке скрывает человека как активного действующего за множеством пассивных, безличных и предположительно-вероятностных конструкций.

«Пассивные» элементы языка и культуры, реагируя друг с другом, формируют специфический японский менталитет. Сравнивая реакцию европейцев и японцев на внешний мир Тэруо Гоко: сопоставляет ее с реакцией на угрозу кошки, изготовившейся к прыжку, и зайца, притворившегося мертвым [1,22]. Грамматическая структура японского языка подобным образом тяготеет к безличности и неопределенности, когда не субъект делает что-то по отношению к чему-то или кому-то, а, напротив, что-либо делается по отношению к субъекту.

Прежде всего, это касается случаев употребления страдательного и побудительно-страдательного залогов. Ощущение себя как элемента мира, в котором многое происходит вне зависимости от действий и желания человека, присуще и понятно русским не в меньшей мере, нежели японцам.

Русские, как и японцы не склонны брать на себя ответственность за происходящее с нами, а готовы сваливать все на объективные и не зависящие от человека (деятеля, т.е. подлежащего) причины. При таком отношении к окружающему миру и к находящемуся в нём человеку очень естественным становится 迷惑の受身 — «пассив пострадавшего»: 辞められた — букв. «ушли с работы», то есть кем-то были созданы такие условия, что пришлось уйти; 雨に降られた- «попал под дождь»: дождь — активный деятель, от действий которого человек пострадал; 母に死なれた — «у меня умерла мать» — активным деятелем выступает мать, от действия (смерть — тоже действие) которой я страдаю.

Пассивный характер японского менталитета, стремление к сохранению гармонии, соответствующей моменту, просматривается в обилии форм передающих значение возможности совершения действия, разнообразии условных форм. Здесь будет уместно отметить, что диалог на востоке — не средство самовыражения, а способ «ублажения» собеседника. Обмен мнениями по-японски — это не европейская дискуссия, берущая своё начало в средневековых университетах, а «беседа» — 座談会 — буквальное, по иероглифам, толкование этого слова точнее всего передается по-русски как «посиделки», в ходе которых общающиеся, излагая свою точку зрения, стремятся позволить собеседнику «не потерять лицо». Недаром у японцев не нашлось родного слова для определения современной процедуры обсуждения, например, в ходе конференции, всевозможных проблем и вопросов и они пользуются заимствованием パネル・ディスカッション (от *англ.* panel discussion).

В Японии вплоть до XIX века не проявляли особого интереса к грамматике как таковой, обучение грамоте сводилось к обучению письменности, т.е. иероглифики и стандартным оборотам, свойственным письменной речи. В силу известных исторических причин — с начала XVII до середины XIX века все контакты с иностранцами были запрещены — не приходится говорить о серьезном научном или практическом интересе к изучению иностранных языков в этой стране вплоть до 70-х годов XIX века.

Краткий экскурс в историю¹ был необходим для того, чтобы ясно представить себе различные, даже не параллельные, а идущие совершенно в разных плоскостях, пути развития лингвистической науки в Европе и в Японии, а, следовательно, и представлений о ее предмете, языке, о его практическом и теоретическом освоении.

Современные японские лингвисты вслед за зарубежными исследователями японского языка пытаются подогнать его явления под привычные рамки детально исследованных и описанных языков, относящихся не просто к другим группам, но к другим языковым семьям.

В результате мы постоянно сталкиваемся с тем, что при обозначении того или иного грамматического явления терминами, за которыми в нашем сознании закреплены вполне определенные грамматические моменты европейских языков, мы невольно вызываем различные ассоциативные связи, которые вовсе не характерны для данного явления в японском языке.

¹ В Европе интерес к языку, который средневековые интеллектуалы называли «инструментом ума» (Ален Лилльский), возник тогда, когда в Японии ещё только начинали приспособливать китайскую иероглифику к своему языку.

Очень наглядный пример — падежные показатели, именно так привычно называют грамматические форманты, которые в японском языке могут оформлять не только существительные, но и глаголы, и даже целые предложения. И хотя некоторые лингвисты предлагают в этих случаях считать и называть их союзами, совпадающими по форме с падежным показателем, но это не более чем лукавство, поскольку в подобном случае совпадают не только форма, но и грамматическое содержание.

Стоит ли удивляться, что при обучении иностранцев японскому языку, которое началось лишь во второй половине XIX века, а стало довольно активным только во второй половине XX века, обычно и не пытаются найти способы объяснения, которые учитывали бы собственно национальные особенности языка и его носителей. Хотелось бы отметить ещё один серьёзный момент — при обучении японскому языку не следует идти вперед с обращенным назад взором. В курсах практического языка надо обращать больше внимания на современное состояние лексики и грамматики японского языка. Возможно, самое важное из всех изменений в Японии, которые произошли после её поражения во Второй Мировой войне кроме развития демократических преобразований в стране — это новый взгляд на мир, формирование новой системы ценностей. Естественно, этот новый взгляд, нашел отражение и в японском языке, причем не только в его лексике, но и в грамматическом строе.

Думается, что взгляд лингвиста-культуролога неизбежно отличен от взгляда традиционных лингвистов или специалистов в области структурно-прикладной лингвистики, и именно культурологический подход к исследованию японского языка может дать интересные результаты при выяснении сущности многих его явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гоко Т.* Котоба кара мита нихондзин. — Токио, 1979 (на яп.яз.).
2. *Лаврентьев Б.П.* «Практическая грамматика японского языка», — М.: Живой язык, 1998.
3. *Сибата Т.*, Ситтэиру ё: дэ сиранай нихонго, — Токио, 2001(на яп.яз.).
4. *Hofstede G.* Culture's Convergences — NY., 1980

3 О необходимости создания функциональной грамматики японского языка¹

Язык своими словами, своей грамматикой, своим синтаксисом, всем духом, заложенным в нем, определяет то, как мы переживаем и какие переживания доходят до нашего сознания.

Э.Фромм

По мере продвижения процесса глобализации во всем мире наблюдается тенденция перехода к межкультурному образованию, что неизбежно влечет за собой необходимость определенных изменений и в системе обучения иностранному языку. Изменяя систему в целом, приходится задумываться над изменением всех её компонентов, а именно: вносить новое в содержание, методы, средства и формы обучения. Особое внимание надо уделить разработке средств — учебников иностранного, в нашем случае японского языка.

В процессе межкультурного образования наших студентов происходит становление и развитие межкультурной компетенции при осуществлении рецептивной и продуктивной деятельности в ходе работы с материалом, подаваемым на двух языках, другими словами, в условиях конкретной межкультурной ситуации.

В учебниках японского языка нового поколения язык должен рассматриваться как факт культуры, реализующийся в речевой деятельности не только в лексико-грамматическом, но и в этическом, эстетическом, стереотипном, а временами, в историческом или рефлексивном ракурсе.

Анализ грамматических описаний и учебных пособий, которыми в настоящее время пользуются преподаватели японского языка в России и за рубежом, позволяет сделать вывод о том, что практически все они построены либо исходя из необходимости объяс-

¹ Статья представляет собой редакцию доклада, опубликованного в «Issues of Japanology». Вопросы японоведения № 3 Материалы научной конференции, посвящённой 140-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербургском университете/ — СПб, 2010. С.49—57.

нения лексико-грамматических явлений, встречающихся в учебных текстах, обычно упорядоченных автором пособия по степени возрастания сложности, либо основываясь на принципе формальной классификации языкового материала.

Первый подход не создает у учащихся ни общего представления о грамматических явлениях, имеющих место в изучаемом языке, ни об особенностях их употребления, что особенно важно, учитывая определяющее значение контекста при подборе как подходящего слова, так и той или иной грамматической формы в японском языке. Это приводит к тому, что учащиеся, переводя на японский, зачастую ошибаются не просто в определении подходящей грамматической формы, но и в выборе переводческой стратегии.

Второй — не является эффективным в отношении учащихся, для которых японский язык не является родным, тем более, если они вообще только приступают к его изучению. Такой подход не может способствовать выработке навыков перевода ни с японского, ни на японский язык. Нельзя не согласиться с И.Г. Милославским, утверждающим, что «подобно тому, как переводчик с русского языка нуждается в русском толковом (русско-иноязычном) словаре, а переводчик на русский язык в русском идеографическом словаре (иноязычно — русском) словаре, переводчику с русского языка необходима рецептивная грамматика русского языка, а переводчику на русский язык — продуктивная грамматика русского языка»[4, 148].

Следует более критически отнестись и к использованию аутентичных учебных материалов, весьма популярных у наших преподавателей японского языка. Японские методисты всегда придерживались мнения о существовании разных систем понятий, т.е. разного мышления у японцев и представителей других культур, и такой подход к обучению восточному языку, естественно, оправдывает себя. Впрочем, разумеется, нельзя говорить всерьез о формировании у русских, представителей исламского мира или американцев, изучающих язык по одним и тем же учебникам, умения разбираться в нюансах японского мышления. Понимание другой культуры неизбежно строится на сопоставлении с родной культурой. Нужно особо отметить, что с помощью таких учебников просто невозможно научиться переводить с японского на родной язык и наоборот, что является одной из основных целей обучения иностранному языку в любом российском учебном заведении. Авторы аутентичных учебных пособий, естественно, намеренно подавляют сознательную аналитическую деятельность учащихся в тот период, когда, с нашей точки зрения должно идти освоение грамматики.

Такая методика предусматривает отвлечение сознания от языковой формы для целенаправленной ориентировки на цель и смысл высказывания. Этой же цели служат и довольно обширные списки речевых единиц, которые совершенно необходимы для включения в коммуникацию на японском языке и обычно именуются «клише», «шаблонами» или «прагморегуляторами». Их обычно рекомендуется заучивать наизусть, в то время как следовало бы уделить им особое внимание, учитывая их национально-культурную маркированность.

Знакомясь с опытом изучения и преподавания иностранного и, прежде всего, английского языка в Японии, начинаешь понимать, что приобщение к иноязычному сознанию тоже не является гарантом для хорошего владения языком. О том насколько плохо говорят на иностранном языке японцы по несколько лет учившие этот язык в школе, потом в институте, а потом еще на каких-нибудь курсах или индивидуально с преподавателем, обычно носителем преподаваемого языка, знают все, кому хоть раз приходилось бывать в Японии и общаться там на английском языке. Вообще-то, конечно, можно встретить японца, хорошо владеющего иностранным языком, но в таком случае это, наверняка, человек, который несколько лет прожил за границей.¹

Методика обучения языку развивается параллельно продвижению лингвистической мысли: традиционное обучение языку имело место во время особого внимания к языковым формам, переход к коммуникативному обучению совпадает с возрастанием интереса к вопросам прагматики языка, последнее время можно говорить о когнитивном обучении, ориентированном на познавательную языковую деятельность человека.

При обучении иностранному языку, в частности переводу, и преподаватели, и учащиеся должны четко осознавать, что перевод — это не просто автоматическое перекодирование определенной информации со знаков одного языка в знаки другого, но правильный перевод — это перенос представления о чем-то одной культуры, использующей определенную лингвистическую систему, в другую культуру.

Лингвисты задолго до того, как оформилась культуuroобразующая концепция обучения иностранным языкам начали использовать термин «функциональная грамматика» (в отличие от класси-

¹ Для японцев степень владения языком всегда соотносится с временем пребывания в стране, где говорят на этом языке. «Вы давно живете в Японии?» — это первый и обязательный вопрос иностранцу, произнесшему что-то на японском языке.

фикационной). Работы санкт-петербургских ученых А.В. Бондарко, А.А. Холодовича и других связаны именно с функциональным грамматическим направлением [2;5]. Ученые этого направления немало сделали в плане описания разнообразных средств, которые могут выражать то или иное содержание.

Большая работа, имеющая непосредственное отношение к созданию продуктивной (активной) грамматики русского языка, по сути близкой к функциональной, была проведена Ю.Д. Апресяном и его учениками.

Вообще-то в функциональной грамматике не указывается противопоставление рецепсии и продуцирования, поскольку и то, и другое есть функционирование языка. Впрочем, не вызывает сомнения, что для тех, кто изучает японский (да и любой другой) язык как неродной, совершенно необходима грамматика этого языка ориентированная как на рецептивные, так и на продуктивные виды речевой деятельности.

Представляется, что именно функциональная грамматика может помочь учащимся разобраться с непростыми вопросами межкультурной асимметрии, проявляющейся не только на уровне лексики и фразеологии, но также и в синтаксисе, где за внешней похожестью явлений скрываются порой глубинные культурные расхождения. Неверная пресуппозиция о подобии, аналогии грамматических категорий, возникающая зачастую из-за использования при описании явлений японского языка терминов, принятых в европейской лингвистической традиции, приводит порой к непониманию и искажению смысла исходного текста или какой-то ситуации повседневной жизни. Весьма частая повторяемость и в практике межличностного общения, и при переводе неудач из-за недостаточной изученности вопросов межкультурной асимметрии обуславливает актуальность работы по созданию учебника функциональной грамматики японского языка.

При создании такой грамматики надо будет принять во внимание, что в высококонтекстуальной японской культуре зачастую большая часть информации содержится не в словах, а в контексте общения. В японском дискурсе велико значение подтекста, намеков и фигуральных выражений.

Возможно, что с методической точки зрения было бы целесообразно при изучении тех или иных грамматических вопросов сконцентрировать внимание не столько на толковании конкретного случая употребления изучаемого явления, сколько на систематизацию тех ситуаций и типов *контекстов*, которые обуславливают его употребление.

Следует обратить внимание и на выделение не только лексических, но и грамматических лакун, которые имеют место в случаях, когда набор грамматических категорий в русском и японском языках не совпадает. Ярким примером этого является отсутствие категории числа как обязательной грамматической категории в японском языке, что приводит при переводе к объективной неполноте. Кстати отсутствие в японском языке этой категории, свидетельствующее об особом внимании к единичному, является хорошим примером связи грамматики языка с мировидением народа, говорящего на этом языке.

Осознание необходимости функционального подхода к интерпретации явлений иностранного языка ощущалось давно. В середине XX века профессор Б.В. Беляев [1], который предложил «сознательно-практический метод» обучения иностранному языку, утверждал, что надо обучать не иностранному языку, а формировать иноязычное мышление. Аналогичные рекомендации встречаются и в работах других отечественных методистов вплоть до начала 80-х годов прошлого века. Согласно этой методике при семантизации иноязычной лексики нельзя опираться не только на перевод, но и на различные виды наглядности, так как последние вызывают привычные понятия, а при раскрытии значения новых иностранных слов надо пользоваться расширенным их толкованием.

«Знание не перекачиваемо в другую голову, как в некую пустоту перекачивалась бы жидкость» [3, 13] именно поэтому среди основных задач составителей новой учебной грамматики японского языка должна быть работа по подготовке сознания учащегося к восприятию и переработке непривычных форм и регламентаций, которыми пользуются говорящие на японском языке.

В настоящее время целью подготовки специалиста, владеющего иностранным языком, является формирование межкультурной компетенции, развивающей у учащегося новое культурное сознание — способность при контактах с другой культурой осознать иную систему ценностей и непривычный жизненный уклад, умение со стороны взглянуть на систему ценностей культуры и общества, взрастивших его самого. Очевидно, что здесь мы уже сталкиваемся с новым когнитивным подходом к обучению, которое не ограничивается выработкой навыков чисто языковой и речевой компетенции, но непосредственно связано с формированием представлений человека о мире вообще и о сущности языка в частности.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТЕМЕ

1. *Беляев Б.В.* Психология обучения иностранным языкам. — М., 1959
2. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. — Л., 1984
3. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. — М., 1994.
4. *Милославский И.Г.* Концепция обучения русской грамматике будущих переводчиков // «Русский язык и культура в зеркале перевода» материалы международной научно-практической конференции // — Салоники, 2008, с. 147—148
5. *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории — Л., 1979

У японцев традиционно сильна склонность получать знания из изречений и поучительных рассказов.

Хара Ясуси

В конце XX века в лингвистике стали все большее внимание уделять комплексу вопросов, связанных с функционированием языка в человеческом обществе. Исследовались коммуникативно-дискурсивные процессы и их прагматические составляющие, с началом периода глобализации особое внимание начали привлекать проблемы языкового самосознания и лингвокультурной общности. В условиях постоянно расширяющихся межкультурных контактов, возрастают требования адекватности коммуникации на иностранном языке, необходимость умения прогнозировать и предупреждать коммуникативные неудачи, возможные даже у людей с высоким уровнем языковой компетенции, но мало знакомых с особенностями речевых жанров и узуальной нормой.

При использовании любого, в том числе и японского, языка в качестве средства общения необходимо учитывать стереотипы общения на этом языке, быть знакомым с ценностными установками носителей языка. Роль культурного кода наряду с лексикой выполняют штампы, клише, фразеология², которые дают возможность субъекту речи идентифицировать себя с соответствующей лингвокультурной общностью. В отличие от лексических средств языка это более сложные коммуникативные единицы, передающие опре-

¹ Эта статья является компендиумом нескольких статей автора о работе с фразеологией на уроках японского языка, помещённых в разные годы в труднодоступных ныне изданиях.

² Говоря о фразеологии с точки зрения возможности использования ее в целях обучения языку, мы понимаем этот термин в самом широком смысле, подразумевая устойчивые сочетания разных структурных типов — и фразеологизмы, и идиомы, и языковые афоризмы (пословицы, поговорки, крылатые выражения). Не вмешиваясь в лингвистические дискуссии относительно природы различных фразеологических единиц, исключительно в прагматических целях обучения японскому языку, мы относим к ФЕ и то, что в японской лингвистике принято называть 四字熟語 *ёдзи дзюкуго* — записываемые четырьмя иероглифами лексикализовавшиеся фразеологические сращения, обладающие цельностью номинации, по большей части заимствованные из китайского языка.

деленную сложившуюся систему коннотаций, оценок образного восприятия мира. Фразеологические речения не только отражают, но зачастую и формируют свойства, достоинства и недостатки человека, которые ценятся или осуждаются в соответствующем обществе и соответствующей культуре. Поскольку для фразеологических единиц (далее — ФЕ) характерна образная мотивированность, «которая напрямую связана с мировидением народа - носителя языка», они в принципе обладают культурно-национальной коннотацией [3, 214—215]. Все, что интерпретируемо в терминах ценностных установок, «прескрипций народной мудрости», «мировидения и миропонимания народа», признается релевантным в аспекте национальной культуры.

Возможно, исследование проблем, связанных с интерпретацией ФЕ в терминах ценностных установок, представляется более оправданным с точки зрения некоторого лингвофилософского дискурса, но без такого исследования не обойтись и при решении вопросов прикладного характера, а именно — для выработки эффективной методики обучения иностранному языку.

Работа с ФЕ может вестись в нескольких плоскостях: во-первых, на их примере можно наглядно проследить сходство и различие языковых картин мира носителей родного и изучаемого языков. Во-вторых, пословицы, например, с их прозрачной семантикой и четкой лексико-грамматической организацией являются прекрасным иллюстративным материалом при объяснении многих грамматических явлений. Многие ФЕ, наконец, удобно использовать при обучении переводу для объяснения уровней соотнесенности понятий.

Национально-культурная специфика лексики и фразеологии изучаемого языка определяется относительно родного языка обучающихся, для нас — русского, что оправдано необходимостью усвоения как культурно значимых, так и прочих межъязыковых различий.

Не будем строго определять понятие культурной значимости, ограничимся лишь указанием на то, что культурно значимые явления обычно имеют соответствия в нескольких культурных кодах. Культурно значимые языковые факты обнаруживают культурно значимые следствия или воспринимаются как обусловленные культурно значимыми причинами.

В семантике фразеологической единицы естественным образом сочетаются два плана: прямой и переносный — первоначальное значение входящих в нее слов и иероглифов и окончательное целостностное значение. Эти два плана воспринимаются носителями

языка комплексно как сложное образное единство. Для изучающих язык необходимо раскрывать и прямое значение — давать буквальный перевод фразеологизма, и объяснять переносное значение. Такое знакомство с его семантикой вскрывает генетический прототип фразеологической единицы, зачастую дает ценную экстралингвистическую информацию, помогает осознать концептуальное значение входящих в состав этой единицы лексики и иероглифики. Анализ информации, содержащейся как на уровне буквального, так и на уровне переносного, обычно более абстрактного значения, помогает понять наивное представление о мире народа, говорящего на данном языке, познакомиться с некоторыми чертами его национального характера.

Именно под таким углом зрения предлагается работать на языковых занятиях с японскими ФЕ, в которых выражаются стереотипные для самосознания носителей языка установки на определение своего места в мире, установки, согласно которым человек ведет себя по отношению к другим в японском обществе.

При рассмотрении проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, серьезное значение имеют моменты, относящиеся к принципам организации социума и положением в нем определенного человека как объекта коммуникации.

Большинство учащихся, перед тем как приступить к изучению японского языка, уже изучали какой-нибудь, а иногда и не один, иностранный язык, чаще всего английский. Стереотипы восприятия и речевые навыки родного и знакомого неродного языка зачастую автоматически переносятся и на коммуникацию на японском языке. Сбои происходят сразу же уже хотя бы потому, что, например, английский язык, четко разделяет артиклями все по признаку «определенности — неопределенности», а в японской языковой картине мира происходит определенного рода расширение поля восприятия действительности: то, что рядом со мной, то, что находится подальше, то, что находится совсем далеко.

Уже в простом указании на человека, предмет или место, говоря «он», «это», «там» японец не может не принимать во внимание основного критерия коммуникации, свойственной этой нации, а именно: оппозиции 内vs外, противопоставления «свой — чужой». Обозначая какой-то любой предмет, носитель японского языка прежде всего определяет, в чьей сфере — в его собственной, близости от собеседника или вдали от них обоих, это предмет находится. Восприятие мира через призму *ути* vs. *сото* представляет собой явление психологического характера, оно связано с социо-

культурными традициями и определяет восприятие японцем окружающего его мира и людей, и вещей.

Безусловно, при обучении японскому языку необходимо с самого начала работать над созданием у учащихся умения правильно ориентироваться в пространстве, организованном согласно японскому мировосприятию.

Поскольку фразеологизмы, на наш взгляд, являются замечательным учебным материалом¹, наилучшим образом способствующим не только естественному вхождению в «дом бытия духа народа» Японии, но и выработке соответствующих языковых навыков, попытаемся на некоторых примерах представить себе, как в сознании японцев оформляется восприятие индивидуума и коллектива.

Японцы, которым нелегко оторваться от группы и остаться в одиночестве, четко устанавливают различие между своими и чужими, поскольку без этого трудно, а порой и просто невозможно определить границы группы. «В сущности, большинство японцев на каждом уровне сознают свою принадлежность к определенной группе, отвергая посторонних.» [2, 73] Поэтому рассмотрим сначала несколько фразеологических единиц поля «свой — чужой». Простейшую схему взаимодействия носителей японского языка с окружающим миром репрезентирует поговорка 鬼は外福は内 — «черти вон, счастье в дом», с которой весной в синтоистских храмах и домах японцев проводится церемония очищения. Семантическая прозрачность этой, как и многих других пословиц и поговорок, вызывает в сознании образы, порожденные прямыми значениями входящих в нее компонентов.

Осознание оппозиции «свой — чужой» концентрическими кругами расходится от индивидуума, при этом в зависимости от обстоятельств область «чужой» может быть переведена в область «свой» и наоборот. 夫婦は他人のはじまり — «чужие начинаются с мужа для жены, с жены — для мужа», 夫婦は他人の集まり — «муж и жена — пара чужих людей», 兄弟は他人のはじまり — «и брат родной — /уже/ чужой». Итак, если даже в условиях традиционно прочных устоев японской семьи, можно считать «чужими» супругов и братьев, то тем более естественно и привычно полагать чужим то, что находится за порогом родного дома, поэтому, наверное, в Японии и говорят: 敷居をまたげば七人の敵 — «перешагнешь порог — /встретишь/ семеро врагов».

¹ Приведенные ниже примеры отбирались для нужд учебного процесса, поэтому одним из критериев отбора являлась распознаваемость лексики и грамматических явлений, встречающихся во фразеологизмах, лицами, недавно приступившими к изучению японского языка.

В плане уяснения того, с чем связано, как формируется и осознается японцами понятие «чужой», культурно специфическими можно считать, например, следующие фразеологизмы: 他人の白飯より内(家)の粟飯 — «своя чумиза лучше чужого риса»; 人の物より自分の物 — «свое лучше чужого (букв. своя вещь лучше чужой вещи)»; 他人の飯に刺棘がある — «в чужой еде — колючки»; 他人の飯に骨がある — «в чужой еде — кости»; 他人の飯を食う — «есть чужой хлеб (букв. рис)» — говоря так, японцы имеют в виду не только дискомфорт, но и определенные жизненные трудности.

В приведенных выше и многих других подобных сентенциях народной мудрости даются не просто наставления, о том, что свое всегда лучше чужого, но и предостережение, о том, что в чужом может таиться какая-то неприятная неожиданность.

«Чужой» это что-то временное, непостоянное: 他人はときの花 — «чужой — это сезонный цветок».

Перед чужими людьми человек ведет себя не так, как перед своими: выражение 他人行儀 — «неловко себя чувствовать/стесненное поведение» — буквально переводится как «поведение постороннего/чужого». Часто человек по отношению к своим близким проявляется совсем в другой ипостаси, нежели он предстает перед посторонними. Именно это отмечено в выражении 外面がよくて、内面が悪い — «плохое отношение к своим, хорошее отношение к чужим»¹.

В отношениях со своими тоже рекомендуется соблюдать определенную дистанцию 親しい仲にも垣をせよ — «и между своими поставь изгородь».

Русские говорят: «душа человека — потемки», а японцы любят выражение 人の心は面の如し — «душа человека подобна маске». Опасение перед неизвестным партнером по коммуникации, то есть «чужим», вероятно, породило такие поговорки, как 人を見たら泥棒と思え — «видишь человека, думай — вор»; 人を見たら鬼と思え — «видишь человека, думай — черт»; 人は盗人、火は消防 — «человек — вор, огонь — берегись пожара»; 疑いは安全の母 — «сомнения — мать безопасности». Можно привести еще не одну поговорку, призывающую к осторожности при контактах с чужими и посторонними людьми. Например, говорить о чем-то рекомендуется только после того, как разберешься, с кем имеешь дело: 人を見て法を説け — «проповедуй, разглядев человека».

¹ Слова 外面 и 内面 употребляются также в значении «внешность» и «внутренняя сущность человека»: 外面が悪くても、内面がいい — «с виду некрасив, но душа хорошая»

Однако призывы к осторожности не означают побуждения к недоброжелательности. Это скорее призыв к тому, чтобы вести себя и говорить в соответствии со сложившимися условиями: 人の振りを見て我が振り直せ — «корректируй свое поведение, глядя на то, как ведут себя другие».

Член коллектива не может быть равнодушным к тому, как его воспринимают окружающие: 我が身のことは人に問え — «о самом себе (что ты из себя представляешь) спроси у людей»; 思えば思われる — «как думаешь ты, так думают о тебе»; 人を憎むは身を憎む — «ненавидеть других — это ненавидеть себя»; 人を破る者は己を破る — «тот, кто вредит людям, вредит самому себе». Возможно, подобные наставления помогают японцам воспитывать терпимость, умение приспосабливаться к окружению, искать причины неприятностей, происходящих с тобой, не в других, а прежде всего в себе самом. Поэтому им с детства советуют 人のことより足もとの豆を拾え — «чем обращать внимание на то, что у других, собери бобы у себя под ногами» 人の蠅を追うより己の蠅を追え — «прежде чем разгонять мух с других, прогони своих мух».

Устойчивые словосочетания способствуют формированию у японцев укоренившегося в национальном сознании понятия о том, что хорошо — это когда все так, как у других: 人並みに暮らす — «жить как все люди (т.е. — прилично)»; 人並み外れる — «не так, как у людей». Слово 人並みの обычно употребляется в значении «заурядный, обыкновенный, как все, по-человечески», это слово имеет в японском языке положительную коннотацию.

Оглядка на других, подчинение своих интересов интересам общественным является безусловным положительным моментом поведения в глазах японцев, однако нельзя утверждать, что они всегда забывают о себе: 身ほどかわいい者はない — «нет никого столь же милого как ты сам» 誰でも自分の荷力尉一番皇いと思う — «каждый думает, что его ноша самая тяжелая».

Аксиоматично воспринимается пословица 水は方円の器に従い人は善悪の友による — «вода принимает форму сосуда (следует сосуду), человек зависит от окружающих (от хороших и плохих друзей)», словари приводят более десятка фразеологизмов, передающих эту мысль.

Воспитанные на наставлениях о том, что 世は相見互い — «этот мир — это взаимная помощь», что даже 相手のない喧嘩はできない — «ссора невозможна без партнера» японцы не сомневаются, что 独りは立たない — «в одиночку человеку не выстоять». Можно сказать, что умелое использование языковых средств, к коим относятся и ФЕ, сыграло немалую роль в воспитании 集団意識 — «коллектив-

ного сознания» японцев, столь превозносимого в нихондзинрон, о которой упоминалось выше.

Подобные ценностные установки приводят к тому, что в Японии неодобрительно относятся ко всему из ряда вон выходящему, народная мудрость предостерегает: 出る杭は波に打たれる — «торчащая свая подвергается натиску волн»; 出る釘は打たれる — «забивают тот гвоздь, который высовывается»; 大木は風に折られる — «ветер ломает большие деревья»¹.

Вероятно, опыт жизни в земледельческой общине привел японцев к выводу о том, что самое хорошее поле находится между другими полями, а человек лучше всего себя чувствует тогда, когда вокруг него люди: 人は人中、田は田中 — «человеку (хорошо) среди людей, поле — (хорошо, когда) среди полей».

Разумеется, само по себе обилие подобных ценностных установок в японской культуре, не позволяет утверждать, что фразеологизмы, в которых имеет место положительная коннотация коллективизма, являются национально специфическими, поскольку и в других национальных культурах, в частности, в русской это качество тоже оценивается положительно. Предварительные наблюдения дают основания предполагать, что между русскими и японцами довольно часто отмечаются совпадения или незначительные различия в экспрессивной окраске фразеологических единиц, отражающих, не только идею коллективизма и корпоративности, но и такие понятия как трудолюбие, терпение.

В японских пословицах и поговорках просматриваются не только элементы чисто японских социально-этнических норм, но и целый ряд оценок, которые так или иначе присущи многим другим народам мира, в том числе и нам, русским, а это дает нам еще одно основание для более глубокого взаимопонимания.

Выше уже упоминалось о том, что ФЕ являются прекрасным иллюстративным материалом при объяснении самых различных грамматических явлений. Не вдаваясь в методические подробности, приведу только некоторые примеры, подходящие при работе с разделами грамматики, представляющими определенную трудность для изучающих японский язык. Фразеологизмы подобраны с учетом сравнительно небольшого объема лексики, которым владеют учащиеся средней степени обучения.

Выразительным и запоминающимся примером использования желательного наклонения и оформления придаточного предложе-

¹ Грамматически адекватный перевод этой пословицы — «большие деревья бывают сломлены ветром».

ния степени действия (в чём обычно ошибаются учащиеся) является поговорка 猫の手も借りたいほど忙しい — «занят настолько, что хоть кошку проси помочь», букв. «занят настолько, что хочется у кошки лапу одолжить».

Одну из условных форм и дубитативное наклонение мы видим в пословице 雉も鳴かすば撃たれまい — «если фазан не будет кричать, его вряд ли убьют», а ту же условную форму и потенциальный залог — в пословице 曲がらねば世が渡られぬ — «не согнешься — не пройдёшь», букв. «если не будешь сгибаться, этот мир/жизнь не перейдёшь». В русском языке тоже есть пословица со схожим значением: «не поклоняйся до земли, и гриба не подымеешь». В данном случае можно обратить внимание и на то, как народная мудрость отмечает национальные стереотипы поведения.

Страдательный залог в ФЕ встречается в разных функциях, с вызывающими затруднения на начальном этапе обучения глагольными определениями, условными и деепричастными формами и другими грамматическими явлениями, например, 大木は風に折られる — «большие деревья бывают сломлены ветром» или 誉められて腹立つ者なし — «нет таких, кто бы сердился, когда его хвалят». В последнем примере мы видим интересный фразеологизм 腹(が)立つ — «сердиться», букв. «живот вздымается». Можно привести ещё много подобных примеров¹.

Фразеологизмы являются очень хорошей иллюстрацией употребления побудительного залога как в функции превращения переходных глаголов в переходные, например, 目顔で知らせる — «глазами (и лицом) дать понять»; 顔を利かせる — «пользоваться положением», букв. «задействовать (своё) лицо», так и для передачи собственно побуждения — かわいい子には旅をさせよ — «любимого ребенка отправь в путешествие».

Условные формы на ... ば и ...たら уже встречались в приводившихся выше ФЕ. Можно привести ещё несколько примеров, с другим оформлением условного значения. Образность и прозрачной семантикой фразеологизмов как нельзя лучше позволяет уяснить разницу в употреблении разных условных форм.

猫が顔を洗うと雨 — «/если/ кошка умывается — /будет/ дождь».

食ってすぐ寝ると牛になる — «если спать сразу после еды, то станешь коровой»

部屋の中で帽子をかぶるとはげる — «если в помещении наденешь шапку — будешь лысым». (Впрочем, похоже, что современные молодые японцы не помнят этого наставления своих бабушек)

¹ Более подробно см. Гуревич Т.М. Японский язык и японцы (Лингвокультурологическое учебное пособие по японскому языку). — М., 2003

引いて駄目なら、押してみろ — «если не получается тянуть, то попробуй толкнуть»

下さる物なら赤葉でも — «дареному коню в зубы не глядят», букв. «если тебе дают, то хоть пожухлый лист».

矯めるなら若木のうち — «исправляй пока молод», букв. «если выпрямлять, то пока дерево молодое». Ср. с русской поговоркой «учи сына, пока он поперек лавки лежит».

Приведенные выше примеры носят лишь иллюстративный характер, они отнюдь не исчерпывают возможностей привлечения ФЕ для объяснения грамматики японского языка. Работа с ФЕ позволяет обратить внимание на формы старописьменного языка, на специфику семантических полей японских слов, на выбор определенных иероглифов для написания тех или иных слов. Можно ещё раз повторить, что ФЕ дают прекрасный материал для ознакомления с мировидением японцев, их обычаями и суевериями.

Знакомство с ФЕ позволяет учащимся постичь суть концептов национальной культуры¹ — наиболее значимых понятий, которые во многом обуславливают специфику мировосприятия японцев, в том числе не только уже не требующим перевода и порядком поднадоевших всем 義理 гири, 恥 хадзи, 心 кокоро, 甘え амаэ и т.п., но и таких как ЖИЗНЬ, ВРЕМЯ, МОРЕ, ЦВЕТ. Фразеологизмы позволяют глубже осознать и значения глаголов, которые Хага Ясу-си [4] считает определяющими для японской культуры, например, むすぶ — «объединять, ладно заканчивать»; いたわる — «заботиться, утешать, благодарить»; ひかえる — «воздерживаться, сдерживаться»; 修める — «исправлять, усваивать»; 流れる — «течь, проходить, распространяться». Даже приведенный отнюдь не полный перечень значений каждого из них свидетельствует об их семантической насыщенности.

Ещё одним положительным моментом использования пословиц в учебном процессе является возможность показать и проанализировать на их примере достоинства и недостатки различных видов и способов перевода.

¹ Подробнее смотри статьи Гуревич Т.М.: Концепт «семья» в японской языковой картине мира //сб. II-ой межвузовский семинар по лингвострановедению. Ч. 2. — М., 2005; Представление о душе в японской лингвокультуре // Вестник МГУ, сер.19, 2006, № 3; Аксиология концепта «возраст» в японской языковой картине мира // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения: III-й межвузовский семинар по лингвострановедению Ч. 2. — М., 2006; Концепт *смерть* в японской языковой картине мира// Филологические науки в МГИМО № 28(43), МГИМО(У) — 2007.

Перевод с японского языка вызывает большие затруднения не только из-за существенных различий в грамматическом оформлении текстов и их лексико-фразеологического наполнения, но и в связи с различными социолингвистическими коннотациями, обусловленными культурой, обычаями и традициями русских и японцев.

Фразеологизм обладает всеми качествами, которые могут представлять затруднения для переводчика уже с первых шагов: это и раздельнооформленность, и характер компонентов, большей частью не отличающийся от обычных слов, и ничем не примечательная связь между ними и контекстом (за немногими исключениями), и национальный колорит, и авторизированность ФЕ. Так, успех перевода нередко определяется уже на этапе распознавания, ведь в языке могут одновременно существовать одинаково оформленные фразеологизм и свободное сочетание слов. Например, русское выражение «знаю вашего брата» или японское 足を洗う, которое может иметь буквальное значение «мыть ноги» или переносное, сопоставимое с русским «умыть руки» — «бросать (обычно неприглядное или позорное) занятие».

Переводчик должен уметь выделять в тексте противоречащие общему смыслу единицы, поскольку, как правило, именно появление таких единиц и свидетельствует о присутствии переносного значения.

При переводе с японского прежде всего возникает трудность воспроизведения в переводящем языке различных коннотативных значений слов исходного языка «этноконнотаций», вызванных устойчивыми этническими ассоциациями, которые обусловлены культурными и историческими традициями, своеобразием картины мира носителей языка. Перевод представляет собой преобразование образов одного сознания в образы другого сознания, а не просто перекодировку знаков одного языка в знаки другого. Чем дальше отстоят друг от друга культуры народов исходного и переводящего языков, тем с большими трудностями сталкивается переводчик, который помимо необходимой языковой компетенции должен обладать большим объемом экстралингвистических знаний, что, впрочем, тоже не всегда убирает трудности перевода.

Например, японцы чаще, чем русские, сравнивают человека с представителями фауны¹. При этом они не только значительно расширяют их список, включая в него морских обитателей, различных

¹ Подробнее об этом см. Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве — М., изд. МГИМО Университет, 2005.

насекомых, незнакомых нам обитателей субтропиков, ни и нередко совсем иначе, нежели мы видят и оценивают поведение и характер различных животных, сравнивая с ними человека. Внимательное отношение этого народа к природе проявляется и во внимании, с которым они замечают особенности и повадки даже таких мелких её представителей как моллюски или насекомые, что, разумеется, находит своё отражение во фразеологии.

Трудности при переводе ФЕ возникают даже тогда, когда мы сталкиваемся со знакомыми русскому языку представителями фауны. Например, для русских рыба — олицетворение молчаливости, а вот японцы активного болтуна и общительного человека обычно сравнивают с сайрой, подметив характерную для этой рыбки юркость и активность движения. С сайрой сравнивают они также легкого и легкомысленного человека.

Перевод ФЕ с буквальным сохранением образа оригинала может привести к искаженному восприятию смысла текста. Например, морской окунь — 鯛 тай — считается в Японии ценной промысловой рыбой, поэтому там есть такие поговорки: 腐っても鯛 — букв. «хоть и протух, но окунь» и 鯛の頭となるより鯛の尾につけ — букв. «чем стать головой иваси, лучше уж цепляйся за хвост окуня». Если вторую поговорку ещё можно перевести на русский язык с полным сохранением образности или заменой свойственной японцам конкретики — «иваси» — на обобщенный образ «мелкой рыбешки», то при переводе первой, наверное, придется отказаться от образности.

Моллюск 鮑 аваби, который по-русски называется «морское ушко», не вызывает у носителей этого языка кроме зрительных — его раковина напоминает ухо — никаких ассоциаций, у японцев ассоциируется с неразделенной любовью и одиночеством. О любви без взаимности японцы говорят いそべの鮑 — букв. «морское ушко на берегу моря», выразительный образ неразделенной любви передается фразеологизмом 鮑の片思い — букв. «любовь без взаимности моллюска «морское ушко». Для японцев вполне естественно уподобление человека с 鮑, а на русском языке это сравнение лучше передать, без уточнения названия моллюска, но сохраняя образ: «одинок, как ракушка, выброшенная на песок».

Фразеологизмы всегда занимают лидирующее положение в каталоге «труднопереводимости», наличие в их составе зоонимов заставляет переводчика ещё больше поломать голову. Порой бывает очень трудно сделать выбор, например, сохранять ли семантически прозрачный образ оригинала в выражении どんしゅうの魚 — «громадная рыба», заменить его на эквивалентный образ «знатная

птица», или отказаться от образности и перевести просто «значимый человек». У японцев образным сравнением для бедняка, которому не во что одеться является насекомое — безволосая личинка 裸虫 — хадакамуси. Вряд ли стоит сохранять этот образ в переводе на русский язык, но, пожалуй, не всегда уместным будет и привычное для нас сравнение «гол как сокол», в котором довольно сильно ощущается положительная коннотация называемой птицы.

В японских устойчивых словосочетаниях, пословицах и поговорках довольно часто встречаются энтомосемизмы. Этим объясняется и характерное для японцев сравнение человека с различными насекомыми.

Робкого человека японцы могут сравнить с насекомым, при этом в сравнение не вкладывается никакого отрицательного смысла, поскольку считается, что — 寸の虫にも五分の魂 — «и у маленького насекомого душа составляет половину от него».

Одна из японских поговорок, положительно оценивающих неговорение, тоже обращается к образу насекомого: 黙り虫が壁を透過す — «молчаливый жучок проходит сквозь стены». Как и русские, аккуратного, настойчивого и трудолюбивого человека японцы сравнивают с муравьем: 千丈の堤も蟻の穴から — «плотина длиною в тысячу дзё¹ разрушается от муравьиной норки».

Тот, кто целеустремлен и настойчив, в представлении японцев похож на таракана или муравья, ленивый и болтливый — на сверчка. Понятно, что в силу несовпадения коннотаций при переводе ФЕ отнюдь не всегда можно сохранить образы насекомых.

Примером «разночтения» образа насекомого в языковых картинах мира русских и японцев является фразеологизм 蟻螂の斧を振る — «потрясать топором жучка — богомола». Так японцы говорят о бессильных угрозах: им представляется, что жучок делает движения, похожие на взмахи топором. Русские уподобляют эти движения насекомого поклонам человека.

О хорошем знании энтомологии свидетельствует японское шутовское сопоставление супружеской пары, в которой жена выше и крупнее мужа: 蚤の夫婦 *букв.* «блошинная пара, супруги — блохи». В России, и потому, что только профессиональные энтомологи знают о соотношении размеров пары блох, и потому, что «блоха» имеет свою явную коннотацию, сохранение этого забавного образа при переводе, увы, не приемлемо. Образ этого насекомого в опре-

¹ Дзё: — мера длины, равная 3,03 м.

деленном контексте может быть сохранен при переводе японской характеристики трусливого человека 蚤の心臓 — «сердце блохи».

Когда русские говорят «палить из пушки по воробьям», японцы называют более изощренный приём, а именно: ひらみの肌を槍で削ぐ — «пронзать копьём шкуру вши». При переводе этой поговорки, как и многих других ФЕ энтомологический образ сохранить не удастся. Хорошо, что и пушки, и воробьи имеют место и в японской национальной картине мира, поэтому в данном случае при переводе возможно сохранение образности, правда, с заменой образа.

При переводе нам, к сожалению, часто приходится прибегать к так называемому смысловому выравниванию, обозначая какое-то конкретное видовое название насекомого более общим даже в тех случаях, когда можно найти в словаре или справочнике точный перевод японского слова. В результате такого перевода неизбежно теряется смысловое содержание образа, связанное в представлении японцев именно с упомянутым в подлиннике насекомым.

Исходя из того, что все ФЕ культурологически детерминированы, мы считаем, что на выбор переводческого решения, при работе с японскими текстами весьма значительное влияние оказывает степень выраженности культурной специфики фразеологизмов. По степени выраженности национально-культурной специфики можно различать следующие группы фразеологизмов:

1. ФЕ, отражающие материальные объекты культуры;
2. ФЕ, отражающие нормы поведения и обычаи, называющие действия человека;
3. ФЕ, содержащие коннотацию.

ФЕ, относящиеся к первой группе, очень близки по своей сути к словам-реалиям, например, — 人相撲 — «борьба без противника/с воображаемым противником», букв. «сумо в одиночку»; 袖の下 — «взятка, чаевые», букв. «под рукавом»; 朝飯前 — «проще простого», букв. «перед завтраком». В лингвострановедении под реалиями понимают предмет (как явление культуры) или слово (как явление языка). Слова-реалии — это особая часть лексики, а ФЕ первой группы, соответственно, есть особая часть фразеологии каждого языка, которая отражает национально-специфические черты культуры народа-носителя этого языка. План содержания таких ФЕ невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими или фразеологическими единицами. Именно это положение является основной методологической посылкой для выделения как слов-реалий, так и ФЕ первой группы в языке и культуре.

Японские фразеологизмы, относящиеся к первым двум группам, обычно переводятся на русский язык описательным перево-

дом или калькированием: 論より証拠 — «доказательства лучше, чем рассуждения». В редких случаях их можно переводить соответствующим русским фразеологизмом: 火に油を注ぐ — «подливать масла в огонь».

При описательном переводе, совпадающем со словарной дефиницией, зачастую теряется образность выражений и передается лишь общий фразеологический смысл, поэтому при переводе прибегают к описательному переводу, не совпадающему со словарной статьей. Например, смысл фразеологизма 渡りに船, несущего идею о том, что все складывается весьма удачно, нужная вещь появляется вовремя, можно передать описательно, калькируя значения слов в соответствии со словарной статьей: «лодка к переправе». При таком переводе национальный колорит вообще-то просматривается, сохраняется образность, но русский вариант не имеет той эмоционально-экспрессивной окраски, которая имеет место в японском. Поэтому в данном случае могут подойти русские фразеологизмы «к месту», «ложка к обеду», «на ловца и зверь бежит», а порой, в зависимости от контекста, даже стилистически более нейтральные варианты — «как раз», «в самый раз».

Поскольку фразеологизмы довольно прочно закреплены за определенными социально-культурными слоями общества и имеют определенную стилистическую окраску, должна не просто переводиться сама ФЕ, сколько обыгрываться та роль, которую эта ФЕ выполняет в переводимом тексте. Классическое правило перевода гласит: фразеологизм передается фразеологизмом, ибо только так можно передать не только смысл, но и максимально сохранить в переводе эмоционально-экспрессивную окраску исходного текста. Однако фразеологические эквиваленты встречаются относительно редко, и даже при наличии равноценного фразеологического соответствия, приведенного в словарях, зачастую приходится искать иные пути перевода, т.к. словарный эквивалент не годится для данного контекста. При отсутствии явных соответствий для того, чтобы правильно перевести фразеологизм, необходимо подыскать аналог, имеющий общее с исходной ФЕ значение, но построенный на иной словесно-образной основе. При этом следует помнить о том, что нередко сходные по значению, но разные по форме фразеологизмы в разных языках имеют различную эмоционально-ассоциативную окраску и не всегда взаимозаменяемы.

Для адекватного перевода, как известно, обычно неприемлем буквализм, но с другой стороны отступление от лексики и грамматической формы оригинала подчас сопряжено с опасностью возникновения другой поговорки, уже не характерной для японского

менталитета. Этим же опасен и идиоматический перевод — определённая стилизация под нормы переводящего языка. В свою очередь отход от оригинала без стилизации, ровно настолько, насколько этого требует норма русского языка, но это иногда создаёт опасность потери образности и выразительности маленького шедевра японского народного творчества.

Калькирование является наименее удачным приемом при переводе фразеологизмов. Впрочем, иногда таким образом удается внедрить в переводящий язык и даже культуру новое фразеологическое выражение. Так нередко переводилась и переводится, например, афористика, ведущая свое происхождение из сочинений Конфуция, Лао-цзы или иных широко известных источников. Поскольку и в японский язык эти крылатые выражения пришли из чужого, китайского языка, нам, японистам, оставляя пальму первенства за переводчиками с китайского, при переводе известных изречений следует уточнить, в каком виде эти ФЕ прижились в русском языке.

В отдельных случаях, особенно в текстах с культурно-исторической тематикой, можно использовать двойной, или параллельный перевод, когда в одной фразе сочетается/сопоставляется ФЕ и объяснение ее переносного значения в возможно более кратком виде. При отсутствии аналогичной или идентичной ФЕ в языке перевода, а также при невозможности пословного перевода, применяется перевод-объяснение переносного значения фразеологизма. При таком переводе фразеологизм теряет свои образно-ассоциативные свойства, и единственным способом сообщить читателю переводного текста о наличии в исходном тексте фразеологизма является переводческий комментарий. Следует по возможности избегать случаев «дефразеологизации», когда устойчивое выражение передается свободным сочетанием без переводческого комментария.

Калькирование зачастую чревато не только опасностью буквального перевода, но может и весьма затруднить понимание переведенного текста. Не надо забывать, что именно ФЕ чаще всего оказываются ложными друзьями переводчика. Например, 悪口は口より出さず, имеет буквальный перевод «брань не вылетает/выходит из рта», который вполне приемлем с точки зрения русского языка, но имеет значение весьма далекое от русской кальки. Этот фразеологизм следует перевести как «я просто не слышу, что ты говоришь», «ты не говорил, я не слышал», «сказанное тобой пролетело мимо меня; меня не касается».

Именно калькирование при переводе ФЕ чаще всего приводит к прямому искажению смысла. Приведем лишь некоторые фразеологизмы, весьма опасные именно из-за своей, казалось бы, абсо-

лутной лексической прозрачности: 顔が広い может выступать как свободное сочетание «широкое лицо», но может иметь значение «широко известный (человек)»; 身を引く — «удалиться от дел», а не букв. «оттянуться»; 顎が外れる букв. «челюсть отвисла» говорят японцы о смехе до упаду; 水魚の交わり — не «как рыба в воде», а «неразлучные» (об отношениях); 足を出す — букв. «выставить ноги» имеет значение «не ладиться, не сводить концы с концами», в экономическом дискурсе — «перерасходовать бюджет»; 足元を見る употребляется и как свободное словосочетание «смотреть под ноги», но часто означает «пристальное внимание к партнеру, отыскивание у него слабых моментов». Список подобных ложных друзей переводчика можно продолжать еще долго. Следует специально отметить, что даже в такой близкой и во всех смыслах «изначальной» лексической сфере как соматизмы, а они образуют значительный пласт фразеологии любого языка, мы очень часто сталкиваемся с подобными случаями межкультурной асимметрии.

Передача на русский язык культурно обусловленных фразеологических единиц, особенно тех, что относятся к третьей группе, может осуществляться фразеологическим соответствием, не имеющим национально-культурного компонента. В качестве примера можно привести японские фразеологизмы со словом 懐 — «пазуха, карман, глубина»: 懐が温かい — быть при деньгах (букв. «тепло за пазухой/ в кармане»); 懐がさびしい — пустой/тощий карман (букв. «за пазухой грустно/ тоскливо/ скучно»; 自然の懐 — на лоне природы (букв. «у природы за пазухой»).

Содержащие соматизмы ФЕ очень часто имеют неожиданную для нас коннотацию. Например, 腰が強い — «твёрдый, решительный», букв. «поясница сильная»; 肝の小さい — «робкий, малодушный», букв. «печень маленькая»; 唇の薄い — «не умеющий хранить тайну», букв. «губы тонкие»; 血も涙もない — «безжалостный, черствый», букв. «нет ни крови, ни слёз». Подобных примеров очень много.

При переводе ФЕ довольно сложно передать на русский язык такие свойства японского языка, как аллитерация и обилие онома톱ов, которые довольно часто встречаются в структуре японских пословиц и поговорок, придавая им интонационное своеобразие и эмоциональную окрашенность. Для многих идиом характерен синонимический параллелизм однородных членов, вносящий в высказывание идею обобщения. Очень часто эти ФЕ имеют столь ярко выраженную национальную окраску, что при переводе приходится во имя сохранения национального колорита прибегать и к калькированию, поскольку этот прием может точнее передать

образность и эмоционально-экспрессивные нюансы переводимого текста.

Умение ориентироваться в национально-культурной специфике языка, особенностях национального мировидения, способность представлять себе языковую и концептуальную картину мира японцев — эти абсолютно необходимые для каждого японоведа качества воспитывает работа с ФЭ на уроках языка. Даже не принимая во внимание положительные моменты эстетического и эмоционального характера, чисто прагматические выкладки свидетельствуют в пользу более активного обращения к фразеологии при обучении японскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аанада Ё. Котовадза сякай синригаку (социальная психология в пословицах) — Токио, 1976 (на японском языке)
2. Сакаи Т. Что такое Япония? — М.: Партнер Ко Лтд, 1992
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М., 1996
4. Хага Я. Нихондзин но хё:гэн синригаку (лингвopsихология японцев). — Токио, 1976 (на японском языке)

СЛОВАРИ

1. Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А.А. Леонтьева. — М., 1977.
2. Словарь образных выражений русского языка. /Под ред. Телия В.Н. — М., 1995
3. 慣用句用例新辞典 — 東京、1997
4. 現代新語情報辞典 — 東京、1997
5. 国語慣用句大辞典、編者、白石大二 — 東京、1977.
6. 広辞苑 электронная версия CASIO, 2010.
7. ことわざ辞典、監修：臼田勘五郎 — 東京、1980.
8. 新撰慣用句の辞典、編者：中嶋尚 — 東京、1996.
9. 新日本語辞典、編者：井上 — 東京、2002.
10. 使えることわざ、著者：日本語表現研究会 — 東京、1997.
11. 日本人の人間関係事典 — 東京、1980.
12. 日本文化を英語で説明する辞典、編者：本名信行 — 東京、1986.
13. 表現を味わうための日本語文法、編者：森山卓郎 — 東京、2002
14. 例解慣用句辞典、監修：井上宗雄 — 東京、1992

5 Особенности невербальной коммуникации японцев¹

はっきり表現しないことが文化

堺屋太一²

По мере развития мирового информационного пространства проблемы коммуникации привлекают всё большее и большее внимание исследователей. Привычно полагают, что в отличие от животного мира, коммуникация у людей характеризуется главным образом функционированием языка. Впрочем, последнее время всё больше обращают на себя внимание различные экстралингвистические факторы, такие как ситуативная конкретность, пресуппозиция, национально-культурная обусловленность, без учета которых коммуникация не может быть успешной.

Преподавателей и политиков, бизнесменов и журналистов — всех, чья деятельность связана с общением и передачей информации не могут не интересовать вопросы о путях и способах привлечения внимания людей и воздействия на их сознание. Уже ни у кого не вызывает сомнения то, что человек реагирует не только на произнесенные собеседником слова, но и на целый комплекс моментов, сопутствующих высказыванию. Исследователи пользуются различными подходами для изучения коммуникации, выделяя различные области изучения, исходя из идеи взаимосвязи языка и культуры, полагая, что именно культурные различия играют доминирующую роль в любом коммуникативном акте.

На почве японской культуры под воздействием определенных исторических событий сформировался весьма характерный тип не прямой коммуникации. Под не прямой коммуникацией мы понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, 5].

¹ Статья по материалам доклада, прочитанного 5.10.12 в Санкт-Петербурге на Международном симпозиуме в честь 120-летия со дня рождения Н.А. Невского «Невские чтения».

² Культура — это отказ от чётких высказываний. *Сакаия Т.*

Японская культура традиционно является культурой домывливания и бесстрастной коммуникации. Склонность к неговорению, «затушевыванию темы» весьма раздражающие западного человека и вызывающие его упреки в скрытности и коварстве Востока вполне позволяет назвать Японию обществом непрямой коммуникации. Специфика японской коммуникации имеет вполне объяснимые культурологические резоны.

Во-первых, несмотря на существенные различия культур разных стран дальневосточного региона с культурологической точки зрения в религиозно-философской традиции этого региона особое значение придается категории «ничто» («пустоты», «незаполненного пространства»). Именно это повышает нагрузку на подтекст, который часто бывает многозначным, что наносит несомненный ущерб собственно тексту.

Человеку, воспринимающему мир вовсе не в японских традициях, трудно согласиться с японским лингвистом, которой говорит: «красноречие заключается в том, чтобы не называть вещи своими именами, именно из этого рождаются недосказанность, полутени, сообщение становится интересным» [9].

Как в японской классической монохромной живописи оставляются не тронутые кистью 余地 — «пустоты», играющие роль средства более выразительного, чем линия или пятно, так и в японском тексте принято оставлять «семантическое пространство» недосказанности, призванное пробудить творческие потенции слушателя или читателя.

Высококонтекстность культуры Японии стала причиной, по которой японцы так часто и естественно прибегают к непрямой коммуникации. В общении японцев основной смысл передается не столько за счет его вербализации, сколько благодаря имеющимся сведениям о партнере по коммуникации и различным нюансам беседы, в которых роль контекста выполняют также интонация, голосовые модуляции, паузы, выражение лица и позы говорящих. В японском дискурсе так же как и в поэзии или живописи важным является не столько творческий акт создателя произведения, то есть говорящего, его самореализация, сколько посыл к внутренней работе воспринимающего произведение (в диалоге — реплику).

Проблема межкультурной лакунарности, по крайней мере, в отношении японского языка, не может быть сведена лишь к привычному обсуждению безэквивалентной лексики и к перечислению этнографических реалий, которые переводятся по аналогии, калькируются, толкуются или заимствуются — транскрибируются или транслитерируются — при переводе. Можно говорить о лекси-

ко-грамматических, семантических и культурологических аспектах лакунарности текста. Необходимо учитывать расхождение в языковом мышлении, которое проявляется в ощущении избыточности и/или недостаточности форм выражения одного и того же понятия в родном и японском языках.

Исследованием вопросов, связанных с непрямой коммуникацией занимается паралингвистика, изучающая факторы, сопровождающие речевое общение и участвующие в передаче информации. Средства, которые принято называть паралингвистическими, могут придать смыслу высказывания самые различные оттенки, вплоть до прямо антонимичного смыслу, передаваемому вербально. К паралингвизмам относят такие фонационные свойства, как громкость и темп речи, высокий или низкий тон звучания, паузы, мелодику, силу, тембр и обертоны человеческого голоса. Например, простое русское «спасибо» в зависимости от интонационного оформления может передавать целую гамму чувств от искренней благодарности до презрительного негодования. В этом случае мы наблюдаем действие фонационных параметров, таких как изменение высоты тона, громкости, темпа произнесения и других характеристик звучания голоса. Интонация и другие фонационные параметры отражают не только социальную характеристику человека, общественный статус, эмоции и отношение к предмету высказывания, но также и его национальную принадлежность. Говоря об этом, нельзя не вспомнить впечатление Танидзаки Дзюньитиро от общения с европейцами: «Когда сталкиваешься с европейцами лицом к лицу, даже только громкость их голоса подавляет физически...» [7, 271—272].

Уже давно как аксиома воспринимается утверждение о том, что вербальное и невербальное поведение людей обусловлено их национальной культурой и воспитанием в условиях определенного социума. Эффективность общения или процесса коммуникации, эти два термина в данной работе считаются синонимами, зависит от множества факторов, в число которых входят и глубокие фоновые знания.

Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас [8], который ввел в научный обиход понятие «коммуникативной компетентности», полагает, что все люди обладают некоторыми способностями, позволяющими им осуществлять языковую коммуникацию. Хабермас определяет коммуникационное действие как «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов», которые «ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий» [8, 11]. Люди в ситуации

коммуникационного действия используют «язык в качестве посредника для достижения полного взаимопонимания» [там же], отдавая тем самым языку главную роль в достижении цели коммуникации. Японцы же, согласно их собственным исследованиям, вступая в контакт с человеком, лишь 7% информации о нём, а это имеет большое значение для успешного продолжения общения, получают из его слов [4, 18].

Практически все, что говорит Хабермас, положительно оценивая коммуникативную компетентность европейца, является в японской культуре признаком коммуникационной незрелости и часто — асоциального поведения. Дискурс европейцев характеризуется «притязанием на значимость», то есть общающиеся «взаимно выдвигают притязания на значимость, которые могут быть приняты и оспорены» [8, 23]. Задачей говорящего является побудить партнера к рационально мотивированному высказыванию своей точки зрения. «Притязание на значимость» распадается на три другие значимые составляющие: «на истинность высказываний или пресуппозиций существования, на правильность легитимно регулируемых действий и их нормативного контекста и на правдивость изъяснения субъективных переживаний» [8, 23].

В японской культуре общения, где основным является обоюдное стремление к созданию условий для *сохранения лица* беседующих, притязанию на значимость противостоит *самоумаление* говорящего, рациональному высказыванию — принципиальная *недосказанность*, неконкретность, оставляющая возможность для отступления от неудобного собеседнику мнения без потери лица для обоих; объективности — *контекстуальность*, правдивости — *социально приемлемое мнение* (建て前 татэмаэ). Единственным совпадением в данном случае являются легитимность и нормативность — для японцев, возможно, гораздо более значимые, чем для европейцев.

Как уже неоднократно повторялось, для правильного понимания японцев необходимо обязательно учитывать контекст высказывания, а также то, как — интонационно и в каком невербальном сопровождении — нечто было произнесено. Помимо этих моментов немаловажную роль имеет и то, что не было произнесено, и возможность наличия в речи эвфемизмов, моментов манипуляции или речевой игры.

Поддержание и успех общения во многом зависит от способности общающихся установить ритмичный обмен сигналами передачи, приема и реакции на информацию. Такими сигналами помимо контактоподдерживающих словечек 相づち *айдзутти* [1] обычно служат направление взгляда, кивки головой, улыбки, движения губ,

бровей и другая мимика. Эти кинесические средства являются паралингвистическими. К ним относятся:

- коммуникативные жесты, заменяющие в речи вербальные элементы, например, жесты, означающие просьбу подойти, уйти, замолчать и пр.;
- модальные жесты и мимика, выражающие отношение говорящего и его оценку предметам и явлениям;
- жесты и мимика, выражающие различные чувства и эмоции.

В специфике эмоциональных проявлений и использовании тех или иных кинесических средств находят свое выражение традиции и особенности психоэмоционального склада того или иного народа.

В разговоре японцев все определяется и решается отнюдь не благодаря словам. Собеседник зачастую понимает, что ему хотят сказать, еще до того, как закончилось высказывание. В Японии часто можно услышать поговорки — を聞いて十を知る — «услышав малость, знать всё», 言わぬ言葉は言う百倍 «несказанных слов в сотню раз больше, чем сказанного» и ещё многие, подобные им. Порой слова вообще бывают не нужны. Японцы прекрасно понимают друг друга и без них, полагая, что мысль, облеченная в слова, лишается многих нюансов. Разумеется, японцы больше, чем кто-либо, преуспели, в подобном виде коммуникации, но такое взаимопонимание знакомо не только японцам. Впитавшие с родной поэзией идею о том, что «мысль изреченная есть ложь», мы и сейчас порой следуем совету Станислава Ежи Леца «иногда полезно помолчать, чтобы тебя услышали».

Говоря о том, что и как при общении людей выражается не словами, прежде всего следует сказать о языке жестов, который у японцев весьма отличается от того, к которому привыкли мы. Приведем лишь несколько характерных примеров, когда в японском варианте знакомые жесты, которыми часто пользуются и русскоговорящие, имеют совсем другое значение. Незнание этого может привести к такому же взаимному непониманию, как незнание слов или грубые грамматические ошибки.

Всем нам известно, что поднятый вверх большой палец при сжатой в кулак ладони означает «порядок!», «отлично!», «все идет замечательно!». Для японцев этот же жест означает упоминание о муже, приятеле (для незамужней японки), главе фирмы или просто вышестоящем для того, кто делает этот жест, лице.

К курьезным ситуациям приводит иногда и неправильное восприятие жеста, пришедшего к нам с Запада — сомкнутые в кольцо указательный и большой пальцы при раскрытой ладони. Наверное,

во всем мире он уже прочитывается как «о-кэй». Японцы этим жестом обозначают «деньги», «монеты».

Общаясь с японцами следует знать, что жест, похожий на тот, которым мы отгоняем какое-то мелкое существо, например, голубя — «кыш, прочь отсюда» (выпрямленная вперед рука, ладонь, обращена вниз, кистью руки производятся движения вверх-вниз) — в Японии (с начального движения сверху вниз) означает жест подзывающий — «подойди сюда!».

Обращает на себя внимание и манера загибания японцами пальцев при наглядном счете, распределении приоритетов: «во-первых, во-вторых...». У русских принято загибать пальцы в кулак, начиная с мизинца. Японцы поступают диаметрально противоположным способом — они загибают пальцы в кулак, начиная с большого.

Если речь идет о национальных особенностях поведения, которые надо учитывать при общении с японцами, нельзя не сказать о том, что у них несколько иное, нежели у нас ощущение пространства. Ю.С. Степанов отмечает, что «мы отчетливо осознаем, что обращение с пространством — определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по разному, в соответствии с принятыми в их стране моделями» [4,8]. Иное, нежели у нас ощущение пространства определяет и оптимальное расстояние, на котором удобно вести беседу. Так если европейцы комфортно чувствуют себя, общаясь на расстоянии 45 см и больше, то японцы, как и представители других стран дальневосточного региона, привыкли разговаривать с собеседником, находящимся от них на расстоянии не более 30 см. Поэтому после общения у одного из собеседников остается впечатление, что на него наступали и чрезмерно давили, а у другого — что от него отстранялись, проявляя тем самым холодность и чрезмерную официальность.

Культурно-национальные стереотипы как вербальной так и невербальной коммуникации связаны с этикетными нормами общения, со всей совокупностью правил поведения, касающихся отношений между людьми. В известном своей четкой структурированностью японском обществе имеют место вполне определенные правила обхождения с людьми, манеры поведения, формы приветствий и способы предъявления себя в различных коммуникативных ситуациях. В современной Японии по сравнению с прошлым этикетные церемонии весьма упростились, приблизились к общепринятому мировому стандарту. Однако, не следует полагать, что любой японец уже привык к тому, что надо ответить рукопожати-

ем на соответствующий жест европейца или правильно воспримет помахивание рукой, обращенное к нему в тот момент, когда он поклонился в знак приветствия. Кстати о поклоне надо сказать подробнее. Во всех многочисленных японских изданиях, посвященных правилам поведения, обязательно есть отдельный раздел, в котором читателю напоминает (этому учили ещё в школе и в детском саду!) угол поклона, на который надо согнуться в той или иной ситуации. Так, например, если простой поклон, обязательный при приветствии *こんにちは* или произнесении слов благодарности *ありがとう* определяется как наклон тела в 30 градусов, то извиняясь или приветствуя вышестоящего, полагается согнуться на 45 градусов.

Разумеется, мы — иностранцы, нам не полагается следовать этим нормам, но знание этих норм поможет выстроить правильную стратегию поведения с японскими партнерами.

Важными невербальными элементами общения на японском языке являются улыбка, движение глаз, общее выражение лица. В Японии традиционно высоко ценится самоконтроль, самурайская этика культивировала идеал бесстрастного лица в любых ситуациях. Концентрированное внимание при внешней невозмутимости, молчаливость, учтивость и вежливое поведение, сжатые губы, пронизательный взгляд — и сейчас это обязательные портретные характеристики сильного и достойного героя любого выходящего на экран японского фильма¹.

Человек, несведущий в соответствующих правилах этикета, бесстрастность при разговоре может воспринимать как холодность или отсутствие интереса, тогда как в японском коммуникативном коде такая бесстрастность является признаком достоинства и серьезности. В свою очередь, японцы обычно реагируют на нашу активную мимику в лучшем случае с непониманием, а то и с недоверием, считая это проявлением пантомимических навыков, а не искренним выражением чувств говорящего. Неправильное понимание мимики может даже нарушить естественный ход общения: так нахмуренные брови партнера по переговорам, означающие для нас серьезное отношение к содержанию беседы, японцами воспринимаются в лучшем случае как свидетельство непонимания со стороны собеседника, в худшем — как гнев или неодобрение. В Японии

¹ Имел место такой коммуникативный сбой. В рекламе, призывающей учить японский язык, российские издатели изобразили улыбающихся во весь рот (с открытыми ртами!) молодых людей. «Почему они дураки?» — удивился японец-русист, гордящийся своим умением «сразу, как русские, говорить свои мысли». В Японии с открытым ртом принято изображать *ахо* — дурака, идиота.

полагается при разговоре не проявлять эмоций и сохранять приветливое и невозмутимое выражение лица.

При более или менее неподвижном лице особенно важным становится движение глаз. Глаза могут выразить то, что невозможно выразить словами, глазами можно высказать то, о чем не хочешь говорить вслух. И у русских, и у японцев в ходу поговорка 目は心の鏡 — «глаза — зеркало души», но, как известно, японцы — «люди зрения» и, вероятно, поэтому, для них 目は口ほどものを言う — «глаза говорят так же, как и уста». Русские привыкли относиться с некоторой подозрительностью к человеку, который избегает контакта с глазами собеседника при разговоре лицом к лицу. В нашем представлении человек, уводящий в сторону глаза, либо что-то скрывает, либо просто нечестен. У японцев излишний контакт с глазами партнера нарушает правила этикета и воспринимается как угроза, порицание, оказание демонстративного давления, грубость или вторжение во внутренний мир собеседника. Поэтому они стараются не смотреть прямо в глаза другому при формальном или публичном общении за исключением случаев начала или завершения разговора, смены тематики беседы, для согласования совместных действий с целью избежать этикетных и психологических «сбоев».

Японцы с детства испытывают чувство неудобства и беспокойства, если на них кто-то пристально смотрит. Дело в том, что в японском обществе, где так сильны традиции коллективизма, родители, указывая детям на их плохое поведение, говорят: «на тебя смотрят», «над тобой будут люди смеяться». Боязнь стать объектом внимания окружающих вырабатывает у человека подсознательное стремление не привлекать к себе чужих взглядов, а самому, отводить глаза в сторону и говорить, не глядя в глаза собеседника, для того, чтобы быть корректным и не ставить других в неловкое положение.

Многие иностранцы, войдя в вагон японского метро, бывают удивлены тем, что пассажиры японцы, в основном, делятся на две группы: или что-то увлеченно читающие, или мирно дремлющие. Социологические опросы показывают, что основной причиной такого поведения является желание уйти от зрительного контакта с окружающими, тем более, что японские правила поведения осуждают пристальное разглядывание попутчиков.

Неожиданно смотрится телетрансляция заседаний японского парламента, где добрая половина депутатов сидит с закрытыми глазами. Незнающий местных реалий человек может усомниться в добросовестности исполнения своих обязанностей народными избранниками, тогда как крепко сомкнутые веки вполне привычный

и обыденный для японцев способ вдумчивого восприятия информации, возможность сконцентрировать внимание на услышанном, не отвлекаясь на происходящее вокруг. К тому же во многих случаях зрительный контакт может отвлечь и смутить говорящего.

Иностранец, пытающийся передать свою чистосердечность и открытость при помощи контакта глаз, воспринимается как человек, провоцирующий нарушение личного уважения. Достижение естественного и правильного восприятия осложняется тем, что взгляды, которыми обмениваются собеседники, не взаимодействуют для каждого из них с соответствующим моментом общения. У японцев принято опускать глаза в конце периода говорения, что для нас подразумевает дезавуирование контакта, так как мы привыкли перед завершением реплики к продолжительному взгляду, который рассчитан на подтверждение правильности восприятия произнесенного. Если русскоговорящий не закончит период речи продолжительным взглядом на собеседника, то можно предполагать, что его партнер, говорящий на том же языке, промедлит с реакцией или вовсе не будет отвечать.

Следует, впрочем, отметить, что последнее время не только в пособиях по этикету, но и на занятиях в школе японцев стали приучать к обязательному в общении с иностранцами «зрительному контакту». По собственному опыту могу сказать: лучше бы уж вели себя так, как когда-то было принято у их родителей, поскольку выдерживать неподвижный, устремленный в твои глаза, пристальный взгляд японца в течение всего разговора очень тяжело, это уже не просто игра «в гляделки».

Разумеется, в неформальных контекстах, при обычном общении японцы ведут себя и иначе: они могут чаще смотреть в глаза собеседника, сопровождая движения глаз улыбкой. Впрочем, при общении противоположных полов пристальный взгляд может трактоваться как недвусмысленное заигрывание.

Одним из моментов, обращающих на себя внимание при общении с японцами, является их смех в самых различных своих вариациях — от хихиканья и льстивого смеха до сдавленного смешка, от смешка до открытого почти хохота фальцетом — весьма часто вызывает недоумение при общении с японцами. Вначале, особенно в женском исполнении, это выглядит очаровательно, но затем речь, непрерывно пересыпаемая хихиканьем, начинает вызывать недоумение, которое постепенно может перерасти в антипатию к говорящему. Японский собеседник ведет себя таким образом вовсе не из стремления показаться легкомысленным болтуном. Для японской манеры общения смех вместе с улыбкой, которая заслу-

живает отдельного разговора, является необходимой составляющей приятной и в то же время весьма формальной беседы. Смех соединяет беседующих в специфическом нелингвистическом плане, для создания доброжелательной атмосферы общения, высоко ценимой японцами, которые мало доверяют словам. К тому же смех является важным моментом для снятия напряжения делового разговора, ведущегося в рамках жестких ограничений формул вежливости, которые он как бы смягчает. Недаром японцы говорят 笑う顔に矢立たず — «стрела не полетит в смеющееся лицо», поясняя, что даже если кто-то и плохо относится к собеседнику, то человек все равно смягчается в ответ на приветливую улыбку. Улыбка — знак доброго отношения к собеседнику — обычно выручает японцев в случае затруднений, являя собой попытку сгладить негатив. Это не все и не всегда понимают правильно.

О том, что людям трудно адекватно воспринимать иные поведенческие стандарты, свидетельствует случай, произошедший после перевода в московскую школу, с русской девочкой, несколько лет до этого проучившейся в японской школе. Учительница, разгневанная на то, что ребенок, не мог решить задачку, но, мило улыбаясь, принимал упреки преподавателя, потребовала, чтобы родители приняли меры против неуместных улыбок.

В любом обществе те или иные характеристики поведения и мимика участников коммуникации являются релевантными для конкретной ситуации общения. В частности, улыбка для японцев является типичным моментом, характеризующим определенные существенные социальные установления в японском обществе.

Японцам присуще чувство юмора, правда, в Японии не принято шутить в общении с малознакомыми людьми. Достаточно сдержанные в формальных беседах, затрудняющиеся в установлении контактов с незнакомыми людьми, они весьма раскованны и общительны в кругу знакомых и друзей. Японские бизнесмены никогда не шутят в деловой обстановке, но много и весело смеются на своих корпоративных вечеринках.

Японский юмор очень часто основывается на языковой игре, поэтому его практически невозможно перевести на другой язык. В Японии не принято пересказывать друг другу шутки и анекдоты. Японский юмор носит более добродушный характер, нежели европейский, в нем обычно не бывает язвительности, грубости или враждебности. Юмор — это тема, достойная специального тщательного исследования, здесь можно лишь отметить, что у японцев для него отводится определенное место в общении, но юмор не характерен для японского речевого поведения в целом. Так япон-

цам, которым приходится говорить перед иностранцами, рекомендуют [5] не забывать о том, что в Европе и Америке, в отличие от Японии, даже во время серьезных переговоров положительно относятся к юмору. При этом для его обозначения используется заимствованное слово ユーモア (англ. humour), что уже само по себе свидетельствует об отношении к этому явлению как к тому, что изначально не присуще японскому стилю.

Для японского неформального общения, несмотря на большое количество изданий, по которым японцы активно приобщаются к общеевропейскому этикету, до сих пор характерны некоторые физиологические действия, являющиеся согласно этому этикету неприемлемыми: собеседник-японец может откашливаться, делать какие-то глотательные движения, позевывать, почесываться, вздыхать и хмыкать. Как объясняют японцы, эти действия добавляют личностный оттенок общению и позволяют собеседникам расслабиться, чтобы затем лучше сосредоточиться на беседе. Эти действия не вносят в общение никаких отрицательных нюансов и, вопреки нашей привычной интерпретации, обычно не являются ни потенциально оскорбительным поведением, ни попыткой «замять и увести в сторону» разговор, ни проявлением небрежности и отсутствия интереса.

Манера поведения общающихся людей обусловлена их этнической предысторией, обилием контактов с другими народами. Различные исторические факторы стимулировали становление непрямой коммуникации и регламентацию использования невербальных компонентов в общении японцев: это и островная самоизоляция, и два с половиной века чрезвычайного контроля общества при сёгунате Токугавы, во время которого регулировалось всё вплоть до предписания того, кому и как улыбаться. Определенную роль сыграло и учение дзэн-буддизма, подчеркивающее значение молчаливой рефлексии. Не мог не иметь социально-психологических последствий и период фашистского тоталитаризма и последовавшие за ним поражение в войне и политическая зависимость от США.

В настоящее время наблюдается сознательное стремление японцев приобщиться к современным западным моделям поведения и общения. Очень сильно различается манера поведения японцев, которые по роду своей деятельности часто контактируют с зарубежными партнерами и тех, кто работает только в японской среде, жителей крупных мегаполисов и представителей глубинки. Но, пожалуй, особенности невербального общения, о которых я говорила выше, присущи всем японцам и еще долго будут характерны для них, независимо от того с представителем какого слоя японского

общества вы вступили в контакт. Всё это позволяет назвать Японию обществом не прямой коммуникации.

Практически в любой книге о Японии в качестве особой отличительной черты общения японцев всегда отмечается их непрямойность, уклончивость, склонность избегать открытого «прямого» изложения своей позиции, своей точки зрения. Подобная специфика японского общения позволяет одним иностранцам создавать романтический образ «поэтического японца» и восхищаться гармонией, якобы царящей в японском социуме, другим упрекать японских коллег и партнеров в коварстве и склонности к темным махинациям.

Именно через призму НК раскрывается смысл и формы реализации многих понятий, относимых исследователями к таким концептам японской культуры, как *амаэ*, *хадзи*, *гури*, *энрё*, *хоннэ* и *татэмаэ*. Понимание того, как функционирует японский социум — общество не прямой коммуникации — может содействовать более правильному пониманию японцев и восприятию Японии, страны, которая, по выражению профессора Нумано Мицуюси, «уже сняла рекламный щит оригинальности и непонятности» [3, xvi] .

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохова Т.Н. Контактподдерживающих слова в японском бытовом диалоге: Автореф. Дис ... канд. филол. наук. — М., 2011.
2. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. — М., 2006
3. Найто К. Дэкиру хито но бидзинэсу мана: (манеры в деловом общении успешных людей) — Токио, 2008 (на японском языке)
4. Нумано М. Не только самураи // Новая японская проза ОН. — М., 2001
5. Степанов Ю.С. Семиотика. — М., 1974
6. Судзуки Т. Нихондзин ва надзэ эйго га дэкинай ка (Почему японцы пасуют перед английским языком?) — Токио, 1999 (на японском языке)
7. Танидзаки Д. Понемногу о многом. // сб. «Мать Сигэмото». — М., 1984.
8. Хабермас Ю. Расколотый Запад. — М., 2008
9. Хага Я. Нихондзин но хё:гэн синригаку (лингвopsихология японцев). — Токио, 1976 (на японском языке)

6 Чехов в Японии: от образа к слову¹

Ноябрьская ночь
Антон Чехов читаю.
От изумления немею.

Асахи Суэхико

В октябре прошлого, 2009 года в рубрике «Книжная полка» газеты «Майнити», одной из трех крупнейших газет, была помещена статья критика Ё. Аракава, посвященная вышедшему в издательстве «Иванами» сборнику новых переводов повестей и рассказов А.П. Чехова, сделанных Ю. Мацусита. Надо ли говорить, что практически все произведения этого нового сборника уже не первый раз переводятся на японский язык. Так, например, в Японии только за 1949–2004 годы «Вишневый сад» выходил на японском языке двенадцать раз в девяти разных переводах², «Три сестры» — двенадцать раз в шести переводах, «Дядя Ваня» — тринадцать раз в семи переводах, «Медведь» — девять раз в пяти переводах. Считается, что в Японии хорошо знают и любят А.П. Чехова прежде всего как драматурга, но количество переводов на японский язык других его произведений свидетельствует о том, что японцы прекрасно знакомы с творчеством этого русского писателя в полном объеме. Достаточно сказать, что повести «Дом с мезонином» и «Дуэль» за указанные годы выходили по семь раз в пяти разных переводах, а рассказ «Душечка» — десять раз в восьми переводах.

Надо ли говорить о том, что всё новые и новые переводы давно известных произведений одного из самых любимых в Японии зарубежных писателей делаются для того, чтобы читатели имели возможность воспринимать то, о чем пишет Чехов в самой естественной для японцев манере — «от сердца к сердцу». Именно поэтому переводчики-русисты постоянно работают над перекодировкой чеховских образов в словесную форму, которая наиболее понятна и приемлема для их современников.

¹ Статья была напечатана в «Вестнике МГУ, сер. 22 теория перевода № 3, 2010.

² Этому не стоит удивляться, поскольку только в 1913 году на японском языке вышли три издания «Вишневого сада» — в переводах Сэнума Каё, Накатани Токутаро и Ито Рокуро.

Известно, что Чехов писал, не заботясь о том, чтобы его произведения свободно воспринимались и были интересны читателям любой другой страны и культуры. Более того, в своем письме О.Л. Книппер от 24 октября 1903 года он пишет: «...Для чего переводить мою пьесу («Вишневый сад» — Т.Г.) на французский язык? Ведь это дико, французы ничего не поймут из Ермолая, из продажи имения и только будут скучать». Предположения писателя о том, что его произведения не будут представлять интереса для зарубежных читателей, не подтвердились. И в Европе, и в Азии А.П. Чехов является одним из наиболее часто переводимых авторов. Уже при жизни писателя в 1903 году в Токио были изданы «Альбом» и «Дачники», а в 1904 году «Тсс!» и «Бабы». Первая зарубежная премьера «Вишневого сада» состоялась именно в Японии, в 1913 году. К 20-м годам прошлого столетия на японский язык были переведены все пьесы и большая часть чеховских повестей и рассказов.

Необходимо сказать, что переводы его произведений делались не только с русского, но первоначально и с западноевропейских языков. Впрочем, японцы почти сразу сочли их весьма неудачными. Первое собрание сочинений Чехова выходило в 1919—1928 годах, второе, более полное, переведенное на японский с языка оригинала, вышло в 1933—1935 годах. Следует отметить, что именно на эти годы приходится начало периода активнейшего насаждения в Японии ультра националистических идей и борьбы с пороками, возникшими из-за, якобы, слишком быстрого проникновения в страну многих элементов европейско-американской культуры. Издание чеховских произведений и то, что его пьесы ставились на японской сцене вплоть до 1937 года, свидетельствует о том, что творчество этого автора не воспринимались японцами как нечто чуждое, относящееся к качественно другой культуре. Интересно, что именно во время активнейшей подготовки к войне, когда финансовые средства были крайне ограничены, в 1941 году, в Японии вышла в свет и книга «Жизнь Чехова», составленная Х. Накадзима.

Похоже, что нигде в мире в 1960 году так широко как в Японии не отмечалось столетие со дня рождения этого русского писателя. По всей стране проводились различные юбилейные мероприятия, в театрах шли новые постановки чеховских пьес, а крупнейшее издательство «Тьюокорон» выпустило полное собрание сочинений А.П. Чехова (четвертое с момента знакомства японцев с его работами) в 16-ти томах, к которым были добавлены ещё два дополнительных тома. В одном из них были собраны воспоминания

современников о Чехове, в другом — помещены статьи русских, японских, западноевропейских и американских авторов, посвященные его творчеству.

Популярность произведений Чехова в Японии определяется не только близостью описываемых русским автором проблем и созвучием эстетических представлений японцев с чеховским художественным стилем, с его творческими мотивами, но и с распознаваемостью предлагаемых им образов.

Привычка избегать крайних высказываний, ярких красок, трагических героев и коллизий, которые в японской эстетике принято считать вульгарными, позволяет японцам весьма естественно ощущать себя в пространстве чеховских произведений. Им близко и понятно чеховское умение видеть поэтическое начало в самых обыденных явлениях, его внимание к обычным мелочам и деталям повседневной жизни.

Восприятие в Японии русской литературы вообще и творчества А.П. Чехова, в частности, органически связано с общим контекстом японской художественной традиции. Исследователи постоянно отмечают определенное родство чеховской поэтики и поэтики японского классического искусства. Лаконизм чеховского повествования, его мягкие тона и обозначаемые лишь намеком нюансы настроения, недосказанность и внимание к деталям — эти характерные моменты чеховского стиля, порой обескураживающие западного читателя, являются близкими и понятными для японского читателя.

Вполне по-японски подходит Чехов и к пониманию роли фабулы в повествовании, и к пренебрежению внешним эффектом неожиданной развязки 落 ち, предпочитая ей суггестивную форму выражения 余情 ёдзё — послечувствование, невыраженные эмоции — ассоциативный подтекст, призванный активизировать воображение читателя. Японская культура, которой свойственно избегать четкие высказывания, особенности изобразительного искусства японских писателей, созвучны чеховскому психологизму, его лакунам в описании внутреннего мира и душевного состояния персонажа.

В произведениях Чехова японцы находят отражение основных постулатов буддизма об эфемерности и недолговечности красоты мира, краткости и бренности человеческой жизни, о значимости бытия в его непосредственной данности и сиюминутности. Как в классической, так и в современной японской литературе, в частности, у Харуки Мураками, ставшего сейчас в России культовым автором, герои, как и чеховские персонажи, занимают обычно со-

зерцательную позицию, плывут по течению событий, не совершая выбора по своей воле.

У японцев принято писать произведения, заимствуя или несколько изменяя сюжет, время действия и характер героев как классических произведений, так и сочинений, написанных ранее тем же или другими авторами. Немало подобных «реинкарнаций» произошло и с произведениями А.П. Чехова.

Японский литературовед Вакана Коно [1] полагает, что произведения А.П. Чехова, и прежде всего, «Вишневый сад» оказали большое влияние на творчество японских писателей. В частности, он пишет и о том, что в рассказах одного из самых читаемых классиков японской литературы прошлого века Дадзая Осаму (1916—1948) неоднократно можно встретить упоминания имени самого А.П. Чехова и его персонажей.

Общеизвестно, что классик японской литературы начала XX века Акутагава Рюноскэ (1892—1927) прекрасно знал русскую литературу. В его прозе можно увидеть определенные реминисценции чеховских произведений. Так, например, в конце рассказа «Барышня Рокуномия», повествующем о деградации аристократии эпохи Хэйан (VIII—XII в.) и уходе в прошлое периода расцвета утонченной культуры с культом эстетизма, изящной любви и поэзии, появляется самурай, знаменуя своим появлением выход на историческую арену воинского сословия взамен родовой аристократии. В конце другой новеллы Акутагавы — «Сад» — созвучно тому, как Лопухин с восторгом говорит о новой жизни на месте вишневого сада, сообщается о том, что на месте погибшего вместе с постепенным уходом из жизни всех членов семьи старинного сада построена железнодорожная станция — символ нового времени, символ промышленного капитализма. В последних фразах этой новеллы: «О семье Накамура никогда не упоминалось. А о том, что на том самом месте, где они сейчас стоят, когда-то были беседки и искусственные горки, — об этом тем более никто и не думал» — слышится элегическая грусть, созвучная той, что возникает в русской душе при звуках ударов топора в вишневом саду.

«Страдание, — писал Чехов, — выражать надо так, как они выражаются в жизни, то есть не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а грацией». Ну как тут не вспомнить хрестоматийную новеллу Акутагава Рюноскэ «Носовой платок», в которой автор лишь по скудным внешним признакам предлагает читателю судить о душевных страданиях героини.

Значительное влияние оказал Чехов и на становление японской драматургии. В конце XX века по мотивам чеховского «Вишневого

сада» написана пьеса Оридза Хираты «Люди ушедших дней», повествующая о разложении традиционной японской семьи.

Успехом у зрителей пользовалась и пьеса «Капризные воды» (1999), созданная и поставленная Р. Ивамацу, основанная на чеховских рассказах и взаимоотношениях героев «Дяди Вани».

Известный драматург старшего поколения Ю. Кояма (1906–1982), которого японская театральная критика называет «японским Чеховым», стремится в своих произведениях раскрыть боль разобщения и непонимания друг друга близкими людьми, полагая самым важным в этом мире умение сопереживать и стремление к взаимопониманию. Считается, что в его творчестве синтезировано традиционно японское и чеховское восприятие мира.

В Японии пользуется популярностью не только творчество А.П. Чехова, японцам он как-то по-особенному близок и интересен как человек. В собрания его сочинений обязательно включаются письма писателя, издавались и издаются многочисленные, в том числе и переводные, работы о его жизни и творчестве. Только в 1970–2004 годах было издано двадцать книг, посвященных самым разным сторонам деятельности «самого любимого из всех русских писателей XIX века» [3, 12]. В 2004 году, в столетнюю годовщину со дня его смерти, вышло много новых переводов чеховских произведений, сделанных молодыми русистами. В Токио состоялся серьезный и представительный международный симпозиум «Чехов в XXI веке», на заседаниях двух секций которого, «Чехов и мир» и «Чехов и современность», говорилось о разных аспектах восприятия творчества и самой личности А.П. Чехова во всем мире и, в частности, в Японии и Корее¹. Немало юбилейных мероприятий — новые постановки чеховских и связанных с его творчеством пьес, тематические конференции и симпозиумы, гастролы театральных коллективов из России — планируется провести по всей Японии и в 2010 году в связи со 150-ой годовщиной со дня рождения писателя.

Без сомнения, именно Япония занимает сегодня одно из первых мест в мире не только по количеству, но и по художественному уровню переводов произведений Чехова. Надо ли говорить, что эти

¹ Чехова очень любят и в Корее: вспоминая о гастролях в марте 1990 г. Малого театра в Ю. Корее, главный режиссер Национального театра Кореи Им Санг-у говорит: «Для истосковавшихся по Чехову корейских театралов, которые до этого видели пьесы великого русского драматурга, прежде всего — свою любимую «Чайку», только в исполнении корейских актеров, гастроли Малого театра стали редкой возможностью соприкоснуться с современной реалистической драматургией» (Журнал Koreana, №1, 2009, с. 60).

переводы шлифовались несколькими поколениями переводчиков, пытавшихся как можно точнее донести до японского читателя тонкое очарование простоты и ясности языка Чехова. Так, например, переводчики среди большого количества японских слов с похожим значением долгое время подыскивали подходящее слово для передачи русского понятия «тоска». Они долго не могли прийти к общему мнению, и на какое-то время это слово в русском фонетическом облике оставалось в их переводах и утвердилось в лексиконе японской читающей публики. И это при весьма значительном — более десятка лексических единиц — многообразии слов, передающих тончайшие нюансы и оттенки чувства тоски. По мере проникновения в мир чеховских произведений японские переводчики в зависимости от своего понимания контекста произведения стали использовать при переводе слова «тоска» разные лексемы.

Можно долго говорить о трудности адекватной передачи чеховского текста. Так, например, уже не одно десятилетие между японскими русистами ведутся споры о переводе реплики Лопухина из первого действия, когда он говорит поговорку «со свиным рылом в калашный ряд». В первых переводах, сделанных с английского языка, был использован образ шелкового кошелька поскольку в английском варианте шла поговорка *You cannot make a silk purse out of sow's ear*. Впрочем, как говорилось выше, эти переводы очень скоро были признаны неудовлетворительными. Нашлась подходящая по смыслу японская поговорка «надевать на жеребенка парадные одежды», в которой, желая сохранить образ свиньи, заменили «жеребенка» на «поросенка» (в переводе К. Сэнума). Предлагались также варианты «со свиной мордой в благородную компанию» (в переводе Т. Такамура) и «со свиным рылом в булочную» (в переводах С. Исияма и С. Оно). Эти варианты перевода можно считать удачными, хотя бы из-за того, что «свинья» имеет в японском языке близкую к русскоязычной коннотацию. Тем более надо учесть, что во втором действии у Лопухина опять появляется сравнение: «почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья». В русском языке при характеристике плохого почерка привычнее звучит «как курица лапой», поэтому упоминание Чеховым в этой реплике «свиньи» вряд ли можно считать случайным. Недостатком японского перевода «со свиным рылом в булочную» является необходимость давать в сноске пояснение такому переводу русского фразеологизма, что свидетельствует о том, что, будучи произнесенной со сцены, реплика вряд ли легко и адекватно воспринимается японскими зрителями.

Впрочем, ещё в 1926 году М. Ёнэкава предложил вариант перевода, близкий мировосприятию людей, жизнь которых неразрывно связана с морем — японскую поговорку «мелкая рыбешка, затесавшаяся среди крупных». Такой перевод из-за отсутствия необходимости давать какие-либо пояснения и в силу легкости его восприятия на слух был признан некоторыми русистами (К.Дзиндзай, Д.Макихара, К.Кавабата и др.) как наиболее удачный. Споры между сторонниками «морской» и «свиной» образности перевода лопатинской реплики ведутся по сей день, а лишенный образности и лаконизма нейтральный вариант «тип, не соответствующий своему происхождению» (в переводе А. Сасаки) обеими спорящими сторонами признан неудачным.

С немалыми переводческими проблемами мы сталкиваемся при переводе на японский язык даже хрестоматийного чеховского высказывания «Краткость — сестра таланта», которое можно считать формулировкой принципа, лежащего в основе эстетических воззрений японцев. Какая сестра — старшая или младшая, ведь номинация близких родственных отношений в японском языке предполагает обозначение места в семейной иерархии. В мировосприятии японцев нет понятия просто «брат» или «сестра», может быть только «старший/младший брат» и «старшая/младшая сестра», то есть в словаре есть четыре слова, называющие каждого соответственно месту в этой иерархии. Название пьесы «Три сестры» переводится на японский язык как 三人の姉妹 — «три человека — старшие и младшие сестры».

По-японски можно либо словом «родственники» передать идею существования неких родственных отношений, либо надо уточнять, кто является старшим, т.е. главным в рассматриваемой паре. Грамматические категории числа и рода в японском языке отсутствуют, слово «братья», соответственно переводится (по значениям иероглифов) как «старший и младший брат», «сестры» — «старшая и младшая сестра». Принимая во внимание более жесткую иерархию между братьями, что старший брат — второй по значимости после отца член семьи, учитывая, что иерархические отношения между сестрами более нивелированы, в японской интерпретации «краткость» — брат (вероятно, — младший) таланта»¹.

Интересно, что если русские воспринимают язык чеховской прозы как вполне современный, то переводы, выполненные в середине прошлого века, звучат для современных японцев несколько

¹ Интересно, что «города-побратимы» в японской интерпретации превратились в «города-сестры» *симаи тоси*.

архаично. Новому поколению читателей предлагают новые и новые переводы, написанные более современным языком. Это необходимо ещё и потому, что в начале XX века, например, имело место гораздо более значительное различие между мужской и женской речью, в силу чего в какой-то мере облегчалась передача на японском языке женских и мужских реплик. Например, при переводе слов «получила сегодня из Парижа» в реплике Раневской Х. Накамура (1932 г.) прибегает к использованию грамматических элементов, характерных для женской речи: 今日パリーから来たんですよ кё: *пари-кара кита н дэсу но ё*. В переводе С. Оно (1998 г.) мы видим при передаче этих слов уже более простую, употребляющуюся как мужчинами, так и женщинами форму: 今日パリーから来た кё: *пари-кара кита*. Подобных примеров можно привести ещё много. Достаточно сказать, что при переводе «Вишневого сада» из 65 случаев употребления глаголов прошедшего времени в женском роде Х. Накамура в 31 случае переводит их, используя специальные «женские» частицы, тогда как С. Оно [4] в своем переводе использует их уже всего в 17 случаях.

Сейчас перед японскими переводчиками стоит очень непростая задача: как передать по-японски реплику той или иной героини, не исказив её образ, другими словами, как, избежав её излишней «модернизации», не представить её как несколько устаревшую или жеманную особу.

Больших усилий стоит переводчикам адекватная передача на японском языке и тонкого чеховского юмора как средства борьбы с пошлостью и серой обыденностью. Если в переводах прозы можно прибегнуть к помощи комментария, то в драматических произведениях мы наблюдаем стремление передать подтекст средствами, принятыми в японском дискурсе.

Говоря о переводах с русского на восточные языки, нельзя не отметить еще один интересный момент: благодаря специфике словоупотребления в этих языках и значительному различию понятийных полей как будто появляются новые смысловые грани чеховского текста. Так, например, не сразу было выбрано даже наиболее подходящее с точки зрения японцев слово в переводе названия рассказа «Человек в футляре». Исконно японское слово 箱 *хако* — «ящик, коробка, упаковка», которое было использовано в переводе этого рассказа (箱に入った男 *хако-ни хаитта отоко*), напечатанном в полном собрании сочинений А.П. Чехова, вышедшем в издательстве «Тюокорон», вероятно, из-за конкретности и отсутствия какого бы то ни было переносного значения было в последующих переводах (ケースに入った男 *кэ: су-ни хаитта отоко*) заменено на

заимствование ケース *кэ: су* от англ. case, не имеющее в восприятии японцев четких понятийно-смысловых границ.

Выше уже говорилось о том, как не сразу сумели переводчики соотнести с японским мироощущением русское слово «тоска». Японское отношение к жизни и смерти можно усмотреть в выборе в переводе К. Икэда рассказа «Скрипка Ротшильда» для слова «тоска» японского понятия 寂しさ *сабисиса* — «тоска, грусть, одиночество». Это слово было использовано, например, во фразе «Но когда он возвращался с кладбища, его взяла сильная *тоска*». Неоднократно встречающееся в рассказе слово «тоска», для которого, казалось бы, в разные моменты повествования можно было бы подобрать разные эквиваленты, которых, как уже отмечалось, довольно много в японском языке, К. Икэда переводит только как 寂しさ *сабисиса*. Таким образом, становится очевидным, что для японцев со смертью связано, прежде всего, ощущение грусти и одиночества, а не тоски-горя от безвозвратной потери (悲しさ *канасиса*), тоски-скуки (憂鬱 *ю: уцу*), тоски-подавленности (塞ぎの虫 *фусаги-но муси*) или ещё каких-нибудь видов тоски, с какими мы встречаемся, увидев перевод этого русского слова в других чеховских рассказах.

Иногда в переводах на японский язык мы сталкиваемся и с искажениями смысла исходного текста. В рассказе «Человек в футляре», переведенном Т.Хара, передающая слова Вареньки фраза рассказчика о том, что «варят у них борщ с красненькими и с синенькими «такой вкусный...» звучит на японском как 私たちの方では赤や青の野菜を入れたボルスチを作るけれど、そりゃおうしい *О ватаситати-но хо:-дэ-ва ака я ао-но ясай-о ирэта борусути-о цукуру кэрэдо, соря оисий но...*». Обратный перевод на русский выглядит так: «у нас там в борщ кладут и красные, и зеленые овощи, но «вкусно...». Переводчик, будучи, вероятно, не осведомлен о том, что на Украине «синенькими» называют баклажаны, берет для перевода корень 青 *ао*, обозначающий в японском языке как синий, так и зеленый цвет. Поскольку 青の野菜 *ао-но ясай* — это не столько «зеленые», сколько «незрелые» овощи, читатель понимает, что борщ был очень вкусный, хотя не все овощи, из которых он был приготовлен, были созревшими.¹ Именно это подтвердили японцы, которым был задан вопрос «из каких овощей делали борщ?».

Вероятно, никогда не прекратятся дискуссии по поводу выбора наиболее подходящего варианта для передачи всей глубины образов в чеховских текстах. Выступавший на проходившем в Токио в год

¹ Автор статьи выяснял этот вопрос у информантов-японцев.

столетия со дня смерти Антона Павловича международном симпозиуме «Чехов в XXI веке» профессор М. Ура говорило том, что он воспринимает чеховские произведения, особенно последнего периода жизни писателя, как воззвание, обращение к читателю [6]. М. Ура замечает, что названия некоторых чеховских рассказов на японский язык следует переводить словами, принятыми в японском языке в качестве обращений. Для примера он рассматривает названия «Душечка» и «Невеста». Объясняя родство слова «душечка» с понятием «душа» и отмечая, что слово «душечка» может быть в русском языке обращением, М.Ура считает неудачным привычный для японского читателя перевод «милая женщина». Впрочем, вариант, который был бы более удачным, он пока что предложить не может. Ошибочным, по мнению М.Ура, является и перевод словом 許婚 *иинадзукэ*, рассказа «Невеста». Ключевым моментом, на основании чего делается такое заключение, является эпизод, в котором дети кричат Наде: «Невеста! Невеста!». Указывая на то, что слово お嫁さん *оёмэ-сан* (невеста, невестка) в японском языке может быть обращением, М.Ура предлагает переводить название этого чеховского рассказа именно этим словом.

Обращая внимание на «звучание» чеховской прозы, М. Ура замечает, что и в пьесах писателя звук органично вплетается в ткань драматических произведений. Так во втором действии «Вишневого сада» Гаев и Раневская слышат мелодии еврейского оркестра, через некоторое время в тишине «раздается звук отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный», в третьем — «слышно, как настраивают оркестр», а потом «доносятся звуки вальса», в четвертом — слышно, как на ключ запирают двери, и доносится стук топора. Звуки оркестра в финале «Трех сестер» вызывают у Ольги уверенность в счастливом будущем. М. Ура считает, что наполненность звуком, чеховскую «звукопись» необходимо сохранить и в переводах[].

В настоящее время идет работа над новыми переводами А.П. Чехова на японский язык. Молодое поколение японских русистов не жалеет усилий для того, чтобы и в этом веке японские читатели имели в о з м о ж н о с т ь общаться со своими любимыми произведениями так, как они делали это всегда — «от сердца к сердцу».

Усилия переводчиков А. Чехова неоднократно отмечались в Японии разными премиями и наградами, но, бесспорно, главной из них является постоянный интерес и любовь японских читателей к произведениям русского писателя.

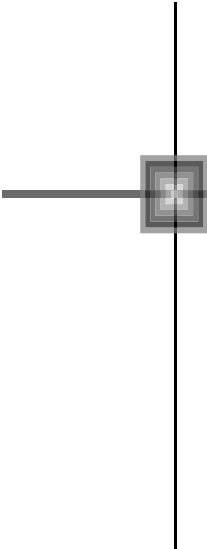
ЛИТЕРАТУРА

1. Коно В. «Я буду писать шедевр — японский «Вишневый сад» (переключ-ка Осаму Дадзая с А.П. Чеховым) / Знакомьтесь — Япония, № 48 — М. 2008, с. 84—89
2. Асахи С. Ватакуси-но тизэхофу /Мой Чехов/. — Токио, 1974. (на японском яз.)
3. Ватанабэ С. Тизэхофу-но сэкай /Мир Чехова/. — Токио, 2004. (на японском яз.)
4. Оно С. Кайсэцу /Комментарии/. — А. Чехов Сакура-но соно / Вишневый сад/. Токио, 1998, с.133-155 (на японском яз.)
5. Ямада М. Тизэ: хофу-но тампэн то тэгами /Рассказы и письма Чехова/. Токио, 2002. (на японском яз.)
6. Ура М. Выступление на Международном симпозиуме «Чехов в XXI веке» [Электронный ресурс] / М. Ура. — 2005. Режим доступа: <http://www.soc.nii.ac.jp/robun/kokusai/2005chekhov2.html>

後書 — после опубликования статьи

Токио. Утро 13 ноября 2010 года. В телепередаче *ベストセラコーナ* — «книжная полка бестселлеров» профессор Токийского университета М. Нумано рассказывает о Чехове, о своих недавно вышедших переводах его произведений, советует зрителям читать и перечитывать русского классика, очень понятно пишущего о вечных общечеловеческих проблемах. Профессор говорит о трудном русском слове *トス力* «тоска», которое по его мнению не имеет точного эквивалента в японском языке, поскольку включает в себя много разных смыслов. Он называет около десятка японских слов, каждое из которых, по его мнению, обозначает лишь какую-то грань русского слова, которое встречается не только в таких грустных рассказах как «Тоска» или «Скрипка Ротшильда», но и в рассказе «О любви». В этом рассказе тоже есть тоска, но уже особая — «любовная тоска».

О самом Антоне Павловиче и его взаимоотношениях с женщинами М. Нумано говорит, что писатель был *心の冷たい人* — «человек с холодным сердцем», и что это вообще характерно для русских, которые внешне выглядят как сердечные, открытые и радушные люди, а на самом деле весьма холодные и отстраненные.

КОРЧАГИНА

Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук, профессор,
заведующая секцией японского языка
кафедры иностранных языков факультета
мировой экономики и мировой политики,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)

В 1963 году я поступила на филологический факультет МГУ на новое тогда отделение структурной и прикладной лингвистики, поскольку очень любила математику и английский язык. На отделении было сформировано две группы — английская и японская, и я была зачислена в английскую группу. Как только я узнала о существовании японской группы, немедленно пошла на приём к зам. декана М.Н. Зозуле и попросила перевести меня в японскую группу, объяснив ему, что закончила английскую спецшколу и хочу изучать японский язык. Очень благодарна М.Н. Зозуле за то, что он сразу откликнулся на мою просьбу и тем самым решил мою судьбу. До поступления на филфак я и не думала об изучении японского языка, не знала о том, что на моём отделении будет японская группа, не представляла себе, что вся моя жизнь будет связана с японским языком, с Японией, с японской культурой и что я никогда об этом не пожалею. На протяжении всех пяти лет учёбы в университете я с увлечением занималась в основном японским языком и всем, что было связано с Японией, посещая, когда это было возможно, лекции в ИВЯ (нынешнем ИСАА) по японской литературе, языкознанию и т.д. С благодарностью вспоминаю всех своих учителей.

После окончания университета в 1968 году я начала преподавать японский язык на кафедре японской филологии в ИСАА МГУ. В 1975 году без отрыва от преподавательской работы в ИСАА МГУ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы омонимии в современном японском языке». Моим научным руководителем и наставником был заведующий кафедрой японской филологии И.В. Головин, оказавший мне большую помощь не только при написании диссертации, но и в преподавательской работе, особенно в первые годы. В ИСАА МГУ я работала до 1996 года в должности преподавателя, старшего преподавателя, затем доцента кафедры японской филологии. Много раз выезжала в Японию — впервые в 1970 году для работы на ЭКСПО-70, затем в 1978 г. — на научную стажировку в университет Сока (4 месяца), в 1993 г. — на стажировку в Институт японского языка в городе Урава (2 месяца). В 1983—1984 г., 1991—1992 г., 1996—1997 г. была руководителем 10-месячных стажировок студентов ИСАА МГУ в университете Токай. В свободное от преподавания время работала переводчиком с различными делегациями как в России, так и в Японии. Яркими воспоминаниями остаются поездки в Японию с театром Натальи Сац, поездки на конкурсы артистов балета и т.д. Незабываемым является пятилетний опыт работы переводчиком с японскими врачами и физиками-радиологами в проекте «Чернобыль-Сасакава», когда японские коллеги оказывали помощь пострадавшим от чернобыльской катастрофы. Глубоко убеждена в том, что пре-

подаватель любого языка не должен ограничиваться только преподаванием «по учебнику», сидя в аудитории. Насколько позволяют возможности, он должен общаться с носителями языка в самых разных ситуациях, переводить, наблюдать за изменениями, происходящими в языке, и доносить свой опыт до студентов. Может быть особенно это ощутимо в случае с японским языком, подверженным не только лексическим, но и грамматическим изменениям, происходящим на наших глазах. В этом смысле я очень благодарна судьбе, давшей мне возможность разнообразного общения с японцами.

С сентября 1996 года по июль 2003 года мне довелось работать в Токио, в женском университете Сёва-дзёси на кафедре иностранных языков, где я преподавала русский язык японским студентам, а также читала лекции по русской культуре и сравнительной культуре на японском языке для студентов и аспирантов. Университет Сёва-дзёси — «толстовский» университет, он был основан в 1920 году 2-м Энкити Хитоми и его женой, которые были увлечены педагогическими идеями Л.Н. Толстого и хотели дать образование японским женщинам. Работа в Сёва-дзёси привела меня к Л.Н. Толстому — помимо преподавания я работала в кабинете Л. Толстого, где по поручению ректора Кусуо Хитоми переводила множество материалов, связанных с жизнью Л. Толстого, написала ряд статей на японском языке по этим материалам. Излишне говорить, насколько интересными и важными для меня как япониста были годы работы в Сёва-дзёси. Особо хочу подчеркнуть значимость этих лет для узнавания Японии и японской культуры в самом широком смысле этого слова. Ведь сколько бы раз ты ни ездил в Японию как гость, ты не увидишь её «изнутри», не поймёшь тонкостей взаимоотношений между людьми. Для этого нужно пожить среди японцев, хотя «своим» для них ты никогда не станешь. Сейчас я могу использовать свой семилетний опыт работы в Японии, читая курс «Социокультурные ценности Японии» в Высшей школы экономики на факультете мировой экономики и мировой политики.

В Высшей школе экономики, где я работаю последнее десятилетие с 2003 года, мне также открылась новая возможность — организовать обучение японскому языку для студентов нефилологических специальностей (экономистов и политологов). Составление программ по ускоренному обучению базовой грамматике, обучению языку делового общения, подбор необходимых учебников — было незнакомым для меня и очень интересным делом.

В заключение хочу сказать, что работа преподавателя японского языка стала для меня главной и любимой. Находясь среди студентов, чувствую себя моложе, стараюсь передать им все свои знания и горжусь многими своими учениками.

В 1970 году, впервые по окончании университета попав в Японию, я удивлялась очень многому, познавая японский язык и японскую культуру. В то время меня потрясло, в частности, слово сугой, часто употребляемое японцами в разговорной речи и не усвоенное мной из нашего учебника и газеты «Акахата». Сейчас, по прошествии почти тридцати лет, то же слово продолжает удивлять меня, но уже не разнообразием возможных переводов на русский язык, а своим неправильным грамматическим употреблением.

- *Сугой ковакатта.* «Ужасно страшно было».
- *Сугой супи:до-га хаяй.* «Скорость безумная».
- *Сугой кандзимасита.* «Я сильно это почувствовала».
- *Сугой гамансита.* «Терпел что есть силы».
- *Сугой таносикатта.* «Было очень здорово».
- *Сугой омосирой.* «Ужасно интересно».

Слыша это на улице, в метро, от студентов, я удивлялась и думала: «А как же японская грамматика? А как же обстоятельственная форма на *-ку?*». Мои знакомые интеллигентные бабушки в возрасте от 70 лет и выше продолжают уверять меня, что во всех названных случаях следует говорить именно сугоку, и тут же с экрана телевизора я слышу, как вполне образованный на вид скульптор лет сорока пяти–пятидесяти, получивший какую-то премию за свою работу, говорит: «*Сугой биккурисита но то сугой урэсику омомасу*» («Я очень удивился и ужасно рад»).

В современном японском языке наблюдается целый ряд изменений и новшеств во всех областях (фонетике, лексике, грамматике), уже отмеченных, в основном, лингвистами, но пока ещё не признаваемых авторитетами за норму, хотя вполне возможно, они в скором времени могут стать таковой. Нет ничего удивительного в том, что любой живой язык подвержен изменениям, но японский язык, возможно, меняется с большей скоростью, чем другие языки. Недаром японцы удивляются, что мы понимаем произведения Пушкина и Толстого без перевода на современный русский язык.

В этой краткой статье рассмотрим некоторые изменения, затрагивающие основы японской грамматики и «расшатывающие её устои», как выражаются японские языковеды. (М.Д., с. 32) Говоря о такого рода изменениях, следует прежде всего назвать — **ら抜き言葉** *ра-нуки котоба*, то есть глагольные формы так называемого потенциального залога, образованные от глаголов второго спряжения, например, **見れる** *мирэру*, **食べれる** *табэрэру*, **起きれる** *окирэру*, **着れる** *кирэру*, **覚えれる** *обоэрэру* и т.д. Глаголы **見れる** *мирэру* и **来れる** *корэру* сравнительно давно встречаются в такой «неправильной» форме, но в наши дни эта «неправильность» распространилась на очень многие глаголы второго спряжения.

— **ら抜き言葉** уже более десятилетия являются предметом обсуждения в японской прессе, на телевидении, в Государственной Комиссии по японскому языку при Министерстве просвещения, в кругах языковедов. Например, статья в газете «Асахи» от 10 ноября 1995 года, обсуждение в Комиссии по японскому языку в октябре 1995 года, и даже детектив С. Симада «—ら抜き言葉殺人事件», название которого буквально переводится «Убийство из-за слова без «ра».

Обсуждающие проблему глаголов с выпавшим «ра» единодушны в том, что это выпадение не следует считать какой-либо модой или временным явлением. Эту форму глаголов второго спряжения, как принято называть их в российском японоведении, следует считать новой формой выражения возможности совершения действия. Подобно тому, как в современном японском языке формой выражения возможности в глаголах первого спряжения стала, в основном, форма потенциального залога **取れる** *торэру*, а не форма страдательного залога **取られる** *торарэру*, используемая прежде, в глаголах второго спряжения наблюдается тенденция вытеснения формы страдательного залога в потенциальной функции новой формой без «ра». Эту тенденцию можно считать очень сильной и устойчивой, поскольку она опирается на стремление унифицировать глагольную систему. В пользу новой формы без «ра» говорят и её более простое произношение по сравнению с полной формой, и отсутствие грамматических омонимов, которые имеет последняя, сочетающая в себе сразу три грамматических значения — потенциальное, значение страдательности и значение вежливости. Форма без «ра» имеет только потенциальное значение и не вызывает двусмысленного толкования. Ещё десять лет назад по японскому телевидению я слышала пророчества японских лингвистов о том, что в двадцать первом веке форма без «ра» займет главенствующее положение по

сравнению с формой страдательного залога в потенциальной функции, постепенно вытесняя эту форму.

Какие факты могут свидетельствовать о том, что форма без «ра» все более завоевывает легальные позиции? Во-первых, частота её употребления. Эта частота тем выше, чем меньше возраст говорящих. Данные обследования употребления четырёх глаголов — 見る *мирэру*, 来れる *корэру*, 食べれる *табэрэру*, 考えれる *кангаэрэру* — приводятся в работе Масатака Дзинноути. (М.Д., с. 23)

МИРЭРУ	20%	75%
КОРЭРУ	30%	60%
ТАБЭРЭРУ	30%	50%
КАНГАЭРЭРУ	10%	15%

Левый столбец — это процент отдающих предпочтение форме без «ра» в возрасте от 60 лет, а правый отражает процент предпочитающих эту форму в возрасте 10—20 лет. Различие по частоте употребления в разных возрастных группах бросается в глаза. Отмечено также, что чем меньше слогов в глаголе, т.е. чем он короче, тем естественнее звучит и тем чаще употребляется форма без «ра».

Во-вторых, ещё одним свидетельством того, что форма без «ра» становится всё более «легальной», является введение её в последние, самые новые компьютерные программы. Ещё совсем недавно компьютер реагировал на них как на ошибочные. Дело, разумеется, не в компьютере, а в том, что с наличием этой формы уже нельзя не считаться.

Необходимо всё же отметить, что окончательную победу формы без «ра» над полной формой, а именно формой страдательного залога в потенциальной функции, ещё праздновать рано. Политика органов и комиссий, регулирующих словоупотребление, в частности, Комиссия по японскому языку не рекомендует употреблять форму без «ра» в официальных ситуациях. Хотя с точки зрения грамматики было бы удобно унифицировать глагольную систему, реальное положение таково, что форма без «ра» признается лишь как разговорная и на пути к окончательному завоеванию своих позиций ещё не достигла цели.

Наконец, последнее замечание, которое хотелось бы сделать по поводу формы без «ра». Наметились серьезные расхождения в восприятии формы страдательного залога между западом и востоком Японии. В Кансае и на Кюсю форма 見られる *мирарэру* не воспринимается молодым поколением как форма выражения возможности и признается таковой только форма 見れる *мирэру*. 見

られる *мирарэру* же считается лишь вежливой формой и формой страдательного залога. (М.Д., с. 25) Этот вопрос, по мнению Масатака Дзинноути, требует незамедлительного изучения, поскольку в таком случае речь идет уже не о противопоставлении вариантов разговорного и письменного языка и не о том, где и в какой ситуации употреблять ту или другую форму, а об изменении системы значений форм японского глагола. (М.Д., с. 25—26)

Интересно свидетельство профессора Осацкого университета Синдзи Санада, который пишет о том, что в последние годы в районах западной Японии стало наблюдаться даже так называемое двойное выражение возможности 二重可能形式 *нидзю:кано:кэйсики*, т.е. образование «неправильного» потенциального залога от формы того же потенциального залога глагола первого спряжения: 書ける *какэру* — 書けれる *какэрэру*, 読める *ёмэру*—読めれる *ёмэрэру* и т.п. (С.С., с.103)

Ещё одним новым грамматическим явлением, заслуживающим пристального внимания, можно назвать — さ付き言葉 *са-цуки ко-тоба* (буквально: «слова с добавленным слогом са»), а именно употребление суффикса побудительного залога — *сасэру* вместо — *сэру* в глаголах первого спряжения. Например, 子供に手を洗わせる *Кодомо-ни тэ-о аравасасэру* (вместо правильного *аравасэру*) «Заставить ребенка вымыть руки», 終わらせてください *Оварасасэтэ кудасай* (вместо *оварасэтэ*) «Позвольте закончить», 休まさせていただきます *Ясумасасэтэ итадакимас* (вместо *ясумасэтэ*) «Позвольте отдохнуть» и т.п. Такое отклонение от норм японской грамматики также не следует считать модой, или временным явлением. В одной из передач японского телевидения при обсуждении неправильного словоупотребления и ошибок, которые делают японцы, речь шла о том, что форма с «са» в последнее время распространилась так же, как форма без «ра», и многие японцы не воспринимают её как ошибочную. В этой передаче были приведены данные языкового обследования Комиссии по японскому языку: 65% японцев не заметили разницы между формами *ясумасэтэ итадакимас* и *ясумасасэтэ итадакимас*, а 59% — между формами *укагавасэтэ итадакимас* и *укагавасасэтэ итадакимас*. Чаше всего «неправильное» употребление такого рода встречается именно в сочетании с глаголом *итадаку* в вежливой конструкции — *сасэтэ итадакимас*, хотя я слышала форму с «са» и просто при выражении побуждения: 手を洗わせませう *Тэ-о аравасасэмас* (в передаче о профилактике гриппа).

Явления выпадения слога «ра» в глаголах второго спряжения и добавления слога «са» в глаголах первого спряжения можно рассматривать как явления одного порядка в том смысле, что оба они

ведут к единообразию грамматических форм, упрощению грамматической системы. Отличием двух явлений можно считать то, что форма без «ра» активно употребляется не со всеми глаголами второго спряжения, хотя теоретически образуется от всех, в то время как форма с «са» возникает во всех глаголах первого спряжения без исключения. (М.Д., с.28) Особенностью формы с «са» является ещё и зависимость от контекста, т.е. частое её употребление именно в определенной грамматической конструкции с глаголом *итадаку*.

В книге Масатака Дзинноути описан эксперимент, проведенный в Кансае, когда более чем двумстам студентам были предложены четыре фразы, о которых те должны были сказать, считают они их правильными или нет. (М.Д., с.28—30)

1. *Саки-ни утавасасэтэ итадакимасу*. (Все сочли допустимой)
2. *Саки-ни утавасасэтэ кудасай*. (50% сочли допустимой)
3. *Саки-ни утавасасэтэ курэнай?* (Допустимыми считают 30%)
4. *Саки-ни утавасасэтэ!* (лишь 20% респондентов)

Все четыре фразы означают «Позвольте спеть раньше вас», но расположены в порядке убывания степени вежливости. Из эксперимента понятно, что именно конструкция *-сасэтэ итадаку* в большей мере допускает форму с «са».

Говоря о возрастных критериях употребления глагольных форм без «ра» и с «са», следует отметить различие между ними, состоящее в том, что первая употребляется тем активнее, чем моложе говорящий, начиная буквально с детского сада, а особенностью второй является то, что её употребляют в любом сознательном (но не детском) возрасте, когда начинают говорить вежливо. Ведь она связана именно с вежливой конструкцией *-сасэтэ итадаку* (и гораздо реже с обычным побуждением).

Интересны данные ещё одного опроса общественного мнения, проведенного Научно-исследовательским институтом культуры вещания при NHK. Объектом опроса была одна фраза ▫ 曲歌わさせていただきます *Иккёку утавасасэтэ итадакимасу* «Позвольте мне спеть одну песню», а респондентами были 2000 человек по всей стране, мужчины и женщины в возрасте от 20 лет. «Лишь около 30% общего числа опрошенных испытывали чувство неприятия этой формы, к тому же различий в возрасте при этом не наблюдалось. В связи с этим можно сказать, что эта форма, в общем, получила права гражданства. А более 70% человек, посчитавших эту фразу верной, скорее всего, в большинстве своем согласны и с грамматически правильной фразой *Утавасэтэ итадакимасу*. И если предложить им написанные рядом две фразы — использованную в опросе и правильную — и спросить, которая из них

вежливее, они, вероятно, назовут первую. Такого исследования до сих пор не было, но определенно следует считать, что возникает различие по степени вежливости между грамматически правильной формой и формой с «са». (М.Д., с.30) М.Дзинноути полагает, что хотя форму с «са» пока что считают грамматически неправильной, со временем она получит широкое распространение как новая форма вежливости в японском языке, которому свойствен принцип «Чем длиннее и сложнее, тем вежливее» (там же, с.31).

Статус ещё одной новой формы выражения вежливости, появившейся примерно 15 лет назад и широко распространившейся, получила форма сказуемого, оканчивающаяся на **-ни наримасу**, иногда **-то наримасу**. Эта концовка буквально означает «стать чем-то», но на самом деле в данном случае представляет собой скорее новоявленную вежливую форму связки, употребляющуюся вместо **-дэсу** или **-дэ годзаимасу**. Особенно часто вежливую форму на **-ни наримасу** можно услышать в сфере обслуживания.

五番線発車になります **Гобансэн хасся-ни наримасу** «С пятого пути отправляется поезд». 全部千円になります **Дзэмбу сэнбэн-ни наримасу** «Все товары — по тысяче иен». どちらからおかけでしょうか。 - 栃木県からになります。 **Дотира-кара окакэ дэсё: ка?** — **Тотигикэн-кара-ни наримасу**. «Откуда вы звоните? — Из префектуры Тотиги». 門限は午前二時になります。 **Монгэн ва годзэн нидзи-ни наримасу**. «Двери запирают в два часа ночи». Эта фраза в данном случае не означает, что до сих пор их запирали в час, а теперь будут делать это в два. (Примеры из М.Д., с.125)

Думается, что форму именного сказуемого на **-ни наримасу** следует считать новой вежливой формой связки **-дэсу**, похожей по употреблению на **-дэ годзаимасу**. Большой интерес представляют результаты опроса ста студенток по поводу новой вежливой формы. Предложены три варианта ответа на вопрос 閉店は何時ですか。 **Хэйтэн ва нандзи дэсу ка** «Когда закрывается магазин?» (М.Д., с.123—125)

午後七時です。 **Гого ситидзи дэсу** «В семь часов вечера».

午後七時でございます。 **Гого ситидзи- дэ годзаимасу**

午後七時になります。 **Гого ситидзи- ни наримасу**

Какой из ответов лучше? Если суммировать результаты опроса, можно получить представление о различии трех связей:

Дэсу — просто, понятно, но «прохладно», механистично.

Дэ годзаимасу — вежливо, но труднопроизносимо и слишком «жестко», официально.

Ни наримасу — не имеет отрицательных оттенков, которые есть у предыдущих связок, звучит мягко, тепло, достаточно вежливо и не очень длинно (пять слогов).

С точки зрения распространенной в последнее время теории вежливости связка *-ни наримасу* совмещает в себе positive politeness и negative politeness, являясь одновременно и вежливой, и тёплой, мягкой.

Мягкость и теплота новой вежливой связки, так полюбившейся японцам, объясняется также и фонетическими факторами. Связка *-ни наримасу*, содержащая звуки *н, р, м*, более благозвучна, чем тяжело произносимые *-дэсу, -дэ годзаимасу*, содержащие последовательность «тяжелых, мрачных, сложных» сочетаний звуков *д, г, з, с*. (М.Д., с.125)

Кроме того, конструкция *-ни нуру* очень характерна для японского языка, избегающего категоричности и прямоты суждений и имеющего склонность передавать информацию не фразой типа «Кто что сделал», а «Что стало», «Что сделалось», акцентируя внимание на результате. (Например, 今度 結婚することになりました。 *Кондо кэкконсуру кото-ни наримасита*. «Я женюсь», буквально: «Стало так, что я женюсь»).

Всё вышесказанное дает право сделать вывод, что новая форма вежливой связки *-ни наримасу* 「ニナリマス敬語」 прочно входит в японский язык. Следует, правда, оговориться, что не во всех случаях, где японцы употребляют *-дэсу* и *-дэ годзаимасу*, можно употребить связку *-ни наримасу*. Так, мне никогда не приходилось слышать *-ни наримасу* в вопросительном предложении: *Икага-ни наримасу ка* «Как вам это нравится?». Кроме того, в некоторых случаях употребление новой вежливой связки порождает столкновение с омонимичной вежливой формой *о-....-ни нуру*, употребляемой в речи о действиях второго или третьего лица, например, во фразе: 五千元お返しになります。 *Госэньэн о-каэси-ни наримасу* «Возвращаю вам пять тысяч иен», что может быть понято и иначе, а именно «Вы вернёте пять тысяч иен». Правда, этот пример скорее «теоретический», в реальности всё бывает ясно из контекста. Я слышала эту фразу именно в первом её значении, но все же нельзя исключить и возможных в данном случае недоразумений, вызванных омонимией.

В системе вежливых форм намечается утрачивание различий между глаголами агэру и яру. Типичными примерами могут быть 花に水を上げる *Хана-ни мидзу-о агэру* «Поливать цветы» и 子供におもちゃを買ってあげる *Кодомо-ни омотя-о каттэ агэру* «Купить ребенку игрушку» — случаи, когда традиционно употреблялся глагол *яру*.

Изучение этой проблемы Департаментом культуры, проведённое в 1995 году, показало, что молодое поколение отдаёт предпочтение глаголу агэру (от 10 до 20 лет — до 70% в некоторых опрошенных группах), причём инициатором нового употребления является город, а не провинция — чем он крупнее, тем выше процент нового употребления **-тэ агэру**. **Агэру** традиционно употребляется для выражения направленности действия по отношению к человеку (равному или высшему по положению), в то время как яру употребляют, говоря о действии, направленном к младшему по возрасту, животному или растению. Новое употребление глагола агэру относится и к животным, и к растениям.

Думается, что молодые японцы перестают ощущать глагол агэру как вежливый глагол, передающий направленность действия, и он превращается либо в обычное слово со значением атаэру «давать», либо в сочетании с другими глаголом на -тэ передает желание быть вежливее с собеседником. Подтверждением этому могут быть фразы, где объектом действия непосредственно не является человек: **こんがり色づくまで炒めてあげましたら...** **Конгари иродзуку-мадэ итамэ-тэ агэмаситара...** «Когда поджарите это до коричневатого цвета...» (из телевизионной передачи), **このXに5を代入してあげると...** **Коно экусу-ни го-о дайню:ситэ агэру то...** «Если вместо X подставить 5...» (из образовательной программы), **クリームをお顔全体につけてあげましょう** **Кури:му-о окао дзэнтай-ни цукэтэ агэмасё:** «Намажем все лицо кремом» (реклама косметики). И еще одна фраза, произнесенная олимпийской чемпионкой и вызвавшая бурную реакцию лингвистов: **自分を褒めてあげたい** **Дзибун-о хомэтэ агэтай** «Хочется себя похвалить» (возможно, произнесенная в шутку и воспринятая всерьёз). (М.Д., с.119) Как бы то ни было, а противопоставление агэру-яру перестаёт иметь описанное в традиционной современной грамматике значение.

Из языка молодого поколения, кажется, исчезает модальная концовка **...ка сира**, свойственная женской речи, и на смену ей приходит концовка **...ка** на, которую употребляют поголовно все, независимо от пола. В устах немолодых женщин **...ка сира** всё ещё звучит естественно, мне приходилось много раз слышать это выражение от преподавательниц университета, но от молодых его услышишь редко, разве что в переведенном на японский язык телевизионном южноамериканском сериале. Все говорят **...ка на, а ...ка сира**, произнесенное молодой женщиной, звучит претенциозно или нарочито вычурно, как мне объяснила молодая коллега-японка.

С другой стороны, появляются новые значения ранее употреблявшихся выражений — концовок предложения, вызывающие

чувство дискомфорта и протеста у людей старшего поколения, хотя по свидетельству Департамента культуры от января 1997 года их употребляет каждый третий в возрасте от 16 до 30 лет. (М.Д., с. 16—17) Речь идет о новом употреблении *-дзя най дэсу ка*, отличном от привычного всем употребления, например, во фразе 昨日、言ったじゃないですか *Кино: итта дзя най дэсу ка* «Разве я об этом вчера не говорила?» Новое употребление данного выражения характеризуется тем, что собеседнику сообщается совершенно новая информация, например, «Я не люблю бананы» и при этом добавляется выражение *дзя най дэсу ка: 私、バナナ嫌いじゃないですか* *Ватаси, банаана кирай дзя най дэсу ка* .

Собеседник, воспринимающий эту концовку в традиционном употреблении, чувствует некоторое давление со стороны говорящего, который, казалось бы, ждёт подтверждения сказанного, в то время как никакой особой реакции на сообщение не требуется. Слышащий фразу думает: «Какое мне до этого дело?», «Да зачем мне это знать?».

Предполагается, что новое употребление *-дзя най дэсу ка* будет расширяться, проникая в средние возрастные слои общества. (М.Д., с.18—19) Аналогичным образом ранее подвергалось критике не принимаемое старшим поколением употребление да кара и яппари без определённой связи с предыдущими высказываниями. Масатака Дзинноути считает, что за всеми этими употреблениями стоит стремление японцев к гармонии и согласии при общении. (М.Д., с.20)

Можно было бы приводить ещё примеры отступления японцев от норм грамматики. Скажем, форма прошедшего времени полупредикативного прилагательного *кирэй*: 二人ともお人形さまのようにきれいだったわ *Футаритомо онингё: сама но ё:ни кирэкатта ва* «Обе были, как куколки, красивые». (из телевизионной драмы). Или к чему угодно присоединяемое в виде префикса *よりёри* при образовании сравнительной степени: 私はアメリカの映画がより興味を持っていました *Ватакуси ва амэрика-но эйга-га ёрикё:ми-о моттэ имасита* «Мне было интереснее смотреть американские фильмы» (из сочинения студентки).

Разного рода отклонения от нормативной грамматики можно, наверняка, наблюдать в любом языке, особенно в его разговорном варианте, но пока они не приобретают массового характера, о них вряд ли стоит говорить, как о тенденциях, ведущих к каким-то переменам в системе. А пока что в японском языке уживаются и ставшие архаичными формы, и новые, претендующие на законное место в грамматике, но ещё не вполне завоевавшие его. В этом

живом переплетении старого и нового ощущается связь времен, и, возвращаясь домой, бывает приятно слышать от соседки-старушки «*О-каэри-асобасэ*».

Токио, январь 2000 года

Список использованной литературы

1. 陣内正敬、日本語の現在（いま）、株式会社アルク、1998年 Масатака Дзин-ноути (М.Д.), Нихонго-но има («Современное состояние японского языка»), Аруку-синсё, 1998год.
2. 真田信治、よくわかる日本語史、株式会社アルク、1999年 Синдзи Санада (С.С.), Ёку вакару нихонгоси («Наглядная история японского языка»), Аруку, 1999год.

(Сборник «Япония. Язык и культура», изд-во «Муравей», 2002)

О повторении грамматики на среднем и продвинутом этапах обучения японскому языку

Проблема повторения грамматического материала на среднем и продвинутом этапах обучения японскому языку является очень важной. Ведь на первом курсе мы даём студентам лишь предварительные базовые знания, требующие дальнейшего уточнения и разъяснения. По мере усложнения изучаемого материала студенты сталкиваются с такими явлениями языка, которые невозможно понять с помощью знаний, полученных на младших курсах, даже если эти явления изучались в том или ином объёме. Мы имеем в виду такие грамматические формы, как страдательный залог, побудительный и потенциальный залого, различные формы долженствования, специфическое употребление частиц, так называемых падежных показателей и другие формы. В связи с этим повторение грамматики на старших курсах ни в коем случае не должно сводиться к тому объёму материала, который содержится в учебнике для младших курсов. Повторение должно происходить на более высоком, сложном уровне с объяснением всех возможных нюансов употребления той или иной формы или грамматической конструкции.

В качестве примера хотелось бы, во-первых, остановиться на проблеме **は** и **が** — одной из сложнейших проблем японского языка. Об этой проблеме написано много в японской лингвистической литературе, затрагивалась она и в российском языкознании. Мы знаем, какие трудности возникают у студентов при попытках разобраться в употреблении **は** и **が**, знаем также, что проблемы возникают и у молодых преподавателей, пытающихся объяснить различия между ними.

Вспомним, что узнают студенты о **は** и **が** на первом этапе обучения.

- Подлежащее в предложении выделяется с помощью **は**, если то новое, что мы хотим передать, содержится в сказуемом.
私は山田です。 (Ответ на вопрос «Вы кто?»)

- Подлежащее выделяется с помощью **が**, если то новое, что мы хотим передать или сообщить, стоит в позиции подлежащего.
私が山田です。 (Ответ на вопрос «Кто здесь Ямада?»)
- Мы учим студентов употреблять **は** или **が** в зависимости от того, где стоит вопросительное слово.
これは何ですか。
だれが来ましたか。
- Объясняем, что нужно употреблять **が** (и **の** вместо **が**) в придаточном предложении.
私の行きたいところは京都です。
- Учим студентов конструкции **日本は花がきれいです。**

Этим, в основном, знания студентов младших курсов исчерпываются, далее в учебниках никаких пояснений относительно **は** и **が** нет, а у учащихся начинают появляться новые и новые вопросы. Почему **が** встречается в непонятных случаях, которые нельзя объяснить знаниями первого курса? (**地震が起きた。**) Почему **は** употребляется в придаточном предложении? Почему в одном предложении два **は**? Почему **が** стоит перед вопросительным словом?

Дело в том, что все объяснения первого курса — это лишь первое приближение к проблеме. Если не сделать более подробных пояснений, это может привести к неправильному толкованию фразы, а при переводе на японский язык — к искажению смысла.

Ответы на вопросы, касающиеся **は** и **が**, мы находим еще у Н.И. Конрада в «Синтаксисе японского языка», написанном в 1937 году. Называя **は** и **が** суффиксами именительного падежа, Н.И. Конрад разграничивает их следующим образом: «Если центр тяжести для говорящего лежит на понятии, обозначенном подлежащим, или если действующее (в данном случае — обозначаемое) лицо упоминается в теснейшей, неразрывной связи с действием (в данном случае — со своей характеристикой), требуется первый именительный падеж на **га**. Если центр тяжести для говорящего лежит на понятии, обозначенном сказуемым, или если действующее (в данном случае — обозначаемое) лицо только сопоставляется с действием (в данном случае — обозначением), а иногда даже противопоставляется ему, требуется второй именительный падеж на **ва**.» (Н.И. Конрад, стр. 44) Мы выделили курсивом тот случай употребления **が**, когда во фразе нет деления на «данное» и «новое», когда всё предложение воспринимается целиком как новость.

戦争が始まった。 («Началась война.») **地震が起きた。** («Произошло землетрясение.») **雨が降ってきた。** («Пошел дождь.») **昨日火事があった。** («Вчера был пожар.») Такую тесную связь между подлежащим

и сказуемым И.Ф. Вардуль называет «нерасчленённым», в котором совмещается содержание сказуемого с содержанием подлежащего. (И.Ф. Вардуль, стр. 97) Другими словами, студентам надо объяснить, что если о чём-то сообщается впервые (как о новости), подлежащее употребляется с が. Далее, когда мы начинаем уточнять что-то о сообщённом событии (где, когда, как, почему это произошло), мы должны употреблять は. Классическим примером, который можно давать в качестве упражнения, является любая сказка, история, новость о землетрясении и т.д. 昔々あるところにかわいい女の子がおりました。(«Давным-давно жила-была хорошенькая девочка».) Далее, говоря о девочке, в позиции подлежащего необходимо использовать は.

Если говорить об употреблении が в придаточном предложении, то здесь присутствует то же явление нерасчленённости, целостности и единства подлежащего и сказуемого. 私は、彼が来た時、家にいなかった。(«Когда он пришел, меня не было дома».) 科学が進歩するにつれて、生活がよくなる。(«С развитием науки жизнь становится лучше».) Такое целостное восприятие придаточного предложения характерно для предложений с союзами 時, ため, 以上, のに, с глагольными формами наて/でも, と・ば・たら・なら союзным словом おかげで и другими.

何かについて述べる場合に、それが何についての話であるか、知りたいです。(«Когда вы о чём-то говорите, я хочу знать, о чём именно идёт разговор».) В этом примере наблюдается «нерасчленённая» связь между подлежащим и сказуемым придаточного предложения, в нём употреблено が несмотря на то, что после подлежащего стоит вопросительное слово 何.

От названных придаточных предложений следует отличать придаточные с союзами から, ので, けれども, для которых нельзя чётко сказать, употреблять в них は или が (возможны разные случаи). Эти союзы менее связывают подлежащее и сказуемое придаточного предложения и могут не делать их нерасчленёнными.

戦争が終わったから、彼は国に帰った。(«Закончилась война, поэтому он вернулся на родину».)

研究はまだ終わっていないから、帰れない。(«Исследование еще не закончено, поэтому не могу вернуться домой».)

Если подлежащее главного и придаточного предложений совпадают, как правило, необходимо употреблять は.

私は日本にいる間にたくさん旅行したい。(«Пока буду в Японии, хочу много путешествовать».) Сравните фразу: (私は)母が日本にいる間にたくさん旅行した。(«Пока мама была в Японии, я много путешествовал».)

В конструкции …は_____からだ (ためだ、ことによる), где объясняется причина чего-либо или какое-то обстоятельство, употребляется が.

それは気候が違うからだ。(«Это потому, что климат другой».)

Студентам следует объяснять, что **は** — это выделительная частица, а не специальный показатель подлежащего, с помощью **は** может быть выделен любой член предложения: и подлежащее, и прямое или косвенное дополнение, и обстоятельство.

田中さんからはもう返事をもらいました。(«От г-на Танака пришел ответ». Сравнение с другими, от других не пришел.)

鉛筆は買いました。(«Карандаши купил». Сопоставление: что-то другое не купил.)

その戦争とは全くことなる。(«Это совершенно иное, чем та война». Сопоставление с «той войной».)

Основная ошибка студентов состоит в том, что они присоединяют **は** к чему угодно, как им хочется, особенно в позиции обстоятельства. **は** выделяет слово, обособляя его в ряду других и даже противопоставляя его им. При этом противопоставление может быть не внутри предложения, а за его пределами (в предыдущем предложении или только мыслиться). (См. Конрад, стр. 259—260)

今日は行きます。(«Сегодня пойду». Сопоставление с тем, что было, например, вчера. Вчера не ходил.)

昨日学校へ行きました。(«Вчера ходил в школу». Простая констатация факта, без каких-либо сопоставлений.)

Возвращаясь к проблеме подлежащего, ещё раз вспомним слова Н.И. Конрада: «Различие между **wa** и **ga**, строго говоря, не в том, что при **wa** логическое ударение падает на сказуемое, а при **ga** на подлежащее. Всё дело в том, что если слово, служащее подлежащим, противопоставляется чему-нибудь другому, оно ставится с **wa**, если же этого противопоставления нет — ставится с **ga**. ... Суффикс **ga** никаких иных функций, кроме показателя именительного падежа, не имеет.» (Конрад, стр.260)

母親は日本人ですが、父親はロシア人です。(«Мать японка, отец — русский». Налицо сопоставление, поэтому употребляется **は**.)

В японском предложении может оказаться два подлежащих — грамматическое с **が** и логическое с **は**, представляющее тему высказывания. Это наблюдается, в частности, в конструкциях **は…が好きです**, **は…が上手です** и других.

私はコーヒーが好きだ。(«Я люблю кофе».)

Может наблюдаться два (и более) логических подлежащих с **は**:

私はコーヒーはあまり好きじゃない。(«Я не очень люблю кофе».

По сравнению с другими напитками.)

Могут встречаться логические (тематические) подлежащие в придаточных предложениях, относящиеся по сути дела ко всей фразе в целом :

日本は不況は長引く一方なのに、…指導力が見えない。(«И хотя в Японии кризис всё продолжается, нет руководящей силы, которая...») («Асахи симбун», 8 февраля 2004 г.)

Можно легко представить контекст, когда предложение, где рекомендуется употреблять **は** (人間は死ぬものです。 «Человек смертен»), попадает в позицию придаточного, **は** меняется на **が**, предложение становится единым целым, не делимым на тему и ремю.

Хотелось бы адресовать молодых преподавателей к только что вышедшей «Теоретической грамматике японского языка» В.М. Алпатова, П.М. Аркадьева и В.И. Подлесской, где очень подробно рассматриваются эти проблемы. (Т. II, раздел «Топик», стр. 36—55) Для студентов-филологов при повторении темы **は/が** имеет смысл проанализировать все приводимые там случаи и примеры. Что же касается практического преподавания японского языка студентам других специальностей, то нам представляется очень продуктивным объяснение употребления **が** с помощью идеи о коммуникативной нерасчленённости подлежащего и сказуемого, когда они являются единым целым. Случаев такого употребления **が** в японском языке, нам думается, большинство.

Дело в том, что **が** как показатель центра тяжести, перемещенного на подлежащее, встречается не так уж часто, обычно в эмоционально окрашенных фразах: **それがテロだ**. («Именно это — террор».); **これが生活です**. («Это и есть жизнь».) Японцы предпочитают строить фразы с **は** и перемещать центр тяжести на сказуемое, изменяя порядок слов, используя субстантивацию и т.д. Другими словами, говоря об употреблении **が**, мы чаще имеем дело с коммуникативно- нерасчленённым предложением.

Преподаватели должны также творчески подходить к методическим указаниям многих учебников (в том числе и японских), рассчитанных на определённый уровень знаний учащихся, где пишут, в каких случаях употреблять **が** и в каких **は**. Всегда может существовать контекст, где **が** превратится в **は** и наоборот.

Рассмотрим кратко проблемы повторения залоговых форм и, прежде всего, страдательного залога. Нет необходимости повторять со студентами вопрос о том, как образуется страдательный залог. Как правило, этим овладевают на первом этапе обучения японскому языку. На средних и старших курсах необходимо заострить внимание на том, когда японцы употребляют страдательный залог, поскольку здесь есть много несовпадений с русским языком.

Студентам бывает интересно узнать, что страдательный залог до эпохи Мэйдзи употреблялся в японском языке только как «мэйваку

укэми», т.е. лицом, на которое направлено действие и которое является подлежащим во фразе со страдательным залогом, мог быть только человек, с которым что-то случилось, чаще что-то неприятное. Такого рода страдательный залог до сих пор широко употребляется в японском языке и представляет трудности для учащихся, его часто нельзя перевести страдательной конструкцией на русский язык.

Когда речь идет просто о каком-то свершившемся факте, страдательный залог в японском языке обычно не употребляется. Вместо фразы 私の時計は林さんにこわされた。(«Мои часы сломаны г-ном Хаяси».) японец употребит страдательный залог с подлежащим «я»: 私は林さんに時計をこわされた。(«Хаяси сломал мои часы» - мне это неприятно, досадно.) По-японски не говорят 肉が犬に食われた。(«Мясо съедено собакой».), а скажут скорее либо犬が肉を食った。(«Собака съела мясо». — констатация факта), либо 私は犬に肉を食われた。(«У меня собака съела мясо». — неприятный для меня факт). 彼は両親に早く亡くなられた。(«У него рано умерли родители».)

Преподаватель должен дать студентам как можно больше примеров употребления страдательного залога, специфического для японского языка. Только тогда студенты могут почувствовать особенности его употребления.

私は母に友達の手紙を読まれた。(«Мама прочла письмо моего друга, мне это неприятно». Имеется в виду, что она не должна была этого делать, меня это огорчило.) 彼女は子供に泣かれて困った。(«У нее плакал ребенок и она не знала, что делать».) 私は足を踏まれた。(«Мне наступили на ногу».)

Следует добавить, что помимо глаголов, выражающих неприятное для человека действие, в этой же конструкции употребляются несколько глаголов «приятных» или нейтральных: 招待する、誘う、頼む、助ける、ほめる. 山田さんは先生に娘をほめられた。(«Учитель похвалил дочь Ямады». Подчеркивается, что это случилось с Ямадой, он объект действия в страдательном залоге, ему это приятно.) Возможна и фраза 山田さんの娘は先生にほめられた. Она имеет отношение лишь к дочери Ямады, а не к нему самому.

Другой случай употребления страдательного залога, когда подлежащим является неодушевленный предмет, более понятен студентам, т.к. совпадает с русским языком. このホテルは30年代に建てられました。(«Эта гостиница построена в 30-ых годах».) この新聞は多くの学生に読まれている。(«Эту газету читают многие студенты».) Страдательный залог такого типа пришел в японский язык из иностранных языков после эпохи Мэйдзи, когда японцы стали переводить иностранную литературу. Он не представляет особых

трудностей для русскоязычных студентов и не очень интересен для повторения на старших курсах.

При повторении форм потенциального залога на 2—3 курсах необходимо объяснять студентам, что появившийся в японском языке сравнительно недавно — после периода Эдо — потенциальный залог и сейчас, на наших глазах, претерпевает изменения. Мы являемся свидетелями становления новой грамматической формы потенциального залога, образованной от глаголов II спряжения. Её называют *らぬき言葉*、*らぬき形* («форма без *ら*»), например, *見れる*, *食べれる*, *起きれる*, *寝れる* и т.д. Студенты должны узнать об этой форме, т.к. она очень широко используется в современном языке, хотя и не признана пока официальной нормой. Её не рекомендуют употреблять в официальных ситуациях, но звучит она повсюду, в том числе и с экранов телевизоров в разговорной речи. Высокая частотность употребления этой формы характерна именно для молодого поколения, и это позволяет думать о том, что она станет нормой языка в ближайшем будущем.

Известный японский лингвист Оно Сусуму пишет: «Я терпимо отношусь к формам *мирэру*, *окирэру*, не только потому что они распространилась уже по всей Японии. Форма *-рарэру* совмещает в себе четыре разных грамматических значения: страдательность, вежливую форму, возможность и самопроизвольно возникающее действие.» (Оно Сусуму, стр. 32—33) В связи с этим существует грамматическая омонимия... «Люди в новую эпоху говорят по-новому, происходит упрощения форм, их распространение. Это, естественно, вызывает неприятие у определённого круга людей, особенно пожилых. Этим новым формам необходимо придать статус нормы». И далее: «Я никогда не употребляю форм *мирэру*, *окирэру* и считаю, что в школах нужно учить говорить *мирарэру*, *окирарэру*. Но как исследователь языка я знаю, как произошли эти формы и какое положение сложилось с этими «неправильными» формами, и считаю, что когда-нибудь придёт такое время, что они будут официально признаны». (Оно Сусуму, стр. 34)

К форме *らぬき形* примыкает форма *二重可能形式* так называемого «двойного выражения возможности», распространённая на западе Японии. Это «неправильная» форма потенциального залога от потенциального залога глаголов I спряжения, например, *書ける*, *読める*.

В случае с побудительным залогом наблюдается также тенденция к унификации форм на *せる/させる*, а именно тенденция употреблять *させる* для глаголов обоих спряжений (добавление *さ*, поэтому «неправильные» формы глаголов I спряжения японские

лингвисты называют **さ付き言葉**). Особенно часто такие «неправильные» формы наблюдаются в вежливых конструкциях с **いただく/もらう** и **下さい**.

子供に手を洗わさせます。(«Заставляю ребёнка мыть руки».)

休まさせていただきます。(«Отдохну с вашего разрешения».)

終わらせてください。(«Позвольте закончить».)

В японской лингвистической литературе отмечается, что форма с **さ** употребляется так же часто, как и форма без **ら**, и по результатам опросов многие японцы не ощущают различия между правильными и неправильными формами. (См. Т.И. Корчагина, стр. 111—113)

Повторяя формы побудительного залога, необходимо также обратить внимание студентов на некоторые глаголы, от которых эти формы не употребляются или употребляются в ограниченных случаях. Вместо них употребляются специальные глаголы.

起きる («вставать») 起こす («будить», «поднимать»)

寝る («ложиться спать») 寝かす/寝かせる («укладывать спать»)

乗る («садиться в транспорт») 乗せる («посадить в транспорт»)

降りる («выходить из транспорта») 降ろす («высадить из транспорта»)

При этом от переходных глаголов (起こす、寝かす、乗せる、降ろす) можно образовывать и употреблять побудительный залог со значением «заставить», «велеть» что-то сделать.

Особого внимания при повторении заслуживает глагол 着る, с формами которого у студентов часто возникают проблемы.

着る («надевать что-то»)

着せる («надевать что-либо на кого-то»)

着させる («заставить кого-то надеть что-то»)

着せさせる («заставить кого-то надеть что-то на кого-то»)

О формах **ら抜き** и **さ付き** мы должны рассказать студентам на старших курсах, поскольку они обязательно столкнутся с этими «неправильными» формами, но активно закреплять, тренировать эти формы не нужно, достаточно, чтобы студенты знали об их существовании.

Говоря о повторении грамматики, нельзя забывать, что очень важным на старших курсах должно быть повторение не только и не столько одного грамматического явления или формы, а повторение обобщающее, объединяющее некое множество форм, имеющих идентичные или близкие (но все же чем-то различающиеся) значения.

Попытка использовать грамматические упражнения обобщающего типа для повторения сделана в учебнике японского языка для продолжающих авторов Бессоновой Е.Ю., Корчагиной Т.И.,

Кудряшовой А.В. и Нечаевой Л.Т. (под редакцией Л.Т.Нечаевой). В отдельные темы для повторения выделены: выражение возможности / невозможности, выражение намерения, причины, необходимости, условия, уступительной связи и другие.

Задача упражнений — показать функционирования тех или иных форм в языке, поэтому сначала студентам предлагается большое упражнение (25—30 предложений) для перевода с японского языка на русский. Основной упор делается на широко используемые конструкции, которые не активизировались на младших курсах. Задача преподавателя — объяснить различия между употребляемыми формами. (Например, студенты после 1-го курса не знают, в чем различие форм долженствования — *なければならぬ* и *なければいけない*.) Далее студентам предлагается упражнение для перевода с русского языка на японский, в котором рекомендуется использовать конструкции из предыдущего упражнения. Как правило, бывает возможен не единственный способ перевода. Правильность перевода контролирует преподаватель, обсуждая со студентами возможность использования той или иной формы или конструкции. Обсуждение типов обобщающих упражнений должно стать темой отдельного сообщения.

В заключение хотелось бы сказать, что преподаватель не должен замыкаться в учебнике, который он использует. Живой японский язык даёт нам возможность увидеть и услышать множество примеров, которые надо показывать студентам при повторении грамматических тем.

Литература

1. *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка. Том II. — Москва, изд-во «Наталис», 2008.
2. *Вардуль И.Ф.* Очерки потенциального синтаксиса японского языка, Москва, изд-во «Наука», 1964.
3. *Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального литературного языка, Москва, Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937.
4. *Корчагина Т.И.*, О новых явлениях в японской грамматике. — В сб.: Япония — Язык и Культура, Москва, изд-во «Муравей», 2002.
5. *Оно Сусуму, Нихонго со: дан* («Консультации по японскому языку»), Токио, изд-во Асахисимбунся, 2002.

(Сб. «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания», вып. 3, Москва, изд-во «Спутник+», 2009)

Обучение японскому языку студентов экономического вуза

В последние десятилетия японский язык преподается не только в университетах студентам филологических специальностей, но и во многих других учебных заведениях — в средних школах и на самых разных факультетах университетов, где студенты специализируются в совершенно иных, отличных от филологии областях. Сорок лет назад, преподавая японский язык на экономическом факультете МГУ и других факультетах, мы не использовали никакой особой концепции преподавания и учили «языку вообще», используя единственный существовавший в те годы учебник под редакцией И.В. Головнина. Низкий поклон авторам этого учебника, сыгравшего огромную роль в воспитании многих поколений японистов. В наши годы, с появлением новых возможностей — множества учебников, Интернета, развития обмена студентами с Японией — нам следует искать новые подходы к обучению японскому языку. Ведь если студенты-филологи, изучающие японский язык, должны овладеть языком в максимально полном объеме, получив и теоретические знания о языке, и практические навыки владения им, то студенты нефилологических специальностей должны изучать японский язык как прикладную дисциплину. Такие различные подходы к изучению одного и того же иностранного языка диктуются, прежде всего, различным количеством часов, предусмотренных программой для языковых занятий, а также различными целями обучения языку в том или ином учебном заведении.

В данной статье мы рассмотрим, как строится программа обучения японскому языку для студентов-экономистов на факультете мировой экономики и мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики. На этом факультете ГУ–ВШЭ японский язык преподается с 2003 года, и концепция преподавания японского языка здесь, естественно, отличается от концепции преподавания того же языка, например, студентам-филологам. Программа преподавания японского языка для экономи-

стов ГУ-ВШЭ отвечает конкретным целям подготовки специалистов факультета и опирается на количество часов, отведенных для изучения основного иностранного языка (8 часов в неделю с первого по четвертый курс).

Требования к навыкам и умениям, предъявляемым к выпускникам факультета, изучающим японский язык, в целом, соответствуют требованиям к экономистам-международникам, которые установлены кафедрой иностранных языков факультета для всех студентов, независимо от языка специализации. Для справки скажем, что языками специализации помимо японского языка являются китайский, арабский, французский, немецкий, испанский, итальянский, португальский. Английский язык также изучается всеми студентами как второй на протяжении четырех лет по 4 часа в неделю.

Конечная цель обучения японскому языку на факультете международной экономики и международной политики ГУ-ВШЭ — приобретение студентами общей коммуникативной и профессиональной компетенции, необходимой для успешной деятельности экономиста, специализирующегося по Японии. Таким образом, курс японского языка носит профессионально-направленный и коммуникативно-ориентированный характер. Обучение японскому языку экономистов-международников предусматривает формирование у студентов умений, необходимых для выполнения конкретных видов профессиональной деятельности, а именно:

- поддержание контактов с иностранными партнерами в устной и письменной форме,
- проведение информационно-аналитической работы с различными источниками информации на японском языке (пресса, радио, телевидение, Интернет, документы, специальная и справочная литература),
- переводческая работа в устной и письменной форме, в том числе с документами и материалами экономического и политического характера.

В курсе «Японский язык для факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ» мы предлагаем следующую схему деления на аспекты преподавания по годам обучения.

I курс:

Общелитературный японский язык (8 часов в неделю)

II курс:

1-ое полугодие

— Общелитературный японский язык (8 часов в неделю)

2-ое полугодие

- Общелитературный японский язык (4 часа в неделю)
- Введение в деловой японский язык (4 часа в неделю)

III курс:

- Деловой японский язык (4 часа в неделю)
- Язык средств массовой информации (4 часа в неделю)

IV курс:

- Деловой японский язык (4 часа в неделю)
- Японский язык для специальных целей (4 часа в неделю)

Для достижения поставленной нами цели мы строим программу обучения японскому языку таким образом, чтобы студенты максимально быстро овладели фонетическими навыками, набором основной лексики, знаниями основ нормативной грамматики и уже на втором курсе могли перейти к изучению аутентичных текстов экономической и политической тематики (от элементарных к более сложным) с параллельным углублением знаний по всем аспектам языка.

Ключевым моментом в обучении является правильный выбор базового учебника начального этапа, который дает возможность через полтора года изучения японского языка перейти к оригинальным японским материалам. Еще раз необходимо подчеркнуть, что учебники японского языка, рассчитанные на филологов, содержащие подробные, пространные описания тех или иных грамматических явлений и рассчитанные на большое количество часов, для наших целей оказываются непригодными. Мы используем их лишь в случае необходимости как дополнительный источник упражнений при изучении лексики определенной тематики и грамматики. Мы также считаем, что не следует начинать изучение японского языка в условиях России по учебникам, изданным в Японии. Они, как правило, ориентированы на бытовую тематику, связанную с жизнью в стране, и содержат множество лексических и грамматических явлений, полезных при изучении языка вообще, но не являющихся необходимыми при профильно-ориентированном обучении.

В качестве базового учебника японского языка для студентов-экономистов мы используем учебник «Читаем, пишем, говорим по-японски» авторов Е.В. Струговой и Н.С. Шефтелевич (изд-во «Восток-Запад», 2004), созданный для средней школы и непрофильных вузов с изучением японского языка. В этом учебнике отсутствуют подробные объяснения грамматики, а материал вво-

дится с помощью моделей, правил и естественных речевых ситуаций. Безусловно, учебник не охватывает все явления языка, но содержит сведения, которые обычно считаются базисными при изучении японского языка, и позволяет усвоить основы японской письменности, фонетики и грамматики. Кроме того, материал учебника строится на основе страноведческой тематики, знание которой необходимо, содержит большое количество упражнений, отражающих естественные коммуникативные ситуации, и способствует развитию навыков устной речи с самых первых шагов изучения японского языка. Сведения о некоторых грамматических явлениях японского языка, не содержащиеся в базовом учебнике, в частности, по причине малой употребительности этих явлений, восполняются естественным образом в дальнейшем при работе с аутентичными текстами с помощью объяснений преподавателя и дополнительных упражнений. Наш опыт работы с базовым учебником Е.В.Струговой и Н.С. Шефтелевич показывает, что студенты легко усваивают материал учебника и к середине 2 курса без труда переходят к чтению простых экономических и политических текстов, а также к работе с другими учебниками для среднего уровня, изданными в Японии или в России. Мы можем смело рекомендовать выбранный нами учебник для обучения студентов любых специальностей в случае, если есть необходимость как можно быстрее перейти от учебника к чтению оригинальных японских текстов.

На 2 курсе в первом полугодии завершается изучение базового учебника японского языка, а со второго полугодия обучение происходит по двум аспектам: с одной стороны, в течение 4 часов в неделю мы продолжаем курс общелитературного японского языка, с другой стороны, начинается новый и очень интересный для студентов курс «Введение в деловой японский язык» (также 4 часа в неделю). Курс общего японского языка, продолжающийся еще полгода, необходим для закрепления и углубления знаний лексики и грамматики, полученных в предыдущих семестрах, а также для ознакомления студентов с текстами страноведческой направленности. Для этой цели, на наш взгляд, идеально подходит учебник разговорного японского языка Л.Т. Нечаевой (изд-во «Московский Лицей», 2010), насыщенный страноведческой тематикой. Одновременно с этим учебником могут быть использованы любые японские учебники для среднего уровня, из которых выборочно берутся для изучения наиболее интересные и подходящие по тематике тексты. Примером такого учебника может быть учебник Мидзутани Нобуко Intermediate Japanese, An Integrated Course («Бондзинся»,

2001). Можно выбрать и другие учебные материалы. На занятиях по общему курсу японского языка рекомендуется также обязательно использовать различные лингафонные курсы. Один из них — хорошо известный преподавателям японского языка курс Мурано Рёко и Танимити Мая «Э то тасуку-дэ манабу нихонго» («Бондзинся», 1992).

Особого внимания заслуживает вопрос о постановке курса «Введение в деловой японский язык». Дело в том, что по окончании занятий по «Общелитературному японскому языку» необходим подготовительный этап для перехода к чтению оригинальных японских материалов по экономической тематике. Этот подготовительный этап продолжается один семестр, в течение которого происходит интенсивное изучение и накопление лексики и иероглифики по определенной методике, не свойственной вузам филологической направленности. Для этого этапа мы выбрали учебник «Business Kanji» авторов Судзуки Рэйко, Хадзикано Арэ и Катаока Саюри («Charles E. Tuttle Publishing», 1999). Учебник создан специально для ускоренного обучения студентов получению информации из экономических текстов и рассчитан на тех, кто закончил начальный этап обучения японскому языку по программе 300 аудиторных часов (наши студенты приступают к изучению учебника после 368 часов аудиторных занятий японским языком). Авторами проведено исследование лексики японской экономической газеты «Нихон кэйдзай симбун» и установлено, что 1700 слов-канго (авторы называют их «кандзи гои», т.е. «иероглифической лексикой») покрывают более 80% всей экономической лексики газеты. На основе этого исследования и построен учебник. Пятьдесят уроков учебника, называемые «степами» (шагами), содержат именно эту наиболее частотную экономическую лексику и иероглифы, являющиеся самыми употребительными словообразовательными элементами, а во второй части учебника в таблицах даются списки наиболее частотной лексики по иероглифам, которые представляют собой первую часть слова-канго или его вторую часть, а также часто используемые «куны» иероглифов.

Учебник «Business Kanji» требует совершенно нового подхода в методике преподавания, который состоит в том, что студенты должны запоминать не отдельные иероглифы с их так называемыми «онами» и «кунами», а наиболее часто употребляемые «иероглифические слова», которые приводятся в простейшем контексте употребления. Кроме того, авторы дают упражнения, в которых надо прочесть и перевести несложные словосочетания с этими словами. При этом упор делается на умение прочесть и понять слово,

а не на навыки написания. «Степы» построены таким образом, что происходит постоянное повторение изученной лексики в упражнениях и примерах последующих уроков. Практика показывает, что студенты справляются с поставленными задачами очень хорошо.

Приведем в качестве примера список лексики одного из уроков.

ステップ7

a) 「ーする」で動詞しても使われる名詞

1.	実施	じっし
2.	協力	きょうりょく
3.	融資	ゆうし
4.	利用	りよう
5.	交渉	こうしょう
6.	消費	しょうひ
7.	開放	かいほう
8.	改革	かいかく
9.	決定	けってい
10.	合意	ごうい

b) 接頭辞としてよく使われる漢字

11.	新ー	しん	ー	新製品開発
12.	旧ー	きゅう	ー	旧東ドイツ
13.	対ー	たい	ー	対米黒字
14.	総ー	そう	ー	総人口
15.	再ー	さい	ー	再調査
16.	第ー	だい	ー	第4回国際会議
17.	不ー	ふ	ー	不景気
18.	同ー	どう	ー	同社、同時
19.	最ー	さい	ー	最低、最大
20.	全ー	ぜん	ー	全企業、都銀全行
21.	高ー	こう	ー	高金利
22.	低ー	てい	ー	低金利、低水準
23.	大ー	だい	ー	大企業
24.	副ー	ふく	ー	副社長
25.	非ー	ひ	ー	非売品
26.	数ー	すう	ー	数社、数人

Для первой группы слов даются примеры их употребления, а для обеих групп — упражнение для чтения и перевода из 50 словосочетаний и предложений. Изучив такой небольшой урок, студенты усваивают 20 употребительных слов-канго и образованных от них глаголов, а также могут распознать значения 16 префиксов в сложных иероглифических словах.

Из второй части учебника приведем в качестве примера лишь один иероглиф с относящимся к нему списком слов-канго.

意 イ			
意見	いけん	意気込む	いきごむ
意味	いみ	合意	ごうい
意向	いこう	注意	ちゅうい
意欲	いよく	民意	みんい
意識	いしき	用意	ようい
意思	いし	得意	とくい
意志	いし	決意	けつい
意外	いがい	本意	ほんい
意義	いぎ		
意図	いと		

Вторая часть учебника может быть использована для обобщающего повторения иероглифики, а также для самостоятельной работы студентов.

После занятий по учебнику «Business Kanji» в течение одного семестра, т.е. к концу второго курса, студенты могут читать и понимать простые тексты по экономической тематике из японских экономических изданий. И хотя изучение «степов» продолжается на третьем курсе в течение полугода, оно идет параллельно с чтением все более сложных текстов из японских газет и журналов. Умение прочесть оригинальную статью на японском языке повышает интерес учащихся к изучению японского языка. В понимании текстов помогает и то, что студенты, являясь экономистами, хорошо ориентируются в вопросах, связанных с их специальностью.

Для развития навыков разговорного языка со второго полугодия 2 курса и на протяжении всего 3 курса на занятиях «Введение в деловой японский язык» и «Деловой японский язык» параллельно с учебником «Business Kanji» используется также учебник «Бидзинэсуман моногатари» («Повесть о бизнесмене»), созданный в отделе бизнеса Центра языка и культуры Японии группой авторов («Бондзинся», 1996). Следует сказать, что в Японии издается большое количество учебников для иностранцев, цель которых — научить общению в деловой сфере, но зачастую они рассчитаны на низкий уровень владения языком, поэтому в них содержатся примитивные фразы и диалоги. Большой удачей для нас было найти учебник, рассчитанный на средний и высший уровень обучающихся, материал которого действительно соответствует уровню общения в деловых кругах. В учебнике «Повесть о бизнесмене»

рассматриваются самые различные ситуации (всего 80 ситуаций), в которых может оказаться иностранец, работая в японской фирме или просто общаясь с японскими деловыми людьми. Только общению по телефону на японском языке посвящено 13 уроков. В учебнике содержатся особые выражения и сложные «кэйго» (вежливые слова и конструкции), которые представляют большую трудность для иностранцев вообще и особенно для тех, кто работает в сфере непосредственного делового общения с японцами. В конкретных ситуациях в живых и увлекательных диалогах рассматриваются правила поведения в мире японского бизнеса, специфические элементы японской культуры, которые находят отражение в человеческих отношениях и в японском языке. Герой уроков учебника — г-н Ро, приехавший в Японию из вымышленной страны, постепенно знакомится с языком делового общения и правилами поведения в японской фирме, усваивает язык общения по телефону, правила написания деловых писем и прочие трудности делового японского языка.

Материал учебника тематически распределен на следующие группы.

1—30 уроки

Основы общения на японской фирме. Знакомство, приветствия, обмен визитными карточками, общение по телефону.

31—60 уроки

Выступления на совещаниях, подготовка к командировке и отчеты, написание деловых писем. Культура подарков, организация деловых встреч, банкетов и т.п.

61—80 уроки

Общение менеджера с партнёрами по бизнесу, обсуждение сложных вопросов, связанных со сделками, возникшими проблемами и т.д.

81—90 уроки

Разработки для ролевых игр на разные темы, изученные в учебнике.

На третьем году обучения помимо «Делового японского языка» преподается также курс «Язык средств массовой информации», для которого используется японский учебник Коно Кимико «How to Read a Japanese Newspaper 2001» («Бондзинся», 2001). Учебник

рассчитан на средний уровень знаний обучаемых, содержит отрывки из газетных статей не только экономической, но и другой важнейшей тематики (политика, наука, экология, общество, культура), лексико-грамматические упражнения. Как дополнение к этому учебнику мы используем учебно-методическое пособие У.П. Стрижак «Язык СМИ Японии» («Спутник», 2009), представляющее собой сборник упражнений для активизации лексики и грамматики. На занятиях по курсу «Язык средств массовой информации» студенты получают дополнительные навыки чтения японских газет, Интернет-ресурсов, углубляют знания грамматики японского языка, иероглифики, накапливают запас лексических единиц и фразеологии.

Таким образом, в течение трех лет обучения на факультете мировой экономики и мировой политики студенты-экономисты получают прочные базовые знания по общелитературному японскому языку, языку делового общения и языку средств массовой информации. На 4 курсе происходит дальнейшее углубление этих знаний на занятиях по двум аспектам: «Деловой японский язык» и «Японский язык для специальных целей».

На занятиях по аспекту «Деловой японский язык» студентам предлагаются самые разнообразные материалы из японских газет, журналов и Интернета на современную тематику, причем ежегодно происходит обновление этих материалов в зависимости от международной и экономической ситуации. На 4 курсе студенты без особого труда справляются с переводом любых материалов на русский язык, могут также пересказывать по-японски содержание статей из российской прессы. Мы используем также японские учебники «Reading Japanese Financial Newspapers» (Кокусай нихонго фукю кёкай, «Коданся», 1999) и «Нихон-но сякай то кэйдзай-о ёму» авторов Адзума Сёдзи, Огава Кунихико и Нисикагэ Хироко («Кэнкю сюппан», 1995). Из учебников, изданных российскими авторами, очень полезным на продвинутом этапе изучения языка для экономистов является учебник С.В. Чиронова «Японский язык. — Экономический перевод» (изд-во «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2007), а также учебник «Японский язык для продолжающих» («Московский лицей», 2009, 2010) авторов Е.Ю. Бессоновой, Т.И. Корчагиной, А.В. Кудряшовой и Л.Т. Нечаевой. Последний учебник, особенно его 2-ой том, используется нами на 4 курсе для повторения и обобщения знаний по грамматике японского языка. Приведем в качестве иллюстрации небольшой фрагмент из программы по аспекту «Деловой японский язык» для 4 курса (второе полугодие).

	IV модуль Наименование разделов и тем (с разбивкой по модулям)	Аудитор- ные часы	Формы текущего контроля	Самостоя- тельная работа студентов	Всего часов
23	Экономическая ситуация в современной России . Антикризисные меры российского правительства. Перевод с русского языка на японский.	4		2	6
24	Политика России в области энергетики (перевод газетной статьи).	4		2	6
25	Перевод статьи «Выборы президента в России». («Японская экономическая газета»)	4		2	6
25	Перевод статьи «Сахалин-2». («Японская эконо- мическая газета») Обсуждение вопроса о япон- ско-российских экономических отношениях.	4	Домашнее задание №2	2	6
27	Перевод статьи о политике Центрального банка Японии. («Японская экономическая газета»)	4		2	6
28	Подготовка сообщения на тему «Международный валютный фонд». Его роль в мировой экономике.	4		2	6
29	Пересказ по-японски статьи из российской газеты на политико-экономическую тематику. Реферат японской газетной или журнальной статьи по эконо- мическим проблемам.	4		2	6
	V модуль				
30	Перевод статьи о японской пенсионной системе. («Японская экономическая газета»)	4		2	6
31	Перевод статей на тему «АТЭС» и «АСЕАН». ОБ- суждение вопроса об экономической роли России в ЮВА.	4		2	6
32	Япония и ЮВА. Перевод статей из «Японской эконо- мической газеты».	4		2	6
33	Структура японского сельского хозяйства. Пересказ по-японски статьи из российской газеты на полити- ко-экономическую тему. Работа с иероглифическим минимумом японского языка.	4		2	6
34	Японские финансовые органы. Уровень доходов населения в современной Японии (перевод статьи из «Японской экономической газеты»).	4		2	6
35	Преимущества и проблемы перехода к евро. От- ношения России с Евросоюзом.	4		2	6
36	Пересказ по-японски статьи из российской газеты на политико-экономическую тематику. Реферат японской газетной или журнальной ста- тьи по экономическим проблемам.	4	Контроль- ная рабо- та №3	2	6
	Всего часов	56		28	84

Особо следует сказать об аспекте «Японский язык для специальных целей». Научно-образовательное направление «иностран- ный язык для специальных целей» возникло сравнительно недавно и связано с профильно-ориентированным обучением, которое основано на учете потребностей обучаемых и особенностей их профессиональной деятельности. Как отдельный аспект «Японский язык для специальных целей» преподаётся на факультете мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ в течение последнего года обучения на 4 курсе 4 часа в неделю. На занятиях по этому аспекту студенты тренируют навыки активного общения на японском языке, проведения дискуссий, «круглых столов», выступлений на японском языке, реферирования и аннотирования печатных и звучащих текстов в рамках профессиональной сферы общения. На 4 курсе студенты делают сообщения и пишут эссе на различные темы, например, «Антикризисная политика российского правительства», «Япония и Юго-Восточная Азия», «Экологическая политика России», «Подготовка социологического исследования (анкетирование) на выбранную тему» и т.п.

Таким образом, занимаясь по предложенной нами программе, хорошие студенты (не пропускающие занятий и выполняющие все задания и требования преподавателей) достигают достаточно высокого уровня владения языком. Многие из них, начиная со 2 курса, успешно сдают квалификационный экзамен «Норёку сикэн» (за исключением, естественно, высшего первого уровня). Такие выпускники работают в японских компаниях, банках, продолжают учебу в Японии и даже преподают японский язык. Уже в течение 3-х лет многие студенты ездят на летнюю стажировку в различные японские школы (Токио, Тиба, Окинава). Совместно с преподавателями этих школ на факультете ежегодно проводятся семинары и лучшие студенты 3 курса, победившие в конкурсе сочинений, получают возможность по приглашению японской стороны учиться бесплатно в Японии в течение летних месяцев.

Используемый нами подход к обучению студентов экономической специальности и подобранные нами учебники вполне доказали свою состоятельность, хотя мы не можем претендовать на то, что названные учебники абсолютно незаменимы. Возможны, видимо, и другие подходы к построению концепции обучения и организации учебного процесса. Помимо названных учебников и учебных пособий мы привлекаем много дополнительных учебных материалов по усмотрению преподавателей, используем аудио и видеозаписи, Интернет, самостоятельные разработки преподавателей. В целом, к учебному процессу необходим творческий подход, он

не может быть раз и навсегда ограничен какими-то рамками. Однако стратегический вопрос профильно-ориентированного обучения остается неизменным: мы должны максимально быстро переходить от обучения общелитературному языку к обучению языку профессиональному, необходимому для той или иной специальности.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о необходимости культурологического курса для студентов-экономистов. Программа обучения иностранным языкам на факультете мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ требует не только усвоения студентами языковых явлений, но и овладения основами культурологических знаний о народе, язык которого они изучают. Умение общаться с людьми других культур, понимание их национальных особенностей, менталитета необходимы для достижения профессионализма. Чем сильнее различия между языками и культурами, тем труднее овладеть иностранным языком как средством общения, тем труднее адекватно реагировать на проявление элементов чужой культуры во время общения. Сказанное относится ко всем иностранным языкам, но может быть, в большей степени к восточным. Не случайно в некоторых международных компаниях появилась должность культуролога, консультирующего деловых людей по вопросам межкультурного общения.

Основы культурологических знаний о Японии и японцах, естественно, даются студентам и во время языковых занятий параллельно с изучением учебных текстов. Однако нам представляется, что необходим специальный курс лекций, в котором системно представлена целостная картина японского национального характера, показаны его истоки, а также многие отличительные черты японцев и модели их поведения, не совпадающие с европейскими. Ведь незнание элементарных вещей о японском видении мира, о поведении японцев в различных ситуациях нередко приводит к недоразумениям, недопониманию собеседников, к затягиванию переговорных процессов между Россией и Японией. Можно было бы привести немало примеров, когда модели поведения японцев и русских в одинаковых ситуациях не совпадают, но это лишь внешние проявления культурных различий. Необходимо знать, почему эти различия существуют, что их порождает и что лежит в основе видения мира у русских и японцев.

На факультете мировой экономики и мировой политики был подготовлен и дважды прочитан факультативный курс «Социокультурные ценности Японии». В первом случае курс был рассчитан на 24 часа аудиторных занятий, во втором — на 44 часа. Занятия этим предметом вызвали большой интерес у студентов.

При любой специализации студентов подобный курс, по нашему мнению, может быть разделен на две части. В первой из них рассматриваются вопросы, составляющие основу формирования японских культурных традиций. Студентам предлагаются для рассмотрения следующие темы.

- 1) Японцы глазами русских — изменение взгляда русских на Японию и японцев в исторической ретроспективе. История российско-японских контактов, начиная с XVII века.
- 2) Географическое положение, климат Японии, особенности её исторического развития, оказавшие большое влияние на характер японской цивилизации, её отношения с внешним миром (так называемый географический и исторический детерминизм).
- 3) Реципиентный характер японской культуры. Влияние Индии, Китая, европейской и американской культуры на японскую культуру. Модернизация Японии в эпоху Мэйдзи. Развитие Японии после II мировой войны. Современная культура Японии — сочетание традиций и нового.
- 4) Типология японской культуры. Рассмотрение моделей японской культуры в европейско-американской и японской культурологии. Стереотипы в общественном сознании японцев. Работы японских ученых направления «Нихондзинрон», работы российских японоведов.
- 5) Сопоставление японского и европейского (российского) архетипов, моделей поведения. Интровертность японцев и экстравертность представителей западной культуры. Теория контекстуализма («здесь и сейчас»). Ориентация японской культуры на сферу непосредственного опыта.
- 6) Рассмотрение в связи с этим ключевых понятий японской культуры, таких как УТИ и СОТО (двойной подход в межличностных отношениях), ВА (гармония), система ИЭ, ХОН-НЭ и ТАТЭМАЭ, НЭМАВАСИ, ГИРИ, АМАЭ, АИМАЙ, СЭМПАЙ — КОХАЙ и других.
- 7) Особенности общения на японском языке, в которых отражаются специфические черты японской культуры.
- 8) Проблемы японской культуры в эпоху глобализации.

Изучив вышеназванные темы, являющиеся ключевыми для понимания японской культуры, мы предлагаем студентам-экономистам рассмотреть следующие вопросы, непосредственно связанные с их будущей профессиональной деятельностью.

- 1) Особенности японского менеджмента, его сильные и слабые стороны. Механизм принятия решений в японских компани-

ях. Изменения, которые претерпевает менеджмент японского типа на современном этапе.

- 2) Основные черты корпоративной культуры Японии и отражение в ней национальных особенностей.
- 3) Особенности речевого общения на фирме (речевой этикет).
- 4) Особенности ведения бизнеса и ведения переговоров с японскими предпринимателями. Учет национальных особенностей японских партнёров в международных переговорах.
- 5) Влияние японской культуры менеджмента на японские компании в Юго-Восточной Азии.

Все перечисленные вопросы находятся в тесной связи с содержанием первой части программы, и ответы на них непосредственно из неё вытекают. Предлагаемый нами курс «Социокультурные ценности Японии» может быть углублен в любой его части в зависимости от количества часов и профессиональных интересов учащихся.

Таким образом, сочетание языковых занятий, направленных на профессиональную языковую подготовку, и культурологического курса, способствующего пониманию национальной самобытности японцев, даёт возможность подготовить высококвалифицированных специалистов, способных успешно работать в сфере международных экономических отношений.

(Ежегодник «Япония», Ассоциация японоведов, РАН, 2011)

О необходимости культурологических курсов для подготовки экономистов-международников и регионоведов

Профессиональная подготовка специалистов на факультете мировой экономики и мировой политики предполагает, как это определяется программой, формирование у студентов профессионально-коммуникативной компетенции, а именно способности осуществлять общение на иностранном языке в условиях межкультурной профессиональной коммуникации.

В связи с этим при изучении любого иностранного языка крайне важным представляется не только усвоение чисто языковых явлений, но и овладение основами культурологических знаний о народе, язык которого изучают студенты. Умение общаться с людьми других культур, понимание их национальных особенностей, менталитета необходимы для достижения профессионализма. Сказанное касается всех иностранных языков, но может быть в большей степени восточных (японского, китайского и других), в которых преломление действительности в языке, языковая картина мира выглядят иначе, чем в западных языках или в русском языке.

Позвольте кратко рассказать о небольшом опыте построения культурологического курса для студентов факультета мировой экономики и мировой политики, изучающих японский язык. Курс называется «Социокультурные ценности Японии», это факультатив, или курс по выбору. Впервые он читался для первокурсников в 2007—2008 учебном году в течение одного модуля (24 часа аудиторных занятий). В этом учебном году курс читается для студентов второго года обучения и предполагает 44 часа аудиторных занятий в течение трёх модулей. Думается, не очень целесообразно вести этот курс для первокурсников, не имеющих достаточных знаний японского языка.

Понятие «культура» может рассматриваться очень широко и распространяться на самые разнообразные области и проявления жизни народа: образ жизни людей, привычки, обычаи, праздники, манеру держаться, одежду, мораль, способ выражать свои мысли, речевой этикет, жесты, творчество человека, изобразительное ис-

куство и многое другое. Чтобы рассказать обо всем этом, нужно потратить не один год. В большинстве учебных заведений, где преподается японский язык, знакомство с культурой Японии происходит, как правило, параллельно с изучением учебных текстов, когда преподаватель объясняет какие-либо реалии, обычаи, особые выражения японского языка. Хорошо, если учебник содержит культурологические тексты. Часто студенты узнают об элементах культуры японского народа из рассказов преподавателя, связанных с какой-то ситуацией и не сведенных в определенную систему. Учебные планы многих вузов (если это не вуз искусствоведческой или культурологической направленности) не содержат не только серьезных курсов, охватывающих многие области культуры японского народа, но и кратких курсов по японской культуре или страноведению. Не являются исключением и крупные востоковедные вузы, не говоря уже о вузах неязыковых, как, например, ГУ-ВШЭ.

Автору довелось, находясь в Японии, читать в одном из японских университетов курс лекций по русской культуре и сравнительной культуре. Лекции были рассчитаны на 1 семестр (2 часа в неделю). Поражало количество желающих прослушать этот курс. Каждый раз перед началом первой лекции студентам давалось задание кратко написать, как они представляют себе Россию и что они знают о русских. Ответы были анонимными, поэтому достаточно откровенными. Обобщая ответы японских студентов, которые во многом были очень похожими, можно судить об уровне их знаний России и русской культуры: «Большая страна», «Холодно, все носят шапки и длинные пальто», «Русские пьют много алкоголя, т.к. холодно», «Дома деревянные», «Все высокого роста», «Балет, фигурное катание, Чайковский», «Честно говоря, ничего не знаю», «Не знаю, где Россия находится, что это за страна», «Непонятная страна, скрытая за железным занавесом», «Кавказские танцы» и т.д.

Честно говоря, русские студенты знают о Японии больше, чем японцы о России, но все же их знания поверхностны. Отвечая на вопрос «Каковы ваши представления о Японии?», многие давали, например, такие ответы: «Япония — богатая и успешная страна», «Японцы живут богато», «Япония — страна развитой техники», «Японцы любят учиться», «В Японии все ведут спокойно-созерцательный, неторопливый образ жизни», «Японцы замкнуты, холодны, не показывают своего отношения к событиям», «Японцы более эмоциональны», «Играют в бейсбол», «Интересна японская мода». Как мы видим, представления русских студентов о Японии обрывочные, случайные, глубоких знаний и понимания японской культуры они не имеют.

Незнание элементарных вещей о японском видении мира, моделях поведения японцев в различных ситуациях и их отличии от поведения русских до сих пор часто приводит к парадоксальным ситуациям, к затягиванию переговорных процессов между Россией и Японией по разным вопросам. Неправильное поведение во время деловых переговоров с японцами, возникновение недопонимания также являются прямым следствием незнания основ японской культуры. До недавнего времени можно было наблюдать, как российские руководители заключают в объятия японских коллег, похлопывают их по плечу или, того хуже, целуют (Хасимото — Ельцин, Красноярск, 1997 г.) Говоря о себе, японец указывает на нос, русский — на грудь. Видя одну и ту же рыбу в океаническом аквариуме, каких много в Японии, русский говорит, что она очень красивая, а японец — что она вкусная. Русский может есть рис с хлебом, удивляя японца. Русский может просто так надеть черный галстук, а у японца тут же возникнет вопрос «У него кто-то умер?». Японец кланяется, разговаривая по телефону, хотя собеседник его не видит. Японец, преподнося вам подарок, может сказать: «Не беспокойтесь, мне это подарили...» и тем самым шокировать русского. Диктор японского телевидения, улыбаясь, сообщает о количестве погибших в боевых действиях. Кроме этого есть еще множество примеров, когда модели поведения японцев и русских в одинаковых ситуациях не совпадают, названные здесь случаи — лишь внешние проявления культурных различий. Необходимо знать, почему существуют эти различия, что их порождает, что лежит в основе видения мира того или иного народа.

При любой специализации студентов культурологический курс по Японии должен, по нашему мнению, состоять из двух разделов. В первом из них необходимо рассмотреть вопросы, составляющие основу формирования японских культурных традиций. Ведь человек не рождается с той или иной ментальностью, он приобретает её в процессе жизни, находясь в определенном обществе, в определённой среде. Сформировавшуюся в течение веков основу культуры можно определить словами Ю.М. Лотмана как «совокупность ненаследственной информации, которую накаплиют, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества» [2; 56].

В курсе «Социокультурные ценности Японии» студентам предлагаются для рассмотрения следующие вопросы.

1) Японцы глазами русских — изменение взгляда русских на Японию и японцев в исторической ретроспективе. История российско-японских контактов, начиная с XVII века.

2) Географическое положение, климат Японии, особенности её исторического развития, оказавшие большое влияние на характер японской цивилизации и её отношения с внешним миром (так называемые географический и исторический детерминизм).

3) Реципиентный характер японской культуры. Влияние Индии, Китая, европейской и американской культур на японскую культуру. Модернизация Японии в эпоху Мэйдзи. Развитие Японии после II мировой войны. Современная культура Японии (сочетание традиций и нового).

4) Типология японской культуры. Рассмотрение моделей японской культуры в европейско-американской, российской и японской культурологии. Работы японских учёных направления «Нихондзинрон». Стереотипы в общественном сознании японцев.

5) Сопоставление японского и европейского (русского) национального характера, моделей поведения. Интровертность японцев и экстравертность представителей западной культуры. Теория контекстуализма («здесь и сейчас»), применимая к японскому характеру. Ориентация японской культуры на сферу непосредственного опыта.

6) Рассмотрение ключевых понятий японской культуры, необходимых для понимания и объяснения японского национального характера. В качестве примера приведем следующие темы, но их список при желании можно расширить.

УТИ и **СОТО** (двойной подход в межличностных отношениях)
ВА (гармония в отношениях)

ХОННЭ и **ТАТЭМАЭ** (истинные намерения и социально ориентированные мотивы)

ГИРИ (японское чувство долга)

АМАЭ (концепция японской зависимости)

АИМАИ (неопределённость, двусмысленность)

СЭМПАЙ-КОХАЙ (правила старшинства в отношениях)

НЭМАВАСИ («окапывание корней», предварительная подготовка)

Изучение названных тем может быть очень глубоким и продолжительным или, напротив, может быть рассчитано на небольшое количество часов и происходить поверхностно лишь с обозначением той или иной проблемы в расчёте на то, что любознательные студенты самостоятельно могут углубиться в исследование, используя рекомендуемую преподавателем литературу. Всё зависит от количества часов, отведённых на предмет, однако не вызывает сомнения, что после изучения перечисленных выше вопросов программа курса может строиться исходя из специализации студентов. При этом самые разные ситуации и модели поведения японцев

могут быть объяснены с помощью знаний, полученных в первом разделе курса.

Например, в программе для экономистов во втором разделе курса особое внимание уделяется следующим темам.

- 1) Особенности японского менеджмента, его сильные и слабые стороны. Закрытый характер отношений на предприятиях, опирающийся на 3 принципа: систему пожизненного найма, зависимость жалования от стажа работы, внутрифирменные профсоюзы.
- 2) Групповое сознание, скромность и сдержанность, вертикальная иерархия в межличностных отношениях, упорство, трудолюбие, чувство долга. Сопоставление японского стиля руководства с американским и европейским. Изменения, которые претерпевает японский менеджмент на современном этапе.
- 3) Характеристика корпоративной культуры Японии и отражение в ней национальных особенностей.
- 4) Особенности речевого общения на фирме (речевой этикет), формы вежливости в японском языке. Противопоставление «свой» — «чужие».
- 5) Особенности ведения бизнеса и ведения переговоров с японскими предпринимателями. Стремление японцев к гармонии и избеганию конфликтов. Поведение японских партнеров в ситуации, когда необходимо сказать «Нет».
- 6) Различия в ведении дискуссии между европейцами и японцами. Различные модели поведения японцев и европейцев в одинаковых ситуациях, возникающих во время переговоров. Необходимость учитывать разновидности норм общения, существующие у партнеров, принадлежащих к иной культуре.
- 7) Влияние японской культуры менеджмента на японские компании в других странах (в частности, в Юго-Восточной Азии).

Курс, посвященный культурным ценностям Японии, позволяет дать более или менее целостную картину особенностей японского национального характера, показать его истоки и объяснить многие отличительные черты японцев, не всегда понятные европейцам. Студенты должны понять, что не существует «хороших» или «плохих» культур, а существуют другие культуры, отличные от русской, и специалисту-японисту мало знать японский язык, надо знать особенности культуры японского народа. Да и нельзя хорошо владеть японским языком, не обладая базовыми знаниями по японской культуре.

Предлагаемый курс по японской культуре является «открытым» — он может быть углублён в любой его части в зависимости от количества часов, профессиональных интересов учащихся и предпочтений преподавателя и не может претендовать на охват всех сторон и явлений японской культуры. Студентам он помогает лишь сориентироваться в огромном потоке литературы о Японии, представляет собой базу, на которую можно опираться, узнавая всё больше и больше. Читать подобный курс представляет большой интерес для преподавателя, поскольку он даёт простор для творчества. В настоящее время выходит большое количество литературы, связанной с культурологическими проблемами, но строго научных методов изучения этих проблем пока что не разработано [1; 9].

В заключение надо сказать, что студенты, изучающие японский язык на факультете мировой экономики и мировой политики, испытывают огромный интерес к японской культуре и всему, связанному с Японией, и в полном составе посещают наш культурологический курс. Более того, приходят студенты с других курсов, у которых не было таких занятий. Хочется надеяться, что, обладая знаниями о культуре страны и знаниями языка, они станут ценными специалистами.

Литература

- 1) Алтатов В.М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008.
- 2) Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург: «Искусство — СПб», 2002

*(Сб. Актуальные проблемы преподавания
иностраных языков в неязыковых вузах,
Издательский дом Высшей школы экономики,
М., 2012)*

Обучение культуре языкового общения с японцами

Язык любого народа является не только составной частью его культуры, но и отражением тех культурных ценностей, которые этот народ исповедует. Языковое поведение японцев имеет особенности, свойственные только носителям японской культуры и отличающие это поведение от поведения представителей других культур (европейской, американской, русской и т.д.). Различия состоят и в том, ЧТО сказать (или не сказать), и в том, КАК это сказать в одной и той же ситуации. При общении с носителями японской культуры следует принимать во внимание особенности японского менталитета, которые отражаются непосредственно в японском языке, а также в сопровождающих языковое общение невербальных средствах передачи информации, которые вместе с чисто языковыми средствами и составляют суть языкового поведения японцев (言語行動).

При обучении общению на японском языке специалистов любого профиля необходимо учить студентов не только языку как таковому (т.е. фонетике, письменности, лексике, грамматике и т.п.), но и тому, как ведут себя носители японской культуры, общаясь как между собой, так и с иностранцами. Не случайно Японская организация содействия внешней торговле JETRO выпускает специальные брошюры, посвященные искусству делового общения с японскими партнерами, а на международных японско-российских научных конференциях отмечается, какую важную роль играет знание национальной психологии и культуры партнёра для решения многих проблем и для успехов переговорного процесса, где не может быть применен европейский шаблон (см., например, материалы конференции «Япония в АТР», Москва, декабрь 2009 г., доклад В.В. Кожевникова).

Нет сомнения, что на занятиях по различным аспектам японского языка в большинстве вузов в той или иной степени затрагиваются вопросы языкового поведения, но для глубоких знаний о японской культуре этого, как правило, не достаточно. Необходим специальный курс, который знакомил бы студентов с основа-

ми японской культуры. Один из вариантов построения программы такого курса был представлен нами в докладе на XX международной конференции преподавателей японского языка России и стран СНГ. [4] Культурологический курс может быть рассчитан на разное количество аудиторных часов в зависимости от программы учебного заведения. У нас был опыт преподавания этого курса в течение 24, 36 и 52 аудиторных часов в двух вузах — Высшей школе экономики на факультете мировой экономики и мировой политики и МГПУ.

При любой специализации студентов первая часть культурологического курса должна быть посвящена вопросам, составляющим основу формирования японских культурных традиций. Проблемы, связанные со специализацией студентов, а также проблемы особенностей языкового общения и языкового поведения японцев следует рассматривать после изучения понятий, являющихся ключевыми при анализе японской культуры.

Таким образом, когда в программе курса мы переходим к вопросам культуры языкового общения и языковому поведению носителей японской культуры, студенты из первой части курса уже знакомы с такими основополагающими концепциями, как *сю:данъисики* 集団意識 («групповое сознание»), *ути / сото* 内 / 外 («свой — чужой»), «двойной подход в межличностных отношениях»), *татэмаэ / хоннэ* 建前 / 本音 («общие принципы» и «истинные намерения»), *аимайса* 曖昧さ («неопределённость»), *амаэ* 甘え («концепция японской зависимости»), *гири, он* 義理, 恩 («чувство долга»), *сэмнай / ко:хай* 先輩 / 後輩 («старший — младший» в отношениях японцев), *тиммоку* 沈黙 («молчание»), *харагэй* 腹芸 («общение без слов») и т.д. Студенты также должны знать, что важнейшим фактором жизни японцев, объясняющим почти все нюансы их поведения, является концепция гармонии *ва* 和, являющаяся основой взаимоотношений людей в японском обществе.

Нашей задачей является показать, как эти концепции, сформировавшиеся на протяжении веков и живущие в японском социуме до сих пор, отражаются в языковом поведении японцев. Следует сразу оговориться, что обучение культуре языкового общения не ставит целью заставить студентов перенять японскую культуру общения или научить их подражать поведению японских партнёров. Русские, которые стараются вести себя, во всём подражая японцам, выглядят, на наш взгляд, странно, если не смешно. Наша задача — научить студентов правильно понимать поведение представителей японской культуры, проявлять сдержанность и такт в тех случаях, когда манера поведения русских резко отличается от поведения

японцев. Необходимо понимать, что во всякой культуре есть (с точки зрения людей других культур) и положительные, и отрицательные моменты, причем, как правило, одно и то же явление можно оценивать по-разному — как со знаком плюс, так и со знаком минус. Иностранец, понимающий нюансы поведения носителей японской культуры, сможет быстрее достичь взаимопонимания со своими японскими коллегами.

Рассмотрим основные моменты языкового поведения японцев, на которые следует обратить внимание будущих специалистов, чтобы они смогли преодолеть трудности межкультурного общения с японскими партнерами.

1. Пассивность языкового поведения

Особенностью языкового поведения японцев является пассивность. Японцы — не разговаривающая нация (「語らぬ民族」、「もの言わぬ日本人」). [11, с. 7—11] Если американцы и европейцы рассматривают собеседника как объект своего языкового воздействия и их задача — в чем-то убедить собеседника, то японцы к собеседнику относятся иначе. Они хотят оценить ситуацию, в которой они находятся, понять, как собеседник к ним относится, что он собой представляет, чтобы определить свою линию поведения. Даже в разговорах со знакомыми мы часто ощущаем, что им трудно инициировать беседу, часто наступает пауза, и они охотно поддерживают новую тему разговора, если её предлагаете вы, а затем, через некоторое время снова замолкают. Возникает напряжение.

В компании с очень близкими друзьями японцы разговаривают охотно, но особенно напряженно чувствуют себя с иностранцами, незнакомыми и малознакомыми людьми, чувствуют себя одиноко на конференциях и т.п. — в отличие от русских, способных на самый задушевный разговор с совсем незнакомым человеком.

Неумение говорить — это не минус с точки зрения японца. Обычное извинение, которое принимается всеми и извиняет отсутствие красноречия — 私は口不調方でございまして... («Я не умею хорошо говорить...»). Активное языковое поведение не считается похвальным, оно является отрицательной характеристикой человека. Болтливость, излишняя разговорчивость осуждаются в японской культуре, что подтверждается множеством поговорок и пословиц на эту тему. Приведём некоторые из них.

言葉余って心足らず、心余って言葉たらず。 («Много слов — мало души, много души — мало слов».)

口は閉じておけ、目は開けておけ。(«Держи рот закрытым, а глаза открытыми».)

口自慢の仕事下手。(«Кто много болтает, не умеет работать».)

口と財布は閉めるが得。(«Рот и кошелёк лучше держать закрытыми».)

口は災いのもと。(«Язык — причина всех бед».)

舌は災いの根。(«Язык — корень зла»)

口が動けば手が止む。(«Язык работает — руки бездействуют».)

言わぬが花。(«Молчание — цветок».)

沈黙は金雄弁は銀。(«Слово — серебро, молчание — золото».)

しゃべる者は半人足 («Болтливый человек работает в полсилы».)

2. Недосказанность, умолчание, молчание Сохранение гармонии

В японской культуре общения большую роль играет недосказанность, умолчание каких-то фактов или просто молчание как способ передачи информации невербальным способом. Являясь сравнительно однородной нацией, долгое время жившей в полной изоляции, японцы научились понимать друг друга с полуслова, не договаривая многого, о многом умалчивая. При этом они опираются на понятный окружающим контекст. Недаром японскую культуру называют контекстуально зависимой, поведение японцев ориентировано на сферу непосредственного опыта, на контекстуальное восприятие мира. Языковому поведению японцев не свойственна определенность, прямое выражение мыслей и прямой логический анализ, а также всякого рода прямая конфронтация. Косвенный, уклончивый ответ, неумение сказать «нет», сохранение во что бы то ни стало гармонии в отношениях — всё это характеристики японского типа языкового поведения. Японское «Да» часто не означает согласия, это, скорее всего, «Я понимаю, о чём вы говорите».

Недосказанность и молчание считаются добродетелями в японской культуре. Истина не может быть выражена словами — одна из идей, пришедших из дзэн-буддизма: 話し半分 («Истина за рамками разговора»), 一を聞いて十を知る («Услышав одно слово, поймешь остальные»).

Немногословность и пассивность языкового поведения японцев тесно связаны и с групповым сознанием. Человек принадлежит к группе, а не является индивидуальностью, как в европейской культуре. Нельзя высказывать своё мнение, пока неизвестно мнение всей группы. Нельзя открыто демонстрировать свои способности или хвалить что-то своё. Всем знакомы выражения つまらない者ですが… («Это сущий пустяк» — при вручении подарка), 何もございませんが…

(«Ничего особенного нет» — при угощении), *いただき物ですが...* («Мне это подарили, не беспокойтесь».) и т.п. Существуют и пословицы на эту тему. *出る杭は打たれる* («Выступающий гвоздь забивают»), *高木は風に折らる* («Высокое дерево ломается на ветру») и другие.

Лучше промолчать, чем нарушить своими словами покой и гармонию, привести к недопониманию или конфликту с окружающими. Эта идея — важнейшая составляющая в сознании японцев при общении, им трудно говорить что-то неприятное, оскорбительное, они думают о том, что и как сказать, чтобы не обидеть собеседника. Как у эскимосов есть множество слов, передающих понятие «снег», так в японском языке очень много слов, передающих тончайшие движения души, например, *思いやり* («сочувствие», «чуткость»), *いたわり* («беспокойство», «сочувствие»), *哀れみ* («сострадание», «сочувствие»), *恩恵* («внимание», «благодетель»). Впрочем, перевод этих слов может быть и другим в зависимости от контекста.

Думая о собеседнике, японцы часто пользуются контактоподдерживающими словами *айдзутти* : *なるほど、ごもっとも、そうですね、そうでしょうとも* и другими, без которых практически невозможно устное диалогическое общение на японском языке.

Стремление к гармонии находит выражение во многих оборотах японской речи. Даже на простой вопрос *行きませんか*. («Ты не пойдёшь?») японец отвечает *はい、行きません*. («Да, не пойду».) вместо *いいえ、行きません*. («Нет, не пойду».), как принято в европейских языках, потому что спрашивающий предполагает, что вы не пойдёте куда-то и вежливым будет с ним согласиться. Справедливости ради следует сказать, что в современном японском языке в отличие от того, чему учат учебники, японцы могут отвечать и по-европейски «Нет, не пойду».

Приведем еще один пример из сериала NHK «Хонмамон». В одном из храмов Киото девочку учат тому, как готовить тофу и принимать гостей. Гостю, сказавшему «Завтра, наверное, будет дождь», она отвечает: «Да, по прогнозу завтра, говорят, дождь». Хозяйка сердится: «Так нельзя. Это неприятно гостю, ему не нравится мысль о дожде, у него портится аппетит. Надо сказать: «Как хорошо, если бы не было дождя». Девочка просит прощения». Никакого рода конфронтация при общении нежелательна.

3. Неясность, двусмысленность, неопределенность

Наряду с (у)молчанием, недосказанностью мысли японскую культуру языкового поведения характеризует неопределённость, неясность, двусмысленность, расплывчатость при выражении мысли,

называемые по-японски *аимайса* 曖昧さ. В японском языке существует множество выражений для того, чтобы избегать четких и ясных формулировок в высказываниях. В изобилии встречаются некатегорические формы (でしょう、であろう), двойные отрицания (行かないのではないでしょうか), концовки с отрицательными компонентами «Не так ли это?» (のではないか、のではあるまいか), формы страдательного залога.

Японцам не нравится манера европейцев прямолинейно выражать свои мысли, неопределенность речи они считают добродетелью и, можно сказать, достигли совершенства в искусстве смягчения любого высказывания. Японцы не могут сказать «Нет» (по крайней мере, это им очень трудно сделать), а их «Да» часто не означает, что они с вами соглашаются. Американский исследователь японской культуры Г. Пассин в своей книге «Японский язык и японцы» приводит названия следующих статей и книг: «Не верьте японскому да», «Способы сказать *нет* по-японски», «Как обойтись без слова *нет* в японском языке», «Улыбка японца не означает да», «Японское *уез* нельзя понимать как согласие». [12, с.66—67] Концепция гармонии *ва* (和), как мы говорили выше, является важнейшим фактором, влияющим на способ общения японцев и помогающим поддерживать взаимоотношения с людьми, в том числе и с помощью двусмысленных, нечётких выражений *аимайна хё:гэн* (曖昧な表現). Вместо «Нет» японец может, например, сказать:

さあ、あまり良いとは思わない。(«Ну, не думаю, что это хорошо...»)

それはそうでしょうけれども…(«Может быть, это и так, но...»)

難しいなあ…(«Да, сложно...»)

ご遠慮ください…(«Подождите / Воздержитесь пока...»)

さあ、どうでしょうか…(«Ну, не знаю...»)

ちょっと考えさせてください。(«Дайте немного подумать».)

考えておきます。(«Я подумаю».)

みんなに相談しまして…(«Я посоветуюсь с остальными...»)

«В крайнем случае, если не находится подходящего выражения, японский партнер может даже солгать или ввести вас в заблуждение, сказав: «Я подумал, что это можно сделать, передал об этом своему начальству, но вот как оно решит...». Это будет означать, что не начальство против, а он сам». [12, с.71]

«Для японца в человеческих отношениях есть вещи гораздо более важные, чем высказать своё мнение. Это — сохранить гармонию в коллективе, не ранить чувства собеседника, сохранить своё лицо, до конца понять, насколько намерения и дружеское отношение партнера являются искренними и т.п.» [12, с.70] Такое поведение связано также с концепцией *амаэ* (甘え) «зависимостью от расположения и благожелательности других людей».

Иностранные бизнесмены и вообще иностранцы, принадлежащие к другим культурам, в которых ценятся прямота и откровенность, часто жалуются на то, что не понимают образ мышления японцев, и часто попадают в затруднительные положения.

4. Иерархия и возрастные различия

Строгая иерархия, существовавшая с давних пор в японском обществе, была причиной появления сложной системы вежливости в японском языке. Старая система вежливости в современном японском языке частично разрушена, но до сих пор межличностные отношения японцев отличаются от отношений людей в европейской культуре жесткой вертикальной иерархией, в которой закреплено приоритетное положение старших. Японцы придают чрезвычайно большое значение вертикальной субординации и отношениям «сэмпай» — «кохай» в повседневной жизни — в компаниях, школах, спортивных коллективах и т.д. До сих пор каждый японец употребляет сложные формы вежливости, которые выражаются как в специальных грамматических формах, так и в лексике. При выборе необходимой языковой формы большое значение имеют противопоставления «свой» — «чужой» и «высший» — «равный» — «низший», которые могут меняться в зависимости от ситуации и накладываться друг на друга. Подробно формы вежливости в японском языке, употребляемые в той или иной ситуации описаны в работах В.М. Алпатова [1, 2], которые и следует использовать, объясняя студентам своеобразие форм вежливости в японском языке.

Изучение форм вежливости происходит обычно на занятиях по общему курсу японского языка, а также в курсе «Деловой японский язык». Однако, говоря об особенностях японской культуры, следует еще раз проанализировать факторы, сформировавшие японскую систему вежливости. Исследователи японской культуры указывают на конфуцианство, традиционную семейную систему и старый гражданский кодекс. [3, с.235] Необходимо вновь показать студентам на конкретных примерах в разных ситуациях, как используют систему вежливости носители японского языка в своём языковом поведении. В нашем курсе «Социокультурные ценности Японии» мы возвращаемся к урокам учебника делового японского языка, посвященным общению по телефону. На примере телефонных разговоров легко показать, как меняется язык общения в зависимости от того, с кем разговаривает человек — со «своим» или «чужим», как он говорит с «чужим» о ком-то «своем», даже начальнике, не употребляя вежливых форм и т.д. Возможно использование любых других материалов по усмотрению преподавателя.

Ещё раз отметим, что языковое поведение со «своими» (*миути* 身内、*накама* 仲間) и «чужими» (*сото-но хито* 外の人、*ёсо-но хито* 他所の人) в японской культуре совершенно различно. Японцы пользуются «языком для своих» и «языком для чужих». [2, с. 79—89] Для японца приятное общение, общение без напряжения возможно только со «своими» (семья, компания, школа, спортивная команда и т.д.). Очень близкие отношения характеризуются общением, о котором по-японски говорят: *水入らず語り合う* («Сердечный разговор»), *余人をまじえぬ話し合い* («Разговор без посторонних»), *話に花が咲く* («Приятный, душевный разговор», букв. «Во время разговора цветут цветы».)

В присутствии «чужих» языковое поведение японцев резко меняется, становится пассивным и четко проявляется противопоставление «*татэмаэ* — *хоннэ*». При общении с «чужими» японцы скрывают свои истинные чувства и личные суждения (*хоннэ*) и говорят то, что положено говорить в соответствующей ситуации (*татэмаэ*). Поведение «на людях», особенно в присутствии иностранцев, требует церемониальности, формальных фраз и т.п. По свидетельству многих опрошенных нами коллег японских университетов, они всегда чувствуют себя напряженно в присутствии иностранцев. В официальных ситуациях вы всегда услышите множество *кимари-монку* (極まり文句) — стереотипных, формальных фраз, принятых в той или иной официальной ситуации.

Помимо названных черт языкового поведения японцев следует также обратить внимание студентов на особенности невербального общения в японской культуре. Невербальное общение неотделимо от языкового общения, сопровождает и иногда даже заменяет его, и незнание особенностей невербального общения японцев может приводить к недопониманию. Назовём основные средства невербального общения, которые имеют особое значение при общении с японцами.

- **Приветствия.** (Поклон как выражение социальных отношений. Разного рода поклоны, в зависимости от партнера, с которым японец имеет дело. Рукопожатия не являются общепринятыми.)
- **Улыбка.** (Различные типы «загадочной японской улыбки» — выражение сдержанности, способ скрывать свои эмоции, способ соблюсти приличия и т.п.)
- **Смех.** (Типы смеха — от шумного и искреннего до подавленного, искусственного, «дипломатического» смеха *айсо:варай* (愛想笑い), выражающего смятение, затруднение, нежелание дать прямой ответ.)

- **Взгляд.** (В японской культуре в отличие от русской культуры не принято пристально смотреть на собеседника во время разговора. Это не считается вежливым.)
- **Мимика, жесты.** (Японцев, в целом, характеризует сдержанность, скупость мимики и жестов. В отличие от русской культуры в японской культуре общения почти нет энергичных жестов негативных эмоций.)
- **Молчание.** (Может свидетельствовать об отрицательной реакции на слова собеседника, может иметь и другие значения — обдумывания ответа, частичное несогласие, чувство дискомфорта и т.п.)
- **Втягивание воздуха сквозь зубы.** (Может означать частичное несогласие с собеседником или «Я не могу сказать да».)
- **Айзуги.** (Контактоподдерживающие слова, имеющие невербальное сопровождение. Так называемое «поддакивание» собеседнику, не означающее «Я с вами согласен», а скорее имеющее значение «Я вас слышу», «Я понимаю, о чем вы говорите».)

Мы не рассматриваем более детально невербальные средства общения в языковом поведении японцев, поскольку все они достаточно подробно представлены в работах В.А. Пронникова [6, 7], П.С. Тумаркина [8] и других исследователей. Невербальные средства общения в японской культуре, как и вербальные, в конечном счете направлены на избежание конфронтации и сохранение гармонии, которое имеет огромное значение для японцев. Иностранцам, изучающим японский язык, необходимо понимать нюансы языкового поведения в японской культуре, поскольку незнание этих нюансов часто приводит к непониманию и проблемам.

Мы рассмотрели основные, но далеко не все особенности языкового поведения японцев, в которых проявляются основополагающие черты менталитета народа, сложившиеся на протяжении многих веков. Как бы ни изменились внешне быт и условия жизни японцев после войны, в повседневном общении японцев, в стиле человеческих отношений не изменилось практически ничего. [10, с. 21] Закончим фразой из книги американской журналистки Карин Мюллер, являющейся, конечно, преувеличением, но содержащей большую долю истины: «Суть японского языка вовсе не в общении, а в сохранении гармонии». [5, с.83]

Список использованной литературы

1. Аллатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке. — М., «Наука», 1973.
2. Аллатов В.М. Япония. Язык и культура. М., «Языки славянских культур». 2008.
3. Дэвис Р.Дж., Икэно О. Япония. Как её понять. Очерки современной японской культуры. АСТ, 2006.
4. Корчагина Т.И. Курс «Социокультурные ценности Японии» для студентов, изучающих японский язык в вузах разной направленности. — Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания, выпуск 2. «Спутник», М., 2009.
5. Мюллер К. Всегда сопротивляйся, никогда не подчиняйся. М., «Рипол классик», 2008.
6. Пронников В.А. Язык мимики и жестов японцев. — В сб.: Япония, ежегодник, РАН, 2004—2005.
7. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. Глава IV. М., «Наука», 1983.
8. Тумаркин П.С. Жесты и мимика в общении японцев. М., «Русский язык», 2001.
9. Аанада Ё., Котовадза сякай синригаку. «Нингэн-но кагакуся», 1996.
10. Наканэ Т., Татэсякай-но нингэн канкэй. «Коданся гэндай синсё», 2008.
11. Хага Я., Нихонго-но сякай синри. «Нингэн-но кагакуся», 1998.
12. Passin H., Japanese and the Japanese. “The Simul Press”, Tokyo, Japan, 1980

(сб. Японский язык в вузе:
актуальные проблемы преподавания,
вып. 7, М., ИД «Ключ-С», 2012)

マコヴィツキーの目で見えたソフィア・アンドレ エヴナ・トルスタヤ タチアーナ・コルチャギナ (Т.И. Корчагина. С.А. Толстая в дневниках Д.П. Маковицкого)

L. トルストイの晩年について、数多くの回想記、日記などが存在している。それらを書いた人は、それぞれの立場から、トルストイの家族のドラマ、トルストイの妻ソフィア・アンドレエヴナのことを書いた。周知の通りであるが、ソフィア・アンドレエヴナに関しては、一致した考えがないと言うべきである。トルストイと親しい人でさえ、ヤスナヤ・ポリャーナの悲劇について、ソフィア・アンドレエヴナに対して悪意のある態度で、偏見をもって、先入観に満ちた日記を残した。そのような人の中に、トルストイ主義者のチェルトコフ、ピアニストのゴリデンヴェイゼル、タイピストのフェオクリトワなどがいた。(1、I, p. 53-54; 3, p. 415) 彼らの回想記について、トルストイの娘タチアナが言う言葉によると、「全部正しく書いてあるようだが、事実はすべて偏見的に選ばれている。。それは真実でない真実である。」(2, p. 53)

1904年12月からトルストイが亡くなるまでの6年間、家庭医としてトルストイの家に住んでいたD.P.マコヴィツキーは、その日記に、トルストイの妻ソフィア・アンドレエヴナについて、どのように書いているか、彼女をどのように評価しているかということを、この論文にまとめてみた。(マコヴィツキー日記の特徴については、8、pp. 13-16を参照)。

1904年の終わりにトルストイの家庭の中は、問題がないわけではなかった。良く知られているように、1880年代のトルストイの深刻な精神的な危機の後、全ての屋敷の運営、家族の問題、農民との関係、家事などを全部ソフィア夫人が背負っていた。

マコヴィツキー日記を読みながら、私たちはトルストイ家の雰囲気を少しずつ理解するようになり、家族の一員であるかのように、毎日その生活を見守ることができる。マコヴィツキーは、何の偏見も持たないで客観的に全てのことについて書いている。ソフィア夫人も勿論、モスクワへ出かける以外は、毎日のように日記に登場している。最初は、直接に彼女に関係ある記録は、割合に少ない。食事の時にだれがいたかという記録だけである。ソフィア夫人に関する最初の記録の中には、次のものがある。

「ソフィア・アンドレエヴナは私に話した。彼女の父親は宮廷の医者で、母親はツアー市の出身である。8人の子供がいて、皆とても実践的な教育を受けた。18歳のこのような娘と、トルストイが結婚した。彼女

がヤースナヤ・ポリャーナに來た時は、ここに何もなくて、全部最初から始めなければならなかった。」（1、I、p. 112）

「もし私は何かのことを勉強すれば、上達したでしょう。けれども時間がなかった。17歳で大学に入って、1年で教師の免許を取りました。18歳で結婚して、間もなく9ヶ月と6日経ってから子供を産みました。その後は、子供に乳を飲ませたり、又妊娠したり、レフ・ニコラエヴィッチの書いた原稿を書き写したりする生活の繰り返しでした。」（1、I、pp. 299-300）

ソフィア夫人の若い時についての記録を、もう一つ挙げる。「朝食の時にソフィア・アンドレーヴナは、9人の子供を育てたことを思い出していた。息子イリュシャにとって文法が難しかったから、ソフィア・アンドレーヴナは3冊の教科書を読んで、自分で覚えやすいのを作った。」（1、II、p. 357）

マコヴィツキーがソフィア夫人に会った時に、彼女はもうすでに多くのことを耐えてきていた。一番下の息子ヴァーネチカが亡くなったことについて彼女はマコヴィツキーに話している。「ヴァーネチカが亡くなってから私は半分死んでいる。」と言っている。（1、I、p. 112）

ソフィア・アンドレーヴナは、マコヴィツキーに1880年代の、家族にとって辛い時期について話していた。その時に、上の子供が大学で学べるために、レフ・ニコラエヴィッチはモスクワで家を買って、それを建て直し、家族はモスクワへ引っ越した。ソフィア夫人の言葉によると、トルストイはいつも理想的な父親であったわけではない。「下の子供たち（アンドレイ、ミハイル）の教育に留意しなくて、家族を無視して、荒れるに任せる時代があった。父親ではなく、作家であった。全ての財産を貧しい人に上げたかった時、ソフィア・アンドレーヴナは心配になって、皇帝に、家族を守り主人が財産を妻と子供たちに返すようにと訴えるつもりであった。80年代のトルストイに精神的な転機があった時、彼女も家族も辛かった。」（1、III、p. 198）

母親としてのソフィア夫人の心配ごとは、子供が大きくなってもたくさん残っていた。日露戦争から帰ったアンドレイがお母さんの励ましの言葉を求めている記録（1、I、pp. 131-132）、息子セルゲイがトランプをして、負けて借金が沢山残った記録がある。（1、I、p. 298）更にセルゲイについては、次のような記録がある。「セルゲイ・リヴォヴィッチは四万ルーブル負けて、屋敷はセリにかけられようとした。六千を母に頼んだが、母は一千ルーブルしか彼に与えなかった。」（1、I、p. 461）息子アンドレイの離婚と再婚についても、悩みが一杯あった。（1、I、pp. 580-583）

マコヴィツキー日記には、トルストイ夫妻の抱えた問題が多く記され、それは次第に深刻化していく。

「農民は屋敷の庭でまきを盗んだり、森の木を切ったりする。ソフィア・アンドレーヴナは、昼食でロシアの野蛮的な農民を怒った話をした。コサック達を呼ぶと言った。『殺されてもどうでもいい。私は男のような仕事をするから、男のように決断力をもって行動する。女性であるの

に、本の出版、家事、息子たちのためのヤスナヤ・ポリャーナの運営、レフ・ニコラエヴィッチと皆の世話を担っている。誰も助けてくれない。息子たちは、何もしないで、無駄な生活をしている。』」というソフィア夫人の言葉の記録がある。(1、I、p. 460—461)

農民が借り賃を払わないとか、馬たちを盗んだ事件とか、カシの木を盗んだ農民が刑務所に入れられた事件などのような話の記録が沢山ある。

(1、II、pp. 492, 499, 501, 526; 1、III、pp. 138, 153, 208)

農民は、土地の持ち主はソフィア夫人と子供たちではなく、トルストイ自身であると考えていたから、トルストイにとってこのような農民との不和は、大変辛かった。(1、III、p. 138)

ソフィア夫人は、以上に述べた記録の引用で、自分の義務について話したが、そのほかに彼女がすることは沢山あった。彼女はヤスナヤ・ポリャーナの本、蔵書を理想的に整理している。「とても速くきちんと働いている。ヤスナヤ・ポリャーナの蔵書が全部揃っているのは、彼女のおかげだ。」(1、I、p. 438)「昨日と今日ソフィア・アンドレエヴナは2—3ヶ月で届いた本をカタログに入れて、本棚に並べた。」(1、III、p. 206)

ソフィア夫人はモスクワへ行ったり来たりして、トルストイとモスクワの図書館の間に連絡員としての役を演じている。一つだけ日記の記録を引用する。「ソフィア・アンドレエヴナはモスクワへ行く。レフ・ニコラエヴィッチ、は彼女に40冊の本と雑誌を預けて、図書館へ返すようにと頼んだ。」(1、II、p. 55)

レフ・ニコラエヴィッチの世話をして、心を砕いている。彼が遠くの散歩へ行く時にも、病気になった時にも、大変心配で、モスクワへ行く場合は、マコヴィツキーに主人についての面倒を任せて頼んでいる。(1、II、pp. 346, 347; II、p. 138など)

彼女は、主人の作品を書き写したり、手紙を書いたりなどを手伝って、秘書の仕事をしていることは、若い時と変わりはない。(1、III、pp. 297, 305; IV、p. 74)

音楽に才能があって、一人であるいは主人と連弾でピアノを弾いている記録がある。(1、II、pp. 25, 275, 572; III、p. 67)音楽以外に、作家としての才能があって、自分の「人生史」を書いて、お客さんに読んでいる。「私も聞いていた。生き生きとして面白い。筋があって、なかなか読むことを止められない。」とマコヴィツキーが書いた。(1、II、p. 397)ソフィア夫人は、写真を撮って、その現像もプリントも自分でしている。その写真を見ながら、トルストイは「これは本当に思い出の世界だ。」と言った。(1、I、p. 372)

フィア夫人は、絵も書いている。ロシアの画家レーピンの絵のコピーを書いた時、トルストイに誉められた。(1、II、p. 581)貧しい人のためにシャツを縫ったり、カーディガンを編んでいる。(1、II、pp. 372—373)

マコヴィツキー日記を読みながら、ヤースナヤ・ポリャーナの生活の流れは、1909年の後半まで割合に同じ調子であると私たちは感じている。勿論以上に書いたような、農民との厄介なこと、屋敷の運営問題がある。同時に、嬉しいこともあって（孫のターニェチカの誕生—1905年11月）、悲しいこともあって（娘マリアが亡くなる—1906年11月）；ソフィア・アンドレエヴナは大手術を受けた（1906年9月）という記録がある。妻の手術の後、トルストイは、彼女のことをとても心配している。彼女のために、慣れている生活をすてて一緒に南の方へ行く覚悟があると話している。（1、II、p. 247）

最初から更正に事実だけ、トルストイと他の人の言葉をそのまま記録しているマコヴィツキーは、1906年7月に初めて、ソフィア・アンドレエヴナを評価する記録を書いて、自分の意見を述べている。「午後四時にレフ・ニコラエヴィッチ、アレクサンドラ・リヴォヴナ、チェルトコフと私は、ピログヴォへ2—3日間出かけた。。。夜は同じ意見を持つ人々の楽しい話。全く反対の考えを持つ、トルストイが話している時にその話の中で反対の意見を入れるソフィア・アンドレエヴナがいないから、誰にも邪魔されていない話。ソフィア・アンドレエヴナは、時々レフ・ニコラエヴィッチが側にいても、彼のことに付いて本当でないことを言ったりとか、自分の考えをトルストイの考えであるかのように言ったりすることがある。L.N.自身が反対しないから、別の人がそれを聞いていて、聞いたことを、トルストイの意見であるかのように広げる。後でトルストイに親しい人がそれを覆す必要がある。」（1、II、p. 200）その夜、トルストイが部屋を出たら、チェルトコフは言った。「レフ・ニコラエヴィッチは、ソフィア・アンドレエヴナと結婚した時と今の時は、人生に対する考え方は全然違う。ソフィア・アンドレエヴナは、昔のままだ。」（1、II、p. 200）

トルストイ夫妻の間にあった、農民、土地、家族の財産についての不一致の他に、1909—1910年には、著作権についての問題が激しくなった。特にチェルトコフが預かったトルストイの原稿にかんしては、ソフィア夫人は主人が亡くなってから、子供と25人の孫は金が必要であったから、家族が所有することを要求していた。（1、III、pp. 264—265）

トルストイ主義者で、トルストイの親友であったチェルトコフについては、マコヴィツキー日記に沢山の記述があって、別の論文が必要だが、彼はソフィア夫人についての理解に欠かせない人物だから、少しだけマコヴィツキーによるその人の評価を引用する。「私、ドゥシャン・ペトロヴィッチは、チェルトコフの、レフ・ニコラエヴィッチに対する暴虐的な影響を見ることが出来る。。。レフ・ニコラエヴィッチの論文をどこに送ればいいか、彼が決めて、トルストイについて革命家としてのイメージを作りたがっている。」（1、III、p. 437—438）チェルトコフの無作法な行為を、トルストイの親友シミット夫人も語っている。（1、IV、p. 159）

娘アレクサンドラは、チェルトコフにテリャチンキの土地を売ったことを残念がっている。無作法で暴虐的であるチェルトコフは、勝手にレ

フ・ニコラエヴィッチの原稿を借りている。ゴリデンヴェイゼルも同じことをしている。。。レフ・ニコラエヴィッチは、そのことを好きでないが、断ることは出来ない。(1、III、p. 24)

チェルトコフがヤスナヤ・ポリャーナの近くにあるテリャチンキに家建てて住むようになってからこそ、トルストイの著作権問題についての争いが激しくなって、トルストイの家出に導く。

1909年までマコヴィツキーはソフィア夫人について1回だけ自分の意見を述べたのに対して、1909年の半ばから、彼による彼女の否定的な評価は、何回か出てくる。5-6月だけの記録を挙げよう。

5月13日 「ソフィア・アンドレエヴナは、今日憎しみに溢れている、悪意に満ちて、レフ・ニコラエヴィッチを咎めている。その理由は、彼の机に女性について馬鹿なことが書いてある彼の中篇小説を見つけたことだ。」(1、III、p. 411)

6月12日 (マコヴィツキーは自分について書いている)「ソフィア・アンドレエヴナに対して暴言を吐くことがあって、いやな感情を抱くことがあるのを告白する。レフ・ニコラエヴィッチは全ての人に寛容で、気を配ることが出来る。自分のことだけに気を配らない。私もそのようにしなければならない。」(1、III、p. 438)

6月30日 (トルストイが娘タチアナの屋敷コチェティにいる時の記録)

「レフ・ニコラエヴィッチはとても楽しそうに暮らしている。。。一番大事なそのことの理由は、ここにソフィア・アンドレエヴナがいないこと、彼女の嘘っぽい無作法な話がないから、彼の心が休まるのだ。」(1、III、pp. 455-456)レフ・ニコラエヴィッチを手紙、電報で帰るように呼び出している。「やきもちを焼いているとトルストイが言った。」(1、III、p. 456)

7月14日 紛争が続いている。「ソフィア・アンドレエヴナは、全ての手段を使ってレフ・ニコラエヴィッチに著作権をもらいたい。」(1、IV、p. 15)

トルストイがコチェティから帰った時、ソフィア・アンドレエヴナは病気であった。マコヴィツキーは7月18日に次のような記録を書いている。「ソフィア・アンドレエヴナは心臓病で悩んで、脈が弱い。。。病気で、一番大変なのは精神病であること、落ち着いていない。。。レフ・ニコラエヴィッチを呼んで待っていた。。。息子たちの厄介なことがあって、リョーワはうるさくてアンドレイは借金を返す金を頼んだ。同じ日に弟が精神病にかかったという知らせが来た。農民とのいざこざ、著作権をもらえないこと、レフ・ニコラエヴィッチが帰らないこと…が彼女にとって大変なことだった。神経痛、筋炎、熱がある。」(1、IV、p. 17)

1909年7月から9月までの3ヶ月間、ソフィア・アンドレエヴナの状態は辛かったけれども、マコヴィツキー日記によると、10月から1910年の1月までは、トルストイ家族で割合に落ち着いた生活が続いていた。その時のいくつかの記録を挙げる。

9月14日 「今のトルストイ家族の生活の特徴というのは、落ち着いていることだ。レフ・ニコラエヴィッチは、いつもと違って落ち着いていて、実り豊かに働いている。お客さんも少ない。ソフィア・アンドレヴナも落ち着いた状態で、家事、屋敷の運営の仕事、出版社、政治・社会のこと、チェルトコフ、ゲーセフの追放、色んな論争等々のことでいらしない。」（1、IV、p. 77）「10：45に部屋に入ったら、レフ・ニコラエヴィッチとソフィア・アンドレヴナは、連弾でピアノを弾いているところだった。」（1、IV、p. 77）

11月24日 「朝モスクワからソフィア・アンドレヴナが帰った。農民の孤児のために孤児院を見つけた。」（1、IV、p. 113）

12月4日 ソフィア・アンドレヴナは、トルストイが誉めていた彼の肖像写真を撮った。「この写真はすばらしいと彼は言った」。（1、IV、p. 124）

12月7日 レフ・ニコラエヴィッチは病気だ。「幸いなことにソフィア・アンドレヴナは、普段より落ち着いていて、いつもと違って、レフ・ニコラエヴィッチに食事をとること、ワインなどを飲むことをさせなかった、オヴシャンニコヴォまで遠くの旅行に行ったことで咎めていなかった。」（1、IV、p. 126）

ちなみに言うが、その時にチェルトコフはトゥーラ州から追放されていた。

1910年1月の終わりに、ソフィア・アンドレヴナの状態は又悪化した。

1月23日 「ソフィア・アンドレヴナは、大変いらいらして、くたびれて、色んな神経痛があり、不満を感じていて、ヤスナヤ・ポリャーナでの生活に満足していない。自分も落ち着いていないし、レフ・ニコラエヴィッチも心配させて、娘アレクサンドラと喧嘩している。」（1、IV、p. 162）

1月29日 「ソフィア・アンドレヴナは5日間モスクワへ行った。家の人々は皆自由に感じて、落ち着いた雰囲気になった。」（1、IV、p. 166）

3月1日ソフィア・アンドレヴナは、病気になって、「痛みを我慢しなくて、溜息をついていた。レフ・ニコラエヴィッチは彼女にとっても気を配って、心配していた。」（1、IV、p. 188）

5月2日トルストイは、娘タチアナの屋敷コチェティへ数日間遊びに行った。トゥーラ州から追放されたチェルトコフも、そこにトルストイに会いに行く約束があった。トルストイがコチェティへ行く途中言った言葉を、マコヴィツキーが記録して、その言葉は、チェルトコフもソフィア・アンドレヴナも二人とも彼にとって、とても重要な存在であったことを示す。「チェルトコフも来るかもしれない。私は彼が来れば嬉しい。。。彼ほど良い親友、手伝い手は考えられない。同じ考えを持っているし、忠実であるし、才能があって、資産家でもある。一方、ソフィア・アンドレヴナほど、外面の生活の便利さに気を配る人は、他にいないだろう。」（1、IV、p. 241）

トルストイがヤスナヤ・ポリャーナに帰った5月下旬の、ソフィア・アンドレヴナについての記録は少ないが、その一つを挙げる。「今日ソ

フィア・アンドレエヴナは、レフ・ニコラエヴィッチと（彼は心臓の不整脈でいらいらしていたのに）彼の書斎で言い争っていた。彼女は、出た時に顔が真っ青で、かぎを娘に渡して家を出た。」（1、IV、p. 265）

6月の中旬にトルストイは、チェルトコフが住んでいるオトラードノエを訪れた。その時にソフィア・アンドレエヴナは、ヒステリーになって、主人が帰ることを要求する電報を数回打っていた。（1、IV、p. 285）「レフ・ニコラエヴィッチの注目は、別のことに引かれていた。ソフィア・アンドレエヴナの電報、要求、彼女の病気などは、彼を苦しめた。昼ころ彼女から、今日帰るようという返事が来たが、彼は月曜日まで残らなかった。逃げたところに又帰るだろう。」（1、IV、p. 286）

ヤスナヤ・ポリャーナに帰った時、マコヴィツキーは書いた。「彼女はレフ・ニコラエヴィッチがチェルトコフの家で生活を楽しんでいて、彼女を向こうに呼ばないことを我慢できなかった。（自分の家で楽しんでもいいのに。）チェルトコフのことでやきもちを焼いていた。。。」（1、IV、p. 286）レフ・ニコラエヴィッチをこれから一人でどこにも行かせないでいつも一緒に行くと言って、チェルトコフがトルストイの書斎に入るとしたら、彼女も入るということを秘書のワルワラ・ミハイロヴナに言っていた。アヘンを飲むと脅かして、息子アンドレイに、彼がチェルトコフを殺すように頼むという電報を打つつもりであった。どの理由で自殺をしたかについて、論文を書いて新聞に送ろうとしていた。「レフ・ニコラエヴィッチが部屋に入ったら、彼女は泣きはじめて、ヒステリーになって、意識を失ったりして、そのことは一時間半続いていた。少し落ち着いたら、レフ・ニコラエヴィッチは出た。。。そして言った。『そのことは、チェルトコフに対する荒々しい嫉妬が混ざっている。何と馬鹿なことだろう。私は彼に対して情熱を感じていると言っている。』」（1、IV、p. 286）

二日経ってから、マコヴィツキーは書いた。「7月25日。今日ソフィア・アンドレエヴナはレフ・ニコラエヴィッチと自分自身の虐めをを続けていた。」またアヘンを飲むと脅かして、レフ・ニコラエヴィッチから離れずにいつも後の方に座っていた。（1、IV、p. 286）

「ソフィア・アンドレエヴナは、落着いたりまた虐めはじめたりする。今日はチェルトコフが取った、最後の十年間の日記を返すようにと要求していた。」（1、IV、p. 287）あるいはレフ・ニコラエヴィッチと一緒に家出をして、農家に住むようにしたいと言っていた。「レフ・ニコラエヴィッチは、彼女のその言葉と要求を聞いて、彼女が気が狂ったと思って、大変心配している。」（1、IV、p. 287）

日記についての喧嘩が続いて、レフ・ニコラエヴィッチは、ソフィア・アンドレエヴナが何も見つけないように、全てを隠している。（1、IV、p. 291—293）

「レフ・ニコラエヴィッチは『精神医学』の本を読んで、その本が彼に与えた印象が強くて、日記をチェルトコフに返させて銀行に預けることにした。精神医学の教科書から分かったことは、ソフィア・アンドレエヴナは精神病があることだ。」（1、IV、p. 292）

日記だけでなく、遺言書の問題もあった。ソフィア・アンドレヴナは、すべての著作権を家族に譲るようにと求めていた。7月10日の夜一時のことだった。「ソフィア・アンドレヴナは、彼(トルストイ)の部屋に入って、遺言書について彼が言うようにと要求しただろう。あるいは日記を返すようにとか、あるいは嫉妬していたとか、あるいは彼女がどのように悩んでいるかと苦情を言ったり、彼が寝られないようにただ虐めたりしていただろう。。その後自殺をすると脅かして、逃げてしまった。」(1、IV、p. 297)庭へ逃げて、レフ・ニコラエヴィッチが来るようにと要求していた。

7月13日にソフィア・アンドレヴナを静めるために、娘タチアナ夫婦が来た。「タチアナ・リヴォーヴナは、母は精神病があるから、そのような振る舞いをしていると言って、精神病の専門の医者と呼ぶと言った。」(1、IV、p. 298)

マコヴィツキーの意見では、「神経医を呼び出すことは、ソフィア・アンドレヴナの状態をもっと複雑にする。彼女は薬に頼らないで、自制する必要がある。」(1、IV、p. 289)

「レフ・ニコラエヴィッチには、ソフィア・アンドレヴナがどれだけ悩んでいるか、どの程度まで病気の振りをしているか、分からなかった。彼女に哀れみを感じて、慰めるために彼女の要求に負けることがある。ソフィア・アンドレヴナに内緒で考えていた遺言書を言わなかったことが、トルストイは辛かった。」(1、IV、p. 299)

奥さんの要求にトルストイが負けることは、他の人を怒らせていた。特にチェルトコフ、秘書のワルワラ・フェオクリトワ、ピアニストのゴリデンウェイゼル、娘アレクサンドラは、トルストイがソフィア・アンドレヴナに負けることを承認しないということを、トルストイに何回も言っていた。チェルトコフはトルストイに、ソフィア夫人に負けまいと書いた手紙を送って、トルストイは、「愛は無窮だ。」と彼に返事をした。

(1、IV、p. 306)トルストイは、色んな人が彼に違った様々なことを言っていたから、なお辛かった。(1、IV、pp. 309、355、375)

他の人がトルストイ家族の問題に干渉して、色んなことを彼に勧めて、助言したことを、マコヴィツキーは認めていなかった。(1、IV、p. 306、358)彼はこのように書いている。「私は正直言って、他の人が家族の関係に干渉して、レフ・ニコラエヴィッチに、どうすればいいかと勧めていることにとても怒っていた。どうしてレフ・ニコラエヴィッチに好きなようにさせてあげないのか。彼はソフィア・アンドレヴナに対してやさしくして、おとなしくして、病気の危機が終わるまで待って、あるいは必要があったら良くなるまで一時的に別れることをしようと思っているのに。」(1、IV、pp. 299-300)

7月19日モスクワから、娘タチアナが招いた精神病の二人の医者がソフィア・アンドレヴナを診察に来た。(1、IV、p. 303)マコヴィツキー日記に書いてないが、ソフィア・アンドレヴナは精神病を認められた。(3、p. 291)

7月24日の記録に書いてある。「今日の夜、ソフィア・アンドレヴナは又チェルトコフのことでやきもちを焼いていた。。今度私に分かっ

たことは、ソフィア・アンドレエヴナが本当にチェルトコフで嫉妬している悩んでいるのだ。彼のことを嫌っている。」（1、IV、p. 305）もう一つ似ているような記録がある。「私は自分に全てのことを次のように説明する。ソフィア・アンドレエヴナは、本当にやきもちを焼いている、その振りをしているのではない。もう一つは、彼女は賢い母親であって、自分の子孫に財産を残したがつているから、遺言書を探している。レフ・ニコラエヴィッチは、彼女を哀れみながらやさしくして、要求に負けて、彼女に恐ろしい発作を起こさせまいとしている。それ以外に方法はないと感じている。」（1、IV、p. 312）

ソフィア・アンドレエヴナは家中を探して、トルストイが隠している日記などを見つけて読む。（1、IV、p. 303）トルストイにチェルトコフと何の関係も持ってほしくなかった。（1、IV、p. 312）

8月3日の記録。「私はソフィア・アンドレエヴナの部屋に入った。彼女は大変興奮していた。私は、自分自身もレフ・ニコラエヴィッチもだめにしてはいけなかった。。。私は心から彼女を哀れみながら、前の夜のように、家を歩き回って、レフ・ニコラエヴィッチの寝室に入って、彼に休ませないことを、これからしないようにと祈っていた。。。今日ほど気を落としたL.N.を見たことがなかった。私よりもソフィア・アンドレエヴナのことを彼は理解していない、私よりも彼の方がソフィア・アンドレエヴナに影響されている。ソフィア・アンドレエヴナは、自分の悲しみで、上手に彼に彼女のことを可愛そうに思わせる。」（1、IV、p. 314）

ソフィア・アンドレエヴナのヒステリーの発作が続いて、他の人が来た時にも、全部家族の問題を話し尽くした。（1、IV、pp. 320、321、345、353、392）農民たちも伯爵と伯爵夫人の仲が良くないことを知って、前からその噂が広がっていた。（1、IV、p. 299）

レフ・ニコラエヴィッチは、妻に譲歩して、彼女をいらいらさせないように、チェルトコフに会わないこと、彼に日記を上げないこと、写真を撮らせないことを約束した。（1、IV、p. 332）

良く知られている事実であるが、7月22日に、トルストイは娘アレクサンドラを除く家族に内緒で、遺言書をサインした。その遺言書によって、彼は 全ての著作権をチェルトコフに譲った。マコヴィツキー日記には、その日の記録に遺言書について何も書いてないが、家中の雰囲気はとも緊張していた。（3、p. 292・293；1、IV、pp. 304・305）

ソフィア・アンドレエヴナは、何か感じていたようだ。8月5日の記録に書いてある。「ソフィア・アンドレエヴナはアレクサンドラ・リヴォヴナの日記を見つけて全部読んだ。家中を探している。三日前にL.N.の小さい日記を見つけて全部読んだ。。。トルストイの周りを見張って、追跡している。」（1、IV、p. 316）

次の日にマコヴィツキーは、チェルトコフの家に行って、チェルトコフはトルストイの家の状態で絶望させられた。彼はレフ・ニコラエヴィッチとソフィア・アンドレエヴナの仲について質問していた。マコヴィツキーは彼に言った。「レフ・ニコラエヴィッチの、ソフィア・アンドレエヴナに対する譲歩は正しい方法だと思う。なぜなら、L.N.は、彼女は本当

に精神病であるか、その振りをしているか、はっきり分からないからである。本当に精神病である方に可能性を見ている。(チェルトコフは、私がL.N.の譲歩、柔らかさを認めることを、聴くだけでいやで、彼は決定的な行動を望んでいた。)」(1、IV、p. 316)

トルストイは、家で難しい状態が続いていたのに、ソフィア・アンドレヴナと別れる、家出をする計画をまだ持っていないようである。9月21日にマコヴィツキーの記録に書いてある。娘タチアナの屋敷へ行く途中、トルストイは娘アレクサンドラに言った。「私は、彼女(ソフィア・アンドレヴナ)が亡くなるまで彼女を看護する。」(1、IV、p.355) もう一つ記録を挙げる。「L.N.:彼女を哀れむ必要がある。彼女は複雑な栄誉欲、権勢欲があって、私を愛する癖があって、誰も気づいていない精神病がある。」(1、IV、p. 363)

8月に、ソフィア・アンドレヴナの著作権の要求、やきもちによるヒステリー発作などが続いている。(1、IV、pp. 313、316、327)

特にひどくなったのは、ソフィア・アンドレヴナがトルストイの小さい日記を読んだ時である。レフ・ニコラエヴィッチが内緒に森でサインした遺言書について、彼女は知ったのである。10月12日にマコヴィツキーの記録に書いてある。「ソフィア・アンドレヴナは、今日興奮していて、レフ・ニコラエヴィッチが自分の作品の出版をチェルトコフに譲渡したことを知ったと私に言った。彼女はレフ・ニコラエヴィッチの、チェルトコフとのどぎれがちな話を聞いた上、タチアナ・リヴォヴナがほのめかしたことで分かった。。。ソフィア・アンドレヴナは、今日昼ご飯の時に、レフ・ニコラエヴィッチが出版権利をチェルトコフに譲渡したことについて話していた。。息子たちは乞食になると言った。」(1、IV、pp. 378-379)

次の日、10月13日にマコヴィツキーは書いた。「ソフィア・アンドレヴナは、今日ワルワラ・ミハイロヴナに、昨日レフ・ニコラエヴィッチに、遺言書のことについて確実に知っていると口を滑らした。それを知ったのは、まずタチアナ・リヴォヴナがほのめかしたことによって知って、第二に、レフ・ニコラエヴィッチの長靴のなかで見つけた彼の小さい日記を読んだからである。その日記を今まで彼に返していない。。。L. N. はそれを家中で探していた。」(1、IV、p. 379)「他にソフィア・アンドレヴナはワルワラ・ミハイロヴナに言った。『L.N.が亡くなったら、私は著作権を持てなくなることを知りながらは、落ち着いて生きられない。これ(遺言書)が私を苦しめている。』」(1、IV、p. 379)「ソフィア・アンドレヴナは、L.N.に手紙を書いた。そのなかに、彼が家族に著作権を残していないことで非難している。」(1、IV、p. 380)

マコヴィツキーは、自分自身の意見を次のように述べている。「今日、私は馬で散歩に行った時、ソフィア・アンドレヴナの行動について考えて、結論を出した。チェルトコフに対するやきもちがない、前もなかったということである。ソフィア・アンドレヴナは、L. N. を チェルトコフから遠ざけるために、やきもちを焼いているかのように見せていた。チェルトコフの、L.N.にたいする影響がないようにしていた。その影

響があったからこそ、L.N.は全ての著作権を放棄したいと彼女が考えている。」（1、IV、p. 380）

10月の中旬に、トルストイ家族での雰囲気は、とても緊張で複雑になってきた。15日にマコヴィツキーは書いた。「大きい声で、絶えずソフィア・アンドレエヴナは、金切り声でぺちゃくちゃ喋った。今日、特別に我を忘れ熱中していた。何と恐ろしい夜だっただろう。。。L.N.が側にいないかのように、彼の座っている席が空しい空間であるかのように、色んなことを喋った。聞くだけで辛かった。例えば、L.N.が亡くなったら、どうなるかと話していた。L.N.は悲しみのどん底にいて、耐えられなかった。」（1、IV、p. 383）

10月24日ペテルブルグからアルメチンゲンという女の出版社が来た。その人を招待したソフィア・アンドレエヴナは、レフ・ニコラエヴィッチの作品を百万ルーブルで売るつもりであった。レフ・ニコラエヴィッチは、そのことで悲しそうで、もし売るとしたら、彼は新聞に家族が作品出版の権利がないという手紙を送ると言った。（1、IV、p. 394）

トルストイの家出の二日前、10月26日の記録にマコヴィツキーは書いた。「L.N.は弱い。。。ソフィア・アンドレエヴナは、絶えず彼の部屋に駆け込んだりして、彼が何を書いているかを見たり、後をつけたり、彼が彼女から何かを隠していると疑ったりしている。」（1、IV、p. 396）

10月27日にソフィア・アンドレエヴナは、ワルワラ・ミハイロヴナに言った。「もし彼女が1900年から今までの日記を戻されるとすれば、彼女は、チェルトコフを家に入れて、前のように取り扱うことに賛成する。しかしレフ・ニコラエヴィッチをチェルトコフの家に行かせない。なぜならばチェルトコフが公証人を招待して、L.N.に遺言書を書かせるからである。」（1、IV、p. 396）

28日の夜中2時にトルストイが目覚めて、書斎に電気がついていて、そこでソフィア・アンドレエヴナが何か探していると分かった。そのことは、トルストイの家出のきっかけとなった。

トルストイが家出をした時は、マコヴィツキーも一緒だった。家出の後の記録にも又ソフィア・アンドレエヴナについて書いてある。

馬車で村を出た時に、レフ・ニコラエヴィッチは淋しくて興奮していた。もう我慢できなくて、ソフィア・アンドレエヴナに内緒で家出をしたことに詫びるかのように、とぎれとぎれに話しながらマコヴィツキーに家出の動機を説明した。「ソフィア・アンドレエヴナは又彼の部屋に入った。彼は眠れなかった。彼女に何か侮辱的なことを言ったら堪えがたいから、家出を決めた。その後L.N.は聞いた。『遠くへ行きたいが、どこが良いだろう。』」（1、IV、p. 398）「ソフィア・アンドレエヴナが追いつくことを怖がっていた。」（1、IV、p. 398）

「L.N.は車輦で座ったら、汽車が動き始めた時、彼はソフィア・アンドレエヴナがもう追いつかないだろうと感じたらしく、何と気分が良いとうれしそうに言った。」（1、IV、p. 399）しかし日記を読んで分かることは、家出をしたトルストイは、奥さんのことを考えつづけていた。汽車でマコヴィツキーと一緒に

コーヒーを飲んで、トルストイは言った。「ソフィア・アンドレエヴナは今どうしている？可愛そうだ。」（1、IV、p. 400）いつもと違って汽車の中で仕事をしないで、「物思いに沈んで座っていた。その後、また馬車で話したことを話し始めた。」（1、IV、p. 400）

トルストイの家出の後ソフィア・アンドレエヴナが自殺の試みをしたことを知った時、トルストイは大変辛かったけれど、帰らないことにした。「次の日にソフィア・アンドレエヴナに、しばらく経ってから会える見通しがあると手紙を書いた。」（1、IV、p. 408）11月1日に、チェルトコフからソフィア・アンドレエヴナについての電報が来た。「レフ・ニコラエヴィッチにとって、ソフィア・アンドレエヴナが少し落ち着いたということを知るだけでほっとした。」（1、IV、p. 417）

トルストイは、妹マリア・ニコラエヴナが住んでいるシャモルディノ修道院に残りたかった。泊まれる農家を見つけたが、娘アレクサンドラと秘書のワルワラ・ミハイロヴナは、ソフィア・アンドレエヴナが追いつくことが出来るということを恐れていたから、速く、出来るだけ遠くへ逃げなければならぬと強く要求していた。レフ・ニコラエヴィッチは、どこにも行きたくなかった。（1、IV、p. 411）

アスタボヴォ駅に、病気のトルストイが寝ていた時、ソフィア・アンドレエヴナとトルストイの子供たちが来るという知らせが来たら、「レフ・ニコラエヴィッチにそのことについて何も言わないで、ソフィア・アンドレエヴナを部屋に入れないうことにした。」（1、IV、p. 419）

11月2日の夜、アスタボヴォ駅に一両編成の汽車が来た。マコヴィツキーは、トルストイの状態について知らせるために、ソフィア・アンドレエヴナを迎えに行った。「ソフィア・アンドレエヴナは、いつもの状態ではなく、ためらっている様子で、傷心していて、蒼白になっていた。。ソフィア・アンドレエヴナは、L.N.に会いたいと頼んだが、私はそれが不可能だと言った。。。」（1、IV、p. 420）子供たちは、お母さんを慰めていたと同時に、非難していた。「ソフィア・アンドレエヴナは、全ての理由が、彼女の病気だと言った。。後で『私はやり過ぎたことをしてしまった。』と認めた。」（1、IV、p. 420）

11月5日の記録にマコヴィツキーは書いた。「今日も次の日も、ソフィア・アンドレエヴナの車輻に5人の記者が入った。彼女は興奮した状態で話していて、彼らは一所懸命に書いていた。レフ・ニコラエヴィッチが宣伝のために家出をしたと彼女が言った。（自分自身を正当化していた。）しかし彼らは、皆ちゃんとした人で、彼女が話していたことをどこにも伝えなかった。」（1、IV、p. 424）

11月6日の記録によると、「今朝7時にソフィア・アンドレエヴナはL.N.の状態について聞いていた。家の周りを歩いていて、私たちに心配をかけた。私は、レフ・ニコラエヴィッチに聞こえるように声で呼ぶことを恐れていた。」（1、IV、p. 426）

11月7日6時4分過ぎに、トルストイは亡くなった。5時20分に、ソフィア・アンドレエヴナは、トルストイの部屋に呼ばれて、ベッドから三

歩離れたところに座った。マコヴィツキーは日記に書いた。「彼女とベッドの間に私とニキチン医者が立っていた。もしL.N.が意識を戻して、彼女が近づこうとしたら、私たちは近づかせない。8分ぐらいいて、L.N.の頭にキスして、連れて行かれた。」(1、IV、p. 431)

このようにして、トルストイの死によって、トルストイ夫妻のドラマが終わった。マコヴィツキーは、その日記にどれほど正しくソフィア夫人のことを語っているのだろうか、どれほど間違っているのだろうか、ということについては、間違っているところがあると書かれている論文を挙ることができる。ザイデンシヌルの論文に次の意見がある。マコヴィツキーが間違っているのは、事実ではなく、ソフィア夫人の病気についての考え方である。最後の数ヶ月間に、彼女の病気の状態は、特にひどくなり、ヒステリーが続いた原因は、あまりにも沢山あったということを、マコヴィツキーは、医者でありながら、理解するはずであった。しかし彼は、最後にソフィア夫人が病気の振りをしているかのように、書いている。(2、p. 67) 同じことを、トルストイの長男セルゲイと長女タチアナが述べて、二人とも真剣に両親の間にあったことを調べたから、マコヴィツキーを非難している。(2、pp. 67-68; 6、pp. 235-236)

ソフィア・アンドレエヴナを弁護する必要はない。トルストイの結婚は、長い間、幸せな結婚であった。「ソフィア・アンドレエヴナは、善良の妻の中でも、一番良い妻であった。」(5、p. 218) 1997年12月14日に昭和女子大学で行われた講演で、トルストイの玄孫であるヴラヂミル・イリイチ・トルストイは、ソフィア・アンドレエヴナのことを、感嘆しながら「家庭に人生を捧げた妻」、「英雄的な人生を送った女性」として語っていた。(7、p. 79)

最後に、トルストイの娘タチアナが弟ミハイルに書いた手紙を引用させていただく。その手紙の中に彼女は、弟に頼まれたから、両親の間にあったドラマについて自分の意見を述べている。

「。。。君が言う通り、そのドラマには罪のある人はいない。だからそのストーリーは、とてもドラマチックなのだ。一人が全く何の罪もなく、聖人であって、もう一人は全ての罪を着せるならば、判断は何と簡単になるだろう。しかしその時は、二人とも罪があって、同時に二人とも無罪であった。父は夫婦の生活が始まった初期において罪がある。母にあまりにも沢山のことを要求していたが、彼女に必要なことを充分上げなくて育てることが出来なかった。彼が彼女と結婚した時、彼女はただの少女で、彼を非常に愛していた。晩年には、彼女は彼にひどく厳しく仕返しをした(わざわざそれをするを考えなかっただろう)。その復習というのは、彼女が父にさせられた生活のやむをえない結果であった。君に言いたい。そのことは大変複雑で、私たち子供にとって悲しいことであった。君は父の悩みを見ていない。彼は大変辛かった。もし二人とも愛し合うことがなかったら、簡単に別れることが出来て、問題を解決しただろう。しかし

二人とも、それぞれ違った風に、相手を強く愛していた。他の人が干渉しなかったら、出口を見つけただろう。。。私たち子供が干渉しなかったことを後悔している。。。もっと積極的に、他の人に干渉させないようにしなければならなかったのに。。。」(4、p. 207)

註

1. Д.П. Маковицкий, У Толстого 1904—1910, Яснополянские записки. Книги (I-IV), «Литературное наследство 90», «Наука», Москва, 1979 г.
2. Э.Е. Зайденинур, «Яснополянские записки». Их место среди других дневников о Толстом. Обзор основного содержания. Предыстория публикации. В книге: Яснополянские записки, стр.50—78.
3. В. Булгаков, Толстой в последний год его жизни, Москва, изд-во «Правда», 1989 г.
4. С.М. Толстой, Дети Толстого, Тула, 1994 г.
5. З. Гиппиус, «О женах». В книге: Русский эрос, или философия любви в России, Москва, изд-во «Прогресс», 1991 г., с. 215—220
6. С.Л. Толстой, Очерки былого, Тула, 1968 г.
7. V. I. Толстой, 『Толстойに影響を与えた女性たち』、講演録 「復活！ Толстой」、昭和女子大学 1998年
8. 『学苑』742号 昭和女子大学 2002年、p.p. 13—23

(Журнал «Гакуэн», 2003 №2 (750),
изд-во университета Сёва-дзёси)

L. N. トルストイと日露戦争 (マコヴィツキー日記より)

コルチャギナ・タチアナ

(Т.И. Корчагина. Л.Н.Толстой и русско-японская война — по дневникам Д.П. Маковицкого)

マコヴィツキー日記の最初の記録は1904年10月26日に当たっている。公式的に戦争がまだ布告されていなかったが、日本とロシアとの間に闘いが始まった。日記のその日の記録に書いてあるように、トルストイは、イギリスを訪れてクロボトキンに会ったマコヴィツキーに色んな質問をして、「トルストイの主な質問は日本との戦争についてクロボトキンが何を言っているかということだった」。(I巻, 93ページ)(同日記からの引用は、括弧内に巻数をローマ数字、頁数をアラビア数字のみで示す)

クロボトキンの言葉によると、「ロシア人は英雄的に戦っている。このような対抗、英雄は誰も期待していなかった。日本はすでにその全ての軍隊を行かせた。」(I, 94)クロボトキンは世界に二つの戦闘的な民族がある、それは日本とドイツだとマコヴィツキーに言っていた。ロシア人が勝つはずだが、勝つかどうか確信を持っていない。(I, 94)

マコヴィツキーの話を聞いてトルストイは言っている。「クロボトキンが日本人に対してこのような感情を抱いていて、日本人が持っている良いところを信じていないことを残念に思います。…アナーキスト、無政府主義者であるクロボトキンが、国家が行っている戦争を支持することに驚きます。私は国家の立場を、民族主義、愛国主義等と同じように認めません。全くそれを感じていないのです。」(I, 94)

その言葉からトルストイが戦争を認めていないことが分かる。しかし愛国心などをトルストイは感じていないということはない。マコヴィツキー日記を読みながら、後で分かるように、トルストイは愛国心を持って、その子供を含めて多くのまわりの人が愛国心を持っていないことを非難している。

日露戦争は当時トルストイ家族の中で主な話題の一つであった。

「三日前から戦争についての恐ろしい情報が届いている。最近療陽で闘いがあった。戦争の恐ろしいことに関連して誰かが人類の進歩があるかどうか、逆戻りをしているのではないか、と疑い始めた人がいた。

L. N. が言った。『進歩についてこのように判断できない。進歩はらせん状に進む…』」(I, 98)

「マリア・リヴォヴナは戦争に兵士たちを見送る農民の女がどれほど泣いているか話していた。彼女は農民に言った。『あの人達日本人にも母

親がいるんじゃないか。日本人も自分が希望しているから戦争に行くわけではない。』」(I, 98)

「私は旅順港が明渡された時、ほっとしました。」と言ったI. K. チテリフスの言葉に対してトルストイは自分の愛国心を告白した。「私は自分自信を暴き出した。ロシアがクリジャ(伊市)を明渡した時、残念に思った。持っていたのに、どうして譲ったのか。愛国心の感情です。」(I, 110)

極東から来たばかりの、ポポフ記者がトルストイを訪れて、ロシアが戦争で負けたらロシアのためになるといった。ロシアの政府が弱くなって、改革が広く行われるからだ。(I, 113-114) 同じような意見を多くのインテリたちが持っていた。これに対してトルストイは苦々しげに言った。「改革があることを疑っている。ロシアのためになるか知ることも出来ない。人類の本当の進歩は、精神的な進歩でしかない。各人の自己完成である。」(I, 113)

マコヴィツキー日記にトルストイの愛国心のテーマは何回も出ます。

「彼(クロパトキン)は旅順港を最後まで守りぬかなければならなかったのに。」(I, 126)

「ナジヴィンが言った。『旅順港で負けたとき、私は楽しかった。』

L. N. : 『私は違います。私の中に(それともちろん戦っているが)愛国心という先祖がえり現象が生きている』」(I, 136)

友人、親戚、お客さんと話しながら、トルストイは日露戦争のことに触れている。(I, 114, 126, 136, 301等)

トルストイは新聞を読まないようにしていると言っているのに(I, 161)、戦争についてみんなに質問して、フランスの新聞の切抜きを読んでいる。(I, 138)

「…遼陽、沙河での激戦、旅順港の敗北などのニュースをL. N. は見せていないのに、とても気にしている。その時に長い間黙っていて、遠くを見ている」(I, 138)

「旅順港を日本人に譲るより、爆発させた方が良かったのにと私が言った時、マシャから怒られた。戦争をしているとすれば、勝つために命を惜しまないで戦うべきだ。」とトルストイは言って、また続けていた。「敗北を喜ぶ人は、直接に政府の方に反対しなければならない。国民の損失を通してではなく、直接に政府に働きかける必要がある…どうして何の罪もない人々が苦勞して、戦争で亡くなることを望んでいるのか。」そしてトルストイはまた続けている。「…私の息子達が愛国心を持っていないことをおかしく思います。私は家族に対する感情があると同じように、愛国心もある。それは家族に恥をかかせる。私はその罪がないけれども、心が痛い(恥ずかしい)。旅順港の敗北は私にとって気の毒なことでした。」(I, 156)

同じ考えをトルストイは妻の妹T. A. クズミンスカヤと話しながら述べている。「僕自身は軍人だった。当時はそんなことがなかった。明け渡すより死んだ方が良かった。」(I, 163)

若いとき軍人であって、戦争に参加したトルストイは戦争のことを反キリスト教的なことと名づけている。（Ⅰ、288）人間の本質と矛盾している戦争はどれほど恐ろしいことであるか、戦地から届いた情報はトルストイにとってどれほど辛かったかということが、マコヴィツキー日記を読んで良く分かる。

「奉天でロシアの将校が1300人、兵士が40000人負傷させられて、2500人ぐらい殺された。恐ろしい残虐な戦争！L. N. にとって奉天についての話を聞くのは辛いです。朝食の時ニコライ・レオニドヴィチ（マリア・リヴォブナの主人オボレンスキー-K.T.）がその話しを始めたら、L. N. は間もなく話題を変えた。数日前に同じことがあった。」（Ⅰ、197）

「戦争についての質問にはL. N. は一週間前から一言も答えない。最後の敗北が彼に痛みを感じさせて、その話をしたくないでしょう。」（Ⅰ、197）

ロシア人の敗北をひどく気にやんでトルストイは言っている。「ロシア人の方が私に親しい。向うに私の子供、農民がいる。一億人の農民はロシア軍隊と一緒にあって、負けたくない。こらは自然的な感情である。自由主義者が話すこと、君も（タチアナ・リヴォブナへ）言うことは不自然だ。」（Ⅰ、225）いわゆる自由主義者は政府の敗北を喜んでいた。

「昼ご飯の時、タチアナ・アンドレーヴナ（クズミンスカヤ-T.K.）が話したが、朝鮮海峡でロジデストヴェンスキー艦隊の軍艦“ボロジノ”、他にロシアの3隻と日本の7隻が沈没したそうです。彼女の息子と多くの親戚と知り合いが向うに行っている。…4000人が捕虜されている」。

（Ⅰ、287）息子のアンドレイは東へ行くと行った。「L. N. は何も言わないで地図を持って来るようにと頼んで、海の戦いのところをろうそくをもって自分で見つけた。それから書斎に行った。沈んだ気持ちで、淋しかった。」（Ⅰ、288）

戦争の体験を持ちながらトルストイは戦地でどのことが、どの様に起こっているか良く分かった。「戦争と平和」における戦争の場面が驚くほど日露戦争の戦いに似ていると息子のアンドレイに何回も言われた。（Ⅰ、349、Ⅱ、545）

マコヴィツキー日記のこの記録がある。「私が“REVIEW OF REVIEWS”という雑誌にイラストを見ていた時、L. N. も興味を持つようになって見た。そのイラストに遼陽の近くにある恐ろしいロシアの多面堡があって、そこで夜の戦いの時、3000人の日本人が殺された。（三列の散兵壕と三・四列の有刺鉄線があった。）『何と恐ろしいこと！』とL. N. が言った。『ここで私達が戦争の恐ろしさについて喋っている間に、向うで兵士達が靴ばかり考えている（鋭い石の土壌）、裸足にならないように。寝ている穴について考えている。将校はアンドリュシャのように、勲章と遊びばかり考える。』」（Ⅰ、104）

トルストイは日露戦争の戦いのやり方をゲームのチェスと比較している。日本人のやり方は、良く考えて、間違いなく、きちんとするのだ。これに対してロシア人はいいい加減にする。(I, 181)

日本と日本人のことは、トルストイはとても興味を持っている。「日本の本を良いことを探しながらあるものを全部読むようにしている。」とトルストイは“武士道”を読んでから言った。(I, 358) ニューヨークからLAFCAUDIO HEARNの“JAPAN”という本をもらって、トルストイはそれを読んで家族の人とそれについて話している。そして娘のマーシャにロシア語の翻訳を頼みたいと言っている。(I, 382、383、427、428)

「日本は私にとってとても興味深い国だ」とヤスナヤ・ポリャーナに来たお客さんに言って、日本人について色々と聞きました。(III, 18)

日露戦争の時にもトルストイは日本人と文通しつづけている。

1904年10月28日にトルストイは日本人の社会主義者阿部磯雄から手紙をもらった。阿部磯雄はその手紙に、トルストイの“考え直してくれ”という反戦論文の日本語の翻訳が『平民新聞』に掲載されたと書いた。そして次のことを書いた。「我々は社会主義者であると同時に、戦争に反対している。反対することは難しいですが、迫害されているにもかかわらず出来る限りのことをしている。」(I, 99)

1905年6月11日に「L. N. は日本人の田村から良い手紙をもらった。…手紙の終わりに日本人は戦争が中々終わらないことを残念に思うと書いている。」(I, 309)

1905年7月1日の記録にトルストイは“REVIEW OF REVIEWS”を読んで、言っている。「日本人について日本人が書いている。労働者の生活は悪くなるばかりです。出版の自由はない。帝と皇室について書いてはいけない、権力は貴族と金持ちが握っている。日本は好戦的な国で流血の多い国です。絵がある。轡をはめられた熊(ロシア)に帝が乗っている。侮辱的です。」(I, 329)

捕虜されて、ロシアに帰ったトルストイの友人がいた。その人がヤスナヤ・ポリャーナを訪れてトルストイと日本のこと、日本人のことを話していた。D. A. オルスフェブは日本人について言った。「彼らについては一番良いことしか言えない。僕達に対する態度はとても良く、親切で、人付き合いが良かった。」(I, 374) 日本にいるロシア人の将校の捕虜がお金を集めてニコライ神父を通してトルストイ宛に飢える人のために送ったという事実も日本人のロシアの捕虜への態度を物語っている。その記録は1905年11月12日のマコヴィツキー日記にある。(I, 455)

1905年10月にもう一人の友人A. ブツルリンがヤスナヤ・ポリャーナに来て、トルストイは彼に戦争について質問した。「ブツルリンはついでに日本人には連帯感があって、愛国心も強いと言った。…彼らは、することを礼儀正しくするが、冷たく、病人に対する情け深い態度がない。」(I, 414)

1905年8月17日にモスクワからヤスナヤ・ポリャーナに講和条約が結ばれたという電報が届いた。L. N. は言った。「何と大事なニュースだろう！私は恥ずかしいが、愛国心の感情と戦っている。私の心の中に愛国心があることを告白しなければならない、ロシア人が勝つことを望んでいた。講和が結ばれたから、日本人の政治的な勝利は最終的だ。これから何という変わりがあるだろう！先ず第一に、国内の動揺、考えが落ち着くだろう。…第二に、日本人との交際が発展する、つまり日本人はロシアに大勢来て、ロシア人は向うに行く。」（I, 378）

また講和条約が結ばれたことについてトルストイは次のように言っている。「最初は講和条約は、侮辱的で、余りにも多くを譲ったから私の愛国心の感情を傷つけたが、その後は落ち着いて今嬉しくて仕様がな。このようにしなければなりません。屈辱させられても、恨みを抱かない。」（I, 390）

友達と家族の人とトルストイは日露戦争の結果についてたくさん話している。戦争がまだ終わっていない内にも、終わってからもトルストイは戦争の跡を考えていた。

1905年3月7日

「『勝利を得た日本はどうなるのでしょうか？』とトルストイは言った。『その道徳的な状態が悪くなるでしょう。精神的な退廃が生じる。』」（I, 203）

1905年3月3日

「戦争の過程の中に我々は精神的な生活のために目覚めている。ロシア人は戦争をしたがらないし、してはいけない。そのことが分かる人は非常に少ない。その意味ではロシア人の方が優る。日本人は困るだろう。」（I, 211）

1905年4月20日

「ブツルリンはL. N. に戦争について聞いた。それは大きな戦いで、人々の意識の中に跡を残すことだとトルストイは答えただけだ。何の関心を持たないで、自分の意志に反して国民が戦争に行くのが初めてだ。」（I, 251）

1905年6月3日

「戦争は重大な結果を来す。政権の形においてではなく、人々の心の中において。…少数の人の意志によってそんな恐ろしいことが行われている。」（I, 301）

1905年10月29日

トルストイはチェスをしながら言った。「日本とのおかしい戦争！ブツルリンの言葉によると、二つの大きな合戦でロシア人が勝って、クロパトキンに誤って譲った。あの戦争はロシア人の一連の不幸と日本人の一連の幸福だ。日本人はついてた。ついていないプレーヤーが失望するようにクロパトキンも失望した。」（I, 443）

戦争が終わってから数年経っても、マコヴィツキー日記に日露戦争の話し記録がまだ時々出てくる。

1908年12月6日

「また東洋国民の話があった。前は東洋についてあまり知らなかったが、今は部分的に日露戦争のおかげで、もっと良く知ることになったとL. N. は言った。」(III、271)

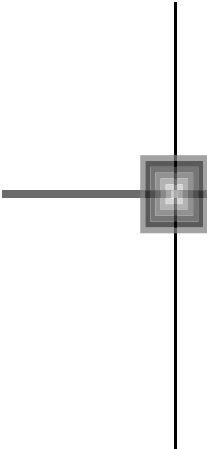
トルストイは最後まで日本を含める東洋国に対して興味を持ちつづけていた。そのことを示すマコヴィツキーのメモがたくさん残って、今度のテーマから外れていて、全部挙げることが出来ない。(IV、88、228、239、271-272、300等参考)

トルストイは、暴力そしてその形の一つである戦争にいつも反対していた。トルストイの考えでは、戦争がなくなるためにどの条件が必要だろう？そのことをマコヴィツキー日記の最初のページから私達は知ることになる。1904年26日のトルストイの言った言葉の記録がある。「働かない人がいる限り、ある人が他の人を圧迫する限り、土地の所有が存在する限り、戦争がある。しかし人々が宗教的な意識を持つようになる時にだけ、戦争がなくなる。」(I、94)

また戦争をなくすために大きな役割を果たすべきものは、キリスト教だとトルストイは信じていた。キリスト教は「皆を引き付ける生活の組織を教えるからだ。」(I、304)

暴力、テロがあって、精神的な生活を送らない人が大勢いる今の世界では、トルストイが100年前に言った言葉は現代的に聞こえる。その言葉に耳を傾けた方が良いのではないかと思われる。

(Журнал «Мидори-но цуэ» №5,
Японское толстовское общество, Токио, 2008)

НЕЧАЕВА

Людмила Тимофеевна

доктор педагогических наук, профессор,
заведующая лабораторией
«Восточные языки в школе»
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова

После окончания школы я поступила на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, поскольку моими любимыми предметами в школе были математика и иностранный язык. В этот год формировались две группы — английского и японского языка. В английскую брали тех, кто изучал английский язык в школе, а у меня в школе был немецкий язык, поэтому меня зачислили в японскую группу, что определило мою дальнейшую жизнь.

У нас были замечательные преподаватели японского языка — В.С. Гривнин и Л.А. Стрижак, они остались нашими сэнсэями на всю жизнь. И после окончания университета они помогали в работе советами, добрым отношением.

Во время учебы в университете мы много времени уделяли математике, хотя в дальнейшей работе мы не были с ней связаны. Но логика мышления, умение анализировать, заложенные на занятиях математики, мне очень пригодились в дальнейшем.

После окончания университета я стала преподавателем японского языка и им остаюсь до сих пор.

В 1971 году поступила в аспирантуру ИСАА МГУ и в 1974 году защитила там кандидатскую диссертацию по теме «Однородные глагольные сказуемые в японском языке». Моим руководителем был И.В. Головнин — заведующий кафедрой японского языка ИСАА.

В Японию я впервые попала в 1970 г., работала переводчицей с труппой Большого театра. В 1976 году я ездила Японию с Ансамблем песни и танца имени А.В. Александрова. Эти поездки позволили мне познакомиться со страной, приблизиться к её культуре, почувствовать её красоту. Особенно интересна была поездка с Ансамблем, так как гастроли проходили во многих городах Японии, и можно было увидеть разную Японию. Потом я поехала в Японию только в 1992 году. Приехав, не переставала удивляться происшедшим переменам не только в жизни, быту японцев, но и в японском языке.

Меня интересовали лингвистические проблемы, но преподавание требовало написания учебных пособий, которые я и начала писать. Опыт написания учебных разработок и пособий привёл меня к другому направлению моей деятельности — созданию учебников по японскому языку.

В 1992 году в связи с развитием дипломатических и культурных отношений со странами Востока в ИСАА МГУ была создана лаборатория по преподаванию восточных языков в школе, где я стала руководителем. В школах очень активно стали появляться группы по изучению восточных языков. Самый большой интерес был к изучению японского языка, начался период «японского бума». Естественно, возникла проблема учебников. Мои коллеги — Е.В. Стругова и

Н.С.Шефтелевич написали начальный курс для школы, я — для продолжающих (1995 г. и 1997 г.).

Тогда же я приступила к написанию учебника японского языка для вуза. Японский Фонд организовал в 1992 году поездку в Институт японского языка в г. Урава, где японские преподаватели оказывали всяческую поддержку и помощь в написании учебника. Я ездила в Ураву ещё в 1974 г. и в 1977 г., а в 1999 г. вышли 2 тома «Учебника японского языка для начинающих». Эти учебники используются сейчас во многих вузах России и стран СНГ.

30 лет преподавания привели меня в другую научную область — педагогику. И в 2000 году в Институте общего среднего образования РАО защитила докторскую диссертацию по теме «Научно-методические основы структуры и содержания учебников японского языка для русскоговорящих (высшая школа)». Моим научным консультантом был А.А. Миролюбов — академик РАО, которому я несказанно благодарна за помощь и его интерес к японскому языку.

Моя жизнь опять повернулась в несколько иную сторону — я начала работать с аспирантами. Благодаря Интернету появилась возможность общаться с аспирантами по всей России — и с Камчаткой, и с Сахалином и др. В России стала развиваться новая научная школа — «Методика обучения японскому языку», а в 2012 году я была награждена знаком Российской Академии Естествознания «Основатель научной школы».

В 2004 году из преподавателей кафедры японской филологии ИСАА был создан коллектив для написания учебника японского языка для продолжающих, в котором я участвовала как соавтор и редактор. Для сбора материала к этому учебнику я поехала в 2005 г. в научную командировку в университет Васэда. В Токио был собран необходимый текстовый материал для учебника, в чем мне очень помогли японские коллеги и мои бывшие студенты, работавшие в посольстве РФ в Японии. И в 2008 г. вышла 1-я часть этого учебника, а в 2009 г. — 2-я.

В 2010 году был издан «Учебник разговорного японского языка».

В 2006 году стала действительным членом Академии педагогических и социальных наук.

В последние годы неоднократно выезжала в вузы России и СНГ читать лекции по методике обучения японскому языку, принимать государственные экзамены, оппонировать на защитах диссертаций.

С 1993 года, являясь председателем Ассоциации преподавателей японского языка стран СНГ и России, долгое время занималась организацией конкурса студентов стран СНГ на лучшее выступление на японском языке, была членом жюри этого конкурса. Также организовывала и проводила конференции преподавателей японского языка стран

СНГ, входила в организационный комитет по проведению экзамена по определению уровня знаний на японском языке, редактировала сборники статей по методике преподавания японского языка. Все это продолжается и в настоящее время. В 2012 г. наша Ассоциация была награждена грамотой министра иностранных дел Японии за вклад в развитие взаимопонимания между двумя странами, за создание базы для преподавания японского языка в России и странах СНГ, и мне в посольстве Японии как председателю Ассоциации вручили эту грамоту.

В 1993 году я впервые организовала конкурс среди школьников на лучшее выступление на японском языке, который с тех пор проводится ежегодно.

В связи с появлением большего количества молодых преподавателей японского языка возникла необходимость их методического обучения, обмена опытом. Для этого в дополнение к осенним конференциям с 2006 года занялась организацией и проведением весенних конференций по методике обучения японскому языку, изданию сборников статей по материалам конференций.

Я продолжаю преподавать, заниматься с аспирантами, организовывать конференции, т.е. всем тем, что мне интересно, приносит радости удовлетворение

Структура и содержание учебника восточного языка с точки зрения обеспечения устойчивой мотивации изучения языка

Проблема мотивации изучения иностранного языка очень серьёзна. Восточным языком хотят заниматься многие школьники и студенты, поэтому, как правило, на самом начальном этапе обучения, особенно до начала изучения иероглифики (в китайском и японском языках), уровень мотивации очень высок, что объясняется многими факторами. Некоторые учащиеся интересуются страной изучаемого языка, считая, что восточные страны — экзотические. Кто-то приходит к изучению восточных языков через занятия спортивными единоборствами, через интерес к культуре этих стран, другим родители рекомендуют заниматься восточными языками, видя в них перспективу для будущей работы. Можно сказать, что причин для занятий восточными языками достаточно много. Но в процессе овладения языком отношение обычно меняется, потому что не удаётся сразу заговорить и начать читать на языке.

В связи с этим, одним из главных принципов учебника восточного языка должно быть **обеспечение устойчивой мотивации в изучении языка**. Можно предложить два основных способа достижения этого — сделать учебник занимательным и снять трудности изучения языка в начальный период обучения.

I. Принцип **занимательности** в учебнике можно реализовать в следующем.

- Все **тексты объединить одной сюжетной линией** и представить как последовательный рассказ, например, об учёбе и жизни российских студентов в стране изучаемого языка. Желательно, чтобы каждый персонаж имел бы свои особенности, привычки, интересы. Такое сюжетное построение позволит воссоздать наиболее типичные и естественные ситуации общения.

- Тексты строить в основном на реальных жизненных ситуациях, поэтому учащимся будет **интересно** следить за развитием действия.

- Для студентов, пришедших к изучению языка сознательно, большое значение имеет также включение **лингвострановедческих**

сведений, содержащихся в самих текстах учебника, в словарях, в комментарии к текстам. В учебнике надо рассказывать об особенностях культуры страны изучаемого языка, по учебнику можно будет изучить поведение в ситуациях общения с людьми, носителями другой культуры. Это всё способствует привитию устойчивого интереса к изучению языка и культуры страны.

■ В учебнике для разговорного японского языка принцип отбора монологических текстов иной, чем для учебника для начинающих, так как главное — расширить содержательные знания о стране, её истории и культуре. Эти тексты должны быть разнообразны по содержанию, например, японские фамилии, японская одежда, гора Фудзи, император, культура (японский дом и сад, чайное действо), традиции и обычаи, спорт, отношения в обществе и др.

■ Эти тексты должны быть разнообразны по стилю, например: рассказ, выдержка из конституции страны, сказка, энциклопедическая справка, письмо и т.д.

■ В учебнике для продвинутого этапа обучения обычно особое внимание уделяется лингвострановедческой тематике, иногда вводится специальная “культурная страница”, где на русском языке кратко объясняется тот или иной раздел культуры, истории страны с введением при необходимости специальной лексики на языке, раскрывающей содержание данного явления. “Культурная страница” обычно соответствует теме текста. “Культурная страница” имеет разнообразные функции: даёт необходимые энциклопедические знания, вводит дополнительную лексику и иероглифику, усвоение которых расширяет знания учащихся, развивает интерес к стране, способствует повышению мотивации обучения.

■ В учебник необходимо включать много **иллюстрированного материала**, представленного в виде фотографий, карт, схем, картинок, предназначенных для развития навыков и умений устной речи.

Эти иллюстрации помогают не только понять тексты, содержащие лингвострановедческий материал, но и усилить мотивацию изучения языка, поскольку учащийся наглядно видит необычную для него страну, её культуру. К тому же, не везде есть книги, альбомы о стране изучаемого языка, поэтому в учебнике желательно иметь иллюстрации, необычных для российских учащихся явлений жизни и культуры страны, как, например, фотографии кимоно, синтоистских и буддийских храмов, сада камней и многое другое в учебнике японского языка.

■ В разделе “Задания и упражнения” должны быть включены **творческие упражнения**, развивающие чувство языка и языковую до-

гадку, например, такие как, *“Прочитайте и попробуйте перевести следующие слова, исходя из значений отдельных иероглифов”*.

■ В учебнике разговорного японского языка обычно мало языковых упражнений, основную часть упражнений составляют речевые, но они отличаются по виду от речевых упражнений учебника для начинающих.

Продвинутый этап обучения предполагает, что учащиеся уже обладают базовым уровнем начальных знаний, поэтому можно вводить много творческих заданий, способствующих развитию мышления. Это такие задания, как, например: *Как вы думаете, почему... Напишите свой вариант письма ..., Сравните ..., и т.д.* Кроме того, в качестве заданий можно предложить решение кроссворда, перевод на русский язык стихотворений, составление прогноза погоды и т.д.

■ В упражнения, по возможности, следует включать только предложения, несущие информацию о стране, её культуре, быте, информацию поведенческого характера.

■ Как эпиграф к теме в начале урока можно вводить пословицы и поговорки, они способствуют не только расширению лексического запаса языка, но и развитию ассоциативной памяти.

II. Принцип уменьшения трудности изучения языка в начальный период обучения можно реализовать в следующем.

Восточные языки, особенно языки с иероглифической письменностью, относятся к числу сложных для изучения языков. Известно, “сложность — это категория, которая характеризует состав деятельности, необходимой для решения познавательной задачи (или усвоения содержания информационного текста), независимо от того, кто эту деятельность выполняет.” [1, 47] То есть, понятие “сложности” — объективное, тогда как понятие “трудности” — субъективное, так как “трудность — категория, характеризующая готовность субъекта преодолеть препятствия, связанные с определённым объективным составом деятельности: для разных людей имеется своя точка отсчёта, позволяющая им с большей или меньшей лёгкостью преодолеть препятствия в деятельности одного и того же уровня сложности.” [1, 47]

Задача построения учебника состоит в том, чтобы снять “трудность” изучения “сложного” языка, по крайней мере на начальном этапе обучения, так как практический опыт преподавания показывает, что начальная стадия изучения языка часто проходит под психологическим гнѐтом трудности языка, что негативным образом отражается на всех сторонах процесса его изучения.

■ В начале обучения далеко не все учащиеся в состоянии справиться с предъявляемым к изучению языковым материалом, не помогает даже опыт изучения европейского языка. Учёные-психологи доказали, что иероглифическая письменность воспринимается левым полушарием мозга, а не правым, что характерно для языков с линейным развёртыванием алфавита. В связи с этим у учащихся в начале обучения на протяжении определённого периода происходит перестройка форм мышления, и только приблизительно через месяц учёбы можно говорить об адаптации к языку с иероглифической письменностью и начинать увеличивать трудность и сложность предъявляемого материала.

Снятие трудности изучения восточного языка в начальный период обучения можно достичь следующим образом.

■ Необходимо, чтобы в учебнике чётко прослеживался принцип **постепенного нарастания сложности и объёмов** введения языкового материала. Первые уроки должны строиться так, чтобы у учащихся с самого начала не возникало чувство отторжения языка из-за его сложности, из-за иероглифической письменности.

В иероглифических языках иероглифы следует вводить не с первого урока, а только в 5—6, причём наиболее простые иероглифы. Количество вводимых иероглифов можно увеличивать от урока к уроку на один (в 6-м уроке их 12), таким образом, в течение определённого времени вырабатывается навык запоминания иероглифов. Это обычно очень трудный период для учащихся. На начальном этапе обучения на активное запоминание одного иероглифа может потребоваться 15—30 минут (в зависимости от способностей и степени развития памяти учащегося), а через несколько месяцев за один час учащийся может выучить уже 20 иероглифов.

■ Одним из важным принципов построения учебника является **полное объяснение всех явлений** языка.

Например, при обучении японскому языку можно говорить о неидентичных трудностях восприятия японского языка носителями разных культур. Например, по исследованиям японских учёных, фонетическую сторону японского языка из иностранцев лучше всего воспринимают непальцы и русские, иероглифы — китайцы, грамматику — корейцы. Соответственно, у всех народов и свои трудности в изучении японского языка, именно поэтому японцам трудно создать универсальный учебник японского языка для иностранцев. Для русскоязычного учащегося труднее всего воспринимаются иероглифическая письменность, синтаксис и логика японского языка. На эти аспекты и следует обращать особое внимание при обучении японскому языку.

■ Тексты уроков составляются так, что **новый материал**, как грамматический, так и лексический и иероглифический, не концентрируется в начале текста, а **равномерно распределяется по всему тексту**. Большой результат можно достичь постепенным, поэтапным наращиванием сложности и объёма вводимого материала. Это также направлено на создание эффекта “лёгкости” изучения восточного языка.

Количество новых слов в первых уроках в несколько раз меньше, чем в уроках, расположенных в середине и в конце учебника.

Первые абзацы текстов обычно содержат наименьшее количество новых слов и иероглифов.

■ Учебник должен строиться таким образом, чтобы **первые и последние уроки были наименее сложными**, так как в начале обучения учащиеся только приступают к обучению трудного, совсем не похожего на родной язык языка, а в конце года, естественно, накапливается усталость, и процент усвоения нового материала гораздо ниже. Наиболее сложные уроки, включающие больше нового материала, должны быть расположены в середине учебника.

■ Учебник необходимо чётко **структурировать**, все уроки строить по одинаковой схеме, что способствует улучшению организации занятий в классе и дома, вырабатывает определённый алгоритм действий в процессе изучения языка, ведущий к запланированным педагогическим результатам. Всё это, в конечном итоге, облегчает процессы обучения и изучения языка.

■ Организационная структура учебника строится по принципу **тематической ситуативности**, то есть урок объединяется какой-либо темой. Первые уроки связаны с тематикой “знакомство”, “университет”, “аудитория”, “занятия” и т.п., которая помогает преподавателям и студентам адаптироваться к новому для них процессу обучения восточному языку. Такая тематика позволяет студентам не задумываться о содержании высказываний, а основное внимание уделять форме выражения на новом для них иностранном языке и сразу начинать говорить на известные и понятные всем темы, что способствует к тому же развитию чувства языка на начальном этапе обучения.

■ Снятию трудностей изучения может помочь достаточный **справочный материал**. Кроме построчных словарей к текстам и упражнениям и иероглифических словарей по урокам, в учебник могут быть включены указатели слов и иероглифов, грамматический указатель, оглавления уроков с указанием названия текстов, а также ответы на упражнения. Справочный материал помогает экономно без лишней затраты времени получить необходимую ин-

формацию. К сожалению, объём учебника не всегда позволяет ввести указатели русских слов.

■ Большое значение имеет также и соблюдение принципа **наглядности**.

В учебнике необходимо использовать различные средства графической визуализации, т.е. подбирать разные шрифты, способствующие выделению, подчёркиванию отдельных частей учебника.

Использовать в учебнике для начинающих разные шрифты иероглифов, наверное, неразумно, так как на начальном этапе учащийся не может легко идентифицировать одни и те же иероглифы, записанные разными шрифтами, поэтому использование разных шрифтов иероглифов может внести только дополнительную трудность. Разные шрифты иероглифов необходимо использовать в учебнике для продолжающих.

■ В учебнике должно быть продумано постраничное расположение материала.

Все это помогает снять трудности изучения японского языка.

Литература

1. *Лернер И.Я.*, Критерий сложности некоторых элементов учебника, в кн. "Проблемы школьного учебника", вып. 1, М, 1974

(Опубликовано:

Научная конференция «Ломоносовские чтения», апрель 2003 г.

Тезисы докладов. М.: Гуманитарий, 2003)

Особенности учебника японского языка для продолжающих

В последнее десятилетие в нашей стране очень активно стало внедряться в научную жизнь и практику понятие иноязычной коммуникативной компетенции, под чем понимается способность и реальная готовность человека осуществлять иноязычное общение с носителями языка, а также приобщение его к культуре страны изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей собственной страны.

Что такое иноязычная коммуникативная компетенция? Это понятие многофакторное и многоцелевое. Иноязычная коммуникативная компетенция включает языковую, речевую, социокультурную компетенции. В свою очередь, социокультурная компетенция включает социолингвистическую, тематическую, общекультурную и страноведческую компетенции.

Для овладения иноязычной коммуникативной компетенцией необходимы соответствующие средства, под которыми обычно подразумеваются учебники, учебные пособия, наглядные средства, аудио, видео и т.д.

Остановлюсь на новом учебнике японского языка для продолжающих (1 и 2 часть), созданном коллективом преподавателей ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова — Е.Ю. Бессоновой, Т.И. Корчагиной, А.В. Кудряшовой, Л.Т. Нечаевой. Овладение какими видами компетенции он обеспечивает?

Наверное, естественно, что развитие речевой компетенции (кроме умений устного перевода) лучше обеспечивается японскими учебниками, различными аудио и видеокурсами, а развитие языковой, социокультурной компетенций лучше может быть обеспечено учебниками, созданными в России.

Какие вопросы должны быть решены в учебнике среднего уровня для 2—3 курса? Это — продолжение введения, закрепления и активизации грамматики на уровне 2 級. Если закончить регулярное изучение грамматики на базовом уровне (3—5 級), то многие важные грамматические явления, не входящие в эти 級,

могут и не встретиться в следующих учебных текстах, и мы тогда будем говорить о недостаточном знании грамматики нашими студентами. К тому же, в последнее время остро встаёт вопрос о необходимости нашим студентам сдавать 能力試験. Без сертификата о сдаче экзамена на 2—1級 не может идти речи о приёме на работу в японскую компанию или поездке на учёбу. Т.е. нужен учебник, обеспечивающий знания грамматики до 2級 включительно. (Продвинутый уровень должен обеспечить знания грамматики 1-го 級.) В учебнике важно не только дать знания о каком-либо явлении, но и создать систему упражнений, способствующих закреплению и активизации этих знаний, в числе которых обязательно должны быть упражнения на перевод с русского языка.

Большое значение имеет и обобщение уже известных грамматических явлений с добавлением новых, например, повторительные упражнения по темам: выражение причины, цели, долженствования и т.д.

Обязательно должен быть учебник, систематизирующий знания по грамматике, что было предпринято во 2-й части учебника.

Это же касается и лексики. Тексты снабжены построчными словарями. Многие слова, если они не зафиксированы в словаре, не будут восприниматься студентами как активная лексика, которую необходимо учить. Мы знаем, как студенты воспринимают чтение газет. Прочитают, переведут, найдут незнакомые слова в словаре и забудут. Потом снова будут искать, запомнят это слово, если оно встретится определенное количество раз, причём для каждого студента количество раз пользования словарем будет разное. Поэтому и нужен учебник со словарём, где зафиксирована лексика, подлежащая усвоению. Здесь следует обратить внимание на то, что в словаре не выделяется активная и пассивная лексика. Принимая во внимание, что у нас появились вузы разной направленности, где изучают японский язык, преподаватель должен творчески подходить к выделению активной и пассивной лексики в соответствии с профессиональной ориентацией студентов. В учебнике есть и упражнения по лексике, направленные на её творческое восприятие, например, найти синонимы, антонимы, дать описание явления по-японски, найти соответствие японскому словосочетанию в списке русских словосочетаний и т.д.

Иероглифика. Иногда говорят, что студенты 2—3 курсов должны сами искать новые иероглифы в словаре, в учебнике не надо давать словарь иероглифов, студенты уже самостоятельны. Это так. Но тогда, что с них спрашивать? Наверное, лучше давать чёткие объёмы материала, подлежащего контролю, тогда мы будем иметь

право спросить то, что дано в словаре. К тому же, такая организованная подача иероглифики даёт возможность создать и упражнения по иероглифике, которые в большом количестве представлены в учебнике.

Эти составляющие учебника обеспечивают овладение языковой компетенцией.

Что же касается социокультурной компетенции, то она обеспечивается следующими составляющими.

Тематическая — соответствующим подбором тем, направленных на раскрытие общекультурной и страноведческой тематики. В первой части учебника это темы общего характера — японский язык, литература Японии, история Японии, а также синто, суеверия в Японии, культура манга, японский сад, японская гостиница, архитектура Японии, понятие и восприятие цвета в Японии. Во второй части учебника представлены такие темы, близкие к повседневности, как: культурный центр, японская школа, достижения в технике, японские танцы, театр Кабуки и театр Но, рыба в жизни японцев, взгляд японцев на брак, борьба сумо, лес в городе. Сюда же помещен текст об ООН, в котором четко и последовательно отражены состав, структура и функции этой международной организации с учетом новейших тенденций и изменений в мировом сообществе. Подбор такой тематики способствует решению ещё одной задачи — поддержанию устойчивой мотивации в изучении языка. Такие темы делают обучение интересным, а, как известно, интерес помогает снять многие трудности обучения.

И самое главное, все эти темы раскрыты на аутентичных текстах, способствующих развитию социолингвистической компетенции. К тому же, тексты достаточно полно отражают всё разнообразие жанров и стилей японского языка. Это и эссе-воспоминание, и отрывок из книги и т.д.

Тексты монологические, они дают знание и лексическую основу для ведения беседы по данной тематике. В каждом уроке есть задание на составление рассказа по близкой тематике и написание сочинения. Возможности учебника, то есть объём, не позволили включить тексты на аналогичную тематику по России, что, безусловно, было бы ценным дополнением, но в заданиях по составлению рассказа и написанию сочинения предлагается сравнить обсуждаемые явления с аналогичными в России, например, сравните систему образования в России и Японии.

Социолингвистическая тематика определяет и содержание комментария, где раскрываются понятия, которые невозможно передать одним словом в словаре, например, 本音 и たてまえ.

Развитию социокультурной компетенции способствуют и пословицы и поговорки, включенные в упражнения. Творческие, думающие студенты запомнят эти пословицы, хотя они и приводятся как примеры употребления той или иной грамматической формы, например: 黒と黒とで白にならぬ. «Из чёрного белое не получится».

Расширению знаний по стране, по её культуре способствует приложение. В приложение к каждому уроку выносятся два текста для перевода со словарем как с русского на японский, так и с японского на русский, дополнительное упражнение по иероглифике и список пословиц и поговорок.

При обучении иностранному языку важно создание серии учебников, в которых наряду с языковой преемственностью соблюдается преемственность в приёмах и методах обучения. При создании учебника необходимо было определить специфические особенности учебника японского языка для продолжающих и сохранить принципиальные положения учебника для начинающих.

Вместе с тем, хотя этот учебник, с одной стороны, является естественным продолжением учебника японского языка для начинающих Л.Т.Нечаевой, с другой стороны, может быть использован после любого базового учебника.

И использовать его можно по-разному: полностью, частично, для повторения грамматики, для раскрытия определенных культурологических тем. Можно читать только тексты или делать упражнения по грамматике, использовать как справочный материал по культуре Японии. Всё зависит от целей преподавания.

(На основе статей: «Концепция учебника японского языка для продолжающих», Научная конференция. Ломоносовские чтения. Тезисы докладов, М., 2006 и «Новый учебник для продолжающих», Межвузовский сб.: Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 2, М.: Спутник, 2009)

Основные принципы представления грамматического материала в современном учебнике японского языка

В понятие “грамматический материал учебника” в методике принято включать теоретическую и практическую части. Теоретическая часть — правила, представление которых основано на принципах отбора, описания и определения последовательности введения грамматического материала. Практическая часть представлена системой упражнений, определяемой тремя параметрами: последовательность, объем и разнообразие видов.

Первые “грамматики”, “вокабулы” и “дружеские разговоры” были составлены в 18-м веке Демьяном Поморцевым (это имя получил японец Гонза после крещения). Следующие учебные материалы в виде самоучителя японского языка [1] и разговорника [2] появились только в начале 20-го века.

“Самоучитель японского языка”, составленный Ёсибуми Куроно и В.П. Панаевым, представляет собой не столько учебное пособие, сколько серьёзный труд по грамматике японского языка [3]. Этот самоучитель написан в соответствии с грамматико-переводным методом, господствующим в то время в преподавании иностранных языков. Хотя авторы и ставили перед собой цель — “предоставить возможность занимающимся близко подойти к живой речи японцев” [1], но основное содержание и структура книги подчинены объяснению грамматики.

“Самоучитель” состоит из введения, 25 уроков и приложений. В свою очередь урок — это правила, слова, упражнения и примечания.

Как ясно из описания структуры урока, в нем нет текста, есть только два упражнения на перевод с японского и перевод с русского, т.е. этот самоучитель скорее можно назвать практической грамматикой японского языка с примерами.

Примечания по объёму соотносимы с правилами, хотя не совсем понятен принцип включения грамматического явления в правило или в примечания. Например, 1-й урок начинается с объяснения, что такое существительное, введения послелогов “ва” и “га”

и объяснения прилагательного. В то же время объяснение связи “дэсу” выносится в примечания [1, 3—4].

В конце 19-го — начале 20-го веков в российской педагогике был принят прямой метод, когда в учебнике не рекомендовалось пользоваться родным языком и проводить какие-либо сравнения с родным языком. В “Самоучителе” же описание грамматики строится на сравнении с русским языком, что является значительным достижением для того времени. Но объяснение некоторых явлений даётся с позиций грамматики русского языка, например, говорится об образовании причастий [1, 66], которых в японском языке нет.

Последовательность введения грамматики в самоучителе основана на последовательном введении знаний о различных частях речи.

В 1934 году издаются сразу два учебника японского языка — “Учебник японского языка” П.А. Гушо и Г.С. Горбштейна [4] в Ленинграде и учебник “Японский язык. Начальный курс” Е.М. Колпакчи и Н.А. Невского [5] в Москве.

В 30-х годах изучение японского языка имело практическую направленность, что нашло своё отражение и в учебниках японского языка.

“Учебник японского языка” П.А. Гушо и Г.С. Горбштейна состоит из 25 уроков, каждый из которых имеет три раздела — грамматика, текст, словарь к тексту.

В первом уроке вводится сразу несколько частей речи — существительные, прилагательные, глаголы, причем даётся изменение глаголов по основам. Всё это говорит о том, что авторы не учитывали уровень трудности предъявляемого материала, в какой-то степени не отошли ещё от грамматико-переводного метода, хотя грамматика и вводится в порядке перехода от простых форм к сложным.

Первые три текста даются в виде набора мини диалогов, затем идут связные тексты. Этот учебник имеет определенную коммуникативную направленность, поскольку тексты представляют собой не простой набор предложений, отражающих то или иное явление языка, а связный текст с определённой тематикой. Следует отметить, что тексты разнообразны по жанру и стилю.

К сожалению, в учебнике совсем нет упражнений.

Учебник Е.М. Колпакчи и Н.А. Невского имеет похожую структуру: 30 уроков, каждый из которых включает грамматику в виде кратких правил, словарь, текст и упражнения.

Последовательность введения грамматики отражает коммуникативную направленность учебника, например, вначале поурочно объясняются виды простых нераспространённых предложений

с поэтапным введением знаний об отдельных частях речи, встречающихся в текстах уроков. Например, в 1-м уроке вводятся существительные с частицей **ва**, указательные местоимения и утвердительная и отрицательная формы связки настоящего времени. Можно сказать, что последовательность введения грамматики, примененная в этом учебнике, с некоторыми вариациями сохранилась во многих современных учебниках. В этом учебнике также проводится сравнение грамматики японского языка с грамматикой русского.

Упражнений в учебнике мало, к уроку даётся одно упражнение по переводу на японский язык с ключом.

Этот учебник был современным для своего времени — связные тексты, грамматика представлена не в виде набора правил об отдельных частях речи, а последовательное введение сначала простых, потом сложных форм разных частей речи.

Большим шагом вперёд стал учебник С. Зарубина, Е. Наврон, А. Орловой и М. Цын под редакцией Е.Л. Наврон [6]. Тексты представляют собой связные рассказы или диалоги. В этом учебнике грамматические правила даются в последовательности, обусловленной появлением того или иного грамматического явления в текстах уроков, при этом всё объясняется очень подробно. Интересно, что в этом учебнике в разделе заданий есть вопросы по грамматике, как, например, к уроку 9:

1. *Приготовьте устно синтаксический разбор первой страницы текста.*
2. *Приготовьте подробный устный ответ с примерами на следующие вопросы:*
 - 1) *спряжение по временам глаголов первого спряжения;*
 - 2) *изъяснительное дополнение. [6, 241]*

Это дань теоретизации процесса обучения иностранным языкам, распространившейся в то время. Теоретизация проявляется и в большом количестве таблиц, схем, обобщающих параграфов.

Впервые в этом учебнике японского языка представлены разнообразные упражнения по закреплению и активизации грамматики. Это не только переводные упражнения, но и упражнения, направленные на усвоение грамматических форм и использование их в речи.

В 1958 году появляется учебник, созданный коллективом авторов — И.В. Головинным, Н.И. Карпович, А.Н. Соколовым, П.И. Шеманаевым под редакцией А.А. Пашковского [7]. Структура этого учебника стала основой при создании учебников последующего поколения — вводный курс и 23 урока основного курса, вклю-

чающие теоретические вопросы, иероглифику, 2 текста, подстрочные словари по текстам, лексико-грамматические заметки, задания и упражнения. Грамматика японского языка даётся в сравнении с русским языком в последовательности, соотнесенной с появлением грамматических явлений в текстах уроков. При описании грамматики не наблюдается излишней теоретизации и в заданиях нет вопросов по теории грамматики, хотя в лексико-грамматические заметки выносятся грамматический анализ предложения (в современные учебники это не включается) и некоторые грамматические вопросы, которые принято рассматривать в основной грамматике, например, отыменные послелогои.

В учебнике есть разные упражнения, но много заданий в виде “Приведите примеры на употребление какой-либо грамматической формы или конструкции”. К сожалению, нет упражнений по каждому правилу грамматики, много упражнений на перевод с русского языка.

В 1979 году выходит учебник научно-технического перевода Н.И. Фельдман-Конрад и М.С. Цын [8]. Этот учебник создан в соответствии с текстуально-переводным методом, от которого в это время отказались уже во всем мире. В основе этого метода лежит изучение не грамматической системы языка, как при грамматико-переводном или неопрямом методах, а текст. Грамматические явления изучаются по мере их появления в текстах, причём не в текстах постепенно увеличивающейся трудности с поэтапным переходом в объяснении от одного простого грамматического явления к более сложному, а сразу в сложных текстах. Например, в 1-м тексте, состоящем из 4-х предложений, рассматриваются три вида простых, два вида сложных предложений, формы страдательного залога, 5 падежей и т.д. Даже судя по этому примеру, можно сказать, что учащимся сложно получить общие знания по грамматике при таком способе обучения. Но в этом учебнике есть системный и обобщающий “Краткий очерк грамматики”, написанный Б.П. Лаврентьевым. Такого очерка пока нет ни в одном учебнике японского языка.

С 70-х годов 20-го века основным учебником японского языка в нашей стране стал учебник, созданный А.Г. Рябкиным, Л.А. Лобачевым, Н.Г. Паюсовым, Л.А. Стрижаком, В.А. Янушевским под редакцией И.В. Головина [9]. В этом учебнике полностью отразились все достижения советской методики того времени.

Если говорить о представлении грамматического материала, то в нем соблюдаются все методические требования, о которых говорилось выше. Можно лишь сказать об излишней сложности пред-

ставления некоторых грамматических правил и о том, что упражнения даются не на все правила.

Касаясь современного состояния методики по вопросу представления грамматического материала в учебниках японского языка, можно сказать следующее.

Проблемы выделения критериев отбора грамматического материала всегда очень сложны. Можно, исходя из целей обучения, например, подготовка устных и письменных переводчиков, за основу взять программу по грамматике, скорректированную по программе для 3-го уровня владения японским языком по японскому стандарту.

Грамматика в современном учебнике иностранного языка понимается как строй языка и представляется учащимся в виде набора грамматических правил-инструкций, выбор которых зависит от таких факторов, как характер и функциональные особенности структуры языкового явления, его соотнесённость с родным языком, последовательность усвоения и условия обучения. На начальном этапе обучения правила “представляют ориентировочную основу действия” [10, 156]. При предъявлении грамматического материала очень важна его организация на основе определённой последовательности и взаимодействия выделенных явлений для поэтапного формирования предметных и умственных действий учащихся.

Японский язык по своему строю ближе к корейскому и алтайским языкам, совершенно отличается от русского языка. В связи с этим, в учебнике необходимо внимательно продумать объяснение всех явлений грамматики. В японском языке много грамматических явлений, не имеющих аналогов в русском языке, например, относительно твёрдый порядок слов, агглютинативность, эмоциональная окрашенность синтаксических конструкций и т.д. К тому же, в современной японистике ещё не до конца завершён “процесс формирования грамматической терминологии даже в отношении хорошо известных явлений и категорий” [11, 7], что тоже влияет на характер предъявления грамматики.

Всё это ставит целый ряд проблем при введении грамматики.

Принципы описания грамматического материала.

Вопрос о последовательности представления грамматического материала в учебнике достаточно важен и сложен. В учебниках по японскому языку не существует строго фиксированной последовательности представления грамматики, многие грамматические явления вводятся в совершенно разной последовательности.

- В большинстве учебников в первом уроке вводится составное именное сказуемое, но есть учебники, например, учебник Б.Г. Бейко “Основы японского языка” [12], в котором изложение грамматики начинается с глагола.

- В большинстве учебников предикативные и полупредикативные прилагательные вводятся в разных уроках и в разной последовательности, в основном объяснения начинаются с предикативных прилагательных, затем переходят к полупредикативным. Опять же в учебнике Б.Г. Бейко наоборот, сначала полупредикативные прилагательные, потом предикативные.

И этот список можно продолжить, особенно по порядку введения более сложных грамматических форм.

Можно предложить следующие основные принципы определения последовательности введения грамматического материала.

- Принцип преемственности, то есть новый материал вводится с учётом пройденного, что к тому же даёт возможность многократного повторения пройденного. Это особенно важно при введении синтаксических конструкций, основанных на комбинациях нескольких форм и служебных слов.
- Принцип степени близости с родным языком объясняет тот факт, что на начальном этапе необходимо учитывать наличие или отсутствие данного явления в русском языке, т.е. сложность его функционального усвоения. Изложение грамматики начинается с самых простых базовых форм, имеющих близкие аналоги в русском языке как по форме, так и по содержанию, что значительно облегчает процесс усвоения.
- Принцип важности грамматических явлений для развития речи, т.е. сначала вводятся грамматические формы, наиболее часто встречающиеся в речи. Подобный принцип позволяет развивать умения и навыки естественного общения.
- Принцип сочетаемости элементов языка друг с другом, что даёт возможность естественного употребления в речи.
- Принцип коммуникативной ценности, т.е. включаются грамматические явления, использование которых позволяет учащимся постоянно расширять умения и навыки общения, сформированные в предыдущих уроках.
- Принцип системности, согласно которому необходимо ориентироваться на постепенное создание целостного представления о строении и функционировании системы языка, т.е. объясняя новое грамматическое явление, чётко определять его место в системе языка.

- **Принцип «оппозиции»**, т.е. одновременно вводятся пары противоположных по содержанию знаний, например, утвердительные и отрицательные формы глаголов, формы настоящего-будущего и прошедшего времени и т.д., что способствует логически осмысленному и более быстрому усвоению системы языка.

Выделение грамматических явлений для более подробного описания.

Грамматика наряду со словарным и звуковым составом представляет собой материальную основу речи. “В коре головного мозга действует систем стереотипов, которая диктует правила организации слов в связное целое. Система стереотипов определяет существование интуитивной, неосознаваемой грамматики, которую носит каждый человек на родном языке. При изучении иностранного языка также необходимо запустить механизм стереотипов на базе отобранного грамматического минимума.” [13, 74] В каждом языке свои грамматические закономерности, какие-то из них сопоставимы с грамматическими явлениями в родном языке, какие-то нет. Аналогичные явления усваиваются учащимися легко, а новые — требуют объяснения как самого явления, так и правил его функционирования в языке, например, артикль в английском или немецком языках. В учебнике такие явления необходимо раскрывать более подробно, и задача исследователя — выделить их.

Грамматические явления, не имеющие аналогов в русском языке

При выделении грамматических явлений для более подробного описания следует исходить из того, что при введении грамматики обращается особое внимание на грамматические явления, не имеющие аналогов в русском языке, например, побудительный и побудительно-страдательный залоги, различные видовые конструкции и др.

Эти явления делятся на два вида: явления, которые можно соотносить с какими-то подобными явлениями в русском языке, но имеющими другой способ выражения, и явления, которые невозможно ни с чем соотносить.

К явлениям первого вида можно отнести результативный вид, который обозначает состояние предмета или результат действия с неодушевлённым предметом, т.е. в русском языке есть соответствующая форма — краткое причастие типа «положена», «поставлена»

и т.д. Такие явления обычно не требуют подробных правил-инструкций.

Другое дело, например, логика построения предложения, его развёртывание, отражающие особенность японского мировосприятия. Предложение “начинается с упоминания самого общего, затем говорящий переходит к частностям, выражающим отдельные предметы, находящиеся в пространстве рассказа, и включает предложение субъективной оценкой сказанного, которая выражается глагольной формой. При такой структуре предложения собеседник до конца не знает истинного отношения говорящего к предмету, его настоящих намерений и мнения.” [14, 46] Именно поэтому синтаксис относится к наиболее трудным явлениям японского языка.

В синтаксических конструкциях японского языка часто закладывается выражение эмоционального отношения говорящего к действию, обозначенному глаголом. Например, существует несколько форм долженствования, они различаются по разным признакам: выражение долженствования по долгу (なければならぬ), строгое долженствование (なければいけない), формы долженствования, характерные для разговорной (なければだめです) или письменной речи (べき), косвенное долженствование (のです), долженствование как естественно ожидаемое событие (はずです), нежелательное долженствование (ないわけにはいかない). Все формы, кроме *ないわけにはいかない*, как-то сопоставимы с соответствующими формами в русском языке. Форма же *ないわけにはいかない* передаёт отрицательное отношение говорящего к действию, которое он должен выполнить, т.е. “я не хочу, но должен сделать в силу обстоятельств”. В русском языке нет аналогичных форм, где эмоциональное отношение выражается лексически, интонационно, но не грамматически. Именно такие явления надо обязательно выделять и объяснять ситуации, в которых они употребляются.

Синонимичные конструкции

Большое внимание необходимо также уделять объяснению и сравнению употребления синонимичных грамматических конструкций, особенно таких, которые имеют в русском языке один способ выражения. Например, в японском языке условно-временные, причинные, уступительные, временные, предположительные и другие предложения имеют по несколько форм выражения. При введении очередной синонимичной конструкции следует проводить сопоставление с введённой ранее формой или же при одновременном введении всех форм проводить их сопоставительный анализ.

Конструкции, имеющие в русском языке несколько способов выражения.

Важно выделять не только синонимичные в японском языке конструкции, но и конструкции, имеющие в русском языке несколько способов выражения.

Например, в русском языке для выражения определительной связи используется много способов — союзы, знаки пунктуации, формы глаголов, а в японском языке определение связано с определяемым словом простым примыканием и позицией перед определяемым словом. Тут же возникает проблема перевода с русского языка определительных словосочетаний и предложений. В этом случае надо обязательно при объяснении таких явлений дать несколько вариантов предложений с переводом и пояснениями.

Упражнения по формированию грамматических навыков

Вопрос о выборе стратегии обучения грамматической стороне речи очень сложный, так как на его решение влияют многие факторы: цель и условия обучения, близость грамматической структуры изучаемого языка с родным языком и т.д.

Попытка использования только стратегии функциональной ориентации не приводит к надлежащему эффекту, поэтому в результате опытной работы выяснилось, что предпочтительнее когнитивно-коммуникативный подход: формирование навыков путём использования различных условно-речевых упражнений.

При этом возникает ряд проблем — последовательность упражнений, объём упражнений, виды упражнений.

1) Учащиеся должны легко ориентироваться в разделе “Упражнения”, поэтому упражнения на конкретные явления грамматики следует вводить в таком же порядке, как они объясняются в разделе “Грамматика”.

Порядок введения упражнений на одно правило тоже определённый — от более лёгкого к более трудному, одно упражнение, задание подготавливает следующее за ним.

2) Количество упражнений должно соотноситься с объёмом и сложностью вводимого грамматического материала. Грамматические упражнения должны быть обязательно на каждое правило грамматики. Если правило нетрудное, то может быть 2—3 вида упражнений, если требуется тщательная проработка данной темы, то должно быть больше упражнений как, например, к теме “выражение сравнения”.

3) Грамматические упражнения весьма разнообразны, можно выделить две группы — языковые (усвоить и запомнить ту или иную форму) и имеющие коммуникативную направленность (использовать знания и употребить в речи усвоенный языковой факт).

Языковые упражнения репрезентируют стадии формирования грамматического навыка — имитация, подстановка, трансформация, употребление и переключение. В упражнениях могут быть такие задания, как, например: *преобразовать, заменить, выбрать слова в соответствующей форме из предлагаемого списка, вставить в пропуски слово в соответствующей форме, правильно соединить данные в столбцах части предложений или предложения, употребить соответствующий по смыслу союз* и т.д.

Упражнения, имеющие коммуникативную направленность, следует маркировать в сознании учащихся речевыми задачами, например: *выскажите причину совершения (не совершения) действия; скажите, что следует (не следует) совершать следующие действия; скажите, можете или нет совершить следующие действия* и т.д.

Выбор вида упражнения для каждого конкретного правила должен определяться степенью его эффективности для усвоения и активизации этого правила. Например, при активизации правила склонения существительных лучше всего подходит «*Вставьте в пропуски соответствующий надежный показатель*», тогда как для активизации правила образования сложноподчинённого временного предложения больше подходит «*Составьте из двух предложений одно с союзом しか*».

Если в цель обучения входит подготовка переводчиков по японскому языку, то в учебник следует ввести переводные упражнения, которые готовят к переводу как виду деятельности. Переводные упражнения важны также для японского иероглифического языка, потому что кроме активизации грамматики, лексики, эти упражнения при письменном выполнении активизируют знания по иероглифике. В связи с этим, к каждому разделу грамматики следует давать упражнение на перевод с русского языка на японский.

Литература

1. “Самоучитель японского языка”, составленный Ёсибуми Куроно и В.П. Панаевым. С.-Петербург, 1913
2. Е.Спальвин, Практические японские разговоры”, Владивосток, 1909
3. О теоретическом уровне представления грамматики в “Самоучителе” подробно написано в книге В.М. Алпатова “Изучение японского языка в России”, М., 1988
4. Гуцко П.А., Горбштейн Г.С. Учебник японского языка. Ч. I—II, 1934—1937
5. Колпакчи Е.М., Невский Н.А. Японский язык. Начальный курс. Л., 1934

6. Зарубин С., Наврон Е., Орлова А., Цын М. Учебник японского языка. Под редакцией Е.Л. Наврон, ч.1, М., 1953
7. Головнин И.В., Карпович Н.И., Соколов А.Н., Шеманаев П.И. Учебник японского языка. Под редакцией А.А. Пашковского, М., 1958
8. Фельдман-Конрад Н.И., Цын М.С. Учебник научно-технического перевода. М., 1979
9. Рябкин А.Г., Лобачев Л.А., Паюсов Н.Г., Стрижак Л.А., Янушевский В.А. Учебник японского языка. Под редакцией И.В. Головнина. М., 1973
10. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам. Под редакцией А.Д. Климентенко и А.А. Миролубова, М., 1981
11. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М., 1998
12. Бейко Б.Г. “Основы японского языка”, М., 1978
13. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1991
14. Корнилов М.Н. О типологии японской культуры. В сб. “Япония: культура и общество в эпоху НТР”, 1985, М.

(Опубликовано:
сборник «Актуальные вопросы японского
и общего языкознания», М., 2005)

Методические особенности представления лингвострановедческого материала в учебнике японского языка

Исследования в области социолингвистики и социальной психологии в 70—80-х годах показали, что для полноценного общения необходимо не только умение владеть языковым материалом, но и знать специфические понятия, свойственные той или иной человеческой общности, владеть внеязыковыми знаниями, связанными с обычаями и культурой этой общности людей. Незнание этого внеязыкового материала может стать препятствием в процессе общения, вызвать непонимание.

Национально-культурный аспект играет важную роль в процессе формирования знаний и умений по иностранному языку. Когнитивный фундамент коммуникации между людьми составляет набор знаний о мире, а он может во многом или частично различаться между коммуникативно-языковыми сообществами.

В это время в отечественной методике преподавания иностранных языков стал меняться взгляд на привлечение текстов, связанных с описанием жизни, быта страны изучаемого языка. Раньше использование таких текстов определялось стремлением усилить интерес у студентов, содействовать повышению их мотивации, но в свете новых научных данных тексты, содержащие экстралингвистические средства, стали рассматриваться как необходимое условие формирования умения общения. Г.В. Колшанский писал: «Включение в программу обучения иностранному языку страноведческих элементов, культурологических сведений, реалий и т.п. связано не со стремлением придать учебному процессу занимательность, а с внутренней необходимостью самого процесса обучения» [1, 40].

Вопрос о лингвострановедческих и страноведческих знаниях связан с реализацией цели обучения иностранному языку — формирования «вторичной языковой личности» [2]. «Языковая личность» — носитель не только языкового материала в системном и функциональном аспектах (языковое сознание), но и неязыкового, социализированного сознания.

В одном из первых учебников японского языка — «Самоучителе японского языка» Ёсибуми Куруно и В.П. Панаева [3] нет текстов, есть только отдельные предложения для перевода с японского и с русского языков. Эти предложения как на японском, так и на русском языке не несут никаких знаний о стране, они могли бы употребляться в учебнике любого языка.

В вышедших в 1934 году учебниках японского языка — «Учебник японского языка» П.А. Гущо и Г.С. Горбштейна [4] в Ленинграде и «Японский язык. Начальный курс» Е.М. Колпакчи и Н.А. Невского [5] в Москве уже есть связные тексты. Но они практически не включают лингвострановедческого материала, кроме упоминания о том, что «гора Фудзи большая и красивая» и «Токио — столица Японии». Кроме того, эти учебники имеют ярко выраженную идеологическую направленность, большинство тем связано с классовой борьбой мирового пролетариата.

Таким же идеологизированным был и учебник С. Зарубина, Е. Наврон, А. Орловой и М. Цын под редакцией Е.Л. Наврон [6].

В учебнике, созданном коллективом авторов — И.В. Головным, Н.И. Карпович, А.Н. Соколовым, П.И. Шеманаевым под редакцией А.А. Пашковского [7], впервые появляются лингвострановедческие темы — география, климат, промышленность Японии, а также нравы, жизнь и быт японцев.

Страноведческая тематика находит свое отражение и в учебнике, созданном А.Г. Рябкиным, Л.А. Лобачевым, Н.Г. Паюсовым, Л.А. Стрижаком, В.А. Янушевским под редакцией И.В. Головина [8].

В настоящее время всем уже понятно, что обучение японскому языку не может проходить без знакомства с культурой страны изучаемого языка Японией. Это уже не вызывает никаких сомнений. Встает вопрос отбора социокультурных компонентов и способов их включения в учебник.

Социокультурная направленность обучения особенно важна для учебника японского языка, поскольку русские и японцы являются представителями разных культур, существенно различаются по характеру, образу мыслей, поведению. Отсутствие знаний о специфике инокультурного кода, что включает в первую очередь знание языка, норм и правил поведения, психологии, менталитета носителей языка и пр., затрудняет коммуникацию между русскими и японцами.

В связи с этим возникает проблема определения характера представления социокультурных сведений в учебнике японского языка. Нормы поведения, этикета, реалии жизни и быта, особенности культуры должны быть включены в учебник обязательно,

к сведениям второго обязательного уровня следует отнести знания о стране, географии, климате, столице, достопримечательностях, традициях, политической системе.

Учебник японского языка должен быть насыщен страноведческими знаниями, в текстах должны приводиться реалии, в том числе географические названия, имена известных людей, традиционные формы обращения и т.д.

Социокультурные сведения должны вводиться в учебник японского языка с самого начала обучения и включаться не только в уроки, раскрывающие социокультурные сферы общения, но и во все остальные.

Важно при этом важно давать не устаревшую, а самую современную информацию о Японии. При этом надо исходить из знаний современного российского студента. Например, всегда писали, что «Япония — теплая страна», и все считали, что в Японии тепло и летом, и зимой. Но это не так. В связи с изменением климата современный россиянин уже знает, что такое «жаркое лето» в России, хотя Россия считается холодной страной. В учебнике надо рассказать о японской зиме, о том, как холодно в помещении, какую одежду носят зимой японцы. В противном случае, о Японии будет впечатление как о тропической стране.

Различие и особенности японской культуры проявляются во всех сферах общения, поэтому можно сказать, что социокультурные знания о стране раскрываются не только в социально-культурной, но и во всех других сферах. В учебнике японского языка социокультурные знания вводятся в каждой теме, в каждом тексте, в каждой ситуации. Например, тема «сервис в Японии» относится к социально-бытовой сфере общения, но из конкретных ситуаций по этой теме учащиеся могут получить в одном уроке знания о том, что:

- в Японии студенты и служащие часто пользуются пунктами проката;
- в прокате можно взять самые разнообразные вещи — от женской сумки до мотоцикла;
- при покупке билетов на концерт, в театр или спортивные соревнования японцы пользуются специальными театральными кассами предварительной продажи билетов;
- в случае необходимости сделать небольшой ремонт, переклеить сёдзи или фусума японцы обращаются в комбинат бытовых услуг, имеющий определенное название — 便利屋さん;
- в Японии есть службы, помогающие работающим женщинам в уборке дома, в ведении домашнего хозяйства;

- японцы пользуются службой по доставке на дом готовой еды из ресторанов;
- в связи со старением японского общества развивается служба по уходу за престарелыми людьми.

Культурологическая аутентичность текстов позволяет решать задачу изучения культуры другого народа посредством языка, что очень значимо для диалога культур в современном мире.

Действие всех событий, диалогов, представленных в учебнике, должны происходить в Японии и быть естественными. Это может достигаться за счёт того, что в диалогах на японском языке участвуют русские и японцы, диалоги отражают разнообразные жизненные обстоятельства, например, целью участника диалога может быть: заказать гостиницу, договориться о месте и времени встречи и т.п. В этой связи большое значение придаётся употреблению речевых клише.

Как известно, японская речь насыщена этикетными фразами, без знания которых невозможно построить никакое общение, поэтому в тексты должны быть включены ситуации, в которых раскрываются особенности речевого этикета японского языка, употребляются те или иные разговорные клише.

На основе диалогов студенты учатся общаться с людьми, носителями другой культуры. Русские и японцы являются представителями разных культур, существенно различаются характером, образом мыслей и поведением.

В учебник для продолжающих должны входить оригинальные (адаптированные и неадаптированные) тексты, в которых расширяются знания по темам, уже пройденным в учебнике для начинающих, и раскрываются новые лингвострановедческие темы. Диалогические тексты так же, как и в учебнике для начинающих, должны иметь сюжетную основу. В этом случае каждый персонаж может иметь свои особенности, привычки, интересы, к тому же можно ввести разновозрастные и разнополовые персонажи, что необходимо для обучения естественному общению с японцами. Такое сюжетное построение позволяет также воссоздать наиболее типичные ситуации общения.

Для монологических текстов наиболее существенным требованием является представление разных стилей и расширение лингвострановедческих знаний. Это могут быть объявления на улице, вывески, прогноз погоды, сказка, стихотворение, статья из газеты, отрывок из книги о чайном действе, письмо, отрывок из брошюры о страховом полисе, отрывок из путеводителя по Киото, энциклопедическая справка, выступление писателей, отрывок из романа

Мисима Ю., параграф из справочника по правилам написания различных писем, выдержка из конституции Японии. Как видно, такой набор текстов значительно разнообразит знание о стране.

В учебнике для начинающих кратко объясняются различия между мужской и женской речью, в диалогах соблюдаются правила мужской и женской речи. Различия между мужской и женской речью настолько серьёзны, что лингвисты говорят “о мужском и женском вариантах японского литературного языка, проявляющихся на всех ярусах языковой системы” [9, 70], поэтому на начальном этапе это явление сложно активизировать, так как создается дополнительная трудность в изучении японского языка.

В учебнике для продолжающих с первых уроков должно особое внимание уделяться дифференциации и активизации мужской и женской речи как национально-культурной особенности устного общения японцев. Эти различия не только подчёркиваются в диалогических текстах, объясняются в комментариях к текстам, но и даются специальные упражнения на сравнение и активизацию мужской и женской речи.

В японском языке существует система форм вежливости, трудно сопоставимая с формами вежливости в европейских языках. Главная особенность японской системы — “наличие не только лексических, но и грамматических форм вежливости и большая строгость социальных правил употребления тех или иных слов и грамматических форм” [9, 54].

Для русскоязычного участника диалога очень сложно научиться употреблять соответствующие ситуации формы вежливости, поэтому одной из проблем учебника для продолжающих является активизация этих форм.

Для решения этой проблемы можно предложить следующий путь.

Так как возраст общающихся является одним из основных критериев предречевой оценки собеседника как “высшего — равного — низшего” [10, 15] для использования соответствующих форм вежливости и личных местоимений, то в число персонажей диалогического повествования можно ввести лица трёх (а не двух, как в учебнике для начинающих) возрастных групп — старшего поколения, среднего возраста и молодёжь.

Введение разновозрастных участников диалога позволяет продемонстрировать всё разнообразие форм вежливости и личных местоимений, используемых в естественной канве диалога.

Учащиеся, изучающие японский язык, должны владеть терминологией, специфичной только для Японии. Это касается не только таких понятий, как каратэ, кимоно, название праздников и т.д.,

которые гармонично входят в темы “Спорт”, “Одежда”, “Национальные праздники”, но и таких терминов, как название деревьев, цветов, основных богов и т.д. Для этого определяется для каждой подтемы минимум терминов, выделенный по признакам частотности и сочетаемости. Далее уже создаются ситуации, в которых можно было бы употребить эти специфические термины. Как пример одной из ситуаций можно привести включение в разговор слов, обозначающих названия деревьев. В японском учебном заведении название группы может сопровождаться названием дерева. Таким образом, в теме “Японская система образования” раскрывается подтема “Растительность” с включением слов “криптомерия”, “японский клён”, “сакура”, “бамбук”.

В японской речи достаточно часто употребляются пословицы и поговорки, поэтому знание их необходимо для естественного общения на японском языке. В учебнике для начинающих вводить пословицы достаточно сложно, поскольку в них используется грамматика старого письменного языка бунго, не входящая в объём знаний, подлежащих усвоению на 1-м курсе. Знание пословиц и поговорок расширяет и обогащает лексический запас и социокультурные знания студентов, но простое включение в словарь для запоминания пословицу или поговорку неэффективно, поэтому их можно вводить путем выделения в качестве эпиграфа к уроку.

В учебнике разговорного языка были отобраны 25 наиболее употребительных пословиц и поговорок, соответствующих теме урока или какой-либо общей или конкретной ситуации, раскрытой в тексте урока, например:

- тема урока “японский сад”, поговорка うめにうぐいす “На сливе соловей”, имеющая значение “всё красиво и гармонично”;
- тема урока “покупки”, ситуация в тексте — “обсуждение выбора подарка”, пословица 三人寄れば文殊の知恵 “Три человека бога мудрости стоят”, имеющая значение — “ум хорошо, а два лучше”;
- тема урока “японская еда”, общая ситуация — “первый раз едим японскую еду палочками”, конкретный эпизод — “не получается есть палочками, всё падает”, пословица さるも木から落ちる “И обезьяна с дерева падает”, т.е. “на каждую старуху бывает проруха”.

В некоторых случаях пословица входит в текст урока.

В структуре урока даются специальные упражнения на активизацию употребления пословиц в речи. Всё это позволяет рационально ввести и научить употреблять данные явления языка и культуры.

В отличие от учебников многих западно-европейских языков, где социокультурные знания вводятся в основном через тексты и в меньшей степени через упражнения, в учебнике японского языка в связи с большим объёмом лингвострановедческих знаний и значительным различием русской и японской культур эти сведения должны вводиться не только непосредственно в текстах, но и в словарях, в комментариях, в упражнениях через отдельные предложения.

В комментариях могут быть объяснены элементы речевого этикета, содержательный план текстов.

Японцы в общении придают большое значение этикету. Этикет проявляется в определённых жестах, действиях и, безусловно, словах. Поэтому в комментарий обязательно должен быть включен подраздел с переводом и объяснениями этикетных выражений. При этом необходимо дать, если возможно, эквиваленты на русском языке и объяснить ситуации, в каких они употребляются. Например, японцы перед едой обязательно произносят фразу *いただきます*, которая на русский язык дословно переводится *Я ем*, если не объяснить её этикетное значение, то ситуация при её произнесении может быть не понята.

Японская культура относится к культурам “чувственного” [11, 23] типа. Это проявляется во всём в восприятии мира, в богатстве лексики, описывающей эмоции и эстетическое состояние и т.д., поэтому в некоторых случаях студентам надо объяснить суть ощущений, ситуаций, описываемых в текстах. Например, повар в лекции об особенностях японской кухни говорит, что всё построено на принципе “пять”, т.е. “пять способов приготовления еды”, “пять вкусовых ощущений”, “пять цветов готовых блюд”, “пять чувств”. В комментариях надо объяснить, что, по мнению повара, ощущает человек в процессе еды, иначе текст будет непонятен.

“Японец предпочитает скорее невербальную коммуникацию, чем вербальную” [12, 73]. В учебнике разговорного языка раскрываются элементы невербального поведения японцев, так как это представляет определённую трудность для восприятия и понимания русским человеком, поскольку отражает явления самобытной японской культуры. “Изучение элементов невербального поведения, сопровождающих устное общение, должно включаться в обучение устной речи в целях развития у обучаемых полноценных навыков иноязычного устного общения” [13, 14], поэтому объясняются различного вида поклоны, особые действия при передаче подарков и т.д.

Словарь в учебнике японского языка также должен отражать лингвострановедческие знания. Если в словаре дается заимствованное слово, написанное катаканой, то должно приводиться слово, от которого оно произошло, например:

スピーチ	speech	речь
------	--------	------

В современном японском языке много заимствованных слов, они употребляются в разных сферах общения, но в первую очередь связанных с системой потребления [9, 50—51], поэтому такие слова появляются ежедневно, так как постоянно расширяется сфера товаров и услуг. И, естественно, не каждое новое слово можно сразу найти в словаре. Введение слов, от которых произошли заимствованные слова, считаем полезным для учащихся, так как это помогает усвоить систему записи иностранного слова катаканой. Усвоив принципы записи этих слов, учащийся сможет в будущем сам употребить или понять заимствованное слово, даже если он до этого ни разу не встречал его в речи.

В систему упражнений учебника японского языка как для начинающих, так и для продолжающих желательно включать как можно больше предложений, несущих информацию о стране, её культуре, быте японцев, информации поведенческого характера.

Упражнения типа *“Прочитайте следующие фамилии, используя знание чтения кунов”* несут двойную функцию: способствуют запоминанию кунов и вводят основы японской ономастики. Все японские фамилии пишутся иероглифами, читаются в основном по кунным чтениям. В Японии не принято сопровождать написание фамилии ее чтением, обычно пишут чтение только таких фамилий, в которых употребляются иероглифы, не входящие в минимум из 2000 знаков или имеющие в фамилиях редкое чтение. Очень важны упражнения на развитие умения читать японские фамилии, так как студенты с самых первых уроков начинают читать и слышать японские фамилии, что подготавливает их к будущему общению с японцами. Фамилии являются социокультурным явлением, и студент через такие упражнения приобщается к культуре Японии.

Япония — страна с самобытной культурой и историей, и учебник по японскому языку должен быть насыщен знаниями о стране. Это делает учебник интересным и полезным.

Литература

1. Колианский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. ИЯШ, 1989, № 4, стр. 40

2. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М., 1989
3. "Самоучитель японского языка, составленный Ёсибуми Куроно и В.П. Панаевым. С.-Петербург, 1913
4. *Гуцко П.А., Горбштейн Г.С.* Учебник японского языка. Ч. I—II, 1934—1937
5. *Колпакчи Е.М., Невский Н.А.* Японский язык. Начальный курс. Л., 1934
6. *Зарубин С., Наврон Е., Орлова А., Цын М.* Учебник японского языка. Под редакцией Е.Л. Наврон, ч.1, М., 1953
7. *Головнин И.В., Карпович Н.И., Соколов А.Н., Шеманаев П.И.* Учебник японского языка. Под редакцией А.А. Пашковского, М., 1958
8. *Рябкин А.Г., Лобачев Л.А., Паюсов Н.Г., Стрижак Л.А., Янушевский В.А.* Учебник японского языка. Под редакцией И.В. Головнина. М., 1973
9. *Алпатов В.М.* Япония. Язык и общество. М., 1988, стр. 54
10. *Алпатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973, стр. 15
11. *Маевский Е.В.* Графическая стилистика японского языка как проявление устойчивости культурных стереотипов. АДД. М., 1999, стр. 23
12. *Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982, стр. 73
13. *Раздорский А.И.* Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге. АКД, М., 1981, стр. 14

(Опубликовано:
Труды VII международной конференции
по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии
и Западной Африки, сентябрь 2003 г.
М.: Гуманитарий 2003)

Особенности программы по родному языку в японской школе

В последнее время значительно расширилось преподавание японского языка. Японский язык преподают не только в вузах, на курсах, но и в школах. В школах г. Москвы с 2007 года введено преподавание японского языка в качестве второго языка.

Для решения задач преподавания японского языка интересно проанализировать программу родного (японского) языка для начальной школы (1—6 классы), представленную Министерством образования и науки Японии.

Программа родного (японского) языка для начальной школы (1—6 классы)

Каково содержание речевых умений и языковых знаний программы для 1—2 классов?

Говорение и аудирование

1. Уметь вести диалог по соответствующей тематике, думая о позиции собеседника, о его отношении к теме высказывания.
2. Уметь рассказать, соблюдая логику изложения.
3. Уметь внимательно слушать, не упуская важное.
4. Вести беседу, соблюдая произносительные нормы: *произнося чётко и правильно слова.*

Письмо

1. Писать, думая о собеседнике и цели высказывания.
2. Собирать необходимые детали для описания темы высказывания.
3. Писать, используя простые конструкции для точной и понятной передачи своих мыслей.
4. Писать, обращая внимание на структуру текста.
5. Проверять написанное, уметь находить и корректировать ошибки.

6. Уметь писать предложения, употребляя хирагану.
7. Уметь писать отдельные иероглифы, данные в списке 1-го класса.

Чтение

1. Читать несложные учебные тексты.
2. Просмотровое чтение для определения временной и событийной последовательности.
3. Читать вслух с выражением.
4. Уметь читать хирагану и катакану.

Письменность

Согласно «Списку иероглифов, предназначенных для изучения в школе», выпущенному Министерством образования и науки Японии, в течение 6 лет обучения в начальной школе учащиеся изучают иероглифику по следующей схеме:

Год обучения	Количество иероглифов	Навыки
1	80	Правильный порядок черт
2	160	Правильный порядок черт
3	200	Система ключей
4	200	Система ромадзи (запись латиницей)
5	185	Этимология иероглифов
6	181	Распределение функций между иероглифами и азбукой
Всего:	1006	

В 3—6 классах развиваются речевые умения, повышается уровень знаний по различным аспектам.

На что из приведённой японской программы необходимо обращать внимание, обучая японскому языку в России?

1. Способ мышления японцев. Если этому не начать учить с самого начала, то опускается очень важное и ценное, что потом бывает очень трудно восполнить. Человек может говорить хорошо и правильно по-японски, но контакта с участниками диалога (полилога) может не быть, потому что он невольно нарушает правила **和**, которым его не научили. В Японии с древних времен культивируется уважительное отношение к гармонии, именуемое духом **和**. Многие культурные ценности проявляются у японцев на уровне подсознания, инстинктивно. Основополагающее значение в жизни японцев имеют концепции **本音** и **建前**. **本音** — это личный мотив или намерение, **建前** относится к мотивам или намерениям со-

циально ориентированным, которые создаются, поощряются или сдерживаются волеизъявлением большинства.

Для многих людей слова не всегда соответствуют истинным намерениям. В этих ситуациях слова, действия, не отвечающие собственным побуждениям, мотивам, японцы называют 建前, а действительные намерения — 本音.

Японцы широко используют 本音 и 建前 в повседневной жизни, так как считается добродетелью не выражать прямо свои истинные чувства и намерения. Японцы не любят выражаться прямолинейно из опасения задеть чувства других, поэтому они обычно следят за тем, что говорят, и часто прибегают к 建前, чтобы избежать трений в общении с окружающими.

建前 применяется для поддержания гармонии и создания комфортной атмосферы. 本音 ориентируется на личный, внутренний мир, а к 建前 прибегают чаще всего во время деловых встреч, которые обычно проходят довольно официально, потому что 建前 согласуется с общепринятыми общественными стандартами. 建前, таким образом, используется для сохранения согласия между людьми.

Именно это подразумевается, когда в японской программе (для 1-го класса!) пишут *«Вести диалог по соответствующей тематике, думая о позиции собеседника, о его отношении к теме высказывания»* и *«Писать, думая о собеседнике и цели высказывания»*. Причём, что важно, эти положения стоят первым пунктом.

2. Способ обучения письменности. В российской практике иероглифы учат сразу во всех формах использования — чтение, написание, употребление в словах. В японской школе учат сначала только умению чтения и написания, а потом (на следующем году обучения) — употреблению в словах.

Кроме того, в японской школе много внимания уделяется технике письма — правильности соотношения величины черт в иероглифе, способам соединения черт, порядку написания иероглифов.

Понятие «ключ» иероглифа вводится в 3-м классе начальной школы. Мы считаем, что введение понятия «ключа» должно быть раньше, одновременно с введением иероглифов, чтобы научить учащихся пользоваться словарями.

Очень часто в японских школах уже на первых годах обучения даются трудные иероглифы. Но такие знаки в большом количестве представлены в окружающей среде, и визуальное ежедневное столкновение с ними детей — носителей языка оправдывает в данном случае появление их уже на ранней стадии изучения языка. Для иностранцев же, лишенных такой иероглифической среды,

подобная подача материала вызывает затруднения, поскольку нарушается один из основных методических принципов «от простого к сложному». Иногда встречается и обратная ситуация: иероглиф, который в учебниках, рассчитанных на иностранных учащихся, изучается на начальном этапе, в японских иероглифических пособиях приходится искать в материалах продвинутого уровня.

3. «Техники запоминания иероглифов».

В мире существует подход к изучению японского языка иностранцами, при котором на начальном этапе используется только латинская транскрипция *ромадзи*, а включение иероглифики происходит уже по достижению учащимися определенных навыков, грамматических и лексических. Многие методисты за рубежом полагают, что использование латиницы на начальном этапе обучения иероглифике помогает преодолеть страх перед иероглифическим письмом, но много и таких, кто считает, что полное отсутствие иероглифов на первых этапах обучения очень усложняет последующий процесс их изучения. В России превалирует вторая точка зрения, и в программы обучения японскому языку иероглифы включаются уже на самой ранней ступени изучения языка.

В японской школе обучение иероглифике основано на многократном прописывании иероглифов. Каждый день ученику даётся задание прописать 2 иероглифа по 200 раз.

Мы считаем, что в программу обучения японскому языку необходимо ввести «различные техники запоминания иероглифов», чтобы научить учащегося правилам запоминания иероглифов.

Обучение использованию различных методик запоминания иероглифов совершенствует процесс обучения японской иероглифике. Это способствует развитию способности учащихся к письменной коммуникации, а также погружению в пространство иноязычной культуры и активного общения на иностранном языке.

Более активное усвоение японской иероглифики повышает эффективность обучения японскому языку и способствует формированию устойчивого мотивационного компонента обучения.

4. Стили речи. В 1-м классе японской школы сразу учат различать вежливый и простой стили речи и писать, употребляя вежливый стиль речи. Для японского языка это очень серьёзная проблема, поскольку простой и вежливый стили речи различаются не только лексически, но и грамматически, что, например, для русского языка не характерно. В практике российских школ обучение японскому языку начинается с вежливой речи, иначе ученик не

сможет общаться с учителем. Но между собой японские дети говорят, используя простой стиль, поэтому на более раннем этапе обучения необходимо ввести обучение говорению с использованием простых форм, в этом случае диалог между школьниками будет естественным, и можно будет читать простые сказки.

Нами были проанализированы также программные требования к учебникам по родному языку. Это следующие требования:

1. Повышать интерес к родному языку, воспитывать уважение к родному языку.
2. Способствовать развитию коммуникативных способностей, воображения, чувства языка.
3. Воспитывать научное мировоззрение, расширять кругозор.
4. Воспитывать стремление к яркой жизни, к жизнеутверждающей позиции.
5. Воспитывать понимание ценности жизни, чуткость к людям.
6. Воспитывать любовь к природе, умение воспринимать прекрасное.
7. Воспитывать чувство патриотизма.
8. Воспитывать понимание обычаев и культуры народов других стран, развивать дух международного сотрудничества.

Большинство этих требований содержатся и в наших программах, но следовало бы обратить внимание на такие положения, как:

1. Воспитывать стремление к яркой жизни, к жизнеутверждающей позиции.
2. Воспитывать понимание ценности жизни, чуткость к людям.
3. Воспитывать любовь к природе, умение воспринимать прекрасное.

Безусловно, эти положения отражают мировоззренческие принципы японской культуры, но они полезны и для воспитания наших учащихся.

В японской программе по родному языку нет разделения на язык и литературу, в Японии это один предмет. Тем не менее, необычно, что нет выделения жанровой принадлежности текстов, кроме характеристик типа «несложный», относящийся к фольклору.

(Опубликовано: «Научная конференция. Ломоносовские чтения. Тезисы докладов», М., 2008)

Воспитание нравственности на занятиях японского языка

«Влияние нравственное составляет
главную задачу воспитания»

К.Д. Ушинский

В современной России особую актуальность приобрела проблема нравственной воспитанности учащихся, которые в отсутствие ясно очерченных духовных и моральных ориентиров в обществе, оказываются предоставленными сами себе. Само по себе образование не гарантирует высокого уровня воспитанности, так как воспитанность — это качество личности, определяющее в повседневном поведении человека его отношение к другим людям на основе уважения и доброжелательности к каждому человеку.

Воспитание есть процесс постоянный, всеобъемлющий, охватывающий все аспекты поведения и деятельности студента. Именно поэтому в новый закон об образовании включен важный принцип паритетности обучения и воспитания.

Организованное занятие, дисциплинированный и позитивно настроенный преподаватель — все это определяет психолого-эмоциональное настроение группы во время занятия. В то же время, неотъемлемой частью процесса является дисциплинированность студентов, их положительный заряд на получение знаний, готовность к восприятию информации.

В настоящее время нет «кодекса строителя коммунизма», на который ориентировались раньше, но остались общечеловеческие духовные ценности, лучшие национально-региональные и международные культурные традиции. Это все и должно стать основой воспитательной работы преподавателя.

Воспитание на занятиях японским языком

Язык — хранилище культуры этноса, в нем запечатлен весь познавательный опыт народа, его морально-этические, социокультурные, художественно-эстетические, воспитательные идеалы. И все это необходимо использовать в обучении.

В первую очередь, занятия дают *литературное образование*. При разборе художественных произведений, определенных для домаш-

него чтения, необходимо обращать внимание не только на правильность понимания, особенность синтаксических структур, знание лексики, но и выделять события, персонажи, имеющие позитивную направленность с точки зрения общечеловеческих ценностей.

Еще одно важное направление в интеграции обучения и воспитания — использование на уроках японского языка *музыкальных произведений (песен)*. Музыка и жизнь — это своего рода «сверхзадача» занятий, которую не надо выделять в изолированный раздел. Преимущество использования этого вида искусства состоит в том, что песни помогают более прочному усвоению и расширению лексического запаса, так как песенные тексты включают новые слова и выражения. В песнях уже знакомая лексика встречается в новом контекстуальном окружении, что способствует ее активизации.

Реализации задач обучения и воспитания способствует вовлечение студентов в обсуждение *произведений живописи*. Общение с живописью как познание мира через произведения искусства протекает по двум основным каналам: чувственно-эмоциональному и рациональному. Через произведение живописи человек воспринимает мир в его многоцветном образе и приобщается к безграничности этого мира, расширяя, углубляя ограниченный временем и пространством индивидуальный опыт до опыта общечеловеческого. В ходе занятий преподаватели могут использовать и сведения об известных японских художниках, и репродукции их произведений. Интересно провести экскурсию по залам какого-либо отечественного или виртуального японского музея.

Реализация воспитательных задач через изучение иностранного языка может быть условно разделена на две части: формирование и развитие эстетического сознания и воспитание нравственного человека.

Для реализации первой части подходит широкое использование культурологического материала, система ситуативных игр и заданий для групповых и индивидуальных проектов.

Воспитание нравственности — это постоянный процесс, и очень полезно использовать сравнительные образы, которые возникают в ходе изучения обычаев, особенностей быта и этикета в стране изучаемого иностранного языка — Японии. Например, отношение японцев к семейным ценностям. Хотя, следуя современным тенденциям, статус семьи пошатнулся как в русской, так и японской культурах, японцы в большей степени, чем русские, осознают важность семьи.

Интересно, что тогда как в японской семье явным приоритетом остается уважение к старшим, в русской семье на первый план

выходит забота о детях. Русский лозунг «Все лучшее — детям!» в Японии должен был бы звучать «Все лучшее — родителям!». Интересно, что в Древней Руси было так же, как сейчас в Японии. Из горящего дома в первую очередь выносили родителей. Сейчас настроения в нашей стране изменились, «старикам везде почета нет», а это есть признак падения нравственности. На примере Японии можно разобрать эту проблему.

Какие приемы можно использовать?

Важна сама постановка проблемы, например, «Как в Японии относятся к пожилым людям?», «Отношения между родителями и детьми в японской семье» и др. Такое занятие можно провести в форме круглого стола, дискуссии, обсуждения подготовленного доклада и др.

Такие обсуждения можно подкреплять подбором пословиц на соответствующую тему. Преподаватель может предложить студентам самим подобрать соответствующие пословицы, может принести какую-либо подборку пословиц и обсудить в аудитории, например:

鳥には反哺の孝あり *Воронята, став взрослыми, кормят своих родителей.*

鳩に三枝の礼あり *Голубята знают, что они должны садиться по правилам на 3 ветки ниже родителей.*

父の徳行は子への最上の遺産なり *Добродетель отца — самое лучшее наследство для ребенка.*

情をかける者には油断するな *Нельзя быть невнимательным к тому, кто оказал тебе внимание.*

親を呪むとひらめになる *Не будешь слушаться родителей, превратишься в камбалу.*

Еще один пример. На занятиях при чтении текста встречается такая фраза:

75歳以上のお年寄りの医療費を切り離して別勘定にし、保険料、現役世代からの支援金、公費（税金）の三つで賄う。「うば捨て山」と批判された構造自体は温存されるのだ。Преподавателю следует обратить внимание на выражение «うば捨て山», выделить его нравственную составляющую. В некоторых случаях, смотря по реакции аудитории, стоит разобрать рассказ в классе.

В современном обществе, когда остро встали проблемы национальной самоидентификации, очень важно направить воспитание в процессе обучения иностранному языку на понимание необходимости восприятия иной ментальности, отраженной в этнокультуре (материальной и духовной), в историческом опыте и роли этноса — носителя определенного языка. Обращение учащихся к собственной ментальности подводит к осознанному сравнительному

восприятию («мы — разные») с последующим выходом на необходимость толерантности. Здесь опять же может помочь критический анализ текстов — любых: учебных, художественных, общественно-политических, а также в соответствующем векторе заданные преподавателем вопросы, например:

«Какие черты национальной японской культуры Вас привлекают?»

«Что общего в принципах поведения в российском и японском обществе? Чем мы различаемся?»

Мировые нравственные ценности включают такие понятия, как долг, благодарность, доброта и доброжелательность. Эти категории находят свое отражение в японских понятиях 恩 *долг благодарности*, 義理 *чувство долга*, 情け *сочувствие* и др. Рассматривать, сравнивать, находить общее можно разными способами. Например, разбирая встретившееся в тексте понятие, проводя беседу, дискуссию по теме, например,

義理というのは何ですか。

Большую роль в воспитании могут играть пословицы и поговорки по заданной тематике, причем использовать их можно применительно к любой ситуации урока — обучение фонетическим, лексическим, грамматическим навыкам.

При фонетической зарядке использовать поговорки и пословицы, подобранные по теме:

自慢傲慢高慢馬鹿の内 Дзиман го:ман ко:ман бака-но ути *Гордым быть — глупым слыть. Чванство не ум, а недоумье.*

При отработке лексики тоже подбираем соответствующие пословицы, отражающие содержание изучаемой лексемы:

義理と義理とで持つ世の中 В мире, в котором мы живем, есть чувство долга и долг.

義理ほど幸いものはない Нет ничего более приятного, чем ощущение выполненного долга.

Примеры по фразеологии могут быть основаны на пословицах, например:

腹立てるより義理立てよ Чем сердиться, выполни свой долг.

Где 腹を立てる — *сердиться*, 義理を立てる — *выполнить долг*

При изучении грамматики, особенно бунго, пословицы являются прекрасным иллюстрирующим материалом, например:

親の恩より義理の恩 Добро, полученное от родителей, вернуть как долг другим людям — учителям и т.д.

恩を知らぬは畜生にも劣る Если у тебя нет чувства благодарности, то ты хуже животного.

義を見てせざるは勇なきなり Тот трус, кто зная, как надо поступить, так не поступает.

Интересно задать тему обсуждения пословицей: 義理と禪は欠かされぬ. *Необходимы чувство долга и набедренная повязка.* Как известно, в понятие 義理 входит несколько составляющих. И если преподаватель заранее раздаст задание, кто о каком аспекте 義理 будет рассказывать, то может получиться интересное обсуждение.

Самой постановкой задания определяется любая направленность высказывания. Можно попросить приготовить рассказ о Москве, а можно — «За что я люблю Москву». Таким образом, преподаватель получает инструмент для воспитания патриотизма. Такое задание заставит молодого человека задуматься, и он будет рассказывать о своем родном городе, доме с личной заинтересованностью в предмете, а не со стороны равнодушного наблюдателя.

Серьезный разговор о морали, нравственности может быть на уроке при обсуждении такой трагической темы, как землетрясение 11 марта 2011 года. При обсуждении этих событий необходимо подчеркивать нравственно-моральные качества японцев — самодисциплину, поразительную солидарность, которая в чрезвычайных обстоятельствах позволяет им поддерживать друг друга в трудные часы и самоотверженно трудиться, восстанавливая разрушенное землетрясением и цунами.

Способов прививать воспитанность и способствовать нравственному воспитанию студентов на уроках японского языка много. Необходимо только над этим задуматься и стараться заниматься этим на занятиях.

(Опубликовано: Сборник «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания», выпуск 5, М., 2011)

Воспитание на занятиях японского языка на основе концепта 和

В изменяющихся условиях перед преподавателями стоит задача одновременно с обществом искать ответ на вопрос, *что* воспитывать в человеке, вернее, в каком направлении развивать, и соответственно параллельно искать ответ на вопрос, *как* это делать.

Сначала необходимо коснуться вопроса — **что** воспитывать?

В сообществе людей существуют некие истины, которые разделяют абсолютно все, живущие на земле. Причем разделяют их независимо от своей национальной принадлежности, вероисповедания, места проживания, уровня развития своей страны. Именно поэтому эти истины по своей сути являются гуманными, и мы называем их общечеловеческими.

Любовь к Родине, целенаправленное и организованное воспитание и обучение молодого поколения, забота о старших, гордость и бережное отношение к традициям и к истории своего народа, осмысленная трудовая деятельность — таков далеко не полный перечень общечеловеческих ценностей. Эти ценности выражают единство человеческого рода, общность его исторических судеб. В этом плане они возвышаются над социальным и этническим разделением людей. Недаром у японцев есть пословица: 人情はどこ地も同じ. *Человеческие чувства везде одинаковы.*

Но каждый народ уникален. Его неповторимость и непохожесть определяются многими факторами, среди которых особое место принадлежит языку, верованиям, историческим традициям, жизненным ценностям и идеалам, образу жизни, этикету, своеобразию природной среды, в которой формировалась культура данного народа. Однако национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности — это в значительной степени своеобразный колорит, уникальная форма, а не качества, отсутствующие у других. Поэтому нельзя говорить, что только японцам что-то присуще, а русским — нет. Все моральные качества присущи каждому народу, но можно говорить о степени их присутствия, особенностях.

Национальные особенности не отчуждают людей друг от друга, не замыкают народы в себе, а, наоборот, сближают их.

Второй вопрос – как воспитывать общечеловеческие ценности на занятиях японским языком?

Можно попробовать подойти к проблеме воспитания через лингвокультурологический подход к обучению японскому языку.

Исследованием особенностей речевого и неречевого поведения представителей разных культур и занимается лингвокультурология – наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании.

Объектом изучения лингвокультурологии является не сама страна, а фоновые знания жителей этой страны, представленные в их языковом сознании и связанные с религией, культурой, обычаями и бытом, т.е. то, что характеризует человека как носителя языка и культуры именно данной культуры.

В сферу изучения лингвокультурологии входят также пословицы, поговорки, афоризмы и другие изречения, основным назначением которых является краткое образное вербальное выражение традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте народа. Еще одним аспектом, изучаемым лингвокультурологией, является речевое поведение, т.е. наши действия, поступки, привычки, обычаи, традиции и ритуалы, совершаемые с помощью речи. Речевое поведение связано с особенностями воспитания человека, местом его рождения и обучения, со средой, в которой он обычно общается, со всеми присущими ему и национальной общности особенностями.

Говоря о лингвокультурологическом подходе, мы не определяем его как ведущий. Это способ чему-то лучше научить. Цель преподавателя – на определенном этапе, в определенный момент умело пользоваться наиболее эффективным подходом.

Как подойти к проблеме воспитания, используя лингвокультурологический подход? Наверное, можно найти много способов, но попробуем использовать понятие концепта 和.

Согласие между людьми японцы считают важнейшим элементом всеобщей гармонии мира (категория 和). Еще в начале 7 века принц Сётоку тайси написал первую в истории Японии конституцию, состоящую из 17 статей, и первой стала статья о 和: «Следует ценить согласие, уравновешенность, ведь основа всего — дух непротивления». Под непротивлением понимается «не вступать в противоречия с законами Природы, с людьми», т.е. никакие стороны не противоборствуют, а пребывают в подвижном равновесии,

давая жизнь всему. Это очень важно объяснить студентам с самого начала обучения, понемногу вводя те важные нравственные принципы, которым можно учиться у японцев.

Из 和 вытекают все нравственные принципы и принципы общения между людьми, которые соблюдаются или, можно сказать, пытаются соблюдать в Японии до сих пор — 恩 долг благодарности, 義理 чувство долга, 人情 человеколюбие, 根回し предварительное обсуждение какого-либо вопроса всеми заинтересованными лицами, 本音 истинное намерение и 建前 установка (как положено в обществе) и др.

Как практически можно работать с понятием 和? Какие использовать методы? Можно попробовать метод ассоциограмм.

Метод ассоциограмм — это комплексный методический прием обучения, целью которого является самостоятельное применение имеющихся у учащегося комплексных знаний.

Метод ассоциограмм служит для графического представления и структурирования знаний. Этот метод хорошо работает в ситуации, когда обучение требует интеграции новых концепций и представлений в уже существующие познавательные структуры.

Этот метод особенно хорошо подходит для:

- разработки обобщений,
- систематизации текстов и понятий,
- для сбора и структурирования идей и др.

Ассоциограмма никогда не составляется до конца, она представляет собой моментальный снимок, новые идеи могут в любое время дополнить и развить ее.

Первый вопрос: на каком этапе обучения вводить ассоциограммы 和?

В зависимости от уровня подготовки группы можно начинать заниматься 和 с 1-го курса, можно и с любого последующего, пропуская определенные этапы, которые покажутся преподавателю слишком легкими.

Предлагаем следующую схему.

■ Если ассоциограмма составляется на начальном этапе, то даётся задание составить ассоциограмму понятия «согласие» на русском языке, поскольку знаний соответствующей лексики на японском языке на этом этапе ещё недостаточно. Основная задача ассоциограммы — раскрыть значение понятия путем восстановления ассоциативных связей.

■ Продумать, как в речевых действиях и поступках отражается понятие «согласие» в русском языке.

- Когда в словаре учебника появляется иероглиф 和, тогда
- рассматриваем иероглиф 和, который имеет много значений: согласие, мир, объединение, Япония, японский, выделяем из них три – согласие, мир, объединение;
 - даём задание, выписать из иероглифического словаря слова, в состав которых входит иероглиф 和 в выделенных значениях:
 - ✓ слова: 調和, 和平, 均衡和議, 平和, 親和, 協和, 和合, 和解, 和睦, 和する, 和声, 宥和, 融和, 和氣, 和氣藹々;
 - ✓ словосочетания: 和を講じる, 和を請う, 和局を結ぶ.
 - Проанализировать слова, включающие 和, выявить их общность.
 - По мере расширения лексического словаря расширять ассоциограмму концепта 和 на японском языке, т.е. включать каждое новое слово, определяющее явления гармонических человеческих отношений 恩, 義理, 人情, 根回し, 本音 и др.
 - Составить таблицу речевых действий, отражающих концепцию 和 в общении: смягченность, затушеванность высказываний и оценок, слабая выраженность крайних тонов и т.д., постоянно добавлять новые характеристики.
 - Подготовить сообщение на тему: 和の文化というのは何ですか., используя материалы Интернета, книги на японском и на русском языках. (Могут быть включены самые разнообразные ситуации, например, еда набэмоно, которая тоже считается проявлением 和, когда люди, собравшись вместе, едят набэмоно. Едят вместе именно для поддержания 和, это – общая трапеза, объединяющая людей, гармонизирующая их отношения.)
 - На определенном этапе, когда ассоциограмма 和 уже достаточно полная, сопоставить и сравнить обсуждаемые реалии в русской и японской культурах, например, приглашение – отказ (согласие) и т.п.
 - Выполнить различные коммуникативные упражнения.
 - 1) Договоритесь с собеседником о встрече, согласуйте время и место, удобное Вам обоим.
 - 2) Вам предлагают неудобный вариант проекта (доклада и т.п.). Как Вы откажитесь, не обидев собеседника.
 - 3) Как Вы думаете, что не следует делать при общении с собеседниками-японцами.
 - Систематизировать ассоциограммы 和 \на русском и японском языках.
 - Подобрать пословицы и поговорки,

а) в которые входит 和:

和を以て貴しとなす。 *Важно все делать в ладу, в гармонии с другими людьми.*

和光同塵。 *Не выставлять напоказ свои знания.*

和敬静寂。 *Гармония, почтительность, чистота, спокойствие (четыре принципа чайной церемонии).*

和して同せず。 *Будь внимателен к людям, но не делай то, что противоречит твоему разуму.*

和すること琴瑟のごとし。 *Жить в гармонии похоже на игру на большом и маленьком кото.*

б) раскрывающие содержание концепта 和:

郷に入っては、郷に従え。 *В чужой монастырь со своим уставом не ходят.*

情けは人の為ならず。 *Когда хочешь добра, никому не делай плохо.*

- Подобрать ситуации, в которых естественно можно использовать пословицы с 和 или раскрывающие содержание 和.

Таким образом, расширяя знания по концепту 和, постоянно обращаясь к понятиям, связанным с культурой 和, мы воспитываем в наших учащихся культуру 和, которую они не только будут понимать и использовать при контактах с японцами, но и стараться придерживаться в своей жизни.

А метод ассоциограмм может помочь вовлечь учащегося в активную познавательную деятельность, что крайне необходимо на современном этапе развития образования.

(Опубликовано: Сборник «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания», выпуск 7, М., 2012)

Элементы старописьменного японского языка в современных газетных текстах

Отрицательные глагольные формы бунго

Как известно, суффикс отрицания ず имеет несколько форм, некоторые из них употребляются в современном письменном языке.

а) Срединная форма на ず

Употребляются отрицательные формы глаголов, образованные с помощью суффикса ず, например:

一 国で管理することはできず、阻害されると米国はもちろん世界が影響を受ける。*Если будет невозможен контроль силами одной страны, и этому будут препятствовать, то это повлияет на Америку и, конечно, на весь мир.*

Форма на ず часто передает значение причины, по которой совершилось или совершается действие, выраженное заключительным сказуемым, например:

過去には、批准承認がうまくいかず、未発効に終わった核軍備管理条約がふたつもある。*Есть целых два договора по контролю за ядерным вооружением, которые в прошлом не вступили в силу из-за того, что не были ратифицированы.*

После формы на ず может употребляться показатель に, указывающий на осуществление действия, выраженного заключительным сказуемым, в обстоятельствах невыполнения действия, имеющего форму на ず, например:

背景にあるのは、名乗らずに発信できるネット社会の特性だろう。*За этим стоит особенность социальной сети, где можно отправлять письма не называя себя.*

После ず может употребляться суффикс бунго して, являющийся показателем деепричастия, например:

その気持ちを理解せずして、善隣外交は成り立つまい。*Не чувствуя эти настроения, вряд ли установят добрососедские отношения.*

После *ず* может употребляться и *で* в значении показателя времени при глаголе *足る*, форма *足らず* которого имеет значение «в пределах», например:

オバマ大統領とメドベージェフ大統領が昨年7月に基本合意し、交渉開始から1年足らずで最終的な合意にこぎつけた。*Президент Обама и президент Медведев в июле прошлого года договорились по основным вопросам, и не прошло и года с начала переговоров как достигли окончательного согласия.*

Глаголы в форме на *ず* могут входить в состав устойчивых грамматических конструкций:

- *Vずにおく* имеет значение «не выполнив действие, отложить его для осуществления какого-то другого действия», например:

介入で市場に出た円資金を日銀が吸収せずにおく「非不胎化」に加え、国債の買い入れ増加など、政府・日銀は対応に知恵を絞ってほしい。*Хотелось бы, чтобы правительство и Центральный банк Японии вдобавок к «неприкрытой интервенции», когда Центральный банк выделенные для рынка иены не поглощает, а оставляет на рынке, задумались бы и об увеличении объема покупки облигаций государственного займа и др.*

- *Vずにはいられない* имеет значение «невозможно не выполнить действие», например:

その平和への祈りがパレスチナでも一日も早く実現することを願わずにはいられない。*Мы не можем не просить, чтобы как можно скорее исполнились молитвы Палестины о мире.*

- *Vずにいる* имеет значение «находиться в состоянии, не выполняя некое действие», например:

米中央情報局（C I A）長官の仲介で双方が停戦合意したが、暴力は依然としてやまずにいる。*При посредничестве директора ЦРУ обе стороны достигли договоренности о прекращении военных действий, но насилие по-прежнему не останавливается.*

- *Vずにすむ* имеет значение «хотя и не выполнили предполагаемое действие, но все обошлось/нельзя не выполнить», например:

愛用品専用の場所を決めておくことで、運転中に探し物をしたりせずにすむのも便利。*Так как определены места для различных предметов, то удобно, что их можно не искать во время движения.*

б) Определительная отрицательная форма ん

過去の多くの自民党政治家と変わらぬ姿が不信を深めた。Еще больше потеряли доверие те, кто ничем не отличается от многих прежних политиков ЛДП.

Интересно, что в этой позиции в основном встречаются определенные глаголы — 他ならぬ、見知らぬ、変わらぬ、欠かせぬ、知らぬ.

в) Заключительная отрицательная форма ん

過度の円高が日本経済に打撃を及ぼさぬよう、政府・日銀は万全の備えが必要だ。Правительство и Центральный банк Японии должны подготовиться, чтобы не допустить удара по экономике Японии из-за чрезмерно высокого курса иены.

Можно сказать, что эта форма в современном языке встречается чрезвычайно редко.

г) Условная отрицательная форма ね

К форме ね, соответствующей современной なけれ, присоединяется суффикс ば и образуется отрицательная условная форма на ねば. В таком виде эта форма употребляется в конструкции долженствования V + ねばならない, например:

教育現場の意識も変わらねばならない。Необходимо поменять и сознание школьных учителей.

Эта форма встречается как в заключительной, так и в определительной позиции, например:

日本が生き残るためには、次代を支え、切り開く人材を社会全体で育てあげねばならない時代になった。Настало время, когда для того, чтобы обеспечить дальнейшее существование Японии, необходимо поддержать подрастающее поколение и всем обществом воспитать новые кадры.

Возможно употребление формы V + ねば+なら+ぬ, обозначающей долженствование, причём как в заключительной, так и определительной позиции, например:

バブル崩壊後の政策運営において、手順の誤りがあったと言わねばならぬ。Необходимо сказать, что в политическом курсе руководства страны после краха «мыльного пузыря» было совершено много ошибок.

わかっているならばなぜ、人の命を救わねばならぬ医術をまなんだ者が、みずからすすんで戦場へ行く」 梅太郎は口を閉じた。Почему люди, изучившие медицину, с помощью которой должны спасти человеческие жизни, сами идут на фронт?

Встречается форма V + **ねば+なる+まい**, передающая значение долженствования с оттенком предположения, например:

国際社会の信頼を取り戻し、国内の安定を手にするために、新首相はいばらの道を歩む覚悟を持たねばなるまい。Для того чтобы вернуть доверие международного сообщества, добиться стабильности внутри страны, новый премьер-министр должен, наверное, быть готовым пойти по тернистому пути.

д) Определительная отрицательная форма **ざる**.

Сочетание суффикса **ず** с глаголом **あり** образовало еще одну отрицательную форму — **ざり**. В современном языке встречается ее определительный вариант **ざる**, например:

政府は田中首相の特別声明を発し、共産党事件を「天人ともに許さざる悪魔の所業」と表現した。Правительство опубликовало специальное заявление премьер-министра Танака, где он назвал инцидент с КПЯ злым поступком, непозволительным даже небожителям.

Форма **ざる** употребляется в конструкции ГЛАГОЛ в форме 1-й основы + **ざるをえない**, имеющей значение «невозможно не ...». Эта конструкция достаточно употребительна в современном письменном тексте, например:

大相撲は外国人に頼らざるをえないのが実情だ。Reality is such that the Great Sumo cannot do without foreigners.

(Опубликовано: Сборник «Японский язык. Методика преподавания», М., 2010)

Употребление форм **べし**

В современном японском языке формы **べし**, пришедшие из бунго, встречаются во всех стилях языка, но особенно употребительны эти формы в письменной речи.

Формы суффикса **べし** имеют значение долженствования.

В современном языке встречаются следующие формы: **べく**, **べし**, **べき** и образованные от них **べからず**, **べからざる**.

а) Форма **べく** имеет два значения — долженствования и цели действия. В значении долженствования она употребляется в срединной позиции, по словам В.М. Алпатова, «имеет более ограниченное употребление, чем **べき**, и считается более книжной» [1, 12—13], например:

途上国は、附属書 I 国の削減目標は全体として不十分であり、1990 年比で先進国全体で少なくとも真水で40 ≐ 45%削減すべく、更に目標を

高めるべきであると主張した。Развивающиеся страны настаивают на том, что цели по сокращению выбросов парникового газа, заявленные в приложении I, недостаточны, и что все развитые страны **должны** по крайней мере **сократить** выбросы на 40—45% по сравнению с 1990 годом по показателям пресной воды и должны в целом увеличить намечаемые цели сокращения выбросов.

Значение цели выражается в предложении, в котором глагол, обозначающий сказуемое главного предложения, имеет форму прошедшего времени или обозначает долженствование, рекомендацию осуществить какие-либо надлежащие действия, например:

安保理で韓国艦問題が論議される場合に備え、非常任理事国の日本は国際社会の一致した姿勢を示すべく、中国に協調を強く促すべきだ。Япония, не являющаяся постоянным членом Совета Безопасности, **чтобы показать** свою позицию, одинаковую с мнением мирового сообщества, при подготовке к обсуждению в Совете Безопасности вопроса о южно-корейском корабле, должна добиваться сотрудничества с Китаем.

首相をはじめ、外相、環境相らは総力を挙げ、後世の評価に堪えうる成果を生み出すべく、多角的な外交交渉を繰り広げてもらいたい。Хотелось бы, чтобы расширились многосторонние зарубежные контакты, **для того чтобы** премьер-министр, в первую очередь, а также министр иностранных дел, министр по делам окружающей среды достигли результатов, которые могли высоко оцениваться последующими поколениями.

б) бeshi употребляется как заключительная форма.

鳩山由紀夫首相は「環境や人間の体の面から、増税がありうべしかなくと思う」と後押しする考えを明らかにしている。Премьер-министр Хатояма Юкио высказался в поддержку: «Думаю, **должны найти возможность** повысить налоги для улучшения окружающей среды и здоровья людей».

в) Форма **beki** обозначает долженствование, может выражать обязательное долженствование или совет, пожелание [2, 41], например:

日銀も反省すべき点がある。И у центрального банка Японии есть предложения, которым необходимо серьезно проанализировать.

Газетные статьи часто заканчиваются предложениями, сказуемые которых выражены глаголами в форме с **beki**. Эти предложения обычно являются выводом из содержания статьи и своим вариантом выхода из какой-либо ситуации, решения проблемы и т.п., например:

技術進歩や業界の行き過ぎから利用者のプライバシーを守る市民社会の土台づくりを急ぐべきである。Следует поспешить с созданием основ гражданского общества, которое защищало бы личные интересы пользователей от издержек технического прогресса и излишних действий промышленных кругов.

その基本を思い出すべきである。Нам надо вспомнить эти основы.

べき — встречается в заключительной и определительной позиции.

Более частотны формы с **べき** в заключительной позиции. После **べき** употребляются связки в настояще-будущем и прошедшем времени, утвердительной и отрицательной формах. Например.

■ 廃止は撤回すべきである。Должны отказаться от отмены. (Связка **だ** в настоящем времени.)

■ 首相と外相は、具体的な経済連携の協議を深めるべきだ。Премьер-министр и министр иностранных дел должны расширять переговоры по конкретным направлениям экономического сотрудничества. (Связка **だ** в настоящем времени.)

米国はドル急落を放置してはならないし、日米とも為替市場への介入をためらうべきではない。США не могут оставить без внимания резкое падение доллара, и США, и Япония должны решительно вмешаться в ситуацию на валютном рынке. (Связка **だ** в настоящем времени в отрицательной форме **ではない**.)

Связка прошедшего времени указывает на сожаление о свершившемся или не свершившемся действии, например:

黙っているべきだったのだが、もう遅かった。Должны были бы об этом молчать, но уже было поздно.

В настояще-будущем времени в вопросительном предложении связка в утвердительной форме может опускаться, например:

活動範囲を急速に拡大させている中国海軍に、どう対処すべきか。Как мы должны реагировать на ВМС Китая, которые стремительно расширяют сферу своей деятельности?

В вопросительном предложении сохраняется отрицательная форма связки настоящего-будущего или прошедшего времени, например:

ただ、日本の安全保障上、寄港を認めざるを得ないと信じるなら、どんなに困難だろうと、国民に理解を求める努力を試みるべきではなかったか。Однако если верить в то, что с точки зрения гарантий безопасности Японии, мы не можем не признавать заходы (кораблей с атомным оружием на борту) в порт, то как бы ни было трудно, не должны ли были (власти) попробовать найти понимание со стороны населения?

Глагол **する** с **べき** имеет форму **すべき**, например:

首相は、これ以上、危機感に欠ける政治を続けていくなら、早晚、政権が行き詰まることを覚悟すべきである。 *Если премьер-министр и впредь будет проводить политику, пренебрегая критическими ситуациями, то он должен быть готовым к тому, что рано или поздно власть зайдет в тупик.*

Но вместе с тем, в современном языке встречается и **すべき**, например:

こうした条件を考えれば、大きな方向性としては排出総量の規制を原則とするべきではないか。 *Если подумать об этих условиях, то не должны ли выбрать главным направлением контроль за общим объёмом выброса (парникового газа)?*

太平洋をはじめ外洋での活動を広げる中国海軍は、世界の反発を招かないふるまいをするべきである。 *Военно-морские силы Китая, которые расширяют свою деятельность в первую очередь на Тихом океане, а также на всех морских территориях, должны вести себя так, чтобы не вызывать противодействия мирового сообщества.*

すべき употребляется в том случае, если **する** используется как самостоятельный глагол, а не как вспомогательный глагол в сочетании с существительным-канго.

べき может употребляться не только после глагола, но и после связки, например:

捜査当局の介入は慎重のうえにも慎重であるべきだった。 *Вмешательство контролирующих органов должно быть крайне осторожным.*

Глагол с **べき**, как известно, может употребляться в определительной позиции, например:

カイ・エイダ氏はパキスタンを「自国が果たすべき役割を理解していない」と強く批判した。 *Г-н К. Эйда критиковал Пакистан: «Страна не понимает роль, которую она должна играть».*

В определительной позиции **べき** может присоединяться к определяемому слову через частицы **との** или **という**, например:

しかし岡田克也外相は18日の講演で、核先制不使用の方向が大きな流れであり、具体的に何ができるかを議論すべきだとの考えを示している。 *Однако министр иностранных дел Окада Кацую в своей лекции высказал мысль о том, что курс на неприменение ядерного оружия для превентивного удара получило широкое распространение, и необходимо обсудить, что конкретно можно сделать.*

В определительной позиции глагольное словосочетание с **べき** и вопросительной частицей **か** имеет вид **Vべきなのか** и **というのか**, например:

しかし、米軍基地の負担を日本国民全体がどう分かち合うべきなのかという問いそのものは重い。 *Однако вопрос о том, как весь японский народ должен делить бремя нахождения американских баз на территории Японии, сам по себе очень сложный.*

Интересно употребление *べき* с *は*, например:

いま民主党がなすべきは、政権8カ月の失敗から何を学び、どこを改めるのか、猛省することである。Демократической партии сейчас **надо серьезно обдумать**, какой урок извлечь из неудачного 8-месячного правления, что изменить?

Такое употребление возможно при рамочной конструкции *V* *べき* *は*....*V* (という) ことだ. Перед *こと* может употребляться частица *という*, например:

基本に踏まえるべきは、日本の「突出」感は他国の目標が低すぎるために増幅されている、ということだ。На чем мы **должны настаивать**, так это на расширении «наступательной позиции» Японии для того, чтобы другие страны приуменьшили свои цели.

Вместе с тем, в предложении, осложненном целом рядом конструкций, *こと* при значительно удаленном сказуемом от подлежащего может и не употребляться, например:

途上国にとっての削減行動は自発的なものであり、国際的にレビューされるべきは支援を受けた削減行動のみであるとの基本姿勢を貫く途上国と、一定の法的規律の下での行動を途上国に求めようとする先進国との対立は続いた。Продолжается противостояние между развивающимися странами, считающими, что деятельность по сокращению (выбросов парникового газа) для развивающихся стран является добровольной, а международному контролю подлежат только действия, спонсируемые из вне, и развитыми странами, пытающимися потребовать от развивающихся стран действий по определенным юридическим нормам.

Перед *は* может стоять вопросительная частица *か*, а вместо *こと* существительное, имеющее похожее с *こと* значение, например:

果たしてどこまで英語を社内言語として導入すべきかは、それぞれの企業が、状況に応じて判断していくべき事柄だろう。На самом деле, ситуация такова — вопрос о том, насколько широко следует **внедрять** английский язык как язык общения компании, должен решаться каждой компанией в зависимости от обстоятельств.

После *べき* могут употребляться *こと*, *もの*, *の*, *ところ* в служебном значении, например:

日中間で相互理解を深めるのは当然だが、研究は日中で独占されるべきものではない。Естественно, что между Японией и Китаем углубляется взаимопонимание, но исследования **не должны быть монополизированы** только Японией и Китаем.

をけていくうえで、検討すべきことは他にもたくさんある。Кроме приема иностранцев, мы **должны провести исследования** по многим другим вопросам.

あるいはこちらが変えるべきところは、変えていく。Или же то, что мы **должны изменить**, будем менять.

Перед の после べき обычно стоит частица な, например:
 議員が有権者になりかわって議論を戦わせる国会こそ、もっと注目
 されてしかるべきなのだ。 *Мы должны обратить больше внимания
 и сделать замечание* именно парламенту, где депутаты вместо из-
 бирателей ведут дискуссии.

何より考えるべきなのは鳩山政権誕生の歴史的意義である。 *Над чем
 мы должны задуматься* более всего, так это историческое значение
 появления власти Хатояма.

Как можно видеть из примеров, な употребляется и тогда, когда
 глагол с べき стоит в позиции подлежащего и когда в позиции за-
 ключительного сказуемого.

Глагол с べき может употребляться в сочетании с суффиксом ま
 い, имеющем значение «вряд ли ...», например:

党内には抵抗も根強いが、鳩山由紀夫首相や小沢一郎幹事長が出席す
 る政権公約会議で「来年度の満額支給はできない」と、はっきり打ち出す
 べきではあるまいか。 *В партии сильно сопротивление, и, вероятно, не
 следует резко заявлять на совещании по обсуждению обещаний, дан-
 ных властью, на котором будут присутствовать премьер-министр
 Хатояма Юкио и генеральный секретарь Одзава Итиро, что «невоз-
 можно полностью ассигновать бюджет на следующий год».*

Глагол с べき может употребляться в составе синтаксических
 конструкций, например:

環境省や環境団体は排出総量を規制すべきだとしているのに対し、経
 済産業省や産業界は生産量あたりの排出量規制を主張している。 *В ответ
 на заявления* министерства по делам окружающей среды и экологи-
 ческих организаций, *говорящих о необходимости контроля* за общим
 выбросом парникового газа, министерство промышленности и про-
 мышленные круги настаивают на контроле за выбросом парникового
 газа в соответствии с объемом производства.

г) Отрицательная форма べからず передаёт значение запрещения
 в заключительной позиции, например:

水は濁りて飲むべからず。 *Нельзя пить* неочищенную воду.

После べからず так же, как после べき может стоять связка,
 например:

チラシなど見るべからずである。 *Мы не должны заниматься ре-
 кламными листовками и др.*

д) Отрицательная форма べからざる передаёт значение запре-
 щения в определительной позиции, например:

一戸建のマイホームはアメリカ人たる自覚に欠くべからざる要素とな
 った。Дом — «мой дом» — стал важным фактором, который *не дол-
 жен отсутствовать* в самосознании настоящего американца.

После *べからざる* так же, как после *べき* может стоять частица *は*, выделяющая предыдущую часть как тематическое предложение, например:

特に許すべからざるは、不当な政治干渉であります。Особенно *не позволительно* — это незаконное политическое вмешательство.

Все эти примеры свидетельствуют о достаточно широком употреблении форм *べし* в современном японском языке.

Литература

1. В.М.Алпатов. Элементы старописьменного языка в системе современного японского литературного языка. Вопросы японской филологии. Выпуск 4. МГУ. 1977
2. Л.В.Пряхина, А.А.Колесникова. Очерки практической грамматики японского языка. М, 2002

(Опубликовано: Сборник: «Вопросы японоведения», № 3, С.-П., 2010)

Употребление *まい* в современных газетных текстах

Рассматривая письменный стиль японских газет, необходимо остановиться на употреблении *まい*, суффикса дубитативного наклонения, передающего значение предположения — «вряд ли осуществится».

Этот суффикс пришел в современный язык из бунго.

Суффикс *まい* употребляется в составе глагола, как например, *そうでないと外国からの投資や観光客も回復しまい*. Если так не будет, то *вряд ли* появятся иностранные инвестиции и туристы.

Суффикс *まい* иногда можно встретить и в составе прилагательного, например:

知名度の高い舛添氏を担いだけで支持を広げられるほど、有権者は甘くあるまい。Вряд ли избиратели будут настолько *снисходительны*, что окажут поддержку (партии) только за то, в ней известный г-н Масудзоэ.

В учебниках японского языка приводится *まい*, объясняются его формы употребления, подчеркивается, что *まい* характерен для письменного языка. Приведем примеры классического, описанного в учебниках и грамматических словарях, употребления *まい*.

まい в речи о 2-м, 3-м лице обычно передает значения *вряд ли*, *наверное*, *не...*, например:

だが辺野古移設は沖縄の同意なしに現実には動くまい。Однако *вряд ли* *реален* перенос (базы) в Хэноко без согласия Окинавы.

9月、民主、社民、国民新3党による鳩山連立内閣が発足した時、これほどの短命を予測した人は、まずいまい。 *Наверное, в сентябре, когда создавалось коалиционное правительство Хатояма на основе демократической, социал-демократической и народной партий, не было человека, кто бы предвидел столь короткую жизнь этого кабинета.*

政権の命運がかかっていると言っても過言ではあるまい。 *Наверное, не преувеличением будет сказать, что судьба власти под вопросом.*

Форма (のでは) まいか после глагола или существительного имеет значение: *наверное, не...?, вряд ли?*

それをれたは、ではあるまいか。 *Наверное, выборы, на которых это забыли, неправильные?*

Однако, в газетных статьях まい, кроме обычного употребления, стало встречаться и в различных синтаксических конструкциях, заменяя *ない* *だろう* *наверное, не...*, например:

1) в конструкциях долженствования:

a) *なければなら*ない *だろう* *なければ*なるまい:

それが議論の出発点でなければなるまい。 *Это, наверное, должно стать отправной точкой дискуссии.*

б) *V*ねばならない *だろう* *V*ねばなるまい:

のをりし、のをにするために、はいばらのをむをたねばなるまい。 *Для того чтобы вернуть доверие мирового сообщества и установить в стране стабильность, новый премьер-министр, наверное, должен быть готов пойти по тернистому пути.*

2) в конструкциях с *しか*:

a) *しか*ない *だろう* *しか*あるまい

だがそこは、弊害を減らす対策を周到に講じながら歩を進めるしかあるまい。 *Однако здесь остается, наверное, только идти вперед, скрупулезно принимая меры, способствующие уменьшению вреда.*

б) *N*しか*V*ない *だろう* *N*しか*V*う/るまい

場当たりのに連携相手を求めても、政権の優先目標を遠ざける結果しかもたらすまい。 *Хотя и требуются временные союзники, но, наверное, это принесет результат, отодвигающий приоритетные цели власти.*

3) в конструкции *やむ*をえない *だろう* *やむ*をえまい

民主党が政治空白を最小限にするとして、新政権づくりに着手したのはやむを得まい。 *Наверное, неизбежно то, что демократическая партия, заявив о минимизации политического вакуума, приступила к созданию новой политической власти.*

4) в конструкции *V*ても仕方がない *だろう* *V*ても仕方あるまい

これではコンクリート回帰といわれても仕方あるまい。 *Поэтому, наверное, ничего не остается другого, как назвать это возвращением к политике «бетона».*

- 5) в конструкции Vべきではないだろう Vべきではあるまい
党内には抵抗も根強いが、鳩山由紀夫首相や小沢一郎幹事長が出席する政権公約会議で「来年度の満額支給はできない」と、はっきり打ち出すべきではあるまいか。 *В партии сильно сопротивление, и, вероятно, не следует резко заявлять на совещании по обсуждению обещаний, данных властью, на котором будут присутствовать премьер-министр Хатояма Юкио и генеральный секретарь Одзава Итиро, что «невозможно полностью ассигновать бюджет на следующий год».*
- 6) в конструкции 間違いないだろう 間違いあるまい
かつて核搭載艦が横須賀や佐世保などに寄港していたことは間違いあるまい。 *Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что раньше в порты Ёкосука, Сасэбо и другие заходили суда с ядерным оружием на борту.*
- 7) в конструкции запрещения Vてはならないだろう Vてはなるまい
その議論も忘れてはなるまい。 *И эти дебаты, вероятно, следует забыть.*
- 8) в выражении возможности совершения действия Nできないだろう Nできまい
核持ち込みの可能性が事実上なくなった後も20年近くも国民にウソを繰り返してきたことは言い訳できまい。 *Наверное, нельзя оправдать то, что народ обманывают и спустя 20 лет, когда фактически исчезла возможность ввоза ядерного оружия.*
- 9) в конструкции Vものではないだろう Vものではあるまい
とえるものではあるまい。 *Вряд ли это можно назвать уступкой.*
- 10) в конструкции Vわけにはいかないだろう Vわけにはいくまい
であればなおさら、日本側の申し入れを無視した対応は認めるわけにはいくまい。 *Если так, тем более нельзя, наверное, согласиться с тем, игнорируются предложения японской стороны.*

Проведенное исследование показало, что формы с *まい* в последнее время стали широко использоваться в публицистическом стиле. Вероятно, учебники, учебные пособия необходимо дополнить примерами употребления *まい* в различных грамматических конструкциях, чтобы студенты, встречая эти формы в газетном тексте, могли их легко понимать.

(Опубликовано: Сборник «Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов», М., 2011)

Транспонирующие суффиксы письменного стиля японского языка

В японском языке употребляются суффиксы, способствующие переводу лексемы из одной части речи в другую, так называемые транспонирующие суффиксы [1, 530]. В этой статье разбираются транспонирующие суффиксы, встречающиеся в письменном стиле японского языка.

Суффикс がち

Суффикс がち. Суффикс がちвносит значения легко возникающей ситуации, преобладания качества или явления, частоты действия. Суффикс がちупотребляется с существительными ваго, канго, гай-райго и с глаголами в форме 2-й основы, например:

山がちで比較的降水量の多い日本では、河川による侵食・堆積作用がさかんである。*В покрытой горами Японии, где выпадает сравнительно много осадков, часто возникает эрозия и нагромождение камней в русле рек.*

このところ会社の状態が不景気で、毎月の給料も遅配がちなので。*В данный момент ситуация в компании плохая, постоянно происходят задержки с выплатой ежемесячной зарплаты.*

処遇の問題でも非常に不十分で、研究者が民間企業にシフトがちである。*И с точки зрения отношений, всё несовершенно, слишком часто меняются исследователи на частных предприятиях.*

日韓は隣り合うだけに歴史的なかわりは深く、感情ももつれがちだ。*Поскольку Япония и Южная Корея соседи, то исторические связи глубокие, и чувства по отношению друг другу всегда сложные.*

Слово с суффиксом がちпереходит в разряд полупредикативных прилагательных и изменяется как полупредикативное прилагательное, например:

他の評価にも影響を及ぼしがちなことを指します。*Указывают, что это постоянно оказывает влияние и на другие котировки.*

小学四年生は欠席がちになった。*И 4-классники младшей школы стали часто пропускать занятия.*

その一因はダムとか、道路とか、ハード面に偏りがちで、どうも民衆のところまで行き届かないところにある。*Причина в том, что упорно настаивая на строительстве дамбы ли, дороги, твердого покрытия, — они совсем не принимают во внимание мнение граждан.*

特に日中間には歴史的な原因もあって、中国の政府や国民は感情的な日本批判に傾きがちだ。*В отношениях между Японией и Китаем*

в силу исторических причин правительство и народ Китая постоянно эмоционально критикуют Японию.

Суффикс *がち* указывает на чрезмерность или частоту явления, действия, при этом слово с суффиксом *がち* несет отрицательную характеристику, например, *山 гора — 山がち гористая (местность, не подходящая для ведения сельского хозяйства), もつれる запутаться, осложниться — もつれがち слишком сложная, запутанная (ситуация).*

С суффиксом *がち* употребляются в основном глаголы во 2-й основе, редко существительные *ваго* и *гайрайго*. Существительные *канго* встречаются чаще, но список существительных, употребляющихся с *がち*, невелик, в основном, это слова, несущие отрицательную информацию, например: *不眠 бессоница, 不足 нехватка, 病氣 болезнь, 遠慮 застенчивость, 沈黙 молчание, 遅配 задержка выплаты, 肥満 полнота* и др.

Глаголы, употребляющиеся с *がち*, большей частью также имеют негативную окраску, например: *沈む быть унылым, подавленным, とぎれる прерваться, ためらう колебаться, 嘆息する сожалеть, вздыхать, 失なう потерять, われる разбиться, 俯く повесить голову, 偏る быть склонным, 忘れる забывать, 陥る впасть (во что-либо), 遅れる опаздывать, 怠る лениться, 伏し目になる потупить взор, 敬遠する сторониться (кого-либо)* и т.д.

Глаголы, имеющие положительное значение, с суффиксом *がち* описывают действия, повторяющиеся слишком часто, из-за чего возникают неприятные ситуации, т.е. такие глаголы с суффиксом *がち* передают негативное значение, например: *休む отдыхать — 休みがち слишком много отдыхать (а это плохо).*

Суффикс *たる*

Суффикс *たる* употребляется в современном письменном языке как суффикс, превращающий существительные, именные основы в полупредикативные прилагательные в определительной позиции, например:

日本の多国籍企業の代表たる総合商社を叩いて無力化させる。 *Наносят удар по японским объединенным торговым фирмам, представляющим транснациональные предприятия, оставляют их без денежных средств.*

工産物の主たるものは、織物、日用雑貨、金属類である。 *Главные виды продукции — ткани, различные товары повседневного спроса, изделия из металла.*

Суффикс *たる* имеет дополнительное значение — качество, выраженное словом с данным суффиксом, характеризуется как превосходное, например:

指揮官たる管理職は、必要とあればときに部下に対して「玉碎してこい」と理不届な命令もしなければなりません。Управляющие, обладающие способностями руководителя, должны, если необходимо, то «воевать до последнего» за своих подчиненных, и отдавать разумные четкие приказы.

Суффиксなる

Суффикс なる также употребляется в современном письменном языке как суффикс, превращающий существительные, именные основы в полупредикативные прилагательные в определительной позиции, например:

それは救助の対象には当然なるでしょう。Наверное, это — естественный объект для оказания помощи.

政府側との関係の深さなどの種々の要素によってさまざまな単なる構造のものがあつたであろう。Вероятно, существовали разнообразные простые структуры, созданные по разным причинам, например, на основе тесных отношений с правительством.

Суффикс なる употребляется с ограниченным количеством слов, с некоторыми основами суффикс なる в процессе лексикализации образовал новые слова, например: 単なる простой, 聖なる святой.

Суффикс 難い

Суффикс 難い присоединяется ко 2-й основе глагола, обозначает трудность, невозможность совершения действия, например:

米国側の当事者からのヒアリングも十分とはいひ難い。Трудно сказать, что было достаточное понимание со стороны заинтересованных лиц Америки.

Слова с суффиксом 難い употребляются как предикативные прилагательные, например:

インドネシアは住み難い国です。Индонезия — это страна, в которой трудно жить.

現在のところ一般廃棄物の資源化，再利用は十分とはいひ難く，資源化，再利用への取り組みが期待される。В настоящее время трудно сказать, в полной ли мере происходит превращение отходов в ресурсы, и используются ли они вновь, ожидается заключение контрактов на переработку вторичных ресурсов и их использование.

どれが敵か、だれが味方か、判別しがたい。Трудно различить, кто враг, кто — друг?

Некоторые слова даются в словаре с суффиксом 難い, например: 耐えがたい *невыносимый*, 信じがたい *невероятный*, ありがたい *желанный*, добрый и т.д.

Суффикс 難い употребляется в основном в письменном стиле японского языка.

Суффикс にくい

Суффикс にくい также присоединяется ко 2-й основе глагола, обозначает трудность, невозможность совершения действия, например:

輸出拡大への思惑から自国通貨安を容認する欧米各国の姿勢は変えにくい。 *Трудно изменить* позицию Америки и европейских стран, решающих в целях расширения экспорта обращение своих дешевых валют.

Слова с суффиксом にくい переходят в разряд предикативных прилагательных, например:

各国の足並みがそろいにくい面もある。 *Есть такие области, где странам сразу трудно идти всем в ногу.*

通貨価値がどんどん目減りしそうな国は投資資金が集まりにくい。 *В странах, где явно быстро понижается стоимость национальной валюты, трудно собрать капитал для инвестиций.*

クラスター爆弾を積んだ航空機は、条約批准国では燃料補給などの協力を受けにくくなる。 *В странах, ратифицировавших договор, самолёту с кассетными бомбами на борту станет сложно получить помощь — заправку горючим и др.*

К слову с суффиксом にくい может присоединяться суффикс прилагательных さ, превращая прилагательное в существительное, например:

制度のわかりにくさは、それ自体が不信を招く要因だ。 *Трудность понимания системы — причина, вызывающая сама по себе недоверие.*

Различие в употреблении суффиксов 難い и にくい в том, что にくい употребляется с глаголами действия — 落ちる *падать*, 出る *выходить*, 読む *читать*, 入る *входить*, 燃える *гореть* и т.п., исключение — глаголы わかる *понимать*, 理解する *понимать*, 解く *решать*.

Суффикс 難い в основном употребляется с глаголами, обозначающими чувства, эмоции, например, 耐える *терпеть*, 予断する *предсказать*, わかる *понимать*, 信じる *верить* и т.п. Хотя с 難い могут употребляться и глаголы 読む *читать*, 考える *думать* и т.п., обозначающие умственную деятельность человека.

Суффикс やすい

Суффикс **やすい** обозначает легкость совершения или возникновения действия, присоединяется ко 2-й основе глагола, например:

国は地元が使いやすい制度を整え、権限と財源をつけて任せ
る。*Страна создает систему, при которой легко использовать мест-*
ные ресурсы, полагается на свои полномочия и финансовые ресурсы.

子どもの脳症を最も起こしやすいタイプである。*Это — штамм*
(гриппа), который очень быстро вызывает у детей воспаление мозга.

Слова с суффиксом **やすい** переходят в разряд предикативных
прилагательных, например:

取りやすいところからとる安易な議論でない。*Это не дискуссия*
о том, как взять (средства) оттуда, где их легко взять.

その要因を考えるためには、輸出金額を数量と価格に分解して考える
とわかりやすい。*Легко понять, чтобы осмыслить эту причину, ана-*
лизируют сумму денег от экспорта по количеству товара и его цены.

患者にとって、大づかみに費用を理解しやすくなる、とは言えそう
だ。*Явно можно сказать, что для пациентов легко станут понятны*
приблизительные расходы.

Литература

1. В.М.Алпатов, П.М.Аркадьев, В.И.Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008

(Опубликовано: Сборник: «Японоведение сегодня
(общество, культура, язык)», серия Вопросы японоведения,
№ 4, том 1, изд-во Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург, 2012)

Бунго в современных газетных текстах

Из бунго в современный язык перешло много форм. Некоторые
из них были описаны выше.

Какие же ещё формы старописьменного языка употребляются
в современных газетных текстах?

1. Из бунго в современный язык перешел суффикс одновременности совершения действия **つつ**, образующий деепричастие одновременности, например:

兵器は進化しつつ多様化している。*Вооружение, идя в ногу с про-*
грессом, становится все разнообразнее.

Глагол в форме на **つつ** или **つつも** имеет значение «хотя и ...»,
например:

民間金融機関との協調の必要性は確認しつつも現時点でのルールづくりは秋以降に持ち越されそうだ。 *Хотя и подтверждается необходимость сотрудничества с частными финансовыми организациями, но создание правил, необходимых в настоящий момент, явно перенесут на осень.*

2. Из бунго заимствована и форма показателя длительного вида *つつある*, например:

なお、先進各国からも具体的な資金・技術の提案が出されつつある。 *Конкретные инвестиционно-технологические предложения выдвинуты также и от развитых стран*

В этой форме глагол может также употребляться и в определительной позиции, и в срединной форме в качестве однородного члена предложения, например:

堀野社長は、社員の意識改革が進みつつあることを確信している。 *Президент компании Хорино уверен, что сознание сотрудников его фирмы перестраивается.*

フォード方式に代表される大量生産の優位が失われつつあり、柔軟な専門化によって代わられつつある。 *Теряется превосходство крупных производств, работающих по системе Форда, производства меняются для диверсификации.*

3. В текстах употребляется из бунго суффикс прошедшего времени глаголов *き*. Этот суффикс присоединяется ко второй основе глаголов.

Например, слово *ありき* образовано от глагола *ある*, то есть 2-я основа *あり* + суффикс прошедшего времени *き*. Слово *ありき* имеет значение — «было».

政府の申し入れに沖縄は「辺野古移設ありき」の協議には応じられないとの立場だ。 *В предложении правительства отражена позиция Окинавы о том, что они не могут согласиться на обсуждение «уже ранее обговоренного» переноса строительства (базы) в Хэноко».*

4. В определительной позиции прилагательных употребляется суффикс бунго *き*. В газетных текстах в форме на *ки* основном встречалось прилагательное *ない*, которое образует слитное словосочетание с существительным *канго*, с корневой морфемой или с *гайрайго*, например:

鳩山首相自身が、「常時駐留なき安保」を持論とし、*米* 米国離れ *志* 志向を見せていたことも、混乱を招く一因となった。 *Одной из причин, вызвавших разногласия, было то, что сам премьер-министр Хатояма постоянно говорил: «договор безопасности без постоянного присутствия (войск)», и стремился к обособлению от Америки.*

署名式はオバマ大統領が昨年4月に「核なき世界」をめざす方針を示す演説を行った広場を望むプラハ城で行われた。*Процедура подписания договора состоялась в Пражском дворце, выходящем на площадь, где президент Обама в апреле прошлого года произнес речь о курсе на «безъядерный мир».*

第一の課題は、内需を中心としたインフレなき持続的成長を確保していくことであります。*Главная задача — обеспечить устойчивый рост потребления внутри страны без инфляции.*

5. В текстах употребляется суффикса し — суффикс заключительной формы предикативных прилагательных в бунго. С этим суффиксом в газетных текстах встречается прилагательное *なし* — *なし*.

なし употребляется самостоятельно как существительное в значении «отсутствие», например:

一方で、自由診療が広がると薬などの安全性の確認がおろそかになる、お金のあ**なし**で受けられる医療に大きな差ができてしまう、といった慎重論も根強い。*Вместе с тем, сильны осторожные высказывания: если распространится свободное медицинское обслуживание, то не станут ли небрежно относиться к подтверждению безопасности лекарств, не возникнет ли большая разница в обслуживании для тех, у кого есть деньги или их **нет**.*

なし может присоединяться к именам в значении предлога «без», например:

それ**なし**に「たらい回し」に走るのは、民主党の自己否定に等しい。*Без этого бег «по очередности» похож на самоотрицание демократической партии.*

Словосочетание *待ったなし* в процессе лексикализации получило значение «невозможно ждать», например:

医療崩壊を防いだり、介護・少子化対策に力を入れたりすることは待った**なし**だ。*Невозможно ждать, когда предотвратят разрушение системы медицинского обслуживания, направят усилия на меры по уходу за престарелыми и на решение проблем, связанных с уменьшением рождаемости.*

6. Определительная форма глагола-связки *たり* — *たる* употребляется в современном письменном языке как суффикс, превращающий существительные, именные основы в непредикативные прилагательные, используемые только в определительной позиции, например:

韓国が「断固たる措置をとる」と言えば、北朝鮮は「全面戦争で応える」とやり返す。*Когда Южная Корея говорит: «Примем жесткие меры», Северная Корея отвечает: «Можем ответить войной».*

米軍普天間飛行場の移設問題は、その最たる例といえる。 *Проблему переноса аэродрома американской военной базы Футэмма можно назвать самым показательным примером.*

7. Связка たる, соответствующая современной связке である, употребляется в форме たらう (であろう), например:

最高指導者たらうとするにしては、けじめがなさすぎるのではないか。 *Для человека, собирающегося стать высшим руководителем, не слишком ли выделяется его обычность?*

8. Встречается глагол-связка なり в форме なる в роли суффикса при превращении именных основ в непредикативные прилагательные, которые употребляются только в определительной позиции, например:

さらなる検証が必要だ。 *Необходимо новое расследование.*

9. Глагол-связка なり в условной форме имеет форму ならば。 Эта форма используется в современном языке в качестве условного союза, присоединяясь к заключительной форме глагола, например:

そうした「学校自治」が実現するならば、学びの場は大いに元気を取り戻すはずだ。 *Если реализовать такую «автономию школ», то, должно быть, вернем в школу абсолютно здоровую атмосферу.*

ならば может присоединяться и к существительному, передавая значение «если», например:

日本の言葉や文化に慣れない外国人ならばなおさらである。 *Тем более если это иностранцы, не знающие языка и культуры Японии, то еще сложнее.*

ならば может употребляться и в начале предложения, говоря о предыдущем высказывании как об условии осуществления действия, обозначенного в данном предложении, например:

ならば、今からでも遅くはない。 *Если так, то даже сейчас не поздно.*

10. В современный язык из бунго перешла частица すら «даже». Эта частица употребляется с существительными, при этом частица すら после показателей косвенных падежей вытесняет показатели именительного, винительного падежей, частицу は。

努力の上での挫折ならまだしも、最初から約束を守る気があったのかという疑問すら浮かぶ。 *Возникают даже сомнения — а с самого начала было ли намерение соблюдать договоренности, если то и дело происходят срывы в работе.*

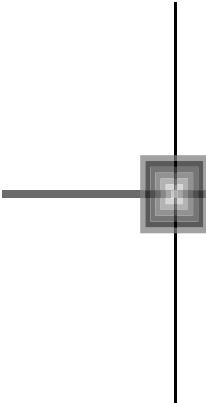
「領土問題は存在しない」と強弁していた時代の旧ソ連の最高指導者ですら、ここに足を踏み入れたことはない。Сюда не приезжали даже высшие руководители бывшего Советского Союза, утверждавшие, что «территориальной проблемы не существует».

Эти примеры наглядно показывают широту использования бунго в современном письменном тексте и говорят о необходимости последовательного изучения грамматики бунго в курсе японского языка.

Литература на русском языке по бунго

1. В.М. Алпатов. Элементы старописьменного языка в системе современного японского литературного языка. Вопросы японской филологии. Выпуск 4. МГУ. 1977
2. Е.В. Маевский. Учебное пособие по старописьменному японскому языку (бунго). МГУ, 1991
3. В.Н. Незамутдинов. Учебное пособие по старописьменному японскому языку, Владивосток, 1984
4. Л.В. Пряхина, А.А. Колесникова. Очерки практической грамматики японского языка. М, 2002
5. А.Н. Столяров Основы грамматики японского литературного (феодалного) языка. М., 1948

(Опубликовано:
Журнал «Вестник Московского Университета»,
Серия 13. Востоковедение, № 2, 2012)

СТРУГОВА

Елена Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры японской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова

С японским языком я впервые встретилась почти пятьдесят лет назад, когда поступив на филологический факультет МГУ, попала в японскую группу отделения структурной и прикладной лингвистики. Боюсь, что до того я не имела представления ни об этом языке, ни о Японии. Поступая в университет, я декларировала свое желание заниматься прикладной лингвистикой — машинным переводом, как тогда это воспринимала. Мне кажется, что наше студенчество пришлось на необычайный взлет отечественной лингвистики: новые, смелые идеи находили оригинальное воплощение в трудах молодых талантливых ученых. Эти ученые так же, как и их маститые предшественники и учителя с огромным энтузиазмом несли свои знания студентам. Выступления на заседаниях научных студенческих обществ, лекции в учебном процессе, общедоступные лекции, конференции собирали огромные аудитории желающих узнать, что происходит в науке о языке. Недостаточная подготовка и весьма средние способности не давали мне в то время возможность осознать масштабы открытий или как-то систематизировать услышанное — я просто, как губка, впитывала все подряд, и даже сейчас порой всплывет какой-то намек на знание, полученное в те годы. Блистательный талант Андрея Анатольевича Зализняка и Игоря Александровича Мельчука, их открытость к общению позволили мне в конце концов как-то ориентироваться в лингвистических концепциях, но на первом курсе это был просто захлестывающий поток информации. Трудно давалась математика. Много позже придет осознание того, какой незаурядной личностью и прирожденным педагогом был наш математик Юрий Александрович Шиханович. Сейчас изданы его книги, в основе которых лежат наши учебные курсы, можно оценить стройность теории и строгость изложения, а тогда казалось, что не поймешь, не запомнишь, не выучишь, не сдашь...

На этом фоне было много привычнее учить язык, даже такой экзотический, как японский. Для Института восточных языков — нынешнего ИСАА мы были «не свои», но кафедра японской филологии не делала никакого различия между своими студентами и нами. Несмотря на разные учебные планы, практическое знание языка нам старались дать в том же объеме, мы могли посещать любые лекции в Институте восточных языков, нас всегда приглашали и привлекали к мероприятиям, на которых происходили встречи с японцами. Мои дорогие Учителя Иван Васильевич Головин, Владимир Сергеевич

Гривнин, Леон Абрамович Стрижак, Владимир Александрович Янушевский, благодаря им сложилась не только моя профессиональная жизнь, но и система жизненных ориентиров.

На пятом курсе, когда я еще не задумывалась над тем, чем буду заниматься после окончания университета, В.С. Гривнин посоветовал мне поступить в аспирантуру и рекомендовал своему другу Игорю Фридриховичу Вардулю. Так я оказалась в Институте востоковедения (тогда он именовался Институт стран Азии АН СССР), окончательно связав себя с японским языком. В то время в Отделе языков было рекордное количество аспирантов, занимавшихся разными языками, нам читали общие лекции, привлекали к участию в отдельных семинарах по синтаксису и фонологии, обсуждению диссертаций — наши молодые научные руководители становились докторами наук. Тема моей кандидатской диссертации была некоторым образом связана с концепцией, которую в шестидесятые, начале семидесятых годов создавал со своей группой И.А. Мельчук, «Модель «смысл⇔текст», а анализ материала — японских фразеологических образований — основывался на предложенном им определении идиоматичности. Мой научный руководитель И.Ф. Вардуль дал мне свободу выбора теоретических концепций, но был очень строг и придирчив (за что ему бесконечно признателна) в отношении фактического языкового материала, его подачи и обработки. После защиты диссертации я несколько лет работала в Отделе языков, периодически занималась преподаванием, а в 1979 году стала штатным преподавателем Института стран Азии и Африки. Мои вчерашние учителя оказались моими коллегами, и я была счастлива долгие годы работать рядом с ними, продолжать учиться у них, пользоваться их опытом и постоянным дружеским расположением.

В 90-е годы Японский Фонд начал активную деятельность по распространению японского языка в России. Тогда японский язык стали преподавать в средних школах, можно было получить грант или поехать в командировку в Японию для написания учебника японского языка. Я параллельно с университетом несколько лет преподавала японский язык в школе. С коллегой, близкой мне по духу Наташей Шефтелевич мы решились написать учебник для начального уровня обучения. Идея состояла в том, чтобы дать максимально простое изложение правил, которые составляют основу функционирования языка с тем, чтобы после этого учебника можно было

читать и разбираться в оригинальных, неадаптированных текстах. Работа над учебником затянулась, потому что нам хотелось пойти в изложении по новому пути: не по привычному, когда за основу берется форма и объясняется ее содержание, а так, чтобы описать переход от связанного с ситуацией содержания к его форме. Учебник был опубликован, выдержал три издания и теперь живет своей жизнью.

Со студенческих лет все мы мечтали побывать в Японии, увидеть страну, почувствовать язык в его естественной среде. Я впервые оказалась в Японии достаточно поздно, но впоследствии бывала там регулярно. Самые лучшие впечатления от профессионально ориентированных поездок связаны у меня со стажировками в Международном центре японского языка в г. Урава и научными командировками в университет Васэда. Моя близкая подруга японист из С. Петербурга Ирина Басс познакомила меня в Токио с членами общества Гэнгогаку кэнкю:кай, организатором, идейным вдохновителем и несомненным лидером которого был профессор Окуда Ясуо. В 1995—96 гг. мы посещали еженедельные заседания, на которых делались и обсуждались доклады, связанные в большинстве случаев с вопросами грамматической семантики, бывали на конференциях этого общества, куда съезжались со всей Японии преподаватели японского языка — от университетских до преподавателей начальных школ. Всех их объединяла поставленная профессором Я. Окуда цель — соединить научные исследования в области японского языка с задачами обучения родному языку прежде всего в школе. Для меня, безуспешно пытавшейся увязать преподавание и научные интересы, это был во всех отношениях ценный опыт.

В начале века счастливый случай дал мне возможность заняться переводом. Период работы над тетралогией Мисима Юкио «Море изобилие» был, наверное, самым счастливым в моей жизни в японском языке: филологический анализ текста, магический момент проникновения (или ошибки) в замысел автора, длительные и запутанные поиски неизвестных понятий, «узнавание» реальных мест, реальных маршрутов, реальных ситуаций, что нашли отражение в художественном тексте.

Я больше тридцати лет преподаю японский язык в ИСАА МГУ. Мои ученики разбросаны по всему миру, некоторые из них после окончания университета не связали свою профессиональную деятельность с японским языком, но я уверена, что в свое время они испытали его магию и притягательность.

Японский язык дал мне многое — любимую профессию, круг интересов, встречи с достойнейшими людьми, сокурсников и давних друзей, с которыми мы встретились под обложкой этого сборника. Сейчас у меня появилось достаточно свободного времени: я могу читать по-японски то, что мне хочется или что в данный момент интересно, и, главное, не хвататься поминутно за карандаш, чтобы отметить те места, которые потребуются как языковой материал в преподавании или для исследовательской работы. И я жду от японского языка новых откровений.

Е. Стругова

Январь 2013 года

К типологии конструкций с именами пространственной ориентации

Под этим названием объединены написанные ранее и незначительно доработанные статьи (5, 6) относящиеся к по-прежнему привлекающей нас теме семантической типологии.

Значения, передающие пространственные отношения «верх-», «низ-», «перед-», «зад-», «внутри-», «вне-» и т.п., отражая общую картину мира, по-видимому, выражаются в разных языках единицами с общими синтаксическими свойствами: в предложении они должны быть связаны со словами, благодаря которым и реализуют конкретное пространственное значение. Названным единицам в разных / языках, а порой и в пределах одного, может придаваться статус или знаменательных слов, или служебных. Так, в описаниях японского языка, традиционно ориентированных на практические цели, в частности, обучение, единицы данного семантического класса в силу их синтаксических и парадигматических свойств относят к группе служебных — отыменных послелогов. Придание рассматриваемым единицам разного статуса свидетельствует, очевидно, о их объективных свойствах, не зависящих от субъективных оценок лингвистов.

Для уяснения данных свойств и их адекватного описания чрезвычайно значимыми оказываются результаты исследований, принятых в этой области выдающимися лингвистами современности. В.В. Иванов сформулировал диахроническую универсалию, которая говорит о развитии притяжательных конструкций с двумя существительными, одно из которых имеет значение части тела или *пространственное значение* (курсив наш — Е.С.), в конструкции с предлогом или послелогом, или, обобщая, о постепенном переходе имени со значением пространственной ориентации из разряда знаменательных слов в разряд служебных (предлог или послелог)

(4, с.45, 47). Исходя из этого, мы полагаем, что разные языки отражают разные этапы этого пути.

В.В. Иванов использовал огромный материал, в том числе мертвых (хеттского) языков, но в указанной работе не привлекает данные японского языка. Тем более интересно рассмотреть последние в свете предложенной универсалии.

И.Ф. Вардуль в свое время дал прекрасно аргументированное описание функционирования этих слов в японском языке как знаменательных (2, с.36—37).

Однако знаменательность может иметь, что называется, разную степень в зависимости от условий реализации слов с пространственным значением. Ю.Д. Апресян, развивая идеи М. Бирвиша, предложил анализировать их семантику, исходя из различия условий абсолютной и относительной ориентации (1, с.110—111).

Абсолютная ориентация предполагает, что пространственное слово обозначает часть предмета, или имеющего определенное, независимое от положения предмета в пространстве строение, или постоянно ориентированного в пространстве. Такие слова образуют семантический класс имен с общим признаком «пространственно фиксированная неотчуждаемая принадлежность предмета». Как служебные, что видно, например, по материалу японского языка, обычно рассматриваются пространственные имена, функционирующие в условиях относительной ориентации, их общее значение — «указание на некую точку/часть пространства относительно указанного ориентира». Названное значение предопределяет и их синтаксическую функцию — они выступают в роли обстоятельств места или времени, поэтому статус «служебности» этих имен поддерживается свойственной им дефектной парадигмой. Мы предполагаем подробнее разобрать типы их значений и единообразно описать два названных класса словарных единиц как множество пар, в которых выражено естественное пространственное противопоставление.

Пространственное противопоставление «верх»—«низ» задается парой *уэ* — *сита*. В условиях абсолютной ориентации в притяжательных конструкциях, где подчиненный член — имя предмета, имеющего определенное строение, указывает на его часть: *Хитоцу тэмаэ но мити дэ магаттэ симатта кото га, яма но уэ кара миоросу то сугу ёку вакатта*. (СМ, с.187). «То, что мы на нашей дороге повернули, стало совершенно ясно, как только мы посмотрели с вершины горы...»; *До:ситэ ка китагава но эда дакэ га уэ мадэ сук-*

кари карэтэ... (КЯЮ, 14). «Почему-то до **верха** [дерева] полностью засохли только ветви с северной стороны»; ...Суйся коя но сита мо сикиттэ... (СП, 1975, 21.III, с.84). «**Низ** тесного **помещения** водяной мельницы тоже перегородили...»; ...Соно яма но фумото, дзиндзя но исидан но сита дэ ватаситати ва куцу о нугасарэта. (СМ, с.183). «В храме у подножия этой горы в начале [**низу**] каменной **лестницы** нас заставили снять обувь». Так же члены указанной пары употребляются в сочетании с именами предметов, симметричных относительно горизонтальной оси, но ориентированных в пространстве: а) навсегда *Гаро: но хэкимэн ни, уэ кара сита мадэ э инпай ни нарабэру* (СА, 1975, 31.1, с.99). «**На стенах** картинной галереи **с верха до низа** тесно вывешивают картины»; б) на данный момент: ...*хасира но уэ ни хаттэ атта, нани ка но гофу га хагарэ...* (СМН, с.8). «...сорвал талисман, прикрепленный **наверху** к **палке**».

В японском языке тоже наблюдается характерное «для архаичных индоевропейских именных основ совмещение значений ориентации в топографическом пространстве и в пространстве социальном» (4, с.48). Оно выражается посредством лексем *уэ—сита* в противопоставлении **верх — низ** «высший — низший»: *Гэнко: ганнэн (1331) нацу, кё: но мяко ва уэ о сита э но о:саваги дэ атта.* (СМ, с.66). «В первый год Гэнко: (1331) в столице, в Киото случился переполох, перевернувший все вверх дном (букв. **верх низ**)».

Противопоставление «перед(няя часть)» — «зад(няя часть)» реализуется в паре *маэ—усиро*. В сочетании с именами предметов, способных к перемещению в пространстве: ... *кю:до: о сидзэнни сандо: но маэ э митибикарэтэ ику то, курума дэ норицукэру но то ва маттаку бэцуна омомуки га ару* (СМ, с.290). «Когда старая дорога естественно направляет тебя к **началу** [**передняя часть**] **храмового пути**, вид совсем другой, чем когда подъезжаешь на машине»; *Такуси: га ияна ото о татэтэ томару то, усиро кара кэмури о фукидасита* (КЯМ, с.100). «**Такси**, издав неприятный звук, остановилось и выпустило **сзади** [струи] дыма». В сочетании с именем лица: *Со:ситэ онадзи рэ:су но эри га... соно хидэ ва маэ э куру ни цурэтэ, маруми га фукаматтэ иру* (КЯМ, с.100). «И воротник из того же кружева... его складки закругляются по мере того, как они переходят на **перед**»; *Канодзё ва ками о, мисэ дэ то онадзи ё: ни усиро дэ матомэ* (СГ, 1975, 13.111, с.69). «**Она** собрала волосы **сзади** так же, как в магазине».

Обычно противопоставление лицевой и обратной сторон осуществляется в паре *омотэ (мэн) — ура*. Эти единицы употребля-

ются: с именами, обозначающими человека *Омотэ ни дэта кото мо най ходо найкина имо:то датта* (СтС, 1965, № 12, с.149). «Это была младшая сестра, такая скрытная, что на **лице** [ее] ничего не выражалось»; с именами предметов, имеющих определенное строение — различающих лицевую и обратную стороны *Соно о:ги но омотэ ни нани яра дзи га ситатамэраэтэ иру но о мита* (СМН, с.75). «Он увидел, что на **лицевой стороне веера** написаны какие-то знаки»; *Эма но ура ни мо,... судэни хэндзи ва накатта* (СМН, с.159). «И на **обратной стороне таблички** [с изображением лошади], ... уже не было ответа»; *Омотэ ва иккайдатэ мо ура кара миру то... хасирагуми га омосирой...* (СА, 1976, 14.III, с.7). «Одноэтажное с **фасада** [здание], если посмотреть [на него] с **обратной стороны**, интересно [своими] колоннами»; с именами предметов, у которых лицевая сторона определяется как сторона, обращенная в данный момент к наблюдателю: *Соно рэко:до но онадзи мэн о мата какэта* (КЯМ, с.140). «Она опять поставила пластинку той же **стороной**».

Пространственное слово *саки* при абсолютной ориентации указывает на часть предмета, обладающего определенным строением: а)предмет является неотчуждаемой частью другого, обладает некоторой протяженностью и часто имеет сужение в той части, в которой граничит с пространством, а не соединен с целым — в этом случае *саки* указывает на часть, примыкающую к этой границе: *Эда но саки ни юки га цумору...* (СС, 1975, 20.III, с.59). «На **концах ветвей** лежит снег»; *Ватаси ва нэдоко о хаиру то сугу аси но саки мадэ поппо ситэ куру но* (КЯЮ, с.19). «Я, как ложусь в постель, сразу согреваюсь до **кончиков пальцев [ног]...**» (ср. с соответствующими морфемами в сложных словах *юбисаки* «кончики пальцев», *цумасаки* «кончики ногтей»), б)предмет ограничен пространством с обеих сторон, является орудием действия, причем при обычном употреблении собственно инструментом служит определенная часть — в таком случае *саки* указывает именно на нее: *...хаси но саки ни тойта коро...* (СтС, 1965, № 11, с.87). «...примерно тогда, когда [жир] растаял на **кончике палочек** для еды...»; *Синсукэ ва ко:хи: тя-ван но соко ни сато: га сироку таматтэ иру но о супу:н но саки дэ сукуттэ...* (СГ, 1975, 13.III, с.48). «Синсукэ зачерпнул **концом ложки** сахар, осевший белым на дне кофейной чашки».

Внутренняя часть предметов, замкнутых в пространстве со всех сторон, обычно обозначается пространственным словом *нака*: *... мити га варуку, токидоки когава но нака о вататтари суру.* (СМ, с.108). «Дорога была плохой, время от времени [мы] **вплыв** пе-

реправлялись через **речки**»; *Соно отоко ва дзукин но нака дэ сивасивато варапта* (СМН, с.80). «Мужчина **под капюшоном** хмуро засмеялся». Значение «внутренняя часть» пространственного слова *нака* противопоставляется значению «поверхность», свойственному лексемам *омотэ* и *уэ*: *Бако га фурихаратта янаги но ха га мидзу но омотэ ни титтэ ита* (КЯМ, с.106). «Брошенные Бако листья ивы рассыпались по **поверхности воды**»; *Нику но ацуми но самбун но ни гурай мадэ ни уэ кара комакаку кирэмэ о цукэ...* (СтС, 1965, № 11, с.134). «На **мясе сверху** сделайте тонкие надрезы примерно на 2/3 в толщину...». Лексеме *нака* «внутренняя часть» близка лексема *оку* как по однотипности синтаксических конструкций, в которых реализуется их пространственное значение, так и по наличию общих семантических признаков: *Аа, ано роби: но оку ни ару «сян» то цу: ба: дэс нэ* (СГ, 1975, 13.111, с.68). «Аа, это не тот ли бар «Сян», что в **глубине вестибюля** отеля». Различие между двумя лексемами состоит в присущем лексеме *оку* оттенку значения «внутренняя часть, которая находится дальше от наблюдателя». Ср.: *Ватакуси ва цукуэ но нака кара... фу:сё о торидаситэ...* (ИЯР, с.67). «Я достал **из стола** запечатанное письмо...»; *Ватаси ва цукуэ но оку кара никки о торидаситэ кимасита* (ИЯР, с.59). «Я достала дневник из **глубины стола**».

В сочетаниях *нака* с соматическими по функции словами реализуется характерное для *нака* и для рассмотренных ранее пространственных слов, употребляемых в условиях абсолютной ориентации, значение принадлежности: *Соситэ томосибидэ ва канодзё но као но нака о нагарэтэ то:ру но датта* (ИТЯ, с.8). «Затем свет лампы заскользил **по** ее лицу»; *Дзибун но карада но нака дэ мада дзибун но иноти га мякууттэ иру* (ИТЯ, с.166). «**В** моем теле еще бьется моя жизнь».

Таким же образом могут интерпретироваться сочетания лексемы *нака* со словами, обозначающими окружающую среду (в физическом и социальном смысле), а также со словами, обозначающими внутреннее эмоциональное состояние человека: *Карэ ва ёру но ями но нака дэ кирарито хирамэку моно о мита* (ХП, 1975, 10.11, с.118). «Он видел в ночной **темноте** короткие вспышки»; *Айтэ га амэ но нака о тикадзуйтэ куру* (ОК, т. 3, с.71). «Противник приблизился **под дождем**»; *Бимбо: но нака дэ канодзё га карэ о донна ни айси...* (СА, 1975, 31.1, с.100). «Как она любила его **в бедности**...»; *Юкигуни э асоби ни ику кайхокан но нака ни ва...* (ИТЯ, с.79). «**В**

этом свободном **состоянии**, в котором [я] ехал отдыхать в снежную страну...».

Внешнее пространство, очевидно, нельзя противопоставить внутренней части предмета абсолютным образом, так как оно является принадлежностью безбрежного по ощущениям космоса. Противопоставление «внутренняя часть — внешняя часть (не поверхность)» реализуется в частном случае как *нака* «внутренняя часть [дома]» — *омотэ, сото* «улица, снаружи»: *Кадзарицукэ дэ мо, ути но нака но кукки дэ мо отоко ниой ни какэтэ ита* (БС, 1971, т. 49, № 15, с.355). «И в убранстве, и в атмосфере **внутри дома** недоставало духа мужчины»; *Доа но кайхэй но ото га си, карэ ва сэнака о кодзукарэтэ нака ни хаири...* (СС, 1975, 20.Ш, с.69). «Раздался звук хлопнувшей двери, и он, получив удар по спине, вошел **внутри...**»; *Фую но самуй но ни омотэ дэ ю:якэ о митэ итэ...* (КЯМ, с.102). «Несмотря на зимний холод, **на улице** смотрел на багровый закат...»; *Сонна кото о ситара орэ га сото э цумамидаситэ яру* (СБ, 1975, 29.1, с.21). «В таком случае я выпроваживаю [тебя] **на улицу**».

Указателем на сторону предмета как определенную его часть служит пространственное слово *ваки*, которое сочетается с именем предмета при абсолютной ориентации в значении «бок, сторона»: *Карэ но цукуэ но ваки ни ва нан, дзю:май то иу карутэ га цумиканэтэ атта* (ИТЯ, с.127). «**Сбоку** на его **столе** было положено несколько десятков историй болезни». Однако чаще определенная сторона предметов особенно тех, что имеют симметричное строение, уточняется благодаря существующему противопоставлению «левый — правый», которое реализуется в паре *хидари—миги*. Признавая в общем случае относительный характер их значения, связанный с антропоморфическим ориентиром (в частности, левая сторона определяется как та, где у человека находится сердце), можно считать, что данные лексемы в абсолютном значении уточняют часть, принадлежащую предмету: *Бако ва курой су:цу но хидари но мунэ ни буро:ти о цукэтэ ита* (КЯМ, с.100). «Бако приколола брошь на **левую** сторону черного **костюма**»; *Сикободай ва кэса о какэ, мигитэ дэ хидари но содэгути о моти...* (КЯМ, с.110). «Сикободай был одет в рясу, правой рукой [он] держался за **левый обшлаг...**». Морфемы *хидари-*, *миги-* (ср. *мигитэ* «правая рука») выступают как компоненты сложных слов *хидаригава*, *мигигава* «левая сторона», «правая сторона» и задают аналогичные противопоставления при абсолютной ориентации.

Лексема *айда/ма* «промежуток, отрезок» в притяжательной конструкции предполагает контекстную множественность подчиненного имени, или употребляется в сочетании с двумя именами, указывающими границы отрезка — начальную и конечную точки. *О:минэ ва, Ёсиногава но «Янаги но ватари» кара, Кумано-хонгу: ни итару ма но, нагай до:тю: но со:кацу о иу* (СМ, с.310) «[Топоним] Оминэ — это общее название длинного **пути** на его **отрезке** от «Переправы у ив» на реке Ёсиногава до храма Кумано».

Для более полного описания свойств семантического класса, объединяющего единицы с общим пространственным значением, следует обратиться к анализу условий относительной ориентации.

При относительной ориентации пространственные имена определяют положение или движение предметов относительно некоторого ориентира, и употребление их зависит, в том числе, от характера ориентира. Пространственные имена встречаются в японском языке чаще всего как главные члены атрибутивных конструкций и наличие подчиненного члена обязательное условие реализации значений данных слов, так что для их характеристики можно применить понятие «валентность», эффективно используемое для описания синтактико-семантических свойств глагольных лексем. Синтаксическая валентность, свойственная пространственным словам при относительной ориентации, может быть определена как валентность исходной точки. Данное содержание явно выражено в сочетаниях, где подчиненный член имеет форму так называемого исходного падежа с послелогом *кара* или стилистически окрашенным *ёри*. Оба послелога указывают в общем случае на то, что объект, с именем которого они сочетаются, утверждается в качестве исходной точки пространства или времени.

В паре *уэ* — *сита* в условиях относительной ориентации реализуется пространственное противопоставление, соответствующее противопоставлению, заложенному в паре русских предлогов «на (над)—под». Особенностью японского языка является симметричность отношений в этой паре: оба ее члена могут указывать как на контактное (на, под), так и на неконтактное (над, под) положения в пространстве точки и ориентира. Выбор той или иной интерпретации в ряде случаев определяется контекстом, большим, чем предложение.

Указание на контактное положение двух предметов, один из которых служит ориентиром, а местоположение второго уточняется посредством этого ориентира: *Мароякана адзи га, мада ни сита*

но уэ ни тадайттэ иру. (СМ, с.250). «Тонкий вкус [чая] все еще **на языке**»; *Наоко ва хайдзара о моттэ Дзэнсаку но табако но сита ни атэгатта* (АК, 1973, 8, с.12). «Наоко взяла пепельницу и поставила **под** [лежавшую на столе] **сигарету** Дзэнсаку». А вот пример расширения значения пространственного имени уэ при употреблении его для ориентации в пространстве социума: ...дзёо: мо мата карэ но уэ ни, *Камакура-дзидай но ко:со: но омокагэ о мирарэта* (СМ, с.213). «...императрице, кроме того, виделся **в нем** образ выдающегося духовного лица эпохи Камакура».

Неконтактное положение предмета и ориентира отражается в употреблении слов уэ и сита в следующих случаях: *Хибия коэн но уэ ни цуки га дэтэ ита* (КЯМ, с.105). «**Над** парком Хибия появилась луна»; *Мацу но сита ни айбики но хитогакэ га... миэта* (КЯМ, с.104). «**Под** [кронами] сосен видны фигуры пришедших на свидание». Для конкретизации пространственного положения предмета относительно некоторого ориентира пространственные слова могут дополняться количественными именами, что выражается в распространении синтаксической конструкции за счет второстепенных членов количества: *Ку мэ:тору мо тама га уэ ни тобу ё:ни...* (СП, 21.111 1975, с.136). «Чтобы пуля летела на целых девять метров **вверх...**». В приведенном предложении наблюдается эллипсис подчиненного члена притяжательной конструкции, эллипсис возможен потому, что ориентиром служит говорящий.

Если ориентир задается внутри предмета, то пространственное слово, как и в ситуации абсолютной ориентации, может указывать на часть предмета: ... *киссуйсэн кара сита ва дайdzё:буна но да. Уэ но хо: бакари го-року хаккэцу га акэрарэтэ...* (ИТЯ, с.199). «...**Нижняя** часть **от ватерлинии** в порядке. Только **в верхней** части появилось несколько пулевых отверстий».

Пространственное противопоставление, соответствующее паре русских предлогов «перед — за», реализуется по-разному в зависимости от характеристики ориентира. Местоположение перед типично стационарным предметам, различающим лицевую и обратную лицевой стороны, уточняется посредством лексемы маэ: *Комако ва кёдай но маэ кара фурикаэттэ...* (КЯЮ, с.9). «Комако повернулась от туалетного столика...». Расположение объекта на некотором расстоянии от обратной стороны ориентира может уточняться при помощи лексемы усиро: *Сирэйбу но усиро ва яма дэсу нэ* (ИТЯ, с.197). «Ведь **за штабом** гора?» *Тэнохира о мими но усиро ни*

атэ... (АГ, 1973, № 1418, с.30) «Положите ладони на затылок (букв. **за уши**)».

То же содержание передается посредством лексем *маэ* и *усиро* при сочетании их с именами ориентиров, различающих лицевую и обратную стороны, или ориентиров способных перемещаться в пространстве: *Томоко ва дандан мэ но маэ га кураку натта* (СтС, 1965, № 11, с.330). «У Томоко стало темнеть в (**перед**) **глазах**»; *Сугу усиро кара куру онна га ё:яку оисугаттэ...*(СМН, 24). «Женщина, которая шла сразу **за** ним, в конце концов почти догнала его».

Точки на отрезке пути движения предмета, который является ориентиром, задают лексемы *саки* «перед» и *ато* «за»: *Соко кара саки ва курума но бэн га накатта* (ИТЯ, с.197). «**Оттуда** **дальше** (букв. «вперед») не было автомобильного сообщения»; *Ато но курума но кайтэки ни фурумуйтэ...* (КЯМ, с.100). «Обернувшись на сигнал следовавшей [**за ними**] машины...»; *Ватаси ва сугу соно отоко но ато о оттэ хаситта* (ИТЯ, с.135). «Я сразу побежал **за** этим **мужчиной**».

Саки скорее, нежели *маэ*, будет использовано тогда, когда положение объекта в пространстве уточняется с помощью количественных параметров. Это находит свое выражение в том, что конструкции с пространственными словами распространяются второстепенными членами, которые по содержанию являются разъясняющими количество: *Кита но хо: яку дзю:ён-го тё: саки ни о:кина о-тэра га аримасу* (СС, 1975, 20.111, с.89). «**В 14—15 тё к северу** есть большой храм»; *Кири га масумасу коку нари, ити мэтору саки мо миэнаку наттэ ита* (СтС, 1965, № 11, с.340). «Туман все сгустился, уже и на **метр впереди** ничего не было видно».

В сочетании с именем лица *маэ* употребляется в переносном значении, например, в следующих контекстах: *Карэ ва Цуруя ро:дзин но маэ дэ нани хитоцу какуситэ оку кото га дэкинай* (ОК, т. 3, с.62). «Он ничего не может спрятать **в присутствии** старика **Цуруя**»; *Норико ва... карэ но маэ дэ ва касяку о обоэта* (СП, 21.У 1975, с.100). «Норико **в его присутствии** испытывала муки».

При относительной ориентации однотипно употребляются пространственные слова *ваки* и *соба* в значении «возле, рядом». На первый взгляд кажется, что *ваки* чаще предполагает наличие в качестве ориентира человека *Рё: тэ о атама но ваки ни оти...*(СтС, 1965, № 12, с.101). «Положите руки по обеим **сторонам** головы [ребенка]», но есть и другие языковые примеры *Ходо: но ваки ни мо, амзрика но синкэй но курума га угокидаситэ ита* (КЯМ, с.107).

«И **рядом** с тротуаром тронулась американская машина новейшей марки»; *О-до: но ваки о хаитта токоро ни, дайси но хака то цутаэ-ру коконоэ но усито: га ару...* (СМ, с.267) «**Сбоку от храма** находится девятиярусная каменная башня — по преданию, это могила великого учителя»; *Гэмба ва, дэнся га сугу соба о хаситтэ иру хаусу...* (СП, 21.Ш, 1975, с.35—36). «Место действия — дом, совсем **рядом** с которым ходит трамвай».

Валентность с содержанием исходной точки реализуется в условиях относительной ориентации у пространственных имен *миги* «справа» и *хидари* «слева»: *Хидари ни магатта ка то омоу то, си-бараку ситэ миги ни магару* (СА, 14.Ш 1975, с.72). «Только что он свернул **налево**, и через какое-то время сворачивает **направо**».

Одной из особенностей конструкций с пространственными именами, когда они выступают в условиях относительной ориентации, является эллипсис имени ориентира, если он совпадает с наблюдателем, рисующим данную ситуацию или участвующим в таковой: *Катааси о маэ ни фумидаси ...* (АГ, 1973, № 1418, с.30). «Выставить одну ногу **вперед...**»; *Соба дэ Рури га кийтэ ита...* (СС, 20.Ш 1975, с.90). «**Рядом** слушала Рури»; *...о:кина исигаки ни соттэ, миги э ноботтэ юку то...коварэта исиботокэ я усито: надо га руйруй то цумиагэрарэ...* (СМ, с.258). «Если вдоль каменной ограды подниматься **вправо**, то там горой нагромождены разрушенные каменные Будды и каменные башни...». Сравним это с более сложными способами указания расположения предмета в пространстве: *Наоко ва... дзатаку но маэ ни, Дзэнсаку ни мукаттэ суватта* (АК, 1973, № 8284, с.12). «Наоко сидела за [**перед**] низеньким столиком **лицом** к Дзэнсаку»; *Тё:хо:кэй но цукуэ ни саннин но гакусэй га суваттэ ита. Соно муко: ни мадо о сэ ни ситэ Мацуэй га котира о муйта* (ИТЯ, с.101). «За (*пространственное слово для уточнения положения отсутствует* — Е.С.) столом прямоугольной формы сидели три студента. Мацуэй — **напротив**: спиной к окну и лицом **сюда**».

Некоторые слова со значением пространственной ориентации в силу своей семантики способны выступать только в конструкциях, соответствующих ситуациям относительной ориентации. К их числу принадлежат, например, *муко*: «та сторона» или *мавари* «вокруг». Ср. примеры: *Соно тобира но муко: ни мунасий ку:жан га ару* (ИТЯ, с.166). «По **ту сторону** двери — пустое пространство»; *Ториовару то курой ка:тэн но муко: ни коэ о какэру* (ИТЯ, с.125). «[Он] делает снимок, и тут же подает голос **туда** за темную штору»; *Вата-си ва ути но мавари ни каратати но какинэ о цукутта* (ИТЯ, с.133).

«**Вокруг** дома я сделал изгородь из лимонных деревьев»; *Мавари ни рокунин но томодзи га иру* (СМ, с.86). «**Вокруг** [него] шесть человек монахов- прислужников». Более сложно интерпретировать свойства лексемы *айда* «между», так как заданный ориентирами промежутков может быть частью некоего пространства. *Коно дзиндзя ни ва...нихон но о:суги но айда кара, яма га тёкусэцу огамэру ё:ни натта* (СМ, с.114). «В этом храме можно непосредственно поклоняться горе из пространства **меж** двух огромных криптомерий».

Содержание подчиненных членов атрибутивной конструкции, где главным членом выступает *айда*, можно определить как исходную и конечную точки. Определение промежутка пространства в отличие от временного промежутка есть действие, которое не зависит от направленности, то есть от того, какую точку мы примем за исходную, а какую — за конечную. Поэтому эти два различных содержания могут реализоваться в одном члене, если его представляет слово, характеризующее семантической множественностью, или слово, где единственное число не маркировано: *Футари но айда га нидзю: сэнти ходо айтэ иру* (СА, 31.1, 1975, с.47). «**Между** ними (букв. «двумя») было сантиметров двадцать»; ... *соко но янаги но айда ни камэра о суэта н дэс ка нэ* (КЯМ, с.105). «...ведь камеру, наверное, установили **между** тех ив».

В переносном значении *айда* указывает на наличие связи между элементами одного множества, например, множества лиц: *Кобонно: ва до:рё: но айда дэмо ю:мэй дэ...* (СП, 21.Ш 1975, с.37). «Его безумная отцовская любовь известна даже сослуживцам»; ... *сидо:ся но айда ни мо, тайсю: но айда ни мо, ... кангаэката ни хитоцу но какумэй га хицуё: дэ ару* (СА, 31.1, 1975, с.100)... и в **среде** руководителей, и в массах необходима революция в образе мышления».

Указанное переносное значение пространственного имени *айда* соотносимо с употреблением в переносном значении пространственного имени *нака*, задающего отношение «выделения» внутри множества лиц или предметов. По этому семантическому признаку ему может быть противопоставлено скорее служебное по статусу слово *хока* «кроме того, помимо, за исключением», задающее отношение «вынесения лиц или предметов, объединенных в некоторое множество, за пределы последнего»: ... *карэ ва.... сэйнэнкай но рэнтю: но нака ни иру кото дэ карэ но тайдо о хё:мэй сихадэимэтэ иру...* (ОК, т.3, с.91) «Он начинает выражать свою позицию тем, что находится **в** компании молодежи»; *Нингэн-сякай но нака ни ва*

сякай-кико: то хэйко: ситэ... (ИТЯ, с.167). «Параллельно структуре [имеющей место] в человеческом обществе...»

Прямое значение *нака* при относительной ориентации порой трудно отделить от его употребления в условиях абсолютной ориентации. При относительной ориентации *нака*, сочетаясь с именами предметов, замкнутых в пространстве, задает точку относительно граней (границ) данного предмета *Сита но мура э ориу то, Кэй-сан га, сёдзайнаса:ни курума но нака дэ маттэ ита* (СМ, с.44) «Когда [мы] спустились в деревню, оказалось, что господин К. скучает в ожидании нас в машине». Когда *нака* употребляется не в форме падежа локатива, а выступает в предложении как субъект состояния (подлежащее) или объект (маршрут движения), то его значение связано скорее с абсолютной ориентацией: «внутренняя часть предмета, заключенная в границы последнего», причем и предмет, и границы могут быть как вполне конкретными (1), так и воображаемыми (2), (3): *Дзиндзя но кэйдай но нака мо уцукусий* (СМ, с.217). «**На** территории храма тоже красиво» (1), *Аоба но нака о ику кото дзиппун амари, ягатэ саммон ни то:тяку* (СМ, с.228) «Десять с лишком минут езды **среди** (букв. внутри) молодой листвы, и вскоре мы прибыли к воротам храма» (2), *Карэра ва амэ но нака о, цукарэкиттэ Хэйсэндзи но Каннодо: ни тадорицуйта* (СМ, с.268) «Они **под дождем**, наконец, уже совсем без сил добрались до святилища Каннон в храме Хэйсэндзи» (3).

В рассмотренном значении пространственное слово *нака* «внутри» противопоставлено другому пространственному имени *сото* «вне» и образует с ним, как и в условиях абсолютной ориентации, антонимичную пару: *Кися но мадо но сото ни ёакэ га тикадзуйтэ ита* (ИТЯ, с.184). «**За** окнами вагона занимался рассвет»; *Синдзиё: то синдзимаи то, коно якусоку кара сото ни дэтэ икарэру хадзу ва най* (ИТЯ, с.106). «Согласитесь ли вы, или нет, но не должен [он] выйти **из** этого соглашения»; *Мадо но сото ни сасидасита* (СС, 20.III 1975, с.67). «Я отправил это **за** окно»; *Сото ни ногарэру дакэ дэ сэйинпай датта...* (СА, 29.XI, 1974, с.74). «И только он выбежал **из** дома, как помчался изо всех сил...».

Мы ограничились анализом определенной части пространственной лексики. Употребление единиц этого семантического подкласса имен, особенно авторами художественных произведений, говорит о том, что значение их подвижно и порой трудно укладывается в предложенную схему абсолютной и относительной ориентации. Так, у Кавабата Ясунари в «Снежной стране» при описании от-

ражения лица девушки в стекле окна движущегося поезда:...*као но ура о нагарэтэ яман ю:гэсики га као но омотэ о то:ру...* (КЯЮ, с.9). «Вечерний пейзаж, без края простирающийся **за лицом**, проходит **по** [ее] **лицу**...», одна и та же лексема из притяжательной конструкции *као* «лицо» задает разные, на наш взгляд, условия ориентации.

В ряде случаев сложно однозначно интерпретировать не столько характер ориентации, сколько условия, необходимые для употребления самой пространственной лексемы. Ср. *Има мита бакари но наманамасий дзо: о, соно ки но уэ ни кидзанда...* (СМ, с.277). «Живое изображение, которое [мы] только что видели, [он] вырезал **на том дереве**» с ... *Со:о: га кантоку сита эйдзо: о, кацура но ки ни хотта...* (СМ, с.281). «Соо [Касё] вырезал тронувшее его душу изображение из ствола багряника (букв. **в дереве**)». Речи идет о скульптуре и ее копии, обе вырезаны из дерева — отсутствие пространственного имени во втором из цитируемых предложений быть может связано с использованием разных, хотя и синонимичных глаголов, обозначающих способ изготовления.

Все это говорит о том, что следует и дальше с привлечением большого фактического материала анализировать и детально описывать значения пространственных имен. Практическое применение это описание найдет, конечно, при переводе с японского языка на русский и с русского языка на японский. Семантические и синтаксические характеристики пространственных имен японского языка могут быть использованы не просто как иллюстративный материал, поддерживающий диахроническую универсалию, а в первую очередь как интерпретация ее действия. Они могут также быть основанием для придания данным лексемам статуса семантических примитивов — элементарных единиц семантического языка.

Список сокращенных наименований источников

- АК журнал 朝日クラブ
 АГ журнал 朝日芸能
 БС журнал 文藝春秋
 ИТЯ 石川達三 約束された世界 1968
 ИЯР 井上靖 猟銃闘牛1970
 КЯМ 川端康成 舞姫 — 川端康成集9卷1953
 КЯЮ 川端康成 雪国 ※ Там же.
 ОК 大江健三郎 全作品3卷1971
 СА журнал 週刊朝日
 СМ 白州政子 かくれ里、講談社、2010
 СП журнал 週刊ポスト

СС журнал 週刊新潮
СтС журнал 主婦と生活
СМН 早乙女貢忍法陽炎きり
СМН 忍法陽炎きり, 1973

Цитированная литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1976.
2. Вардуль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964.
3. Вардуль И.Ф. Второстепенные члены количества. — В кн.: Исследования по японскому языку. М., 1967.
4. Иванов В.В. Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами. — В кн.: Лингвотипологические исследования, вып. 2, ч. II. М., 1975.
5. Стругова Е.В. Семантический класс имен — указателей направления в современном японском языке (условия абсолютной ориентации). — В кн.: Вопросы японской филологии, вып. 5. Издательство Московского университета, 1981.
6. Стругова Е.В. Значение относительной ориентации у имен с общим пространственным значением в японском языке. — В кн.: Новое в японской филологии. Издательство Московского университета, 1984.

Теория перевода как учебная дисциплина

На уровне настоящего изложения под теорией перевода мы понимаем совокупность исследовательских работ, которые содержат любые общие положения, связанные с межъязыковыми трансформациями. В литературе неоднократно обсуждался и обсуждается вопрос собственно о существовании теории перевода, но для нас главным является возможность выделения и изучения универсальных моментов перевода, при этом универсальность имеет отношение не только к методам и способам перевода, но и к решению связанных с переводом проблем лингвистического и культурного планов.

В Институте стран Азии и Африки МГУ при подготовке специалистов прививать навыки перевода с японского языка начинают на начальном этапе обучения. На продвинутом и далеко продвинутом этапах при постоянном совершенствовании практических навыков перевода возникает не просто возможность, но и необходимость описания последних как моментов, общих для перевода с одного любого языка на другой. Специальный курс «Переводческие универсалии и проблемы перевода с японского языка на русский» имеет целью представить в доступной форме некоторые положения теории перевода, связывая их с конкретными вопросами перевода с японского языка, а также показать, как при переводе можно отразить его специфические (например, по сравнению с русским или знакомыми западноевропейскими языками) особенности.

Знакомство с теорией перевода начинается с положения, увязывающего перевод с его целью. Это можно показать, приведя некоторые определения языка, в которых отражена его функция. Так если, «Язык есть система знаков», то перевод может рассматриваться как способ перекодирования, например, графических знаков. В том случае, если «Язык есть средство передачи и хранения информации», перевод должен отразить содержание текста на языке источника. Самое распространенное определение «Язык есть средство общения» ставит перед переводом сложную задачу — создать

на переводном языке текст, эквивалентный в плане коммуникация тексту источника. Понятно, что решение последней задачи включает в себя решение предыдущих, поэтому дальнейшее изложение строится на концепции функциональной эквивалентности, принадлежащей ярким фигурам дескриптивной лингвистики Я. де Варду и Ю. Найде, которые настаивают на трактовке перевода как процесса коммуникации.

Разбираются положения названной концепции в свете их значимости для практики перевода. Наиболее общее — методологическое: возможность построения теории на выводах, полученных в результате анализа единственного источника. Я. де Вард и Ю. Найда известны тем, что в течение многих лет занимались переводом Библии с древнееврейского и древнегреческого языков на английский язык с последующим редактированием и адаптацией ее текстов для восприятия аудиторией, образующей среду функционирования младописьменных языков. В обширной литературе, связанной с различными проблемами перевода Священного Писания неоднократно подчеркивалось, что оно включает тексты самых разных жанров, уникально с точки зрения содержания, высокой образности понятий и формы, поэтому конкретные приемы являются основанием для глобальных подходов к переводу. Это говорит о том, что в конкретном языке могут существовать памятники, требующие мобилизации всех навыков перевода, с одной стороны, и позволяющие делать общие выводы по поводу перевода, с другой.

Следующее положение говорит о составляющих коммуникативного процесса. Мы предлагаем некоторую интерпретацию их релевантности для перевода (далее курсив — Е.С.). Источник (*язык оригинала*), сообщение (*текст — авторство, жанр*), адресат (*характер аудитории, ее фоновые знания*), ситуация общения (*непосредственное общение — общение через перевод*), смысловой канал (*смысл, содержание текста*), инструментальный канал (*формообразующие элементы текста*), помехи (*жест, мимика, характеристики шрифта*). Перечисленные составляющие коммуникативного процесса сопрягаются с различными коммуникативными функциями языка, которые так или иначе должны быть реализованы в коммуникативном процессе, а, следовательно, отражены в переводе. Экспрессивная функция сосредоточивает внимание на источнике без учета адресата (*при переводе встает задача создания функционального эквивалента при отсутствии изоморфизма функциональной эквивалентности форм языка источника и языка перевода*). Когнитивная функция наиболее ярко проявляется в форме монологической речи (*при переводе*

требует творческого подхода с тем, чтобы подготовить адресата к восприятию переводного текста). Информативная функция, связанная с содержанием сообщения, как это показано у Я. де Варда и Ю. Найды, при обычном общении двух участников коммуникации не превышает 20 процентов, поэтому не может считаться доминирующей (*при переводе не следует пренебрегать другими функциями в угоду исчерпывающего отражения содержания*). Императивная функция предполагает воздействие на адресата с помощью содержания и формы с тем, чтобы изменить его поведение (*далеко не всегда реализуется путем использования глагольных форм императива, поэтому зачастую создает трудности перевода*). Перформативная функция наглядно предстает при использовании языковых средств, например, в текстах приговора о признании вины обвиняемого и наказании, которое изменяет его социальный статус (*в данном случае ситуация четко обрисовывает коммуникативное намерение, поэтому при переводе не должно возникать сложностей*). Эмотивная функция, соединяясь в процессе коммуникации с другими, реализуется для воздействия на эмоциональное состояние и последующую реакцию адресата (*при переводе следует использовать арсенал стилистических приемов, что требует высокого мастерства*). Эстетическая функция языка рассматривается у цитируемых авторов как синоним поэтической — использование языка с целью придания эмоционально возвышенного эффекта сообщению, поэтому еще в большей степени, нежели эмотивная, требует повышенного внимания к стилевым характеристикам и приемам. Нам, однако, хотелось бы рассматривать эту функцию шире — эстетическое воздействие на адресата посредством разнообразия языковых, прежде всего звуковых форм и приемов (*при переводе многие составляющие эстетической функции попадают в неизбежные потери, но важно осознание их наличия в языке источника*).

Выделение доминирующих факторов и функций коммуникативного процесса определяет многообразие видов перевода. Я. де Вард и Ю. Найда суммируют их в виде следующей последовательности: подстрочный, буквальный, наиболее близкий естественный эквивалент оригинала, адаптированный, реинтерпретированный в терминах культуры переводного языка. Обучение переводу ориентировано прежде всего на наиболее близкий естественный эквивалент оригинала, однако традиционно определяемый как адекватный, этот эквивалент не может быть единственным, последним вариантом. Поэтому мы говорим о том, что результаты переводческой работы могут быть расположены на шкале между двумя крайними точками, привычно называемыми буквальным и вольным перево-

дами, а каждый переводной текст может включать черты, свойственные перечисленным видам, а определяют вид прежде всего адресат и ситуация.

Следующий крупный раздел отводится процессу перевода. Предполагается с максимум деталей представить в виде последовательности действий этапы перехода от текста на языке-источнике к тексту на языке перевода. Другими словами, мы строим универсальную в основных узлах модель, позволяющую эксплицировать работу переводчика. В зависимости от уровня владения языком источника (и языком перевода) большая или меньшая часть операций осуществляется неосознанно, автоматически. Эксплицируя их, мы получаем возможность разобрать на составляющие трудные моменты, определить характер трудностей и найти нужный тип операций.

Необходимо указать на некоторые положения, которым при изложении модели переводческого процесса придается характер аксиом. Это, в частности, отсутствие изоморфизма форм, а порой и содержания в языках, являющихся объектами переводческой деятельности, наличие у переводчика базовых знаний о механизмах функционирования (например, грамматике) привлекаемых языков и, что самое главное, возможность постоянно пополнять эти знания.

Процесс перевода это совокупность операций, осуществляемых между данными в наблюдении объектами «текст на языке источника» (ТИ) $\Rightarrow$ «текст на языке перевода» (ТП). При помощи этих операций происходит анализ ТИ и синтез ТП. Анализ ТИ предполагает движение от формы текста к его содержанию, смыслу, синтез ТП — от выявленного смысла к его выражению, форме нового текста. И анализ, и синтез происходят в несколько этапов, которые, сознательно упрощая описание, мы представляем линейно.

Первый этап движения по схеме текст (источника) (его) смысл — это синтаксический анализ текста. В настоящее время лингвисты сходятся на том, что синтаксический анализ есть необходимое условие понимания текста. Единицей перевода мы, исходя из соображений универсальности, полагаем предложение (отрезок письменного текста между двумя точками, или отрезок звучащего между паузами и характеризующегося определенной интонацией сообщения). Таким образом, процесс перевода начинается с выделения предложения и последующей интерпретация (далее дается курсивом — Е.С.) его внешних, формальных признаков. При моделировании процесса перевода целесообразно выделить и истолковать возможно большее количество последних, хотя степень их релевантности является относительной.

Формальный признак	Интерпретация
длина предложения (1)	
(признак достаточно поверхностный)	<i>при длине более двух строк предложение скорее сложное</i>
наличие запятых (2)	
а) близко к началу предложения	<i>выделенное слово относится ко всему предложению</i>
б) в середине предложения	<i>предложение сложное</i>
что перед запятой: (3)	
а) наличие союзов	<i>по типу союза сложносочиненное или сложноподчиненное предложение</i>
б) отсутствие союзов перед запятой, отсутствие запятой	
наличие незаклЮчительных форм глагола, предикативного прилагат., связи	<i>в зависимости от длины: простое предложение с однородными членами, или простое предложение с обстоятельственными, или сложносочиненное предложение</i>
наличие заклЮчительных форм глагола, предикативного прилагательного, связи (4)	
а) в абсолютном конце предложения	<i>сказуемое главного предложения</i>
{В данный момент уместно обратиться к значению единицы, которой выражено сказуемое, так как значение, например, глагола может указывать на занятость в предложении позиций подлежащего, прямого или косвенного дополнений}	
б) не в конце с последующим союзом	<i>по типу союза сложносочиненное или сложноподчиненное предложение;</i>
в) перед именем	<i>простое или сложное определение</i>
конкретные частицы и (5) показатели	<i>члены предложения и их семантические роли</i>

Покажем это на примере частичного анализа предложения из эссе Сирасу Масако

(1) предложение скорее сложное

お寺の外は、(2a),(5) тема まばらな(5) определение 雑林で、(26), (36) сложносочиненное предложениеそこに(5) обстоятельство 立って(36) обстоятельство 荒涼と (5), примечание (4a) дополнение した (4в) определение 野べを (5), примечание (4a) дополнение 見はらすと、(2a/46) придаточное условное ほんとうに (5) обстоятельство 湖北へ (5), примечание (4a) обстоятельство направленности

движения 来た (2a/46) *придаточное содержания* いう (4в) *определение* 感じが (5), примечание (4a) *дополнение* する (4a) *сказуемое главного предложения*. (1) *предложение скорее сложное* (白州正子 かくれ里 講談社、2010、p. 175)

Можно рассматривать и интерпретировать большее число признаков, но сам принцип, на наш взгляд, понятен.

Результаты синтаксического анализа являются своего рода схемой, которой предстоит развернуться в смысл текста. Для этого выделенные ранее категориальные и формальные признаки необходимо дополнить конкретными понятийными единицами. Окончательное проникновение в смысл текста на языке источника происходит путем замещения лексических единиц оригинала лексическими единицами языка перевода. Это хорошо заметно в том случае, когда нам незнакома какая-либо из этих единиц и возникает потребность обращения к словарю. Таким образом, в данной части процесса единицей перевода является вокабула — слово как единица словаря, а действие связано с установлением отношения эквивалентности между словарными единицами двух языков. Возможность установления такого отношения основывается на универсальности мира и не в коей мере не противоречащем ей принципе языковой относительности.

Этот шаг — повод обсудить прежде всего проблемы, связанные при переводе со значением. В настоящее время значительное число лингвистов разделяют тезис о неопределенности понятия «значение». Для построения модели переводческого процесса мы выбираем упрощенное, но достаточно наглядное объяснение «значения» как связи между означающим и означаемым. Разные типы значения — лексическое (понятийное) и грамматическое, словарное и окказиональное — могут быть истолкованы через характер означающего или означаемого, а отношения между единицами словаря (синонимия, полисемия, омонимия) — через характер связи. Прагматическое значение — учет человеческого фактора при выборе определенной словарной единицы или стилистические характеристики лексической единицы мы связываем в первую очередь с дифференциальными признаками ситуации и адресата коммуникации.

При выборе переводного эквивалента сложными являются те случаи, когда в языке перевода отсутствует соответствующее означаемое или означающие в двух языках задают полностью или частично не совпадающие области означаемого. Практика перевода выработала некоторые универсальные способы трансформации этих единиц. На конкретных примерах из японского языка рассматриваются заимствование и описательный перевод, калькирова-

ние, синонимические преобразования. Следует обратить внимание на то, что преобладание некоторого способа или возможность их комбинаций определяются характером источника и аудиторией, на которую рассчитан текст перевода.

Хотя мы излагаем это в виде линейной последовательности операций, очевидно, что некоторые языковые свойства невозможно разложить на составляющие, например, жестко привязать к определенному шагу — анализу формы (грамматического значения) или выбору лексического эквивалента. В сознании носителя языка те сведения, что обычно распределяются при описании языка между разделами «Лексика» или «Грамматика», не разграничены, они растворены в языковом знании. Поэтому следует постоянно подчеркивать относительность создаваемой модели и дополнять ее информацией, способствующей получению адекватного переводного текста. Так, при переходе к смыслу текста на языке источника, при установлении отношения эквивалентности между понятийными единицами двух языков целесообразно обсудить назначение двуязычных переводных, специальных, толковых, энциклопедических словарей, подчеркнуть важность постоянного обращения к словарям и справочникам. Последнее определяется тем, что значение лексической единицы в ряде случаев выводится из словоупотребления и, в частности, наиболее эффективными переводными словарями являются те, где словарная статья содержит большое количество примеров, отражающих лексическую сочетаемость заглавной единицы. Столь же целесообразно систематизировать знания о свойствах лексической единицы, основанных на значении — описать через характер связи между означающим и означаемым такие единицы как термины, многозначные слова, члены синонимических (и антонимических) пар/рядов и рассмотреть их в свете переводческих преобразований. Все названные вопросы не уведут нас в сторону от построения модели процесса перевода, так как пополняют и систематизируют знания о языке источнике.

Этап синтеза текста на языке перевода заканчивается оформлением выбранных переводных эквивалентов в структуру речевого произведения на русском языке. По-видимому, излишне напоминать, что мы предполагаем наличие у переводчика базовых знаний о правилах построения текста. Таким образом, задача сводится к выработке навыков и умения их применить. В данной части процесса перевода возникает необходимость воспользоваться сведениями о семантике форм, полученными в результате синтаксического анализа текста оригинала. Отсутствие изоморфизма форм в японском и русском языках не должно быть, на наш взгляд, основа-

нием для игнорирования грамматического значения, выраженного в формах оригинала. Итоговый текст не может строиться исключительно по правилам переводного языка. Когда этот текст по форме выглядит как самостоятельное произведение — а некоторые специалисты в области перевода настаивают именно на таком качестве перевода вообще — мы имеем дело с вольным, а не функционально эквивалентным переводом.

Текст оригинала и текст перевода могут сравниваться с точки зрения характера преобразований, которые осуществляются в процессе перевода. Понятно, что понятие преобразований (или трансформаций) следует относить к категориальным свойствам единиц или конструкций двух языков, ведь перевод сам по себе есть трансформация, например, графических знаков одного языка в графические знаки другого, или текста на одном языке в текст на другом.

Принятое исчисление трансформаций — замены, перестановки, опущения, добавления при переводе — включает, очевидно, представление о разных аспектах. Это и констатация неизбежных потерь некоторых черт, присущих оригиналу, и приемы перевода, и оценка результирующего текста.

Можно считать, что каждый из названных видов трансформации имеет «свой радиус действия». Если говорить о значимых преобразованиях, то распространенная замена, например, имени существительного в тексте оригинала на глагол в тексте перевода (или наоборот) связана с реализацией стилистических характеристик текста (преобладание именных форм сообщает тексту официальность, формальность), замена пассивной конструкции на активную — с наличием значений, свойственных страдательному залогу в японском языке, и отсутствующих у данной грамматической категории в русском и т.д. Добавим, что, как правило, возникает необходимость комбинировать виды этих преобразований, да и просто обращение к ним следует рассматривать как исключительную меру. Так, достаточно распространенным считается способ перевода, когда сложное предложение оригинала в тексте перевода выступает в виде нескольких простых предложений. Мы полагаем, что длина предложения является важной характеристикой авторского стиля. Вообще при переводе очень трудно отразить стилистические особенности оригинала, поэтому уж длину предложения нужно всячески стараться сохранить.

Одной из причин, по которой приходится прибегать к опущениям, является такая особенность японского языка, как дробность в выражении понятий. В развитии словарного запаса японского языка всегда важную роль играла словообразовательная модель

корнесложения. Большое количество двусложных канго и исконных японских слов ваго, где разные означающие находятся в связи с очень близкими, незначительно различающимися означаемыми, образуют в языке источнике множество лексем, эквивалентами которых в русском языке являются сочетания. В атрибутивных по типу синтаксической связи сочетаниях определения в некоторых случаях могут быть опущены без ущерба для смысла текста на языке перевода.

Преобразование, определяемое как добавление, имеет место, например, в том случае, когда в тексте оригинала присутствуют реалии. Описательный способ передачи таких единиц, который целесообразно совмещать с заимствованием, вполне может классифицироваться как добавление. Еще один источник добавлений — различие в способах выражения синтаксических связей. Так связь определения с определяемым в японском языке осуществляется исключительно положением: препозиция определения определяемому. Сложные определительные словосочетания и определительные предложения в русском языке соотносятся с определяемым при помощи местоимений или союзных слов, которые могут согласовываться в роде, числе и падеже с определяемым.

В качестве классического примера перестановки обычно приводят порядок слов. Это не так интересно, потому что известно, что японский и русский язык принадлежат к языкам с разным типом порядка слов: фиксированным (японский) и свободным (русский). Но в данном месте описания процесса перевода есть все основания остановиться на проблеме передачи в переводном тексте актуального членения текста на языке источнике. Обычно усилия по созданию переводного текста заканчиваются тогда, когда из выбранных переводных эквивалентов по правилам русского языка строится предложение — единица потенциального синтаксиса. Распространенная ошибка, возникающая не только у начинающих, но порой и у опытных переводчиков, состоит в недооценке фактора актуального членения — логического акцента, степени важности сообщаемой информации. Общим для японского и русского языков способом выражения актуального членения является как раз порядок слов, и любые изменения (перестановки) порядка слов в этом смысле значимы.

После темы, связанной с построением на основе универсальных свойств модели переводческого процесса, уместно обратиться к теме, которую мы обозначим как «Уроки истории перевода». Обращаясь к образцам перевода авторитетнейших памятников, покажем, какое место занимают в них черты буквального и вольного

переводов, какая роль принадлежит словотворчеству и как постепенно осознавалась роль коммуникативной модели перевода. В качестве памятников рассматриваются, в частности, следующие.

Библия — на примере переводов, над которыми ведется работа в Институте перевода Библии. В настоящее время там значительное внимание уделяется переводам Библии на неславянские языки — само собой напрашивается сравнение с переводческой деятельностью Я де Варда и Ю. Найды, в результате которой возникла концепция функционально эквивалентного перевода. Публикуемые, например, доклады, где обобщается опыт практической работы Института перевода Библии, показывают, что по-прежнему актуальным является такой общий принцип, как *определение типа перевода*, а среди частных проблем — круг извечных вопросов, например, *вопрос о необходимости следования традиции в терминологии, вопрос выбора стиля, вопрос о необходимости эксплицировать имплицитную информацию, вопрос о степени сохранения многозначности текста, вопрос об использовании структур, задействованных для воссоздания черт библейской поэзии* и другие.

Коран — вопросы теории и практики, которые решаются в лингвистическом переводе, осуществленном И.Ю. Крачковским и опирающихся на принципы функциональной эквивалентности переводах В.Д. Ушакова.

Лотосовая Сутра — в переводе А.Н. Игнатовича как образец перевода «из вторых рук» (не с санскрита, а с китайского языка). Данный в приложении словарь терминов и понятий является настоящим руководством к действию и может служить всеохватным пособием по переводу

Кодзики — особенности, свойственные переводу Е.М. Пинус первого свитка, теоретически обоснованные и практически воплощенные решения вопросов перевода второго и третьего свитков, принадлежащего Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякову.

Для самостоятельного изучения и как увлекательнейшее чтение можно рекомендовать статью Хорхе Луиса Борхеса «Переводчики «1001 ночи», где прослеживается история переводов арабского текста памятника на английский, немецкий, французские языки. Содержание статьи дает основание для вывода о том, что встающие перед переводчиками универсальные проблемы перевода они вне зависимости от целей и уровня своего таланта решали универсальными же способами.

Помня о связи теории с практикой, мы полагаем нужным остановиться в пределах данного курса на некоторых частных вопро-

сах перевода с японского языка на русский. Последнее согласуется с точкой зрения Янасэ Наоки.

Японский специалист в области перевода Янасэ Наоки является ярким приверженцем именно практики перевода. В своей книге 翻訳困りっ話 (Сплошь трудности перевода) он декларирует отсутствие интереса к теории и предпочитает обсуждать конкретные случаи, когда предстоит решать определенные задачи перевода. Выдвинутый им тезис «Перевод — это практика» (9, с.78) дал название его следующей книге о переводе (10). Н. Янасэ считает нужным сосредоточить внимание на процессе перевода данного текста, но делая обобщения он, конечно, оказывается в поле теории. Так, например, обращаясь к переводам Мори Огай он рассуждает о том, что искусство переводчиков-авторитетов (大家) состоит в их способности создать собственный стиль перевода (9, с.93).

Назовем, не определяя степени важности каждого, вопросы, которые целесообразно рассмотреть:

- условия восстановления в тексте перевода членов предложения, регулярно подвергающихся эллипсису в тексте на языке источника;
- перевод сложных определений и определительных придаточных предложений с учетом типа семантических отношений между определением и определяемым, которые опираются на семантическую классификацию определяемых (по 2, с.126—143);
- анализ контекстного значения страдательного и побудительного залогов;
- выбор лексических эквивалентов для собственных имен, топонимов, терминов, слов, обозначающих реалии, многозначных слов, фразеологических образований;
- эквивалентные преобразования, связанные с различием выделяемых в японском и русском языках грамматических категорий — род, число, время, вид, вежливость;
- возможность отражения стилистических характеристик японского текста при переводе на русский язык.

Мы постарались передать основные направления названного курса и показать, что навыки перевода должны формироваться не только за счет совершенствования практического владения языком, но и за счет знания лингвистической теории.

Литература:

1. *Борхес Хорхе Луис* Семь вечеров (1980); Переводчики «1001 ночи» — Собрание сочинений, том IV; том П. «Амфора». С.-П., 2005

2. Вардуль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. «Наука» М. 1961
3. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. М., 1997
4. Гривнин В.С. Основы перевода. Курс лекций М., 1999
5. Десницкий А. Библейский перевод как литературный перевод — Доклад на конференции РАН — ИПБ, декабрь 1999
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996
7. Юдина Т.В. Перевод как репродуктивное действие в процессе межкультурной коммуникации.- Вестник МГУ. Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 3
8. Waard J., Nida E.A. From one language to another. Functional equivalence in Bible translating. Nelson Publ., 1986
9. 柳瀬尚紀 翻訳はいかにすべきか Янасэ Наоки Хонъяку ва икани субэки ка (яп.) (Каким должен быть перевод?) 岩波新書、2000
10. 柳瀬尚紀 翻訳困りっ話 Янасэ Наоки Хонъяку комариппанаси (Сплошь трудности перевода) 河出書房新社、1992

О возможном способе обучения иероглифике

Иероглифика понимается здесь как совокупность сведений и данных, необходимых для использования иероглифической письменности. Последнее предполагает определение объема этих сведений, в первую очередь, количества иероглифов, которые нужно знать.

Остановимся на критериях определения количества иероглифических знаков и интерпретации того, что представляет собой «знание» этого множества. Мы опираемся на многолетнюю практику обучения японскому языку в Институте стран Азии и Африки МГУ.

Учебные программы предполагают, что выпускник-бакалавр должен владеть иероглифами в объеме иероглифического минимума. Таким образом, объем материала устанавливается естественным путем.

Ныне действующий иероглифический минимум kaitei jo:yo: kanji hyo: 改定常用漢字表 был обнародован 30 ноября 2010 года. Он представляет собой пересмотренный — дополненный и исправленный — иероглифический минимум jo:yo: kanji hyo: 常用漢字表, сменивший в 1981 году to:yo: kanji hyo: 当用漢字表. В последнем нашел отражение по существу первый опыт (1946 год — представление, 1948 и 1949 гг. — уточнения, 1973 год — исправления) лимитирования имевших хождения иероглифов.

Иероглифический минимум jo:yo: kanji hyo: 常用漢字 представлял результат длительной и тщательной работы. В процессе создания этого минимума была окончательно сформулирована цель документа данного рода. Она заключалась в том, чтобы отобрать иероглифы для употребления «на каждый день» с учетом их встречаемости в текстах законов, официальных документов, газет, журналов, ширококовещения. Эта цель осталась неизменной и при подготовки последнего минимума kaitei jo:yo: kanji hyo: 改定常用漢字表, и, естественно, предполагает самый серьезный подход к решению проблемы словоупотребления — частотности лексических единиц, их семантики и прагматики. Именно поэтому в процессе подготовки каждого из принятых иероглифических минимумов участвовали не только специально созданный комитет, специалисты в области языка и обучения языку, писатели, но и самые широкие слои населе-

ния, получившие возможность высказать свое мнение и отношение к создаваемому списку иероглифов через средства массовой информации. Следовательно, мы вправе считать, что данный продукт отражает широкий взгляд на деятельность по лимитированию таких специфических письменных знаков, какими являются иероглифы.

История создания и употребления иероглифических минимумов говорит о том, что они в каждый период являются открытыми для пополнения новыми знаками. Достаточно свежий пример — предложение, сделанное в 2002 году ассоциацией японских газет Nihon sinbun kyo:kai 日本新聞協会. Публикацию списка дополнений в газете Асахи за 14 марта 2002 года сопровождала статья писателя Киёси СИГЭМАЦУ, критиковавшего составителей за приверженность к «кровожадной», по его словам, лексике. С другой стороны, писатель и публицист Хисаси ИНОУЭ приветствовал увеличение числа иероглифов в минимуме, имея в виду как содержательный аспект — появление новых иероглифически оформленных канго, так и визуальную составляющую текста — сокращение числа таких двусложных канго, где один компонент представлен иероглифом, а второй — знаками фонетической азбуки.

Ныне действующий минимум kaitei jo:yo: kanjihyo: 改定常用漢字表, как уже указывалось, ориентирован на сформулированные ранее цели. Изменения продиктованы необходимостью соответствия этого документа велению времени. Эпоха бума информация вызвала потребность решать в том числе технических задач кодирования иероглифов, когда иероглиф можно быстро выделить из массы других и фиксировать его в печатной форме. Широкое распространение компьютерных программ поставили японский язык в плане создания печатных текстов в один ряд с языками, имеющими фонетический тип письма. Так возникла совершенно новая установка, связанная с функционированием обсуждаемого минимума. Впервые в лимит включены иероглифы, которые достаточно «уметь читать, узнавать», но можно «не уметь писать» (ясно, что имеется в виду «писать от руки»). Есть также нововведения, которые касаются формы знака, например, узаконивается отсутствие в печатной форме одной точки в ключе «シンニョウ» 謎, 遜 и т.п. Новый список содержит иероглифы, которые используются в топонимах — названиях префектур Японии.

Исходя из истории создания иероглифических минимумов, мы должны воспринимать ограниченное количества иероглифов, каким является каждый из минимумов, как относительное, а не абсолютное образование. Поэтому-то и обращаемся к таким способам изучения и усвоения иероглифов, которые могут применяться при наличии языкового материала любого объема, другими словами,

на каждом этапе обучения — от начального до всех ступеней продвинутого. Эти идеи реализуются, например, в лексико-иероглифических упражнениях учебника Е.В. Стругова, Н.С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим по-японски» т.1—2 (начальный курс) и учебного пособия-хрестоматии Е.В. Стругова, Н.С. Шефтелевич «Японский язык. Пишем, читаем, переводим» (продвинутый курс).

Задача ставится следующим образом: сформировать активное знание иероглифов, включенных в действующий минимум, на основе постижения естественным путем, порой неосознанно ассоциативных связей между знаками. Не умаляя значения разного рода мнемонических правил и методик, мы считаем, что при помощи целенаправленных тренинга и упражнений можно добиться у обучаемых восприятия иероглифа как элемента разных языковых подсистем — графической, лексической, словообразовательной. Полагаем, что собственно в этом и заключается знание иероглифа, причем названные сведения должны формироваться, а затем активизироваться благодаря развитым ассоциативным связям. Языковой материал, который использовался и используется в процессе обучения, является оригинальным, организация же его в заданиях и упражнениях основывается, а в какой-то своей части развивает общепринятые методики. Некоторые идеи навеяны японскими работами, имеющими познавательно-развлекательный характер, в частности, журналом 漢字メイト.

Поставленной задаче отвечает схема обучения. В ней условно выделяются две области — та, в которой преобладают задания, больше привязанные к принятому порядку расположения иероглифов в рамках иероглифического минимума и та, что содержит упражнения обобщающего типа. Порядок, комбинация заданий и упражнений зависит от объема языкового материала и конкретных задач обучения. Так, задания, нацеленные на организацию знания иероглифического минимума, содержат примерно равный объем знаков, последовательно взятых из общего списка иероглифов. В течение почти двадцати лет, пока действовал минимум jo:yo: kanjihyo: 常用漢字表, на последнем курсе бакалавриата еженедельное задание такого типа включало 100 иероглифических знаков (с последним остатком в 45 иероглифов), которые следовало повторить или усвоить заново. Принятие нового минимума kaitei jo:yo: kanjihyo: 改定常用漢字表 в этом плане ничего не меняет. Отметим, что объем подобных заданий можно и нужно менять в зависимости от учебных планов и количества часов, отведенных на занятия японским языком вообще или конкретному аспекту.

Задания и упражнения, тематически связанные с порядком размещения иероглифов в минимуме, предполагают «узнавание» каждого из включенных в определенную (см. выше) группу иероглифов в слове, принадлежащем к слою канго, т.е. тому, которое образовано из китайских корней. Таким образом устанавливается связь отдельного иероглифа с лексической системой, активизируются знания его «ОН»-ов. По сравнению с принятым минимумом, в выделенной группе мы порой меняем порядок следования иероглифов: похожие по начертанию или имеющие общие элементы (иногда это фонетики) иероглифы компактно помещаются в одном столбце в порядке следования ключей. Этим подкрепляются графические ассоциации. Лексика — корнесложные слова — отбираются на основе приобретенного нами опыта обучения японскому языку, в основе же, конечно, лежит принцип частотности. В предложенной группе каждый иероглиф встречается в единственном слове канго, хотя в некоторых случаях слова объединяются посредством запятой в подгруппу, например, для того чтобы указать на какие-то особенности иероглифа: наличие нескольких «ОН»-ов или использование иероглифов как семантических знаков *ateji* 当字.

Для того, чтобы создать ассоциативные связи и сузить область поиска конкретного иероглифа иногда приводятся данные, уточняющие значение слова с искомым иероглифом, привлекаются сведения о семантических отношениях между лексическими единицами — омонимии, синонимии, антонимии (а) или лексической сочетаемости (b). Одно из новых положений минимума *kaitei jo:yo: kanji*hyo: 改定常用漢字表 определяющее, что некоторые иероглифы достаточно узнавать, уметь прочесть, но не писать, реализовывалось в практике обучения и прежде: нужно указать чтение (произношение) слова (с), в частности, топонима, содержащего такой иероглиф.

Приведем фрагмент описываемого задания.

Группа 括 — 偽

...

キ元前	カン学⇔国学⇔蘭学 (a)	カン告	キ与
キ号	キ会均等	カン迎	キ手の色
キ源	カン督	カン察	国キ
かがやかしい	軍カン	悲劇⇔キ劇 (a)	時キ
キ制緩和	カン賞	キ何学	軍事キ地
キ社⇔弊社	手先のキ用 (b)	近畿()(c)	将ギのキ土
発キ	にせ物	便キ	キ上
分キ	キ製	放キ	キ餓
歌舞キ	キ損	キ裂	

Выполненное задание выглядит следующим образом:

...

紀元前	漢学⇔国学⇔蘭学	勧告	寄与
記号	機会均等	歓迎	騎手の色
起源	監督	観察	国旗
輝かしい	軍艦	悲劇⇔喜劇	時期
規制緩和	鑑賞	幾何学	軍事基地
貴社⇔弊社	手先の器用	近畿(きんき)	将棋の棋士
発揮	偽物	便宜	机上
分岐	既製	放棄	飢餓
歌舞伎	毀損	亀裂	

Другая задача, которая ставится при работе с выделенной группой иероглифов, состоит в определении иероглифа по его «КУН»у. Из газет и журналов общего типа, в частности, трех крупнейших газет Asahi 朝日新聞、Yomiuri 讀賣新聞、Mainichi 毎日新聞, газеты Nihon-keizai 日本経済, журналов Shu:kan-asahi 週間朝日、Josei-jishin 女性自身 за период 1996—2010 годы, японской версии журнала Newsweek за период 1996—97годы выбирались примеры употребления иероглифов как единиц, представляющих исконную лексическую систему — ваго. Если отсутствует ссылка на источник, это означает, что пример взят из листовки-вкладыша в товар, из текста памфлета, в исключительных случаях — из словарей. Дата периодического издания указывается в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеется единственный номер такового. Предпочтение отдается примерам, иллюстрирующим лексическую сочетаемость (см. ниже примеры, типа (3), (4)), а также реализацию значений слов, связанных с разными «КУН»ами одного иероглифа (там же (1), (2)).

Вот группа 古 — 頃

...

そのメンバーを釈放しない約束をかわした。(Asahi) (1)

マスコミは少年の将来を思って写真や実名の公表をひかえてきた。(NW)
外務省と文部省からのオブザーバ参加者もまじえて活発な議論が行われた。

(日本語教育通信) (2)

...

たがやさず、除草剤も殺虫剤も肥料もまかない。(Asahi) 「(NW) (3)
植民地化や奴隷制度廃止などの分野に焦点をしぼり、資料をそろえている。

引出しを開けると素敵なかおりが漂う。(an・an)

反政府デモがあれくるうアルバニア…(NW)

「(NW)

…
沖縄県知事は、基地問題をテコにしてたくみに国の補助金を獲得してきた。

都会のあわただしい暮らしを忘れることができる。(Asahi)

「出会い」という現象の数だけ胸にきざまれる。(4)

…

Здесь (1) 交わす «Обещали друг другу не освобождать членов [таких групп]»

(2)交える «Наблюдатели из Министерства иностранных дел и Министерства образования тоже примкнули к активному обсуждению»

(3)絞る [Он] выделил главное в таких областях, как колонизация, отмена системы рабства и собрал материал»

(4)刻まれる «Навек сохранию в душе уже одно только количество что называемых «встреч».

Или группа 髓 — 漸

訓読み・使いわけ

武力解決容認論がオオゼイをしめる …(Asahi) (1)

NPO を含め、組織的な活動で仕分けがととのった物資… (Yomiuri)

公邸内の電気と電話がきられる。(Asahi) (3)

…

キイチゴがなっている家があって食べる時だというのもあった。(NK)

一生懸命に紙をなめていたらしたが紫色になってしまったのだ。(NK)

…

はれた青空に雪化粧の南アルプスや八ヶ岳連峰が近く、雄大だ。(Yomiuri)

伝統文化や科学技術へのおしみない賛辞… (Asahi) (4)

映画のチケット販売ブースをもうける。(DIME)

…

“マイカーブーム”という言葉がうまれる以前。(Asahi) (1)

土壌分析の際は、アルファ・プロトンX線分光計を降ろして、地面にすえつける。(NW)

…

うらないは間違っはいなかった。(NK) (2)

しずかな優しさに満ちた好著である。(NK)

一部のドラッグストアはすでにバラエティショップ業態もしたを巻く品ぞろえた。(週間東洋経済2007.1.13) (3)

…

熱帯雨林がおい茂るボルネオ島のゾウは数百万年前にインドのゾウと進化

の系統が分かれたという。(NK) (2)
池のほとりにはえるサジオモダカ (Asahi) (2)

...

Здесь

- (1) 占める «Теории возможного военного решения придерживаются многие».
生まれる «С тех пор, как родилось выражение «Бум собственного автомобиля».
(2) 占い «Гадание оказалось пророческим».
生る «У некоторых клубника созрела, некоторые уже всю ее ели».
生い茂る «Слоны с острова Борнео, густо заросшего тропическим лесом...»
生える «Стрелолист, растущий по берегу пруда»
- (3) 切れる «В официальной резиденции отключились электричество и телефоны».
- (4) 惜しめない ※ Щедрые похвалы традиционной культуре, науке и технике
舌 «В части аптек уже собрано ошеломляющее и с точки зрения ассортимента [количество] товара».

Рассмотренные выше задания, связывающие графический знак с обозначаемой им китайской морфемой («ОН»ом) и исконно японской лексической единицей («КУН»ом), следует использовать также для развития навыков перевода — письменного и устного — с японского языка на русский и с русского на японский. Знания о том, как соответствующие канго и ваго употребляются, например, в контексте предложения, способствуют усвоению значения корней и лексических единиц.

Важность такой составляющей процесса обучения, как повторение, требует постоянных упражнений, целью которых является закрепление связей в рамках разных языковых подсистем. Так, следующие в порядке минимума 200—300 иероглифы активизируются в упражнениях, которые отвечают идее тестов из раздела 文字 экзамена по определению уровня знания японского языка

(日本語能力試験). Предлагаемые нами упражнения отличаются от этих тестов тем, что они не стандартизованы: более разнообразны и документированы источники, предлагается одновременно ответить на несколько, а не на один вопрос. Приводим примеры выполненных упражнений.

Группа иероглифов 垂—頃

練習問題
読み方

下線の言葉の読み方を書きなさい。

NWより

1. 市場の独占を警戒（けいかい）する欧州委員は、こうした動きを厳し（きびしく）取り締まる姿勢を強める。
2. 格安（かくやす）エアラインの登場は、大手国営（おおてこくえい）航空の苦境（くきょう）に追い打ちをかけた。
3. 去って（さって）いく人を会社がどう扱う（あつかう）のか、社員も未来の社員もちゃんとみている。
- ・・・
6. 全米の新聞に掲載（けいさい）された求人（きゅうじん）広告の調査など盛りだくさんのトータルサービスまでである。

Группа иероглифов 苦—昨

練習問題

書き取り・読取り

下線のことばを漢字で書き、（ ）のついた漢字の読み方を書きなさい。

TrainVert 5 May 1996

土は生のコンボン（根本）であり、だから土をたがやす（耕す）者が生の全体生を保持するのは必要であった。地方にいても青年が寄り合う（よりあう）ことは、ケイサツ（警察）の疑惑の種であった。協会は、ケイサツ（警察）の干渉を受けるかも知れぬという懸念（けねん）のために挫折した。作物（さくもつ）はだめになった。[宮沢]賢治（けんじ）は、そのキョウサク（凶作）に思いをはせて…

Группа иероглифов 名—腕

練習問題

書き取り

各グループには、同音漢字が入っている下線のことばの中で、同一の漢字を含める

二つのことばを取り決めなさい。

A. 1. 人の <u>メイワク</u> になることは決してするな。	(迷惑)
2. この賞は私にとって大変 <u>メイ</u> よだ。	(名誉)
3. 日本は英国と <u>ドウメイ</u> を結んだ。	(同盟)
4. 死か生かいよいよ <u>ウンメイ</u> を決する時がきた。	(運命)
5. 福沢諭吉は教育の分野では <u>ユウメイ</u> な人物だ。	(有名)

- В. 1. モウレツな風が吹いている。 (猛烈)
 2. モウチョウ炎手術を受けた。 (盲腸)
 3. 寒いから、モウフをもう一枚かけてください。 (毛布)
 4. 女性は易者の言うことをモウシンする。 (盲信)
 5. 彼は権力のモウジャだ。 (亡者)

...

- Е. 1. 後でレイセイに考えてみるがいい。 (冷静)
 2. レイコン不滅 (靈魂)
 3. レイギ作法 (礼儀)
 4. 当局のメイレイによって劇場は閉鎖された。 (命令)
 5. レイジョウを執行する。 (令状)

Другой тип упражнений предполагает обращение ко всему материалу иероглифического минимума. Их цель — закрепить связи конкретного иероглифа как элемента разных систем: графической, понятийной, лексической, а также как единицы словообразовательных моделей. Упражнения имеют разный уровень сложности, поэтому более простые могут использоваться и как тесты, а более сложные — выполняться с привлечением разного рода словарей и справочной литературы, что формирует дополнительные навыки.

Осознанию системных связей иероглифа на уровне графики служат упражнения, ориентированные на восприятие элементов, из которых состоит иероглифический знак: детерминативов-ключей, фонетиков, простейших фигур, которые повторяются в разных комбинациях. Такого рода упражнения предполагают распознавание иероглифов, описанных словами (см. далее 総合問題(0)), определение иероглифов по принципу общего графического компонента (1,2), различение иероглифических знаков, обладающих минимальными дифференциальными признаками (3). Сюда же могут быть отнесены упражнения, где контекст позволяет использовать в пределах одного или объединенных в группу (21) предложений и «ОН», и «КУН» конкретного иероглифа.

0) графика иероглифа описана «словами»

総合問題(0)

何と書く・読む漢字になりますか。

「くさかんむり」に「つぎ」

茨 いばら

「きへん」に「おこなう」

桁 けた

「さんずい」に「すくない」

沙 サ

「ころす」と読む漢字に「るまた」の代わりに「りっと」

を書くとき...

刹 サツ/せつ

...

1, 2) группы иероглифов формируются по признаку общего графического элемента

総合問題(1)
部首問題

各行の字に共通する部首を書くと何と書く漢字になりますか。

部首の名

化 代 次 任 工 分 「こがい」 貨 貸 資 賃 貢 貧

・ ・ ・
*寺 相 付 同 間 即 者 「たけかんむり」 等 箱 符 筒 簡
節 箸

総合問題(2)
字形

各行の部首に共通する漢字の部分を書くと何と書く漢字になりますか。

にんべん、やまへん、てへん	伎、岐、技
さんずい、ごんべん、てへん	活、話、括
きへん、にんべん、りっとう、こざと、うまへん	検、儉、剣、険、験

3) в группу объединены иероглифы, имеющие очень похожие графические элементы — различать знаки позволяет минимальный контекст — двусложное канго, компонентом которого являются тот или иной знак

総合問題(3)
似漢字

下線の部分を漢字で書きなさい。各グループの漢字は間違いやすいです。

・ ・ ・	
震オウは山の奥にあった。	震央
シ上初めての大事件	史上
高級官リ	官吏
公職でカイ殻追放される	貝殻
どこかグ合が悪い。	具合
カ能は不力能になる。	可能
占領軍のシ令官	司令官

Через графическую форму осуществляется связь между китайскими корнями (ОНами) и японскими основами, относящимися к одному иероглифу, поэтому целесообразно включать в процесс обучения задания такого типа:

総合問題
語彙

各行には____にそれぞれの同じの字を入れなさい。

- ．．．
 6. 川魚の____は寄____虫に注意 生
 7. ____寝____起き規則正しい夏休み 早
 ．．．
 9. イギリスで殺人などの凶悪__罪を____した少年 (NW) 犯
 10. 分解__度は一般に広葉樹の葉の方が____い。(Asahi) 速
 ．．．

Китайские морфемы — «ОН»ы иероглифа — обнаруживают системные связи прежде всего в пределах лексического уровня и словообразовательных моделях. Так, ряд морфем имеет функцию классификатора: в контексте, указывающем на количество исчисляемых предметов, имена последних могут сопровождаться двусложными канго (реже ваго), где первым компонентом является морфема, обозначающее конкретное число, а вторым — морфема-классификатор. Классификаторы являются своего рода отражением неких общих свойств предметов, хотя эта общность далеко не всегда очевидна. Считается, что в современном разговорном языке употребляется сравнительно мало классификаторов, принадлежащих некогда развитой подсистеме счета. Тем более познавательны связанные с их употреблением задания и упражнения, свидетельствующие о состоянии дел в письменном варианте японского языка, например, такое

総合問題
助数詞

大岡 信

日本語では、ものを数えるとき、そのものの種類によってそれぞれ特定の接尾語を使う。この接尾語を助数詞というが、たとえばこんな具合である。

家一軒・一戸、椅子一脚、犬・猫一匹、馬・牛一頭、自動車一台、電車一両、紙一枚、菓子一個・一袋・一箱、川一筋、議案一件、薬一服、靴・下駄一足、滴一滴、詩文一編、短歌一首、俳句一句、書籍一冊、手紙一通、服一着、相撲一番、豆腐一丁、鳥一羽、墓一基、花一輪・一本、ぶどう一房・一粒、船一隻エトセトラ。まだまだいくらでもある。

複雑だから単純化すればいいというものもない。今列挙した助数詞も、見直してみればそれぞれに味わいがあって、知らないより知った方が面白いと感じられる。文化というものの厚みもこういう所に表れると言っていいだろう。

(詩人・東京藝術大学教授)
日本語教育通信より

__に適当な助数詞を入れなさい。

1. 実は2__だったクモの糸 (NK) 本

2002 年あるカレンダーより
「(Asahi) 枚

2. 通りの敷石の上に茶色いセミの羽が1__落ちている。その先に、もう1__。
 3. 偕楽園梅まつり。 100__、3000__余りの名木古木が紅・白・黄色の花々をつけ、訪れる人々を迎える。 種 株
 4. 鬼子母神朝顔市。 通り一帯によしず張りの露店がずらりと続き、赤・紫・桃色の太輪の花をつけた10万__の朝顔が所狭しと並ぶ。 鉢
 5. 仙台市七夕まつり。 色彩にこだわり、見事な竹飾り3000__余りが目抜き通りを埋め尽くす。 本
 6. 神社大提灯祭。 境内に吊られた6対12__ 基
- ...

Если с одним иероглифом связаны несколько китайских корней (наличие более чем одного «ОН»а), то омографы можно интерпретировать на лексическом уровне, и целесообразны упражнения, учитывающие участие того или иного иероглифа в словообразовательной модели корнесложения или в серийных образованиях.

練習問題

「…人…」は何と読みますか。

週刊朝日2002年6月7日より

1. 脳の基本構造に個人差なし ジン 「ひと、ニン
 2. 潜在能力が出せれば、普通といわれる人でも他人がうらやむ活躍が出る。
 3. 人間の脳には、左右一対になっている大脳半球があり… ニン 「ジン
 4. 仕事で思うように時間のとれない社会人に記憶術はうってつけの方法…
 5. 体験者の方数人を取材した。 ニン
- ...

* * *

21. 夫婦で、あるいは多人数の家族で使う2LDK...(Asahi) ニン
22. 恋人求ムから売ります・買います。仲間集まれまで 個人情報(S)
こいびと
23. 小屋の中では狩人たちの人形がいろんなポーズをとっている。(S)
かりゆど、ニン
24. 殺人罪に問われている少年(NW) ジン
25. 初仕事は、商人(2)の愛人が飼う犬の番(Asahi) ニン/あきんど ジン

Одной из причин устойчивости иероглифического письма в Японии является возможность снятия за счет иероглифов омонимии. Кроме традиционных упражнений, основанных на распознавании омофонов-канго в контексте, эффективны упражнения, в которых учитываются связи корней-омофонов в словообразовательной модели корнесложения. Например,

総合問題
語彙

リストにある”イ”の文字からは、各行の____にそれぞれの同じの文字を選びなさい。

...

____薬品	獣____者	外科____	(医)	リスト				
____置圈	遅____相	四方____	(位)	以	位	意	医	異
____炉裏	雰____気	広範____	(囲)	違	胃	委	遺	維
____文化	相____点	無名____	(異)	偉	衣	依	為	移
...				緯	囲	威	易	尉
____圧的	権____書			(威)				
____腸病	健____剤			(胃)				

Омофоны-ваго более тесно связаны с контекстом, их меньше, и проблема их различения часто связана с лексической сочетаемостью: употребление очень близких синонимов. Однако задачи закрепления и активизации лексики увязываются с тренингами, типа

総合問題
書き取り(同訓異義語)

下線のことばを漢字で書きなさい。

...

- L. 着眼発想は、冬の時雨のように、人に突然やってくる。
それには種が必要。みる(1)とみる(2)の違い、きく(1)ときく(2)の違いが根本とされている。(日本近代文学広告2005.4.1)
(聞く、聴く 見る、観る)
- M. 1. 自分で自分の首をしめている。(S) (絞める)
2. そのしめくくりの公演となる。(Asahi) (締める) 「 (占める)
3. 7歳以上のシニア世代が全体の3割をしめるペット世界… (DIME)
- N. 1. [心臓移植の]導入はおくれがちだった。(Asahi) (遅れる)
2. 日本が新しい医療技術の導入で海外におくれをとる。(Asahi) (後れる)

Смыслоразличительный характер долготы гласного звука — свойство японского языка, которое, как правило, плохо усваивается русскоговорящими студентами. Дифференциальный признак, выраженный в оппозиции «долгий — краткий гласный», обнаруживается в системе китайских морфем и в должной степени осознается в пределах лексической системы. Следующее упражнение связано с фонетикой, графикой, лексикой.

総合問題
「似」同音異義語

二つのリストから漢字を一つずつ使って二字熟語を作ると、例のように読み方が

「キョ⇔キョウ」しか違いなく同じのペアを七つ組んでください。
余分な漢字から真の同音異義語のペアができます。

例: 許可⇔強化

リスト

許 強 教 居 脇
経 巨 拒 郷
挙 凶 共 去
虚 競 協 狂 抛

リスト

点 死 可 化 愁
同 漢 動 書
止 所 秋 息
感 典 行 速 構

(挙動⇔協同…抛点⇔經典…虚構⇔凶行…

脇息⇔競速)

К заданиям и упражнениям, где учитываются не только горизонтальные (в пределах одного уровня), но и вертикальные связи внутри системы японского языка, которые способствуют усвоению иероглифов, относятся и такие:

総合問題
国際政治経済学のキーワード

1. どのブロックも、一字取り除いて漢字を並べかえて四字熟語を作ってください。
2. 紛れ込んでいる漢字を書き出してください。
3. その余分な九字で四字熟語を一つ、三字熟語を一つ、二字熟語を一つ作ってください。

ブロック

...

全保安関障
紛事際軍争
究制事研例
化抑定安不

(3) _ _ _ _

(1)

安全保障
軍事紛争
研究事例
不安定化

_ _ _ _

余分な漢字

...

(2)

関
際
制
抑
抑制

Рассмотренный и последующие типы упражнений эффективны для расширения и активизации словарного запаса.

Иероглифы как письменные морфемы успешнее усваиваются, когда привязаны к единицам лексического уровня и семантиче-

ским отношениям между этими единицами. Поэтому немаловажную роль играют упражнения, в которых выявляются отношения синонимии или антонимии. Эти упражнения могут быть разной степени сложности, однако большую пользу приносят те, где используется контекст предложения. Ср.

総合問題
語彙 (類義語)

左の外来語に相当している右の漢語・和語を取り決めなさい。

・・・	・・・
レベル	持ち主
スピード	航空便
リスニング	報告
ファン	授業
スペース	無線
オーナ	民間放送番組の広告主
メーカー	生活
ムード	台所
エアメール	水準
ライフ	応援者
・・・	・・・

総合問題

語彙 (反対・対義語 漢語)

_____に下線のことばと反対語のペアを組むことばを入れなさい。

- ・・・
- 夏炉冬_____ (扇)
 - 国学に対立している_____と_____ (漢学、蘭学)
 - 先輩だけでなく_____も何人も来しました。 (後輩)
 - その場面に_____的性格の人も積極的に活動している。 (消極)
 - そのような問題は直接_____にみんなにかかわることだ。 (間接)

・・・

総合問題

語彙(反対・対義語 和語)

_____に下線のことばと反対語のペアを組むことばを入れなさい。

- ・・・
- 卵の自身と_____ (黄身)
 - 底まで澄んでいる水は大雨で_____ている。 (濁っ)
 - 焼け石に_____。 (水)
 - 表があれば_____もある。 (裏)
 - 古来、劇場で「今日の悲劇は明日の_____」と言わんばかりに_____

- と笑顔がくるくると回るのである。(NK) (喜劇、泣き顔)
 17. 本物と_____を見分けるポイントはどこにあるのか。(Shu:kan Asahi) (偽物)

Существенному увеличению объема узнаваемых иероглифов и их активизации способствуют упражнения, построенные на материале семантических полей с учетом роли лексико-иероглифических единиц во фразеологических образованиях.

総合問題
意味 住

家と家具が出てくる諺はいろいろありますが、次の文章に
 適当な言葉を入れ、意味のあっている文を下から選びなさい。

1. 空に三つ_____	(廊下 i)
2. _____から目薬	(天井 k)
3. 女房は_____から貰え	(台所 j)
4. 煙る_____には居られるが、にらむ_____には居られぬ	(座敷 f)
5. _____は長者の花	(蔵 e)
6. 棄てる子も_____の下	(軒 h)
7. 後ろに_____, 前に酒	(柱 c)
8. 運の神は_____の下に宿る	(屋根 d)
9. _____の破れ目から隣の_____の破れを笑う	(障子 g)
10. 悪人は_____の上では死なれぬ	(畳 a)
11. _____持ちより、金持ち	(家 b)

畳、柱、座敷、障子、軒、屋根、蔵、天井、家、廊下、台所

- a. 悪行の報いで、結局ろくな死に方をしないということ。
- b. 現金で利殖するほうが有利である。
- c. 得意で快適なことのたとえ。
- d. 各人は定められた運から逃げることはできないというたとえ。
- e. 富裕の象徴で、誇りとするところであるということ。
- f. 煙たい所にいることはできても、一挙一動を監視されているような所にはいてたまれない。
- g. 自分の身を反省せずに、人の欠点をあざけることのたとえ。
- h. 子に対する親の愛の深いことのたとえ。
- i. 天候がはっきりしないことのしゃれ。
- j. 妻は、嫁入りの時、下の格の家からもらえ。
- k. 効き目がないことのたとえ。

Все предлагаемые в статье типы упражнений рассматриваются как базовые и могут создаваться на языковом материале различного объема. Их можно и следует использовать, усложняя, расширяя

или, наоборот, упрощая задания в зависимости от конкретных условий и целей обучения. Изложенные здесь идеи позволяют, на наш взгляд, творчески развивать способы усвоения иероглифов как знаков, связанных с разными языковыми уровнями.

Источники, указанные в сокращенном виде:

Asahi газета 朝日新聞
Mainichi газета 毎日新聞
Yomiuri газета 讀賣新聞
NK газета 日本經濟
NW японская версия журнала News Week
DIME журнал DIME
an·an журнал an·an
S журнал SPA
Shu:kan Asahi журнал 週間朝日
Joseijishinn журнал 女性自身

Использованные словари и справочная литература:

1. Большой японско-русский словарь под ред. Н.И. Конрада. ナウカ, Токио, 1978
2. Кэнкюся японско-русский словарь под ред. Т. Фудзинума. 2000
3. Nelson Andrew N. The Modern Reader's Japanese-English character dictionary second revised edition. Tokyo 1979
4. 今田滋子、稲垣滋子、広瀬正宜、ノアS.ブラネンよくわかる常用漢字 TODAY'S JAPANESE KANJI. Bonjinsha, Tokyo 1987
5. журнал 漢字メイト 2000, №№ 11, 12
6. 改定常用漢字表一覧2010年11月30日告示, 読売新聞社2010
7. 新しくなる「常用漢字表」とは — журнал 日本学 特集2010, 8月 vol.29—10 明治書院

Содержание

АЛПАТОВ

Владимир Михайлович

О себе	6
О студенческих годах	13
О современной лингвистике (лекция, прочитанная в Институте иностранных языков 25 марта 2010 г.).	51
О лексикографии в Японии	63

ГУРЕВИЧ

Татьяна Михайловна

О себе	75
1 Культурологическая парадигма преподавания японского языка.	78
2 Некоторые культурно-специфические особенности лексико-грамматического строя японского языка.	89
3 О необходимости создания функциональной грамматики японского языка	97
4 Без пословицы речь не молвится.	103
5 Особенности невербальной коммуникации японцев	120
6 Чехов в Японии: от образа к слову.	132

КОРЧАГИНА

Татьяна Ивановна

О себе	143
О новых явлениях в японской грамматике	146
О повторении грамматики на среднем и продвинутом этапах обучения японскому языку.	156
Обучение японскому языку студентов экономического вуза	165
О необходимости культурологических курсов для подготовки экономистов-международников и регионоведов	179
Обучение культуре языкового общения с японцами	185
マコヴィツキーの目で見たソフィア・アンドレエヴナ・ トルスタヤ タチアーナ・コルチャギナ (Т.И. Корчагина. С.А. Толстая в дневниках Д.П. Маковицкого)	195
L. N. トルストイと日露戦争 (マコヴィツキー日記より) コルチャギナ・ タチアナ (Т.И. Корчагина. Л.Н.Толстой и русско-японская война — по дневникам Д.П. Маковицкого)	209

НЕЧАЕВА

Людмила Тимофеевна

О себе	215
Структура и содержание учебника восточного языка с точки зрения обеспечения устойчивой мотивации изучения языка . . .	219
Особенности учебника японского языка для продолжающих . . .	225
Основные принципы представления грамматического материала в современном учебнике японского языка	229
Методические особенности представления лингвострановедческого материала в учебнике японского языка	240
Особенности программы по родному языку в японской школе .	249
Воспитание нравственности на занятиях японского языка	254
Воспитание на занятиях японского языка на основе концепта 和	259
Элементы старописьменного японского языка в современных газетных текстах	264

СТРУГОВА

Елена Викторовна

О себе	285
К типологии конструкций с именами пространственной ориентации	290
Теория перевода как учебная дисциплина	304
О возможном способе обучения иероглифике	316